This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

**Usage guidelines**

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

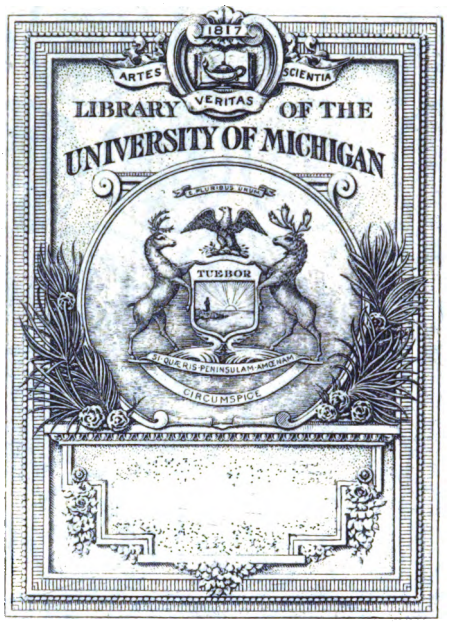
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

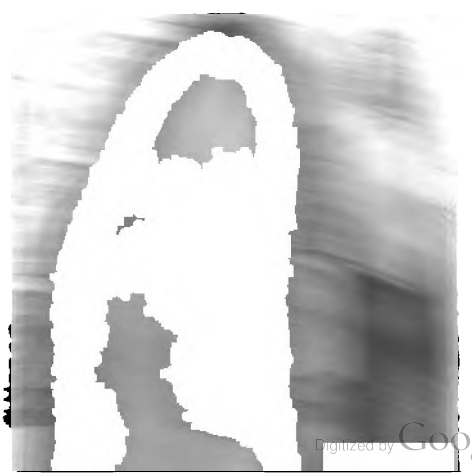
**About Google Book Search**

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

A 470683




Digitized by Google



Digitized by Google

Digitized by Google

871 78
T97
03

Digitized by Google

Digitized by Google

871 78
T97
03

Digitized by Google

Digitized by Google

# И. С. ТУРГЕНЕВЪ

Томъ III.

Digitized by Google

Digitized by Google

# ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

## СОЧИНЕНІЙ

# И. С. ТУРГЕНЕВА

---

## ТОМЪ III.

---

Посмертное изданіе.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Глазунова, Казанская ул., 8.

1883.

Digitized by Google

*Собственность Глазунова.*

Digitized by Google

# РОМАНЫ, ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ

185092

Digitized by Google

Digitized by Google

# СОДЕРЖАНІЕ

ТРЕТЬЯГО ТОМА:


| | стр. |
|---|---|
| РУДИНЪ. . . . . | 1—162 |
| ДВОРЯНСКОЕ ГНѢЗДО. . . . . | 163—366 |


Digitized by Google

Digitized by Google

# РУДИНЪ.

## I.

Было тихое лѣтнее утро. Солнце уже довольно высоко стояло на чистомъ небѣ, но поля еще блестѣли росой; изъ недавно проснувшихся долинъ вѣяло душистой свѣжестью, и въ лѣсу, еще сыромъ и не шумномъ, весело распѣвали раннія птички. На вершинѣ пологаго холма, сверху до низу покрытаго только-что зацвѣтшею рожью, виднѣлась небольшая деревенька. Къ этой деревенькѣ, по узкой проселочной дорожкѣ, шла молодая женщина, въ бѣломъ кисейномъ платьѣ, круглой соломенной шляпѣ и съ зонтикомъ въ рукѣ. Казачекъ издали слѣдовалъ за ней.

Она шла не торопясь, и какъ бы наслаждаясь прогулкой. Кругомъ, по высокой, зыбкой ржи, переливаясь то серебристо-зеленой, то красноватой рябью, съ мягкимъ шелестомъ бѣжали длинныя волны; въ вышинѣ звенѣли жаворонки. Молодая женщина шла изъ собственнаго своего села, отстоявшаго не болѣе версты отъ деревеньки, куда она направляла путь; звали ее Александрой Павловной Липиной. Она была вдова, бездѣтна и довольно богата, жила вмѣстѣ съ своимъ братомъ, отставнымъ штабсъ-ротмистромъ Сергѣемъ Павлычемъ Волынцевымъ. Онъ не былъ женатъ и распоряжался ея имѣніемъ.



Digitized by Google

Александра Павловна дошла до деревеньки, остановилась у крайней избушки, весьма ветхой и низкой, и, подозвавъ своего казачка, велѣла ему войдти въ нее и спросить о здоровьѣ хозяйки. Онъ скоро вернулся въ сопровожденіи дряхлаго мужика съ бѣлой бородой.

— Ну, что? спросила Александра Павловна.

— Жива еще.... проговорилъ старикъ.

— Можно войдти?

— Отчего же? можно.

Александра Павловна вошла въ избу. Въ ней было тѣсно, и душно, и дымно.... Кто-то закопошился и застоналъ на лежанкѣ. Александра Павловна оглянулась и увидѣла въ полумракѣ желтую и сморщенную голову старушки, повязанной клѣтчатымъ платкомъ. Покрытая по самую грудь тяжелымъ армякомъ, она дышала съ трудомъ, слабо разводя худыми руками.

Александра Павловна приблизилась къ старушкѣ и прикоснулась пальцами до ея лба.... онъ такъ и пылалъ.

— Какъ ты себя чувствуешь, Матрена? спросила она, наклонившись надъ лежанкой.

— О-охъ! простонала старушка, всмотрѣвшись въ Александру Павловну. — Плохо, плохо, родная! Смертный часикъ пришелъ, голубушка!

— Богъ милостивъ, Матрена: можетъ быть, ты поправишься. Ты приняла лекарство, которое я тебѣ прислала?

Старушка тоскливо заохала и не отвѣчала. Она не разслышала вопроса.

— Приняла, проговорилъ старикъ, остановившійся у двери.

Александра Павловна обратилась къ нему.

— Кромѣ тебя при ней никого нѣтъ? спросила она.

— Есть дѣвочка—ея внучка, да все вотъ отлучается.

Digitized by Google

Не посидитъ: такая егозливая. Воды подать испить бабкѣ —и то лѣнь. А я самъ старъ: куда мнѣ!

— Не перевезти ли ее ко мнѣ въ больницу?

— Нѣтъ! зачѣмъ въ больницу! все одно помирать-то. Пожила довольно; видно, ужъ такъ Богу угодно. Съ лежанки не сходитъ. Гдѣ-жъ ей въ больницу! Ее станутъ поднимать, она и помретъ.

— Охъ, застонала больная:—красавица-барыня, сироточку-то мою не оставь; наши господа далеко, а ты....

Старушка умолкла. Она говорила черезъ силу.

— Не безпокойся, промолвила Александра Павловна;— все будетъ сдѣлано. Вотъ я тебѣ чаю и сахару принесла. Если захочется, выпей.... Вѣдь самоваръ у васъ есть? прибавила она, взглянувъ на старика.

— Самоваръ-то? Самовара у насъ нѣту, а достать можно.

— Такъ достань, а то я пришлю свой. Да прикажи внучкѣ, чтобы она не отлучалась. Скажи ей, что это стыдно.

Старикъ ничего не отвѣчалъ, а свертокъ съ чаемъ и сахаромъ взялъ въ обѣ руки.

— Ну, прощай, Матрена! проговорила Александра Павловна: — я къ тебѣ еще приду, а ты не унывай и лекарство принимай аккуратно....

Старуха приподняла голову и потянулась къ Александрѣ Павловнѣ.

— Дай, барыня, ручку, пролепетала она.

Александра Павловна не дала ей руки, нагнулась и поцѣловала ее въ лобъ.

— Смотри же, сказала она, уходя, старику:—лекарство ей давайте непремѣнно, какъ написано.... И чаемъ ее напойте....

*

Digitized by Google

Старикъ опять ничего не отвѣчалъ и только поклонился.

Свободно вздохнула Александра Павловна, очутившись на свѣжемъ воздухѣ. Она раскрыла зонтикъ и хотѣла было идти домой, какъ вдругъ изъ-за угла избушки выѣхалъ, на низенькихъ бѣговыхъ дрожкахъ, человѣкъ лѣтъ тридцати, въ старомъ пальто изъ сѣрой коломянки и такой же фуражкѣ. Увидѣвъ Александру Павловну, онъ тотчасъ остановилъ лошадь и обернулся къ ней лицомъ. Широкое, безъ румянца, съ небольшими, блѣдно-сѣрыми глазками и бѣлесоватыми усами, оно подходило подъ цвѣтъ его одежды.

— Здравствуйте, проговорилъ онъ съ лѣнивой усмѣшкой: — что́ это вы тутъ такое дѣлаете, позвольте узнать?

— Я навѣщала больную.... А вы откуда, Михайло Михайлычъ?

Человѣкъ, называвшійся Михайло Михайлычемъ, посмотрѣлъ ей въ глаза и опять усмѣхнулся.

— Это вы хорошо дѣлаете, продолжалъ онъ: — что больную навѣщаете; только не лучше ли вамъ ее въ больницу перевезти?

— Она слишкомъ слаба: ее нельзя тронуть.

— А больницу свою вы не намѣрены уничтожить?

— Уничтожить? зачѣмъ?

— Да такъ.

— Что за странная мысль! Съ чего это вамъ въ голову пришло?

— Да вы вотъ съ Ласунской все знаетесь и, кажется, находитесь подъ ея вліяніемъ. А по ея словамъ, больницы, училища — это все пустяки, ненужныя выдумки. Благотвореніе должно быть личное, просвѣщеніе тоже: это все дѣло души.... такъ, кажется, она выражается. Съ чьего это голоса она поетъ, желалъ бы я знать?

Digitized by Google

Александра Павловна засмѣялась.

— Дарья Михайловна умная женщина, я ее очень люблю и уважаю; но и она можетъ ошибаться, и я не каждому ея слову вѣрю.

— И прекрасно дѣлаете, возразилъ Михайло Михайлычъ, все не слѣзая съ дрожекъ:—потому что она сама словамъ своимъ плохо вѣритъ. А я очень радъ, что встрѣтилъ васъ.

— А что?

— Хорошъ вопросъ! Какъ будто не всегда пріятно васъ встрѣтить! Сегодня вы такъ же свѣжи и милы, какъ это утро.

Александра Павловна опять засмѣялась.

— Чему же вы смѣетесь?

— Какъ чему? Если-бъ вы могли видѣть, съ какой вялой и холодной миной вы произнесли вашъ комплиментъ! Удивляюсь, какъ вы не зѣвнули на послѣднемъ словѣ.

— Съ холодной миной.... Вамъ все огня нужно; а огонь никуда не годится. Вспыхнетъ, надымитъ и погаснетъ.

— И согрѣетъ, подхватила Александра Павловна.

— Да.... и обожжетъ.

— Ну, что-жъ, что обожжетъ! И это не бѣда. Все же лучше чѣмъ....

— А вотъ я посмотрю, то ли вы заговорите, когда хоть разъ хорошенько обожжетесь, перебилъ ее съ досадой Михайло Михайлычъ и хлопнулъ возжой по лошади.—Прощайте!

— Михайло Михайлычъ, постойте! закричала Александра Павловна:—когда вы у насъ будете?

— Завтра; поклонитесь вашему брату.

И дрожки покатились.

Digitized by Google

Александра Павловна посмотрѣла вслѣдъ Михайлу Михайловичу.

«Какой мѣшокъ!» подумала она. Сгорбленный, запыленный, съ фуражкой на затылкѣ, изъ-подъ которой безпорядочно торчали косицы желтыхъ волосъ, онъ, дѣйствительно, походилъ на большой мучной мѣшокъ.

Александра Павловна отправилась тихонько назадъ по дорогѣ домой. Она шла съ опущенными глазами. Близкій топотъ лошади заставилъ ее остановиться и поднять голову.... Ей на встрѣчу ѣхалъ ея братъ верхомъ; рядомъ съ нимъ шелъ молодой человѣкъ небольшого роста, въ легонькомъ сюртучкѣ на распашку, легонькомъ галстучкѣ и легонькой сѣрой шляпѣ, съ тросточкой въ рукѣ. Онъ уже давно улыбался Александрѣ Павловнѣ, хотя и видѣлъ, что она шла въ раздумьѣ, ничего не замѣчая, а какъ только она остановилась, подошелъ къ ней и радостно, почти нѣжно произнесъ:

— Здравствуйте, Александра Павловна, здравствуйте!

— А! Константинъ Діомидычъ! здравствуйте! отвѣтила она. — Вы отъ Дарьи Михайловны?

— Точно такъ-съ, точно такъ-съ, подхватилъ съ сіяющимъ лицомъ молодой человѣкъ: — отъ Дарьи Михайловны. Дарья Михайловна послала меня къ вамъ-съ; я предпочелъ идти пѣшкомъ.... Утро такое чудесное, всего четыре версты разстоянія. Я прихожу—васъ дома нѣтъ-съ. Мнѣ вашъ братецъ говоритъ, что вы пошли въ Семеновку, и сами собираются въ поле; я вотъ съ ними и пошелъ-съ, къ вамъ на встрѣчу. Да-съ. Какъ это пріятно!

Молодой человѣкъ говорилъ по-русски чисто и правильно, но съ иностраннымъ произношеніемъ, хотя трудно было опредѣлить, съ какимъ именно. Въ чертахъ лица его было нѣчто азіятское. Длинный носъ съ горбиной,

Digitized by Google

большіе неподвижные глаза на выкатѣ, крупныя красныя губы, покатый лобъ, черные какъ смоль волосы,—все въ немъ изобличало восточное происхожденіе; но молодой человѣкъ именовался по фамиліи Пандалевскимъ и называлъ своею родиной Одессу, хотя и воспитывался гдѣ-то въ Бѣлоруссіи, на счетъ благодѣтельной и богатой вдовы. Другая вдова опредѣлила его на службу. Вообще дамы среднихъ лѣтъ охотно покровительствовали Константину Діомидычу: онъ умѣлъ искать, умѣлъ находить въ нихъ. Онъ и теперь жилъ у богатой помѣщицы, Дарьи Михайловны Ласунской, въ качествѣ пріемыша или нахлѣбника. Онъ былъ весьма ласковъ, услужливъ, чувствителенъ и втайнѣ сластолюбивъ, обладалъ пріятнымъ голосомъ, порядочно игралъ на фортепьяно и имѣлъ привычку, когда говорилъ съ кѣмъ-нибудь, такъ и впиваться въ него глазами. Онъ одѣвался очень чистенько и платье носилъ чрезвычайно долго, тщательно выбривалъ свой широкій подбородокъ и причесывалъ волосокъ къ волоску.

Александра Павловна выслушала его рѣчь до конца и обратилась къ брату.

— Сегодня мнѣ все встрѣчи: сейчасъ я разговаривала съ Лежневымъ.

— А, съ нимъ! онъ ѣхалъ куда-нибудь?

— Да; и вообрази, на бѣговыхъ дрожкахъ, въ какомъ-то полотняномъ мѣшкѣ, весь въ пыли.... Какой онъ чудакъ!

— Да, быть можетъ; только онъ славный человѣкъ.

— Кто это? Г-нъ Лежневъ? спросилъ Пандалевскій, какъ бы удивясь.

— Да, Михайло Михайлычъ Лежневъ, возразилъ Волынцевъ. — Однако прощай, сестра: мнѣ пора ѣхать въ поле; у тебя гречиху сѣютъ. Г-нъ Пандалевскій тебя проведетъ домой....

Digitized by Google

И Волынцевъ пустилъ лошадь рысью.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ! воскликнулъ Константинъ Діомидычъ и предложилъ Александрѣ Павловнѣ руку.

— Она подала ему свою, и оба отправились по дорогѣ въ ея усадьбу.

---

Вести подъ руку Александру Павловну доставляло, повидимому, большое удовольствіе Константину Діомидычу; онъ выступалъ маленькими шагами; улыбался, а восточные глаза его даже покрылись влагой, что́, впрочемъ, съ ними случалось нерѣдко: Константину Діомидычу ничего не стоило умилиться и пролить слезу. И кому бы не было пріятно вести подъ руку хорошенькую женщину, молодую и стройную? Объ Александрѣ Павловнѣ вся ....ая губернія единогласно говорила, что она прелесть, и ....ая губернія не ошибалась. Одинъ ея прямой, чуть-чуть вздернутый носикъ могъ свести съ ума любого смертнаго, не говоря уже о ея бархатныхъ карихъ глазкахъ, золотисто-русыхъ волосахъ, ямкахъ на круглыхъ щечкахъ и другихъ красотахъ. Но лучше всего въ ней было выраженіе ея миловиднаго лица: довѣрчивое, добродушное и кроткое, оно и трогало, и привлекало. Александра Павловна глядѣла и смѣялась, какъ ребенокъ; барыни находили ее простенькой.... Можно ли было чего-нибудь еще желать?

— Васъ Дарья Михайловна ко мнѣ прислала, говорите вы? спросила она Пандалевскаго.

—Да-съ, прислала-съ, отвѣчалъ онъ, выговаривая букву *c*, какъ англійское *th*: — онѣ непремѣнно желаютъ и велѣли васъ убѣдительно просить, чтобы вы пожаловали сегодня къ нимъ обѣдать.... Онѣ (Пандалевскій, когда го-

Digitized by Google

ворилъ о третьемъ лицѣ, особенно о дамѣ, строго придерживался множественнаго числа): — онѣ ждутъ къ себѣ новаго гостя, съ которымъ непремѣнно желаютъ васъ познакомить.

— Кто это?

— Нѣкто Муффель, баронъ, камеръ-юнкеръ изъ Петербурга. Дарья Михайловна недавно съ нимъ познакомилась у князя Гарина и съ большой похвалой о немъ отзываются, какъ о любезномъ и образованномъ молодомъ человѣкѣ. Г-нъ баронъ занимаются также литературой, или лучше сказать.... ахъ, какая прелестная бабочка! извольте обратить ваше вниманіе.... лучше сказать, политической экономіей. Онъ написалъ статью о какомъ-то очень интересномъ вопросѣ—и желаетъ подвергнуть ее на судъ Дарьѣ Михайловнѣ.

— Политико-экономическую статью?

— Съ точки зрѣнія языка-съ, Александра Павловна, съ точки зрѣнія языка-съ. Вамъ, я думаю, извѣстно, что и въ этомъ Дарья Михайловна знатокъ-съ. Жуковскій съ ними совѣтовался, а благодѣтель мой, проживающій въ Одессѣ благопотребный старецъ Роксоланъ Медіаровичъ Ксандрыка.... Вамъ, навѣрное, извѣстно имя этой особы?

— Нисколько, и не слыхивала.

— Не слыхивали о такомъ мужѣ? Удивительно! Я хотѣлъ сказать, что и Роксоланъ Медіаровичъ очень былъ всегда высокаго мнѣнія о познаніяхъ Дарьи Михайловны въ россійскомъ языкѣ.

— А не педантъ этотъ баронъ? спросила Александра Павловна.

— Никакъ нѣтъ-съ; Дарья Михайловна разсказываютъ, что, напротивъ, свѣтскій человѣкъ въ немъ сейчасъ видѣнъ. О Бетховенѣ говорилъ съ такимъ краснорѣчіемъ, что даже старый князь почувствовалъ восторгъ.... Это я,

Digitized by Google

признаюсь, послушалъ бы: вѣдь это по моей части. Позвольте вамъ предложить этотъ прекрасный полевой цвѣтокъ.

Александра Павловна взяла цвѣтокъ и, пройдя нѣсколько шаговъ, уронила его на дорогу.... До дому ея оставалось шаговъ двѣсти, не болѣе. Недавно выстроенный и выбѣленный, онъ привѣтливо выглядывалъ своими широкими свѣтлыми окнами изъ густой зелени старинныхъ липъ и кленовъ.

— Такъ какъ-же-съ прикажете доложить Дарьѣ Михайловнѣ, заговорилъ Пандалевскій, слегка обиженный участью поднесеннаго имъ цвѣтка; — пожалуете вы къ обѣду? Онѣ и братца вашего просятъ.

— Да, мы пріѣдемъ, непремѣнно. А что Наташа?

— Наталья Алексѣевна, слава Богу, здоровы-съ.... Но мы уже прошли поворотъ къ имѣнью Дарьи Михайловны. Позвольте мнѣ раскланяться.

Александра Павловна остановилась. — А вы развѣ не зайдете къ намъ? спросила она нерѣшительнымъ голосомъ.

— Душевно бы желалъ-съ, но боюсь опоздать. Дарьѣ Михайловнѣ угодно послушать новый этюдъ Тальберга: такъ надо приготовиться и подучить. Притомъ, я, признаюсь, сомнѣваюсь, чтобы моя бесѣда могла доставить вамъ какое-нибудь удовольствіе.

— Да нѣтъ.... почему же.....

Пандалевскій вздохнулъ и выразительно опустилъ глаза.

— До свиданія, Александра Павловна! проговорилъ онъ, помолчавъ немного, поклонился и отступилъ шагъ назадъ.

Александра Павловна повернулась и пошла домой.

Константинъ Діомидычъ также пустился во свояси. Съ лица его тотчасъ изчезла вся сладость: самоувѣренное,

Digitized by Google

почти суровое выраженіе появилось на немъ. Даже походка Константина Діомидыча измѣнилась; онъ теперь и шагалъ шире и наступалъ тяжелѣе. Онъ прошелъ версты двѣ, развязно помахивая палочкой, и вдругъ опять осклабился: онъ увидѣлъ возлѣ дороги молодую, довольно смазливую крестьянскую дѣвушку, которая выгоняла телятъ изъ овса. Константинъ Діомидычъ осторожно, какъ котъ, подошелъ къ дѣвушкѣ и заговорилъ съ ней. Та сперва молчала, краснѣла и посмѣивалась, наконецъ закрыла губы рукавомъ, отворотилась и промолвила:

— Ступай, баринъ, право....

Константинъ Діомидычъ погрозилъ ей пальцемъ и велѣлъ ей принести себѣ васильковъ.

— На что тебѣ васильковъ? вѣнки, что-ль, плесть? возразила дѣвушка: — да ну, ступай же, право....

— Послушай, моя любезная красоточка, началъ-было Константинъ Діомидычъ....

— Да ну, ступай, перебила его дѣвушка: — баричи вонъ идутъ.

Константинъ Діомидычъ оглянулся. Дѣйствительно, по дорогѣ бѣжали Ваня и Петя, сыновья Дарьи Михайловны; за ними шелъ ихъ учитель, Басистовъ, молодой человѣкъ двадцати-двухъ лѣтъ, только-что окончившій курсъ. Басистовъ былъ рослый малый, съ простымъ лицомъ, большимъ носомъ, крупными губами и свиными глазками, некрасивый и неловкій, но добрый, честный и прямой. Онъ одѣвался небрежно, не стригъ волосъ, — не изъ щегольства, а отъ лѣни; любилъ поѣсть, любилъ поспать, но любилъ также хорошую книгу, горячую бесѣду и всей душой ненавидѣлъ Пандалевскаго.

Дѣти Дарьи Михайловны обожали Басистова и ужъ нисколько его не боялись; со всѣми остальными въ домѣ онъ былъ на короткой ногѣ, что́ не совсѣмъ нравилось

Digitized by Google

хозяйкѣ, какъ она ни толковала о томъ, что для нея предразсудковъ не существуетъ.

— Здравствуйте, мои миленькіе! заговорилъ Константинъ Діомидычъ, — какъ вы рано сегодня гулять пошли! А я, прибавилъ онъ, обращаясь къ Басистову: — уже давно вышелъ; моя страсть — наслаждаться природой.

— Видѣли мы, какъ вы наслаждаетесь природой, пробормоталъ Басистовъ.

— Вы матеріалистъ: уже сейчасъ Богъ знаетъ, что думаете. Я васъ знаю!

Пандалевскій, когда говорилъ съ Басистовымъ или подобными ему людьми, легко раздражался и букву *с* произносилъ чисто, даже съ маленькимъ свистомъ.

— Что же вы у этой дѣвки, небось, дорогу спрашивали? проговорилъ Басистовъ, поводя глазами и вправо и влѣво.

Онъ чувствовалъ, что Пандалевскій глядитъ ему прямо въ лицо, а это ему было крайне непріятно.

— Я повторяю, вы матеріалистъ и больше ничего. Вы непремѣнно желаете во всемъ видѣть одну прозаическую сторону....

— Дѣти! скомандовалъ вдругъ Басистовъ: — видите вы на лугу ракиту: посмотримъ, кто скорѣе до нея добѣжитъ..... разъ! два! три!

И дѣти бросились во всѣ ноги къ ракитѣ. Басистовъ устремился за ними.

«Мужикъ!» подумалъ Пандалевскій: — «испортитъ онъ этихъ мальчишекъ.....Совершенный мужикъ!»

И съ самодовольствіемъ окинувъ взглядомъ свою собственную опрятную и изящную фигурку, Константинъ Діомидычъ ударилъ раза два растопыренными пальцами по рукаву сюртука, встряхнулъ воротникомъ и отправился далѣе. Вернувшись къ себѣ въ комнату, онъ на-

Digitized by Google

дѣлъ старенькій халатъ и съ озабоченнымъ лицомъ сѣлъ за фортепьяно.

## II.

Домъ Дарьи Михайловны Ласунской считался чуть ли не первымъ по всей ....ой губерніи. Огромный, каменный, сооруженный по рисункамъ Растрелли во вкусѣ прошедшаго столѣтія, онъ величественно возвышался на вершинѣ холма, у подошвы котораго протекала одна изъ главныхъ рѣкъ средней Россіи. Сама Дарья Михайловна была знатная и богатая барыня, вдова тайнаго совѣтника. Хотя Пандалевскій и разсказывалъ про нее, что она знаетъ всю Европу, да и Европа ее знаетъ! — однако, Европа ее знала мало, даже въ Петербургѣ она важной роли не играла; за то въ Москвѣ ее всѣ знали и ѣздили къ ней. Она принадлежала къ высшему свѣту и слыла за женщину нѣсколько странную, не совсѣмъ добрую, но чрезвычайно умную. Въ молодости она была очень хороша собою. Поэты писали ей стихи, молодые люди въ нее влюблялись, важные господа волочились за ней. Но съ тѣхъ поръ прошло лѣтъ двадцать-пять или тридцать, и прежнихъ прелестей не осталось и слѣда. «Неужели, спрашивалъ себя невольно всякій, кто только видѣлъ ее въ первый разъ, — неужели эта худенькая, желтенькая, востроносая и еще нестарая женщина была когда-то красавицей? Неужели это она, та самая, о которой бряцали лиры?.... И всякій внутренно удивлялся перемѣнчивости всего земнаго. Правда, Пандалевскій находилъ, что у Дарьи Михайловны удивительно сохранились ея великолѣпные глаза; но вѣдь тотъ же Пандалевскій утверждалъ, что ее вся Европа знаетъ.

Дарья Михайловна пріѣзжала каждое лѣто къ себѣ въ

Digitized by Google

Digitized by Google

ста, взъерошенный и сѣдой, съ смуглымъ лицомъ и бѣглыми черными глазками — нѣкто Африканъ Семенычъ Пигасовъ.

Странный человѣкъ былъ этотъ господинъ Пигасовъ. Озлобленный противу всего и всѣхъ—особенно противъ женщинъ—онъ бранился съ утра до вечера, иногда очень мѣтко, иногда довольно тупо, но всегда съ наслажденіемъ. Раздражительность его доходила до ребячества; его смѣхъ, звукъ его голоса, все его существо казалось пропитаннымъ желчью. Дарья Михайловна охотно принимала Пигасова: онъ потѣшалъ ее своими выходками. Онѣ точно были довольно забавны. Все преувеличивать было его страстью. Напримѣръ: о какомъ бы несчастьѣ при немъ ни говорили—разсказывали ли ему, что громомъ зажгло деревню, что вода прорвала мельницу, что мужикъ себѣ топоромъ руку отрубилъ—онъ всякій разъ съ сосредоточеннымъ ожесточеніемъ спрашивалъ: «А какъ ее зовутъ?» то-есть, какъ зовутъ женщину, отъ которой произошло то несчастіе, потому что, по его увѣреніямъ, всякому несчастію причиной женщина, стоитъ только хорошенько вникнуть въ дѣло. Онъ однажды бросился на колѣни передъ почти незнакомой ему барыней, которая приставала къ нему съ угощеніемъ, и началъ слезно, но съ написанной на лицѣ яростью, умолять ее, чтобы она его пощадила, что онъ ничѣмъ передъ ней не провинился и впередъ у ней никогда не будетъ. Разъ лошадь помчала подъ-гору одну изъ прачекъ Дарьи Михайловны, опрокинула ее въ ровъ и чуть не убила. Пигасовъ съ тѣхъ поръ иначе не называлъ эту лошадь, какъ «добрый, добрый конекъ», а самую гору и ровъ находилъ чрезвычайно живописными мѣстами. Пигасову въ жизни не повезло—онъ эту дурь и напустилъ на себя. Онъ происходилъ отъ бѣдныхъ родителей. Отецъ его занималъ разныя

Digitized by Google

мелкія должности, едва зналъ грамотѣ и не заботился о воспитаніи сына; кормилъ, одѣвалъ его — и только. Мать его баловала, но скоро умерла. Пигасовъ самъ себя воспиталъ, самъ опредѣлилъ себя въ уѣздное училище, потомъ въ гимназію, выучился языкамъ французскому, нѣмецкому и даже латинскому, и выйдя изъ гимназіи съ отличнымъ аттестатомъ, отправился въ Дерптъ, гдѣ постоянно боролся съ нуждою, но выдержалъ трехгодичный курсъ до конца. Способности Пигасова не выходили изъ разряда обыкновенныхъ; терпѣніемъ и настойчивостью онъ отличался, но особенно сильно было въ немъ чувство честолюбія, желаніе попасть въ хорошее общество, не отстать отъ другихъ, на зло судьбѣ. Онъ и учился прилежно, и въ дерптскій университетъ поступилъ изъ честолюбія. Бѣдность сердила его и развила въ немъ наблюдательность и лукавство. Онъ выражался своеобразно; онъ съ молоду присвоилъ себѣ особый родъ желчнаго и раздражительнаго краснорѣчія. Мысли его не возвышались надъ общимъ уровнемъ; а говорилъ онъ такъ, что могъ казаться не только умнымъ, но даже очень умнымъ человѣкомъ. Получивъ степень кандидата, Пигасовъ рѣшился посвятить себя ученому званію: онъ понялъ, что на всякомъ другомъ поприщѣ онъ бы никакъ не могъ угнаться за своими товарищами (онъ старался выбирать ихъ изъ высшаго круга и умѣлъ къ нимъ поддѣлаться, даже льстилъ имъ, хотя все ругался). Но тутъ въ немъ, говоря попросту, матеріала не хватило. Самоучка не изъ любви къ наукѣ, Пигасовъ въ сущности зналъ слишкомъ мало. Онъ жестоко провалился на диспутѣ, между тѣмъ, какъ жившій съ нимъ въ одной комнатѣ другой студентъ, надъ которымъ онъ постоянно смѣялся, человѣкъ весьма ограниченный, но получившій правильное и прочное воспитаніе, восторжествовалъ вполнѣ. Неудача эта взбѣсила Пи-

Digitized by Google

гасова: онъ бросилъ въ огонь всѣ свои книги и тетради и поступилъ на службу. Сначала дѣло пошло недурно: чиновникъ онъ былъ хоть куда, не очень распорядительный, за то крайне самоувѣренный и бойкій; но ему захотѣлось поскорѣе выскочить въ люди — онъ запутался, споткнулся и принужденъ былъ выйдти въ отставку. Года три просидѣлъ онъ у себя въ благопріобрѣтенной деревенькѣ и вдругъ женился на богатой, полуобразованной помѣщицѣ, которую поймалъ на удочку своихъ развязныхъ и насмѣшливыхъ манеръ. Но нравъ Пигасова уже слишкомъ раздражился и окисъ; онъ тяготился семейной жизнью.... Жена его, поживъ съ нимъ нѣсколько лѣтъ, уѣхала тайкомъ въ Москву и продала какому-то ловкому аферисту свое имѣніе, а Пигасовъ только-что построилъ въ немъ усадьбу. Потрясенный до основанія этимъ послѣднимъ ударомъ, Пигасовъ затѣялъ-было тяжбу съ женою, но ничего не выигралъ.... Онъ доживалъ свой вѣкъ одиноко, разъѣзжалъ по сосѣдямъ, которыхъ бранилъ за глаза и даже въ глаза, и которые принимали его съ какимъ-то напряженнымъ полухохотомъ, хотя серьезнаго страха онъ имъ не внушалъ,—и никогда книги въ руки не бралъ. У него было около ста душъ; мужики его не бѣдствовали.

— А! Constantin! проговорила Дарья Михайловна, какъ только Пандалевскій вошелъ въ гостиную:—Alexandrine будетъ?

— Александра Павловна велѣла васъ благодарить и за особенное удовольствіе себѣ поставляютъ, возразилъ Константинъ Діомидычъ, пріятно раскланиваясь на всѣ стороны и прикасаясь толстой, но бѣлой ручкой съ ногтями, остриженными треугольникомъ, къ превосходно причесаннымъ волосамъ.

— И Волынцевъ тоже будетъ?



Digitized by Google

— И они-съ.

— Такъ какъ же, Африканъ Семенычъ, продолжала Дарья Михайловна, обратясь къ Пигасову:—по вашему, всѣ барышни неестественны?

У Пигасова губы скрутились на бокъ, и онъ нервически задергалъ локтемъ.

— Я говорю, началъ онъ неторопливымъ голосомъ — онъ въ самомъ сильномъ припадкѣ ожесточенія говорилъ медленно и отчетливо: — я говорю, что барышни вообще—о присутствующихъ, разумѣется, я умалчиваю....

— Но это не мѣшаетъ вамъ и о нихъ думать, перебила Дарья Михайловна.

— Я о нихъ умалчиваю, повторилъ Пигасовъ. — Всѣ барышни вообще неестественны въ высшей степени—неестественны въ выраженіи чувствъ своихъ. Испугается ли, напримѣръ, барышня, обрадуется ли чему, или опечалится, она непремѣнно сперва придастъ тѣлу своему какой-нибудь этакій изящный изгибъ (и Пигасовъ пребезобразно выгнулъ свой станъ и оттопырилъ руки) и потомъ ужъ крикнетъ: ахъ! или засмѣется, или заплачетъ. Мнѣ однако (и тутъ Пигасовъ самодовольно улыбнулся), удалось-таки добиться однажды истиннаго, неподдѣльнаго выраженія ощущенія отъ одной замѣчательно неестественной барышни!

— Какимъ это образомъ?

Глаза Пигасова засверкали.

— Я ее хватилъ въ бокъ осиновымъ коломъ сзади. Она какъ взвизгнетъ, а я ей: браво! браво! Вотъ это голосъ природы, это былъ естественный крикъ... Вы и впередъ всегда такъ поступайте.

Всѣ въ комнатѣ засмѣялись.

— Что́ вы за пустяки говорите, Африканъ Семенычъ!

Digitized by Google

воскликнула Дарья Михайловна.—Повѣрю ли я, что вы станете дѣвушку толкать коломъ въ бокъ!

— Ей-Богу, коломъ, пребольшимъ коломъ, въ родѣ тѣхъ, которые употребляются при защитѣ крѣпостей.

— Mais c'est une horreur ce que vous dites là, monsieur, возопила m-lle Boncourt, грозно посматривая на расхохотавшихся дѣтей.

— Да не вѣрьте ему, промолвила Дарья Михайловна:— развѣ вы его не знаете?

Но негодующая француженка долго не могла успокоиться и все что-то бормотала себѣ подъ носъ.

— Вы можете мнѣ не вѣрить, продолжалъ хладнокровнымъ голосомъ Пигасовъ: — но я утверждаю, что я сказалъ сущую правду. Кому-жъ это знать, коли не мнѣ? Послѣ этого вы, пожалуй, также не повѣрите, что наша сосѣдка Чепузова, Елена Антоновна, сама, замѣтьте сама, мнѣ разсказала, какъ она уморила своего родного племянника?

— Вотъ еще выдумали!

— Позвольте, позвольте! Выслушайте и судите сами. Замѣтьте, я на нее клеветать не желаю, я ее даже люблю, на сколько то-есть можно любить женщину; у ней во всемъ домѣ нѣтъ ни одной книги, кромѣ календаря, и читать она не можетъ иначе, какъ вслухъ — чувствуетъ отъ этого упражненія испарину и жалуется потомъ, что у ней глаза пупомъ полѣзли.... Словомъ, женщина она хорошая, и горничныя у ней толстыя. Зачѣмъ мнѣ на нее клеветать?

— Ну! замѣтила Дарья Михайловна: — взобрался Африканъ Семенычъ на своего конька — теперь не слѣзетъ съ него до вечера.

— Мой конекъ.... А у женщинъ ихъ цѣлыхъ три, съ которыхъ онѣ никогда не слѣзаютъ — развѣ когда спятъ.

*

Digitized by Google

— Какіе же это три конька?

— Попрекъ, намекъ и упрекъ.

— Знаете ли что, Африканъ Семенычъ, начала Дарья Михайловна: — вы не даромъ такъ озлоблены на женщинъ. Какая-нибудь, должно быть, васъ....

— Обидѣла, вы хотите сказать? перебилъ ее Пигасовъ.

Дарья Михайловна немного смутилась; она вспомнила о несчастномъ бракѣ Пигасова.... и только головой кивнула.

— Меня одна женщина точно обидѣла, промолвилъ Пигасовъ: — хоть и добрая была, очень добрая....

— Кто же это такая?

— Мать моя, произнесъ Пигасовъ, понизивъ голосъ.

— Ваша мать? Чѣмъ же она могла васъ обидѣть?

— А тѣмъ, что родила....

Дарья Михайловна наморщила брови.

— Мнѣ кажется, заговорила она: — разговоръ нашъ принимаетъ невеселый оборотъ.... Constantin, сыграйте намъ новый этюдъ Тальберга.... Авось звуки музыки укротятъ Африкана Семеныча. Орфей укрощалъ же дикихъ звѣрей.

Константинъ Діомидычъ сѣлъ за фортепьяно и сыгралъ этюдъ весьма удовлетворительно. Сначала Наталья Алексѣевна слушала со вниманіемъ, потомъ опять принялась за работу.

— Mercі, c'est charmant, промолвила Дарья Михайловна: — люблю Тальберга. Il est si distingué. Что вы задумались Африканъ Семенычъ?

— Я думалъ, началъ медленно Пигасовъ: — что есть три разряда эгоистовъ: эгоисты, которые сами живутъ и жить даютъ другимъ; эгоисты, которые сами живутъ и не даютъ жить другимъ; наконецъ эгоисты, которые и

Digitized by Google

сами не живутъ и другимъ не даютъ.... Женщины бо́льшею частію принадлежатъ къ третьему разряду.

— Какъ это любезно! Одному я только удивляюсь, Африканъ Семенычъ, какая у васъ самоувѣренность въ сужденіяхъ; точно вы никогда ошибиться не можете.

— Кто говоритъ! и я ошибаюсь; мужчина тоже можетъ ошибаться. Но знаете ли, какая разница между ошибкою нашего брата и ошибкою женщины? Не знаете? Вотъ какая: мужчина можетъ, напримѣръ, сказать, что дважды-два не четыре, а пять или три съ половиною; а женщина скажетъ, что дважды-два — стеариновая свѣчка.

— Я уже это, кажется, слышала отъ васъ.... Но позвольте спросить, какое отношеніе имѣетъ ваша мысль о трехъ родахъ эгоистовъ къ музыкѣ, которую вы сейчасъ слышали?

— Никакого, да я и не слушалъ музыки.

— Ну, «ты батюшка, я вижу, неисправимъ, хоть брось», возразила Дарья Михайловна, слегка искажая Грибоѣдовскій стихъ. — Что́ же вы любите, коли вамъ и музыка не нравится? литературу, что ли?

— Я литературу люблю, да только не нынѣшнюю.

— Почему?

— А вотъ почему. Я недавно переѣзжалъ черезъ Оку на паромѣ съ какимъ-то бариномъ. Паро̀мъ присталъ къ крутому мѣсту: надо было втаскивать экипажи на рукахъ. У барина была коляска претяжёлая. Пока перевозчики надсаживались, втаскивая коляску на берегъ, баринъ такъ кряхтѣлъ, стоя на паромѣ, что даже жалко его становилось.... Вотъ, подумалъ я, новое примѣненіе системы раздѣленія работъ! Такъ и нынѣшняя литература: другіе везутъ, дѣло дѣлаютъ, а она кряхтитъ.

Дарья Михайловна улыбнулась.

— И это называется воспроизведеніемъ современнаго

Digitized by Google

быта, продолжалъ неугомонный Пигасовъ:—глубокимъ сочувствіемъ къ общественнымъ вопросамъ и еще какъ-то.... Охъ, ужъ эти мнѣ громкія слова!

— А вотъ женщины, на которыхъ вы такъ нападаете—тѣ, по-крайней-мѣрѣ, не употребляютъ громкихъ словъ.

Пигасовъ пожалъ плечомъ.

— Не употребляютъ, потому что не умѣютъ.

Дарья Михайловна слегка покраснѣла.

— Вы начинаете дерзости говорить, Африканъ Семенычъ! замѣтила она съ принужденной улыбкой.

Все затихло въ комнатѣ.

— Гдѣ это Золотоноша? спросилъ вдругъ одинъ изъ мальчиковъ у Басистова.

— Въ Полтавской губерніи, мой милѣйшій, подхватилъ Пигасовъ:—въ самой Хохландіи. (Онъ обрадовался случаю перемѣнить разговоръ). — Вотъ мы толковали о литературѣ, продолжалъ онъ:—если-бъ у меня были лишнія деньги, я бы сейчасъ сдѣлался малороссійскимъ поэтомъ.

— Это что́ еще? хорошъ поэтъ! возразила Дарья Михайловна:—развѣ вы знаете по-малороссійски?

— Нимало; да оно и не нужно.

— Какъ не нужно?

— Да такъ же, не нужно. Сто́итъ только взять листъ бумаги и написать наверху: «Дума»; потомъ начать такъ: «гой, ты доля моя, доля!» или: «сѣде казачино Наливайко на курганѣ!» а тамъ: «по пидъ горо́ю, по пидъ зеленбю, грае, грае воропае, гопъ! гопъ!» или что-нибудь въ этомъ родѣ. И дѣло въ шляпѣ. Печатай и издавай. Малороссъ прочтетъ, подопретъ рукою щеку и непремѣнно заплачетъ,—такая чувствительная душа!

— Помилуйте! воскликнулъ Басистовъ. — Что вы это такое говорите? Это ни съ чѣмъ несообразно. Я жилъ въ

Digitized by Google

Малороссіи, люблю ее и языкъ ея знаю.... «грае, грае воропае» совершенная безсмыслица.

— Можетъ быть, а хохолъ все-таки заплачетъ. Вы говорите: языкъ.... Да развѣ существуетъ малороссійскій языкъ? Я попросилъ разъ одного хохла перевести слѣдующую, первую попавшуюся мнѣ фразу: «грамматика есть искусство правильно читать и писать». Знаете, какъ онъ это перевелъ: «храматыка е выскусьтво правыльно чытаты ы пысаты».... Что-жъ, это языкъ, по вашему? самостоятельный языкъ? Да скорѣй, чѣмъ съ этимъ согласиться, я готовъ позволить лучшаго своего друга истолочь въ ступѣ....

Басистовъ хотѣлъ возражать.

— Оставьте его, промолвила Дарья Михайловна, — вѣдь вы знаете, отъ него кромѣ парадоксовъ ничего не услышишь.

Пигасовъ язвительно улыбнулся. Лакей вошелъ и доложилъ о пріѣздѣ Александры Павловны и ея брата.

Дарья Михайловна встала на встрѣчу гостямъ.

— Здравствуйте, Alexandrine! заговорила она, подходя къ ней:—какъ вы умно сдѣлали, что пріѣхали.... Здравствуйте, Сергѣй Павлычъ!

Волынцевъ пожалъ Дарьѣ Михайловнѣ руку и подошелъ къ Натальѣ Алексѣевнѣ.

— А что, этотъ баронъ, вашъ новый знакомый, пріѣдетъ сегодня? спросилъ Пигасовъ.

— Да, пріѣдетъ.

— Онъ, говорятъ, великій филозо́фъ: такъ Гегелемъ и брызжетъ.

Дарья Михайловна ничего не отвѣчала, усадила Александру Павловну на кушетку и сама помѣстилась возлѣ нея.

— Философія, продолжалъ Пигасовъ: — высшая точка

Digitized by Google

зрѣнія! Вотъ еще смерть моя: эти высшія точки зрѣнія. И что́ можно увидать сверху? Небось, коли захочешь лошадь купить, не съ каланчи на нее смотрѣть станешь!

— Вамъ этотъ баронъ хотѣлъ привезти статью какую-то? спросила Александра Павловна.

— Да, статью, отвѣчала съ преувеличенною небрежностью Дарья Михайловна: — объ отношеніяхъ торговли къ промышленности въ Россіи.... Но не бойтесь: мы ее здѣсь читать не станемъ.... я васъ не за тѣмъ позвала. Le baron est aussi aimable que savant. И такъ хорошо говоритъ по-русски! C'est un vrai torrent.... il vous entraîne.

— Такъ хорошо по-русски говоритъ, проворчалъ Пигасовъ:—что заслуживаетъ французской похвалы.

— Поворчите еще, Африканъ Семенычъ, поворчите.... Это очень идетъ къ вашей взъерошенной прическѣ.... Однако, что же онъ не ѣдетъ? Знаете-ли что́, messieurs et mesdames, прибавила Дарья Михайловна, взглянувъ кругомъ:—пойдемте въ садъ.... До обѣда еще около часу осталось, а погода славная....

Все общество поднялось и отправилось въ садъ.

Садъ у Дарьи Михайловны доходилъ до самой рѣки. Въ немъ было много старыхъ липовыхъ аллей, золотистотемныхъ и душистыхъ, съ изумрудными просвѣтами по концамъ, много бесѣдокъ изъ акацій и сирени.

Волынцевъ вмѣстѣ съ Натальей и m-lle Boncourt забрались въ самую глушь сада. Волынцевъ шелъ рядомъ съ Натальей и молчалъ. M-lle Boncourt слѣдовала немного поодаль.

— Что же вы дѣлали сегодня? спросилъ наконецъ Волынцевъ, подергивая концы своихъ прекрасныхъ темнорусыхъ усовъ.

Онъ чертами лица очень походилъ на сестру; но въ

Digitized by Google

выраженіи ихъ было меньше игры и жизни, и глаза его, красивые и ласковые, глядѣли какъ-то грустно.

— Да ничего, отвѣчала Наталья:—слушала, какъ Пигасовъ бранится, вышивала по канвѣ, читала.

— А что̀ такое вы читали?

— Я читала.... исторію крестовыхъ походовъ, проговорила Наталья съ небольшой запинкой.

Волынцевъ посмотрѣлъ на нее.

— А! произнесъ онъ наконецъ:—это должно быть интересно.

Онъ сорвалъ вѣтку и началъ вертѣть ею по воздуху. Они прошли еще шаговъ двадцать.

— Что это за баронъ, съ которымъ ваша матушка познакомилась? спросилъ опять Волынцевъ.

— Камеръ-юнкеръ, пріѣзжій; maman его очень хвалитъ.

— Ваша матушка способна увлекаться.

— Это доказываетъ, что она еще очень молода сердцемъ, замѣтила Наталья.

— Да. Я скоро пришлю вамъ вашу лошадь. Она уже почти совсѣмъ выѣзжена. Мнѣ хочется, чтобы она съ мѣста поднимала въ галопъ, и я этого добьюсь.

— Mercі.... Однако, мнѣ совѣстно. Вы сами ее выѣзжаете.... это, говорятъ, очень трудно.

— Чтобы доставить вамъ малѣйшее удовольствіе, вы знаете, Наталья Алексѣевна, я готовъ.... я.... и не такіе пустяки....

Волынцевъ замялся.

Наталья дружелюбно взглянула на него и еще разъ сказала: mercі.

— Вы знаете, продолжалъ Сергѣй Павлычъ послѣ долгаго молчанья:—что нѣтъ такой вещи.... Но къ чему я это говорю! вѣдь вы все знаете.

Digitized by Google

Въ это мгновеніе въ домѣ прозвенѣлъ колоколъ.

— Ah! la cloche du dîner! воскликнула m-lle Boncourt:—rentrons.

«Quel dommage», подумала про себя старая француженка, взбираясь на ступеньки балкона вслѣдъ за Волынцевымъ и Натальей: — «quel dommage que ce charmant garçon ait si peu de ressources dans la conversation.... что по-русски можно такъ перевести: ты, мой милый, милъ, но плохъ немножко.

Баронъ къ обѣду не пріѣхалъ. Его прождали съ полчаса. Разговоръ за столомъ не клеился. Сергѣй Павлычъ только посматривалъ на Наталью, возлѣ которой сидѣлъ, и усердно наливалъ ей воды въ стаканъ. Пандалевскій тщетно старался занять сосѣдку свою, Александру Павловну: онъ весь закипалъ сладостью, а она чуть не зѣвала.

Басистовъ каталъ шарики изъ хлѣба и ни о чемъ не думалъ; даже Пигасовъ молчалъ и, когда Дарья Михайловна замѣтила ему, что онъ очень нелюбезенъ сегодня, угрюмо отвѣтилъ: когда же я бываю любезнымъ? Это не мое дѣло.... И, усмѣхнувшись горько, прибавилъ:—потерпите маленько. Вѣдь я квасъ, du prostoï русскій квасъ; а вотъ вашъ камеръ-юнкеръ....

— Браво! воскликнула Дарья Михайловна.—Пигасовъ ревнуетъ, заранѣе ревнуетъ!

Но Пигасовъ ничего не отвѣтилъ ей и только посмотрѣлъ изъ подлобья.

Пробило семь часовъ, и всѣ опять собрались въ гостиную.

— Видно, не будетъ, сказала Дарья Михайловна....

Но вотъ раздался стукъ экипажа, небольшой тарантасъ въѣхалъ на дворъ, и черезъ нѣсколько мгновеній лакей вошелъ въ гостиную и подалъ Дарьѣ Михайловнѣ пись-

Digitized by Google

мо на серебряномъ блюдечкѣ. Она пробѣжала его до конца и, обратясь къ лакею, спросила:

— А гдѣ же господинъ, который привезъ это письмо?

— Въ экипажѣ сидитъ-съ. Прикажете принять-съ?

— Проси.

Лакей вышелъ.

— Вообразите, какая досада, продолжала Дарья Михайловна:—баронъ получилъ предписаніе тотчасъ вернуться въ Петербургъ. Онъ прислалъ мнѣ свою статью съ однимъ господиномъ Рудинымъ, своимъ пріятелемъ. Баронъ хотѣлъ мнѣ его представить—онъ очень его хвалилъ. Но какъ это досадно! я надѣялась, что баронъ поживетъ здѣсь....

— Дмитрій Николаевичъ Рудинъ, доложилъ лакей.

## III.

Вошелъ человѣкъ лѣтъ тридцати-пяти, высокаго роста, нѣсколько сутуловатый, курчавый, смуглый, съ лицомъ неправильнымъ, но выразительнымъ и умнымъ, съ жидкимъ блескомъ въ быстрыхъ, темно-синихъ глазахъ, съ прямымъ широкимъ носомъ и красиво очерченными губами. Платье на немъ было не ново и узко, словно онъ изъ него выросъ.

Онъ проворно подошелъ къ Дарьѣ Михайловнѣ и, поклонясь короткимъ поклономъ, сказалъ ей, что онъ давно желалъ имѣть честь представиться ей, и что пріятель его, баронъ, очень сожалѣлъ о томъ, что не могъ проститься лично.

Тонкій звукъ голоса Рудина не соотвѣтствовалъ его росту и его широкой груди.

— Садитесь.... очень рада, промолвила Дарья Михай-

Digitized by Google

ловна и, познакомивъ его со всѣмъ обществомъ, спросила, здѣшній ли онъ, или заѣзжій.

— Мое имѣніе въ Т****ой губерніи, отвѣчалъ Рудинъ, держа шляпу на колѣняхъ: — а здѣсь я недавно. Я пріѣхалъ по дѣлу и поселился пока въ вашемъ уѣздномъ городѣ.

— У кого?

— У доктора. Онъ мой старинный товарищъ по университету.

— А! у доктора.... Его хвалятъ. Онъ, говорятъ, свое дѣло разумѣетъ. А съ барономъ вы давно знакомы?

— Я нынѣшней зимой въ Москвѣ съ нимъ встрѣтился и теперь провелъ у него около недѣли.

— Онъ очень умный человѣкъ—баронъ.

— Да-съ.

Дарья Михайловна понюхала узелокъ носового платка, напитанный одеколономъ.

— Вы служите? спросила она.

— Кто? я-съ?

— Да.

— Нѣтъ.... Я въ отставкѣ.

Наступило небольшое молчаніе. Общій разговоръ возобновился.

— Позвольте полюбопытствовать, началъ Пигасовъ, обратясь къ Рудину:—вамъ извѣстно содержаніе статьи, присланной господиномъ барономъ?

— Извѣстно.

— Статья эта трактуетъ объ отношеніяхъ торговли.... или нѣтъ, бишь, промышленности къ торговлѣ въ нашемъ отечествѣ.... Такъ, кажется, вы изволили выразиться, Дарья Михайловна?

— Да, она объ этомъ...— проговорила Дарья Михайловна и приложила руку ко лбу.

Digitized by Google

— Я, конечно, въ этихъ дѣлахъ судья плохой, продолжалъ Пигасовъ:—но я долженъ сознаться, что мнѣ самое заглавіе статьи кажется чрезвычайно.... какъ бы это сказать поделикатнѣе?... чрезвычайно темнымъ и запутаннымъ.

— Почему же оно вамъ такъ кажется?

Пигасовъ усмѣхнулся и посмотрѣлъ вскользь на Дарью Михайловну.

— А вамъ оно ясно? проговорилъ онъ, снова обративъ свое лисье личико къ Рудину.

— Мнѣ? Ясно.

— Гм.... Конечно, это вамъ лучше знать.

— У васъ голова болитъ? спросила Александра Павловна Дарью Михайловну.

— Нѣтъ. Это у меня такъ.... C'est nerveux.

— Позвольте полюбопытствовать, заговорилъ опять носовымъ голоскомъ Пигасовъ:—вашъ знакомецъ, господинъ баронъ Муффель.... такъ, кажется, ихъ зовутъ?

— Точно такъ.

— Господинъ баронъ Муффель спеціально занимается политической экономіей или только такъ, посвящаетъ этой интересной наукѣ часы досуга, остающагося среди свѣтскихъ удовольствій и занятій по службѣ?

Рудинъ пристально посмотрѣлъ на Пигасова.

— Баронъ въ этомъ дѣлѣ дилеттантъ, отвѣчалъ онъ, слегка краснѣя:—но въ его статьѣ много справедливаго и любопытнаго.

— Не могу спорить съ вами, не зная статьи.... Но смѣю спросить, сочиненіе вашего пріятеля, барона Муффеля, вѣроятно, болѣе придерживается общихъ разсужденій, нежели фактовъ?

— Въ немъ есть и факты и разсужденія, основанныя на фактахъ.

Digitized by Google

— Такъ-съ, такъ-съ. Доложу вамъ, по моему мнѣнію.... а я могу-таки, при случаѣ, свое слово молвить; я три года въ Дерптѣ выжилъ.... всѣ эти, такъ-называемыя, общія разсужденія, гипотезы тамъ, системы.... извините меня, я провинціалъ, правду-матку рѣжу прямо.... никуда не годятся. Это все одно умствованіе—этимъ только людей морочатъ. Передавайте, господа, факты, и будетъ съ васъ.

— Въ самомъ дѣлѣ! возразилъ Рудинъ.—Ну, а смыслъ фактовъ передавать слѣдуетъ?

— Общія разсужденія! продолжалъ Пигасовъ:—смерть моя эти общія разсужденія, обозрѣнія, заключенія! Все это основано на такъ-называемыхъ убѣжденіяхъ; всякій толкуетъ о своихъ убѣжденіяхъ и еще уваженія къ нимъ требуетъ, носится съ ними.... Эхъ!

И Пигасовъ потрясъ кулакомъ въ воздухѣ. Пандалевскій разсмѣялся.

— Прекрасно! промолвилъ Рудинъ:—стало-быть, по вашему, убѣжденій нѣтъ?

— Нѣтъ—и не существуетъ.

— Это ваше убѣжденіе?

— Да.

— Какъ-же вы говорите, что ихъ нѣтъ? Вотъ вамъ уже одно на первый случай.

Всѣ въ комнатѣ улыбнулись и переглянулись.

— Позвольте, позвольте, однако, началъ-было Пигасовъ....

Но Дарья Михайловна захлопала въ ладоши, воскликнула: браво, браво, разбитъ Пигасовъ, разбитъ! и тихонько вынула шляпу изъ рукъ Рудина.

— Погодите радоваться, сударыня: успѣете! заговорилъ съ досадой Пигасовъ. — Недостаточно сказать, съ

Digitized by Google

видомъ превосходства, острое словцо: надобно доказать, опровергнуть.... Мы отбились отъ предмета спора.

— Позвольте, хладнокровно замѣтилъ Рудинъ: — дѣло очень просто. Вы не вѣрите въ пользу общихъ разсужденій, вы не вѣрите въ убѣжденія....

— Не вѣрю, не вѣрю, ни во что́ не вѣрю.

— Очень хорошо. Вы скептикъ.

— Не вижу необходимости употреблять такое ученое слово. Впрочемъ....

— Не перебивайте же! вмѣшалась Дарья Михайловна.

— «Кусь, кусь, кусь!» сказалъ про себя въ это мгновенье Пандалевскій и весь осклабился.

— Это слово выражаетъ мою мысль, продолжалъ Рудинъ. Вы его понимаете: отчего же не употреблять его? Вы ни во что́ не вѣрите.... Почему же вѣрите вы въ факты?

— Какъ почему? вотъ прекрасно! Факты дѣло извѣстное, всякій знаетъ, что́ такое факты.... Я сужу о нихъ по опыту, по собственному чувству.

— Да развѣ чувство не можетъ обмануть васъ! Чувство вамъ говоритъ, что солнце вокругъ земли ходитъ.... или, можетъ быть, вы не согласны съ Коперникомъ? Вы и ему не вѣрите?

Улыбка опять промчалась по всѣмъ лицамъ, и глаза всѣхъ устремились на Рудина. «А онъ человѣкъ не глупый», подумалъ каждый.

— Вы все изволите шутить, заговорилъ Пигасовъ. — Конечно, это очень оригинально, но къ дѣлу нейдетъ.

— Въ томъ, что я сказалъ до сихъ поръ, возразилъ Рудинъ:—къ сожалѣнію, слишкомъ мало оригинальнаго. Это все очень давно извѣстно и тысячу разъ было говорено. Дѣло не въ томъ....

Digitized by Google

— А въ чемъ же? спросилъ не безъ наглости Пигасовъ.

Въ спорѣ онъ сперва подтрунивалъ надъ противникомъ, потомъ становился грубымъ, а наконецъ дулся и умолкалъ.

— Вотъ въ чемъ, продолжалъ Рудинъ:—я признаюсь, не могу не чувствовать искренняго сожалѣнія, когда умные люди при мнѣ нападаютъ....

— На системы? перебилъ Пигасовъ.

— Да, пожалуй, хоть на системы. Что васъ пугаетъ такъ это слово? Всякая система основана на знаніи основныхъ законовъ, началъ жизни....

— Да ихъ узнать, открыть ихъ нельзя.... помилуйте!

— Позвольте. Конечно, не всякому они доступны, и человѣку свойственно ошибаться. Однако, вы, вѣроятно, согласитесь со мною, что, напримѣръ, Ньютонъ открылъ хотя нѣкоторые изъ этихъ основныхъ законовъ. Онъ былъ геній, положимъ; но открытія геніевъ тѣмъ и велики, что становятся достояніемъ всѣхъ. Стремленіе къ отысканію общихъ началъ въ частныхъ явленіяхъ есть одно изъ коренныхъ свойствъ человѣческаго ума, и вся наша образованность....

— Вотъ вы куда-съ! перебилъ растянутымъ голосомъ Пигасовъ. — Я практическій человѣкъ и во всѣ эти метафизическія тонкости не вдаюсь и не хочу вдаваться.

— Прекрасно! Это въ вашей волѣ. Но замѣтьте, что самое ваше желаніе быть исключительно практическимъ человѣкомъ есть уже своего рода система, теорія....

— Образованность! говорите вы, подхватилъ Пигасовъ: — вотъ еще чѣмъ удивить вздумали! Очень нужна она, эта хваленая образованность! Гроша мѣднаго не дамъ я за вашу образованность!

— Однако, какъ вы дурно спорите, Африканъ Семе-

Digitized by Google

нычъ! замѣтила Дарья Михайловна, внутренно весьма довольная спокойствіемъ и изящной учтивостью новаго своего знакомца. — «C'est un homme comme il faut», подумала она, съ доброжелательнымъ вниманіемъ взглянувъ въ лицо Рудину. «Надо его приласкать». Эти послѣднія слова она мысленно произнесла по-русски.

— Образованность я защищать не стану, продолжалъ, помолчавъ немного, Рудинъ: — она не нуждается въ моей защитѣ. Вы ея не любите.... у всякаго свой вкусъ. Притомъ это завело бы насъ слишкомъ далеко. Позвольте вамъ только напомнить старинную поговорку: «Юпитеръ, ты сердишься: стало-быть, ты виноватъ». Я хотѣлъ сказать, что всѣ эти нападенія на системы, на общія разсужденія и т. д.—потому особенно огорчительны, что, вмѣстѣ съ системами, люди отрицаютъ вообще знаніе, науку и вѣру въ нее, стало-быть, и вѣру въ самихъ себя, въ свои силы. А людямъ нужна эта вѣра: имъ нельзя жить одними впечатлѣніями, имъ грѣшно бояться мысли и не довѣрять ей. Скептицизмъ всегда отличался безплодностью и безсиліемъ...

— Это все слова! пробормоталъ Пигасовъ.

— Можетъ быть. Но позвольте вамъ замѣтить, что, говоря: «это все слова!»—мы часто сами желаемъ отдѣлаться отъ необходимости сказать что-нибудь подѣльнѣе однихъ словъ.

— Чего-съ? спросилъ Пигасовъ и прищурилъ глаза.

— Вы поняли, что я хотѣлъ сказать вамъ, возразилъ съ невольнымъ, но тотчасъ сдержаннымъ нетерпѣніемъ, Рудинъ. — Повторяю, если у человѣка нѣтъ крѣпкаго начала, въ которое онъ вѣритъ, нѣтъ почвы, на которой онъ стоитъ твердо, какъ можетъ онъ дать себѣ отчетъ въ потребностяхъ, въ значеніи, въ будущности своего на-



Digitized by Google

рода? какъ можетъ онъ знать, что онъ долженъ самъ дѣлать, если....

— Честь и мѣсто! отрывисто проговорилъ Пигасовъ, поклонился и отошелъ въ сторону, ни на кого не глядя.

Рудинъ посмотрѣлъ на него, усмѣхнулся слегка и умолкъ.

— Ага! обратился въ бѣгство! заговорила Дарья Михайловна. — Не безпокойтесь, Дмитрій.... Извините, прибавила она съ привѣтливой улыбкой: — какъ васъ по батюшкѣ?

— Николаичъ.

— Не безпокойтесь, любезный Дмитрій Николаичъ! Онъ никого изъ насъ не обманулъ. Онъ желаетъ показать видъ, что не *хочетъ* больше спорить.... Онъ чувствуетъ, что не *можетъ* спорить съ вами. А вы лучше подсядьте-ка къ намъ поближе да поболтаемте.

Рудинъ пододвинулъ свое кресло.

— Какъ это мы до сихъ поръ не познакомились? продолжала Дарья Михайловна. Это меня удивляетъ.... Читали-ли вы эту книгу? C'est de Tocqueville, vous savez?

И Дарья Михайловна протянула Рудину французскую брошюру.

Рудинъ взялъ тоненькую книжонку въ руки, перевернулъ въ ней нѣсколько страницъ и, положивъ ее обратно на столъ, отвѣчалъ, что собственно этого сочиненія г-на Токвиля онъ не читалъ, но часто размышлялъ о затронутомъ имъ вопросѣ. Разговоръ завязался. Рудинъ сперва какъ будто колебался, не рѣшался высказаться, не находилъ словъ, но наконецъ разгорѣлся и заговорилъ. Черезъ четверть часа одинъ его голосъ раздавался въ комнатѣ. Всѣ столпились въ кружокъ около него.

Одинъ Пигасовъ оставался въ отдаленіи, въ углу, подлѣ камина. Рудинъ говорилъ умно, горячо, дѣльно;

Digitized by Google

выказалъ много знанія, много начитанности. Никто не ожидалъ найти въ немъ человѣка замѣчательнаго.... Онъ былъ такъ посредственно одѣтъ, о немъ такъ мало ходило слуховъ. Всѣмъ непонятно казалось и странно, какимъ это образомъ вдругъ, въ деревнѣ, могъ проявиться такой умница. Тѣмъ болѣе удивилъ онъ и, можно сказать, очаровалъ всѣхъ, начиная съ Дарьи Михайловны.... Она гордилась своей находкой и уже заранѣе думала о томъ, какъ она выведетъ Рудина въ свѣтъ. Въ первыхъ ея впечатлѣніяхъ было много почти дѣтскаго, несмотря на ея года. Александра Павловна, правду сказать, поняла мало изо всего, что говорилъ Рудинъ, но была очень удивлена и обрадована; братъ ея тоже дивился; Пандалевскій наблюдалъ за Дарьей Михайловной и завидовалъ; Пигасовъ думалъ: «дамъ пятьсотъ рублей — еще лучше соловья достану!»... Но больше всѣхъ были поражены Басистовъ и Наталья. У Басистова чуть дыханье не захватило; онъ сидѣлъ все время съ раскрытымъ ртомъ и выпученными глазами — и слушалъ, слушалъ какъ отроду не слушалъ никого, а у Натальи лицо покрылось алой краской, и взоръ ея, неподвижно устремленный на Рудина, и потемнѣлъ и заблисталъ....

— Какіе у него славные глаза! шепнулъ ей Волынцевъ.

— Да, хороши.

— Жаль только, что руки велики и красны.

Наталья ничего не отвѣчала.

Подали чай. Разговоръ сталъ болѣе общимъ, но уже по одной внезапности, съ которой всѣ замолкали, лишь только Рудинъ раскрывалъ ротъ, можно было судить о силѣ произведеннаго имъ впечатлѣнія. Дарьѣ Михайловнѣ вдругъ захотѣлось подразнить Пигасова. Она подошла къ нему и вполголоса проговорила: «Что же вы молчите и

*

Digitized by Google

только улыбаетесь язвительно? Попытайтесь-ка, схватитесь съ нимъ опять», и не дождавшись его отвѣта, подозвала рукою Рудина.

— Вы про него еще одной вещи не знаете, сказала она ему, указывая на Пигасова: — онъ ужасный ненавистникъ женщинъ, безпрестанно нападаетъ на нихъ; пожалуйста, обратите его на путь истины.

Рудинъ посмотрѣлъ на Пигасова.... поневолѣ свысока: онъ былъ выше его двумя головами. Пигасова чуть не покоробило со злости, и желчное лицо его поблѣднѣло.

— Дарья Михайловна ошибается, началъ онъ невѣрнымъ голосомъ:—я не на однихъ женщинъ нападаю: я до человѣческаго рода не большой охотникъ.

— Что же вамъ могло дать такое дурное мнѣніе о немъ? спросилъ Рудинъ.

Пигасовъ глянулъ ему прямо въ глаза.

— Вѣроятно, изученіе собственнаго сердца, въ которомъ я съ каждымъ днемъ открываю все болѣе и болѣе дряни. Я сужу о другихъ по себѣ. Можетъ быть, это и несправедливо, и я гораздо хуже другихъ; но что прикажете дѣлать? привычка?

— Я васъ понимаю и сочувствую вамъ, возразилъ Рудинъ. Какая благородная душа не испытала жажды самоуниженія? Но не слѣдуетъ останавливаться на этомъ безвыходномъ положеніи.

— Покорно благодарю за выдачу моей душѣ аттестата въ благородствѣ, возразилъ Пигасовъ:—а положеніе мое—ничего, недурно, такъ что если даже есть изъ него выходъ, то Богъ съ нимъ! я его искать не стану.

— Но это значитъ—извините за выраженіе—предпочитать удовлетвореніе своего самолюбія желанію быть и жить въ истинѣ....

— Да еще бы! воскликнулъ Пигасовъ:—самолюбіе—

Digitized by Google

это и я понимаю, и вы, надѣюсь, понимаете, и всякій понимаетъ: а истина — что̀ такое истина? Гдѣ она, эта истина?

— Вы повторяетесь, предупреждаю васъ, замѣтила Дарья Михайловна.

Пигасовъ поднялъ плечи.

— Такъ что-жъ за бѣда? Я спрашиваю: гдѣ истина? Даже философы не знаютъ, что̀ она такое. Кантъ говоритъ: вотъ она, молъ, что̀; а Гегель—нѣтъ, врешь, она вотъ что̀.

— А вы знаете, что̀ говоритъ о ней Гегель? спросилъ, не возвышая голоса, Рудинъ.

— Я повторяю, продолжалъ разгорячившійся Пигасовъ:—что я не могу понять, что̀ такое истина. По моему, ея вовсе и нѣтъ на свѣтѣ, то-есть, слово-то есть, да самой вещи нѣтъ.

— Фи! фи! воскликнула Дарья Михайловна:—какъ вамъ не стыдно это говорить, старый вы грѣшникъ! Истины нѣтъ? Для чего же жить послѣ этого на свѣтѣ?

— Да ужъ я думаю, Дарья Михайловна, возразилъ съ досадой Пигасовъ:—что вамъ, во всякомъ случаѣ, легче было бы жить безъ истины, чѣмъ безъ вашего повара Степана, который такой мастеръ варить бульоны! И на что вамъ истина, скажите на милость? вѣдь чепчика изъ нея сшить нельзя!

— Шутка не возраженіе, замѣтила Дарья Михайловна: —особенно, когда сбивается на клевету....

— Не знаю, какъ истина, а правда, видно, глаза колетъ, пробормоталъ Пигасовъ и съ сердцемъ отошелъ въ сторону.

А Рудинъ заговорилъ о самолюбіи, и очень дѣльно заговорилъ. Онъ доказывалъ, что человѣкъ безъ самолюбія ничтоженъ, что самолюбіе—архимедовъ рычагъ, которымъ

Digitized by Google

землю съ мѣста можно сдвинуть, но что въ то же время тотъ только заслуживаетъ названіе человѣка, кто умѣетъ овладѣть своимъ самолюбіемъ, какъ всадникъ конемъ, кто свою личность приноситъ въ жертву общему благу....

— Себялюбіе, такъ заключилъ онъ:—самоубійство. Себялюбивый человѣкъ засыхаетъ словно одинокое, безплодное дерево; но самолюбіе, какъ дѣятельное стремленіе къ совершенству, есть источникъ всего великаго.... Да! человѣку надо надломить упорный эгоизмъ своей личности, чтобы дать ей право себя высказывать!

— Не можете ли вы одолжить мнѣ карандашика? обратился Пигасовъ къ Басистову.

Басистовъ не тотчасъ понялъ, что́ у него спрашивалъ Пигасовъ.

— Зачѣмъ вамъ карандашъ? проговорилъ онъ наконецъ.

— Хочу записать вотъ эту послѣднюю фразу г. Рудина. Не записавъ, позабудешь, чего добраго! А согласитесь сами, такая фраза все равно, что большой шлемъ въ ералаши.

— Есть вещи, надъ которыми смѣяться и трунить грѣшно, Африканъ Семенычъ! съ жаромъ проговорилъ Басистовъ и отвернулся отъ Пигасова.

Между тѣмъ, Рудинъ подошелъ къ Натальѣ. Она встала: лицо ея выразило замѣшательство.

Волынцевъ, сидѣвшій подлѣ нея, тоже всталъ.

— Я вижу фортепьяно, началъ Рудинъ мягко и ласково, какъ путешествующій принцъ:—не вы ли играете на немъ?

— Да, я играю, проговорила Наталья:—но не очень хорошо. Вотъ Константинъ Діомидычъ гораздо лучше меня играетъ.

Пандалевскій выставилъ свое лицо и оскалилъ зубы.

Digitized by Google

— Напрасно вы это говорите, Наталья Алексѣевна: вы играете нисколько не хуже меня.

— Знаете-ли вы «Erlkönig» Шуберта? спросилъ Рудинъ.

— Знаетъ, знаетъ! подхватила Дарья Михайловна.— Садитесь, Constantin.... А вы любите музыку, Дмитрій Николаичъ.

Рудинъ только наклонилъ слегка голову и провелъ рукой по волосамъ, какъ бы готовясь слушать.... Пандалевскій заигралъ.

Наталья стала возлѣ фортепьяно, прямо напротивъ Рудина. Съ первымъ звукомъ лицо его приняло прекрасное выраженіе. Его темно-синіе глаза медленно блуждали, изрѣдка останавливаясь на Натальѣ. Пандалевскій кончилъ.

Рудинъ ничего не сказалъ и подошелъ къ раскрытому окну. Душистая мгла лежала мягкой пеленою надъ садомъ; дремотной свѣжестью дышали близкія деревья. Звѣзды тихо теплились. Лѣтняя ночь и нѣжилась и нѣжила. Рудинъ поглядѣлъ въ темный садъ—и обернулся.

— Эта музыка и эта ночь, заговорилъ онъ: — напомнили мнѣ мое студенческое время въ Германіи: наши сходки, наши серенады....

— А вы были въ Германіи? спросила Дарья Михайловна.

— Я провелъ годъ въ Гейдельбергѣ и около года въ Берлинѣ.

— И одѣвались студентомъ? Говорятъ, они тамъ какъ-то особенно одѣваются.

— Въ Гейдельбергѣ я носилъ большіе сапоги со шпорами и венгерку со шнурками и волосы отростилъ до самыхъ плечъ.... Въ Берлинѣ студенты одѣваются, какъ всѣ люди.

Digitized by Google

— Разскажите намъ что-нибудь изъ вашей студенческой жизни, промолвила Александра Павловна.

Рудинъ началъ разсказывать. Разсказывалъ онъ не совсѣмъ удачно. Въ описаніяхъ его недоставало красокъ. Онъ не умѣлъ смѣшить. Впрочемъ, Рудинъ отъ разсказовъ своихъ заграничныхъ похожденій скоро перешелъ къ общимъ разсужденіямъ о значеніи просвѣщенія и науки, объ университетахъ и жизни университетской вообще. Широкими и смѣлыми чертами набросалъ онъ громадную картину. Всѣ слушали его съ глубокимъ вниманіемъ. Онъ говорилъ мастерски, увлекательно, не совсѣмъ ясно.... но самая эта неясность придавала особенную прелесть его рѣчамъ.

Обиліе мыслей мѣшало Рудину выражаться опредѣлительно и точно. Образы смѣнялись образами; сравненія, то неожиданно смѣлыя, то поразительно вѣрныя, возникали за сравненіями. Не самодовольной изысканностью опытнаго говоруна—вдохновеніемъ дышала его нетерпѣливая импровизація. Онъ не искалъ словъ: они сами послушно и свободно приходили къ нему на уста, и каждое слово, казалось, такъ и лилось прямо изъ души, пылало всѣмъ жаромъ убѣжденія. Рудинъ владѣлъ едва ли не высшей тайной — музыкой краснорѣчія. Онъ умѣлъ, ударяя по однѣмъ струнамъ сердецъ, заставлять смутно звенѣть и дрожать всѣ другія. Иной слушатель, пожалуй, и не понималъ въ точности, о чемъ шла рѣчь; но грудь его высоко поднималась, какія-то завѣсы разверзались передъ его глазами, что-то лучезарное загоралось впереди.

Всѣ мысли Рудина казались обращенными въ будущее; это придавало имъ что-то стремительное и молодое.... Стоя у окна, не глядя ни на кого въ особенности, онъ говорилъ—и, вдохновенный общимъ сочувствіемъ и вни-

Digitized by Google

маніемъ, близостію молодыхъ женщинъ, красотою ночи, увлеченный потокомъ собственныхъ ощущеній, онъ возвысился до краснорѣчія, до поэзіи.... Самый звукъ его голоса, сосредоточенный и тихій, увеличивалъ обаяніе; казалось, его устами говорило что-то высшее, для него самого неожиданное.... Рудинъ говорилъ о томъ, что́ придаетъ вѣчное значеніе временной жизни человѣка.

— Помню я одну скандинавскую легенду, такъ кончилъ онъ:—царь сидитъ съ своими воинами въ темномъ и длинномъ сараѣ, вокругъ огня. Дѣло происходитъ ночью зимой. Вдругъ небольшая птичка влетаетъ въ раскрытыя двери и вылетаетъ въ другія. Царь замѣчаетъ, что эта птичка какъ человѣкъ въ мірѣ: прилетѣла изъ темноты и улетѣла въ темноту и недолго побыла въ теплѣ и свѣтѣ.... «Царь»—возражаетъ самый старый изъ воиновъ:—«птичка и во тьмѣ не пропадетъ и гнѣздо свое сыщетъ».... Точно, наша жизнь быстра и ничтожна; но все великое совершается черезъ людей. Сознаніе быть орудіемъ тѣхъ высшихъ силъ должно замѣнить человѣку всѣ другіе радости: въ самой смерти найдетъ онъ свою жизнь, свое гнѣздо....

Рудинъ остановился и потупилъ глаза съ улыбкой невольнаго смущенія.

— Vous êtes un poète, вполголоса проговорила Дарья Михайловна.

И всѣ съ ней внутренно согласились,—всѣ, исключая Пигасова. Не дождавшись конца длинной рѣчи Рудина, онъ тихонько взялъ шляпу и, уходя, озлобленно прошепталъ стоявшему близъ двери Пандалевскому:

— Нѣтъ! поѣду къ дуракамъ!

Впрочемъ никто его не удерживалъ и не замѣтилъ его отсутствія.

Люди внесли ужинъ, и полчаса спустя, всѣ разъѣха-

Digitized by Google

лись и разошлись. Дарья Михайловна упросила Рудина остаться ночевать. Александра Павловна, возвращаясь съ братомъ домой въ каретѣ, нѣсколько разъ принималась ахать и удивляться необыкновенному уму Рудина. Волынцевъ соглашался съ ней, однако замѣтилъ, что онъ иногда выражается немного темно.... то-есть не совсѣмъ вразумительно, прибавилъ онъ, желая, вѣроятно, пояснить свою мысль; но лицо его омрачилось, и взглядъ, устремленный въ уголъ кареты, казался еще грустнѣе.

Пандалевскій, ложась спать и снимая свои вышитыя шелкомъ помочи, проговорилъ вслухъ: «очень ловкій человѣкъ!» и вдругъ, сурово взглянувъ на своего казачка-камердинера, приказалъ ему выйти. Басистовъ цѣлую ночь не спалъ и не раздѣвался, онъ до самаго утра все писалъ письмо къ одному своему товарищу въ Москву; а Наталья хотя и раздѣлась и легла въ постель, но тоже ни на минуту не уснула и не закрывала даже глазъ. Подперши голову рукою, она глядѣла пристально въ темноту; лихорадочно бились ея жилы, и тяжелый вздохъ часто приподнималъ ея грудь.

## IV.

На другое утро, Рудинъ только-что успѣлъ одѣться, какъ явился къ нему человѣкъ отъ Дарьи Михайловны съ приглашеніемъ пожаловать къ ней въ кабинетъ и откушать съ ней чай. Рудинъ засталъ ее одну. Она очень любезно съ нимъ поздоровалась, освѣдомилась, хорошо ли онъ провелъ ночь, сама налила ему чашку чаю, спросила даже, довольно ли сахару, предложила ему папироску и раза два опять повторила, что удивляется, какъ она давно съ нимъ не познакомилась. Рудинъ сѣлъ-было нѣсколько поодаль; но Дарья Михайловна указала ему на

Digitized by Google

небольшое пате́, стоявшее подлѣ ея кресла, и, слегка наклонясь въ его сторону, начала разспрашивать его объ его семействѣ, объ его намѣреніяхъ и предположеніяхъ. Дарья Михайловна говорила небрежно, слушала разсѣянно; но Рудинъ очень хорошо понималъ, что она ухаживала за нимъ, чуть не льстила ему. Не даромъ же она устроила это утреннее свиданіе, не даромъ одѣлась просто, но изящно, à la madame Récamier! Впрочемъ, Дарья Михайловна скоро перестала его разспрашивать: она начала ему разсказывать о себѣ, о своей молодости, о людяхъ, съ которыми она зналась. Рудинъ съ участіемъ внималъ ея разглагольствованіямъ, хотя—странное дѣло!—о какомъ бы лицѣ ни заговорила Дарья Михайловна, на первомъ планѣ оставалась все-таки она, она одна, а то лицо какъ-то скрадывалось и изчезало. За то, Рудинъ узналъ въ подробности, что́ именно Дарья Михайловна говорила такому-то извѣстному сановнику, какое она имѣла вліяніе на такого-то знаменитаго поэта. Судя по разсказамъ Дарьи Михайловны, можно было подумать, что всѣ замѣчательные люди послѣдняго двадцатипятилѣтія только о томъ и мечтали, какъ бы повидаться съ ней, какъ бы заслужить ея расположеніе. Она говорила о нихъ просто, безъ особенныхъ восторговъ и похвалъ, какъ о своихъ, называя иныхъ чудаками. Она говорила о нихъ, и какъ богатая оправа вокругъ драгоцѣннаго камня, имена ихъ ложились блестящей каймой вокругъ главнаго имени — вокругъ Дарьи Михайловны....

А Рудинъ слушалъ, покуривая папироску и молчалъ, лишь изрѣдка вставляя въ рѣчь разболтавшейся барыни небольшія замѣчанія. Онъ умѣлъ и любилъ говорить; вести разговоръ было не по немъ, но онъ умѣлъ также слушать. Всякій, кого онъ только не запугивалъ сначала, довѣрчиво распускался въ его присутствіи; такъ охотно

Digitized by Google

и одобрительно слѣдилъ онъ за нитью чужого разсказа. Въ немъ было много добродушія,—того особеннаго добродушія, которымъ исполнены люди, привыкшіе чувствовать себя выше другихъ. Въ спорахъ онъ рѣдко давалъ высказываться своему противнику и подавлялъ его своей стремительной и страстной діалектикой.

Дарья Михайловна изъяснялась по-русски. Она щеголяла знаніемъ родного языка, хотя галлицизмы, французскія словечки попадались у ней частенько. Она съ намѣреніемъ употребляла простые народные обороты, но не всегда удачно. Ухо Рудина не оскорблялось странной пестротою рѣчи въ устахъ Дарьи Михайловны, да и врядъ ли имѣлъ онъ на это—ухо.

Дарья Михайловна утомилась наконецъ и, прислонясь головой къ задней подушкѣ креселъ, устремила глаза на Рудина и умолкла.

— Я теперь понимаю, началъ медленнымъ голосомъ Рудинъ,—я понимаю, почему вы каждое лѣто пріѣзжаете въ деревню. Вамъ этотъ отдыхъ необходимъ, деревенская тишина, послѣ столичной жизни, освѣжаетъ и укрѣпляетъ васъ. Я увѣренъ, что вы должны глубоко сочувствовать красотамъ природы.

Дарья Михайловна искоса посмотрѣла на Рудина.

— Природа.... да.... да, конечно.... я ужасно ее люблю; но знаете ли, Дмитрій Николаичъ, и въ деревнѣ нельзя безъ людей. А здѣсь почти никого нѣтъ. Пигасовъ самый умный человѣкъ здѣсь.

— Вчерашній сердитый старикъ? спросилъ Рудинъ.

— Да, этотъ.... Въ деревнѣ, впрочемъ, и онъ годится —хоть разсмѣшитъ иногда.

— Онъ человѣкъ не глупый, возразилъ Рудинъ: — но онъ на ложной дорогѣ. Я не знаю, согласитесь ли вы со мною, Дарья Михайловна, но въ отрицаніи—въ отрица-

Digitized by Google

ніи полномъ и всеобщемъ—нѣтъ благодати. Отрицайте все, и вы легко можете прослыть за умницу: это уловка извѣстная. Добродушные люди сейчасъ готовы заключить, что вы стоите выше того, что отрицаете. А это часто неправда. Во-первыхъ, во всемъ можно сыскать пятна, а во-вторыхъ, если даже вы и дѣло говорите, вамъ же хуже; вашъ умъ, направленный на одно отрицаніе, бѣднѣетъ, сохнетъ. Удовлетворяя ваше самолюбіе, вы лишитесь истинныхъ наслажденій созерцанія; жизнь—сущность жизни — ускользаетъ отъ вашего мелкаго и желчнаго наблюденія, и вы кончите тѣмъ, что будете лаяться и смѣшить. Порицать, бранить имѣетъ право только тотъ, кто любитъ.

— Voilà m-r Pigassoff enterré, проговорила Дарья Михайловна. Какой вы мастеръ опредѣлять человѣка! Впрочемъ, Пигасовъ, вѣроятно, и не понялъ бы васъ. А любитъ онъ только собственную свою особу.

— И бранитъ ее для того, чтобы имѣть право бранить другихъ, подхватилъ Рудинъ.

Дарья Михайловна засмѣялась.

— Съ больной..... какъ это говорится.... съ больного на здороваго. Кстати, что вы думаете о баронѣ?

— О баронѣ? Онъ хорошій человѣкъ, съ добрымъ сердцемъ и знающій.... но въ немъ нѣтъ характера.... и онъ весь свой вѣкъ останется полу-ученымъ, полу-свѣтскимъ человѣкомъ, т. е. дилеттантомъ, т. е. говоря бе[з] няковъ—ничѣмъ.... А жаль!

— Я сама того же мнѣнія, возразила Дар[ья Ми]ловна. Я читала его статью.... Entre nous, assez peu de fond.

— Кто же еще у васъ тутъ есть? спросилъ, Рудинъ.

Digitized by Google

Дарья Михайловна отряхнула пятымъ пальцемъ пепелъ съ пахитоски.

— Да больше почти никого нѣтъ. Липина, Александра Павловна, которую вы вчера видѣли: она очень мила, но и только. Братъ ея—тоже прекрасный человѣкъ, un parfait honnête homme. Князя Гарина вы знаете. Вотъ и всѣ. Есть еще два-три сосѣда, но тѣ уже совсѣмъ ничего. Либо ломаются—претензіи страшныя—либо дичатся, или ужъ не кстати развязны. Барынь я, вы знаете, не вижу. Есть еще одинъ сосѣдъ, очень, говорятъ, образованный, даже ученый человѣкъ, но чудакъ ужасный, фантазёръ. Alexandrine его знаетъ и, кажется, къ нему неравнодушна.... Вотъ вамъ бы заняться ею, Дмитрій Николаичъ: это милое существо; ее надо только развить немножко, непремѣнно надо ее развить!

— Она очень симпатична, замѣтилъ Рудинъ.

— Совершенное дитя, Дмитрій Николаичъ, ребенокъ настоящій. Она была замужемъ, mais c'est tout comme.... Если-бъ я была мужчина, я только въ такихъ бы женщинъ влюблялась.

— Неужели?

— Непремѣнно. Такія женщины, по крайней мѣрѣ, свѣжи, а ужъ подъ свѣжесть поддѣлаться нельзя.

— А подо все другое можно? спросилъ Рудинъ и засмѣялся, что̀ съ нимъ случалось очень рѣдко. Когда онъ смѣялся, лицо его принимало странное, почти старческое выраженіе, глаза ежелись, носъ морщился....

— А кто же такой этотъ, какъ вы говорите, чудакъ, къ которому г-жа Липина неравнодушна? спросилъ онъ.

— Нѣкто Лежневъ, Михайло Михайлычъ, здѣшній помѣщикъ.

Рудинъ изумился и поднялъ голову.

Digitized by Google

— Лежневъ, Михайло Михайлычъ? спросилъ онъ: — развѣ онъ сосѣдъ вашъ?

— Да. А вы его знаете?

Рудинъ помолчалъ.

— Я его зналъ прежде... тому давно. Вѣдь онъ, кажется, богатый человѣкъ? прибавилъ онъ, пощипывая рукою бахрому кресла.

— Да, богатый, хотя одѣвается ужасно и ѣздитъ на бѣговыхъ дрожкахъ, какъ прикащикъ. Я желала залучить его къ себѣ: онъ, говорятъ, уменъ; у меня же съ нимъ дѣло есть.... Вѣдь, вы знаете, я сама распоряжаюсь моимъ имѣніемъ.

Рудинъ наклонилъ голову.

— Да, сама, продолжала Дарья Михайловна:—я никакихъ иностранныхъ глупостей не ввожу, придерживаюсь своего, русскаго, и видите, дѣла, кажется, идутъ недурно, прибавила она, проведя рукой кругомъ.

— Я всегда былъ убѣжденъ, замѣтилъ вѣжливо Рудинъ:—въ крайней несправедливости тѣхъ людей, которые отказываютъ женщинамъ въ практическомъ смыслѣ.

Дарья Михайловна пріятно улыбнулась.

— Вы очень снисходительны, промолвила она:—но что бишь я хотѣла сказать? О чемъ мы говорили? Да! о Лежневѣ. У меня съ нимъ дѣло по размежеванію. Я его нѣсколько разъ приглашала къ себѣ и даже сегодня я его жду; но онъ, Богъ его знаетъ, не ѣдетъ.... такой чудакъ!

Пологъ передъ дверью тихо распахнулся, и вошелъ дворецкій, человѣкъ высокаго роста, сѣдой и плѣшивый, въ черномъ фракѣ, бѣломъ галстухѣ и бѣломъ жилетѣ.

— Что ты? спросила Дарья Михайловна и, слегка обратясь къ Рудину, прибавила вполголоса — n'est ce pas, comme il ressemble à Canning?

Digitized by Google

— Михайло Михайлычъ Лежневъ пріѣхали, доложилъ дворецкій:—прикажете принять?

— Ахъ, Боже мой! воскликнула Дарья Михайловна:— вотъ легокъ на поминѣ. Проси!

Дворецкій вышелъ.

— Такой чудакъ, пріѣхалъ наконецъ, и то не кстати: нашъ разговоръ перервалъ.

Рудинъ поднялся съ мѣста; но Дарья Михайловна его остановила.

— Куда же вы? Мы можемъ толковать и при васъ. А я желаю, чтобы вы и его опредѣлили, какъ Пигасова. Когда вы говорите, vous gravez comme avec un burin. Останьтесь.

Рудинъ хотѣлъ-было что-то сказать, но подумалъ и остался.

Михайло Михайлычъ, уже знакомый читателю, вошелъ въ кабинетъ. На немъ было то же сѣрое пальто и въ загорѣлыхъ рукахъ онъ держалъ ту же старую фуражку. Онъ спокойно поклонился Дарьѣ Михайловнѣ и подошелъ къ чайному столу.

— Наконецъ-то вы пожаловали къ намъ, мосьё Лежневъ! проговорила Дарья Михайловна.—Прошу садиться. Вы, я слышала, знакомы, продолжала она, указывая на Рудина.

Лежневъ взглянулъ на Рудина и какъ-то странно улыбнулся.

— Я знаю господина Рудина, промолвилъ онъ съ небольшимъ поклономъ.

— Мы вмѣстѣ были въ университетѣ, замѣтилъ вполголоса Рудинъ и опустилъ глаза.

— Мы и послѣ встрѣчались, холодно проговорилъ Лежневъ.

Дарья Михайловна посмотрѣла съ нѣкоторымъ изумле-

Digitized by Google

ніемъ на обоихъ и попросила Лежнева сѣсть. Онъ сѣлъ.

— Вы желали меня видѣть, началъ онъ: — на счетъ размежеванія?

— Да, на счетъ размежеванія, но я и такъ-таки желала васъ видѣть. Вѣдь мы близкіе сосѣди и чуть ли не съ родни.

— Очень вамъ благодаренъ, возразилъ Лежневъ:—что же касается до размежеванія, то мы съ вашимъ управляющимъ совершенно покончили это дѣло: я на всѣ его предложенія согласенъ.

— Я это знала.

— Только онъ мнѣ сказалъ, что безъ личнаго свиданія съ вами бумаги подписать нельзя.

— Да; это у меня ужъ такъ заведено. Кстати, позвольте спросить, вѣдь у васъ, кажется, всѣ мужики на оброкѣ?

— Точно такъ.

— И вы сами хлопочете о размежеваніи? Это похвально.

Лежневъ помолчалъ.

— Вотъ я и явился для личнаго свиданія, проговорилъ онъ.

Дарья Михайловна усмѣхнулась.

— Вижу, что явились. Вы говорите это такимъ тономъ.... Вамъ, должно быть, очень не хотѣлось ко мнѣ ѣхать.

— Я никуда не ѣзжу, возразилъ флегматически Лежневъ.

— Никуда? А къ Александрѣ Павловнѣ вы ѣздите?

— Я съ ея братомъ давно знакомъ.

— Съ ея братомъ! Впрочемъ, я никого не принуждаю.... Но, извините меня, Михайло Михайловичъ, я старше васъ годами и могу васъ пожурить: что вамъ за



Digitized by Google

охота жить этакимъ бирюкомъ? Или собственно *мой* домъ вамъ не нравится? я вамъ не нравлюсь?

— Я васъ не знаю, Дарья Михайловна, и потому вы мнѣ не нравиться не можете. Домъ у васъ прекрасный; но, признаюсь вамъ откровенно, я не люблю стѣснять себя. У меня и фрака порядочнаго нѣтъ; перчатокъ нѣтъ; да я и не принадлежу къ вашему кругу.

— По рожденію, по воспитанію, вы принадлежите къ нему, Михайло Михайлычъ! vous êtes des nôtres.

— Рожденіе и воспитаніе въ сторону, Дарья Михайловна! Дѣло не въ томъ....

— Человѣкъ долженъ жить съ людьми, Михайло Михайлычъ! Что за охота сидѣть, какъ Діогенъ въ бочкѣ?

— Во-первыхъ, ему тамъ было очень хорошо; а во-вторыхъ, почему вы знаете, что я не съ людьми живу?

Дарья Михайловна закусила губы.

— Это другое дѣло! Мнѣ остается только сожалѣть о томъ, что я не удостоилась попасть въ число людей, съ которыми вы знаетесь.

— Мосьё Лежневъ, вмѣшался Рудинъ: — кажется, преувеличиваетъ весьма похвальное чувство — любовь къ свободѣ.

Лежневъ ничего не отвѣтилъ и только взглянулъ на Рудина. Наступило небольшое молчаніе.

— Итакъ-съ, началъ Лежневъ, поднимаясь: — я могу считать наше дѣло покончennымъ и сказать вашему управляющему, чтобы онъ прислалъ ко мнѣ бумаги.

— Можете.... хотя, признаться, вы такъ нелюбезны.... мнѣ бы слѣдовало отказать вамъ.

— Да вѣдь это размежеваніе гораздо выгоднѣе для васъ, чѣмъ для меня.

Дарья Михайловна пожала плечами.

Digitized by Google

— Вы не хотите даже позавтракать у меня? спросила она.

— Покорно васъ благодарю: я никогда не завтракаю, да и тороплюсь домой.

Дарья Михайловна встала.

— Я васъ не удерживаю, промолвила она, подходя къ окну: — не смѣю васъ удерживать.

Лежневъ началъ раскланиваться.

— Прощайте, мосьё Лежневъ! Извините, что обезпокоила васъ.

— Ничего, помилуйте, возразилъ Лежневъ и вышелъ.

— Каковъ? спросила Дарья Михайловна у Рудина. — Я слыхала про него, что онъ чудакъ; но вѣдь ужъ это изъ рукъ вонъ!

— Онъ страдаетъ той же болѣзнью, какъ и Пигасовъ, проговорилъ Рудинъ: — желаньемъ быть оригинальнымъ. Тотъ прикидывается Мефистофелемъ, этотъ циникомъ. Во всемъ этомъ много эгоизма, много самолюбія и мало истины, мало любви. Вѣдь это тоже своего рода разсчетъ: надѣлъ на себя человѣкъ маску равнодушія и лѣни, авось, молъ, кто-нибудь подумаетъ: вотъ человѣкъ, сколько талантовъ въ себѣ погубилъ! А поглядѣть попристальнѣе — и талантовъ-то въ немъ никакихъ нѣтъ.

— Et de deux! промолвила Дарья Михайловна. — Вы ужасный человѣкъ на опредѣленія. Отъ васъ не скроешься.

— Вы думаете? промолвилъ Рудинъ.... Впрочемъ, продолжалъ онъ: — по настоящему, мнѣ бы не слѣдовало говорить о Лежневѣ; я его любилъ, любилъ, какъ друга.... но потомъ, вслѣдствіе различныхъ недоразумѣній....

— Вы разсорились?

— Нѣтъ. Но мы разстались, и разстались, кажется, навсегда.

— То-то, я замѣтила, вы во все время его посѣщенія

Digitized by Google

были какъ будто не по себѣ.... Однако, я весьма вамъ благодарна за сегодняшнее утро. Я чрезвычайно пріятно провела время. Но надо же и честь знать. Отпускаю васъ до завтрака, а сама иду заниматься дѣлами. Мой секретарь, вы его видѣли — Constantin, c'est lui qui est mon sécrétaire — должно быть, уже ждетъ меня. Рекомендую его вамъ: онъ прекрасный, преуслужливый молодой человѣкъ и въ совершенномъ восторгѣ отъ васъ. До свиданія, cher Дмитрій Николаичъ! Какъ я благодарна барону за то, что онъ познакомилъ меня съ вами!

И Дарья Михайловна протянула Рудину руку. Онъ сперва пожалъ ее, потомъ поднесъ къ губамъ и вышелъ въ залу, а изъ залы на террасу. На террасѣ онъ встрѣтилъ Наталью.

## V.

Дочь Дарьи Михайловны, Наталья Алексѣевна, съ перваго взгляда могла не понравиться. Она еще не успѣла развиться, была худа, смугла, держалась немного сутуловато. Но черты ея лица были красивы и правильны, хотя слишкомъ велики для семнадцатилѣтней дѣвушки. Особенно хорошъ былъ ея чистый и ровный лобъ надъ тонкими, какъ бы надломленными по серединѣ бровями. Она говорила мало, слушала и глядѣла внимательно, почти пристально, — точно она себѣ во всемъ хотѣла дать отчетъ. Она часто оставалась неподвижной, опускала руки и задумывалась; на лицѣ ея выражалась тогда внутренняя работа мыслей.... Едва замѣтная улыбка появится вдругъ на губахъ и скроется; большіе темные глаза тихо подымутся.... Qu'avez vous? спроситъ ее m-lle Boncourt и начнетъ бранить ее, говоря, что молодой дѣвицѣ неприлично задумываться и принимать разсѣян-

Digitized by Google

ный видъ. Но Наталья не была разсѣянна: напротивъ, она училась прилежно; читала и работала охотно. Она чувствовала глубоко и сильно, но тайно; она и въ дѣтствѣ рѣдко плакала, а теперь даже вздыхала рѣдко и только блѣднѣла слегка, когда что-нибудь ее огорчало. Мать ея считала доброправной, благоразумной дѣвушкой, называла ее въ шутку: mon honnête homme de fille, но не была слишкомъ высокаго мнѣнія объ ея умственныхъ способностяхъ. «Наташа у меня, къ счастью холодна — говаривала она — не въ меня.... тѣмъ лучше. Она будетъ счастлива». Дарья Михайловна ошибалась. Впрочемъ, рѣдкая мать понимаетъ дочь свою.

Наталья любила Дарью Михайловну и не вполнѣ ей довѣряла.

— Тебѣ нечего отъ меня скрывать, сказала ей однажды Дарья Михайловна: — а то бы ты скрытничала: тытаки себѣ на умѣ....

Наталья поглядѣла матери въ лицо и подумала: «для чего же не быть себѣ на умѣ?»

Когда Рудинъ встрѣтилъ ее на террасѣ, она вмѣстѣ съ m-lle Boncourt шла въ комнату, чтобы надѣть шляпу и отправиться въ садъ. Утреннія ея занятія уже кончились. Наталью перестали держать, какъ дѣвочку, m-lle Boncourt давно уже не давала ей уроковъ изъ миѳологіи и географіи; но Наталья должна была каждое утро читать историческія книги, путешествія и другія назидательныя сочиненія — при ней. Выбирала ихъ Дарья Михайловна, будто бы придерживаясь особой, своей системы. На самомъ дѣлѣ, она просто передавала Натальѣ все, что ей присылалъ французъ-книгопродавецъ изъ Петербурга, исключая, разумѣется, романовъ Дюма-фиса и Комп. Эти романы Дарья Михайловна читала сама. M-lle Boncourt особенно строго и кисло посматривала

Digitized by Google

черезъ очки свои, когда Наталья читала историческія книги: по понятіямъ старой француженки, вся исторія была наполнена непозволительными вещами, хотя она сама изъ великихъ мужей древности знала почему-то только одного Камбиза, а изъ новѣйшихъ временъ — Людовика XIV и Наполеона, котораго терпѣть не могла. Но Наталья читала и такія книги, существованіе которыхъ m-lle Boncourt не подозрѣвала: она знала наизусть всего Пушкина....

Наталья слегка покраснѣла при встрѣчѣ съ Рудинымъ.

— Вы идете гулять? спросилъ онъ ее.

— Да. Мы идемъ въ садъ.

— Можно идти съ вами?

Наталья взглянула на m-lle Boncourt.

— Mais certainement, monsieur, avec plaisir, поспѣшно проговорила старая дѣва.

Рудинъ взялъ шляпу и пошелъ вмѣстѣ съ ними.

Натальѣ было сперва неловко идти рядомъ съ Рудинымъ по одной дорожкѣ; потомъ ей немного легче стало. Онъ началъ разспрашивать ее о ея занятіяхъ, о томъ, какъ ей нравится деревня. Она отвѣчала не безъ робости, но безъ той торопливой застѣнчивости, которую такъ часто и выдаютъ и принимаютъ за стыдливость. Сердце у ней билось.

— Вы не скучаете въ деревнѣ? спросилъ Рудинъ, окидывая ее боковымъ взоромъ.

— Какъ можно скучать въ деревнѣ? Я очень рада, что мы здѣсь. Я здѣсь очень счастлива.

— Вы счастливы.... Это великое слово. Впрочемъ, это понятно: вы молоды.

Рудинъ произнесъ это послѣднее слово какъ-то странно: не то онъ завидовалъ Натальѣ, не то онъ сожалѣлъ о ней.

Digitized by Google

— Да! молодость! прибавилъ онъ. — Вся цѣль науки — дойти сознательно до того, что молодости дается даромъ.

Наталья внимательно посмотрѣла на Рудина: она не поняла его.

— Я сегодня цѣлое утро разговаривалъ съ вашей матушкой, продолжалъ онъ: — она необыкновенная женщина. Я понимаю, почему всѣ наши поэты дорожили ея дружбой. А вы любите стихи? прибавилъ онъ, помолчавъ немного.

«Онъ меня экзаменуетъ,» подумала Наталья и промолвила:—да, очень люблю.

— Поэзія—языкъ боговъ. Я самъ люблю стихи. Но не въ однихъ стихахъ поэзія: она разлита вездѣ, она вокругъ насъ.... Взгляните на эти деревья, на это небо — отовсюду вѣетъ красотою и жизнью; а гдѣ красота и жизнь, тамъ и поэзія.

— Сядемте здѣсь на скамью, продолжалъ онъ. — Вотъ такъ. Мнѣ почему-то кажется, что когда вы попривыкните ко мнѣ (и онъ съ улыбкой посмотрѣлъ ей въ лицо), мы будемъ пріятели съ вами. Какъ вы полагаете?

«Онъ обращается со мной, какъ съ дѣвочкой», подумала онять Наталья и, не зная, что̀ сказать, спросила его, долго ли онъ намѣренъ остаться въ деревнѣ.

— Все лѣто, осень, а можетъ быть и зиму. Я, вы знаете, человѣкъ очень не богатый; дѣла мои разстроены да и притомъ мнѣ уже наскучило таскаться съ мѣста на мѣсто. Пора отдохнуть.

Наталья изумилась.

— Неужели вы находите, что вамъ пора отдыхать? спросила она робко.

Рудинъ повернулся лицомъ къ Натальѣ.

— Что̀ вы хотите этимъ сказать?

Digitized by Google

— Я хочу сказать, возразила она съ нѣкоторымъ смущеньемъ:—что отдыхать могутъ другіе; а вы.... вы должны трудиться, стараться быть полезнымъ. Кому же, какъ не вамъ....

— Благодарю за лестное мнѣніе, перебилъ ее Рудинъ.— Быть полезнымъ.... легко сказать! (Онъ провелъ рукою по лицу). Быть полезнымъ! повторилъ онъ.—Если-бъ даже было во мнѣ твердое убѣжденіе: какъ я могу быть полезнымъ—если-бъ я даже вѣрилъ въ свои силы—гдѣ найти искреннія, сочувствующія души?...

И Рудинъ такъ безнадежно махнулъ рукою и такъ печально поникъ головою, что Наталья невольно спросила себя: полно, его ли восторженныя, дышащія надеждой, рѣчи она слышала наканунѣ?

— Впрочемъ, нѣтъ, прибавилъ онъ, внезапно встряхнувъ своей львиной гривой: — это вздоръ, и вы правы. Благодарю васъ Наталья Алексѣевна, благодарю васъ искренно. (Наталья рѣшительно не знала, за что онъ ее благодаритъ). Ваше одно слово напомнило мнѣ мой долгъ, указало мнѣ мою дорогу.... Да, я долженъ дѣйствовать. Я не долженъ скрывать свой талантъ, если онъ у меня есть; я не долженъ растрачивать свои силы на одну болтовню, пустую, безполезную болтовню, на однѣ слова....

И слова его полились рѣкою. Онъ говорилъ прекрасно, горячо, убѣдительно—о позорѣ малодушія и лѣни, о необходимости дѣлать дѣло. Онъ осыпалъ самого себя упреками, доказывалъ, что разсуждать напередъ о томъ, что́ хочешь сдѣлать, такъ же вредно, какъ накалывать булавкой наливающійся плодъ, что это только напрасная трата силъ и соковъ. Онъ увѣрялъ, что нѣтъ благородной мысли, которая бы не нашла себѣ сочувствія, что непонятными остаются только тѣ люди, которые либо еще сами не знаютъ, чего хотятъ, либо не сто́ютъ того, что-

Digitized by Google

бы ихъ понимали. Онъ говорилъ долго и окончилъ тѣмъ что еще разъ поблагодарилъ Наталью Алексѣевну и совершенно неожиданно стиснулъ ей руку, промолвивъ: — Вы прекрасное, благородное существо!

Эта вольность поразила m-lle Boncourt, которая несмотря на сорокалѣтнее пребываніе въ Россіи съ трудомъ понимала по-русски и только удивлялась красивой быстротѣ и плавности рѣчи въ устахъ Рудина. Впрочемъ, онъ въ ея глазахъ былъ чѣмъ-то въ родѣ виртуоза или артиста; а отъ подобнаго рода людей, по ея понятіямъ, невозможно было требовать соблюденія приличій.

Она встала, и порывисто поправивъ на себѣ платье, объявила Натальѣ, что пора идти домой, тѣмъ болѣе, что monsieur Volinsoff (такъ она называла Волынцева) хотѣлъ быть къ завтраку.

— Да вотъ и онъ! прибавила она, взглянувъ въ одну изъ аллей, ведущихъ отъ дому.

Дѣйствительно, Волынцевъ показался не вдалекѣ.

Онъ подошелъ нерѣшительнымъ шагомъ, издали раскланялся со всѣми и, съ болѣзненнымъ выраженіемъ на лицѣ обратясь къ Натальѣ, проговорилъ:

— А! вы гуляете?

— Да, отвѣчала Наталья,—мы уже шли домой.

— А! произнесъ Волынцевъ.—Чтожъ, пойдемте.

И всѣ пошли къ дому.

— Какъ здоровье вашей сестры? спросилъ, какимъ-то особенно ласковымъ голосомъ, Рудинъ у Волынцева. Онъ и наканунѣ былъ очень съ нимъ любезенъ.

— Покорно благодарю. Она здорова. Она сегодня, можетъ быть, будетъ.... Вы, кажется, о чемъ-то разсуждали, когда я подошелъ?

— Да, у насъ былъ разговоръ съ Натальей Алексѣев-

Digitized by Google

ной. Она мнѣ сказала одно слово, которое сильно на меня подѣйствовало....

Волынцевъ не спросилъ, какое это было слово, и всѣ въ глубокомъ молчаніи возвратились въ домъ Дарьи Михайловны.

---

Передъ обѣдомъ опять составился салонъ. Пигасовъ, однако, не пріѣхалъ. Рудинъ не былъ въ ударѣ; онъ все заставлялъ Пандалевскаго играть изъ Бетховена. Волынцевъ молчалъ и поглядывалъ на полъ. Наталья не отходила отъ матери и то задумывалась, то принималась за работу. Басистовъ не спускалъ глазъ съ Рудина, все выжидая, не скажетъ ли онъ чего-нибудь умнаго? Такъ прошло часа три довольно однообразно. Александра Павловна не пріѣхала къ обѣду—и Волынцевъ, какъ только встали изъ-за стола, тотчасъ велѣлъ заложить свою коляску и ускользнулъ, не простясь ни съ кѣмъ.

Ему было тяжело. Онъ давно любилъ Наталью и все собирался сдѣлать ей предложеніе.... Она къ нему благоволила—но сердце ея оставалось спокойнымъ: онъ это ясно видѣлъ. Онъ и не надѣялся внушить ей чувство болѣе нѣжное и ждалъ только мгновенья, когда она совершенно привыкнетъ къ нему, сблизиться съ нимъ. Что же могло взволновать его? какую перемѣну замѣтилъ онъ въ эти два дня? Наталья обращалась съ нимъ точно такъ же, какъ и прежде....

Запала ли ему въ душу мысль, что онъ, быть можетъ, вовсе не знаетъ нрава Натальи, что она ему еще болѣе чужда, чѣмъ онъ думалъ — ревность ли проснулась въ немъ, смутно ли почуялъ онъ что-то недоброе.... но только онъ страдалъ, какъ ни уговаривалъ самого себя.

Digitized by Google

Когда онъ вошелъ къ своей сестрѣ, у ней сидѣлъ Лежневъ.

— Что это ты такъ рано вернулся? спросила Александра Павловна.

— Такъ! соскучилось.

— Рудинъ тамъ?

— Тамъ.

Волынцевъ бросилъ фуражку и сѣлъ.

Александра Павловна съ живостью обратилась къ нему.

— Пожалуйста, Сережа, помоги мнѣ убѣдить этого упрямаго человѣка (она указала на Лежнева) въ томъ, что Рудинъ необыкновенно уменъ и краснорѣчивъ.

Волынцевъ промычалъ что-то.

— Да я нисколько съ вами не спорю, началъ Лежневъ:—я не сомнѣваюсь въ умѣ и краснорѣчіи г. Рудина; я говорю только, что онъ мнѣ не нравится.

— А ты его развѣ видѣлъ? спросилъ Волынцевъ.

— Видѣлъ сегодня поутру, у Дарьи Михайловны. Вѣдь *онъ* у ней теперь великимъ визиремъ. Придетъ время, она и съ нимъ разстанется — она съ однимъ Пандалевскимъ никогда не разстанется,—но теперь онъ царитъ. Видѣлъ его, какъ же! Онъ сидитъ—а она меня ему показываетъ: глядите, молъ, батюшка, какіе у насъ водятся чудаки. Я не заводская лошадь — къ выводкѣ не привыкъ. Я взялъ да уѣхалъ.

— Да зачѣмъ ты былъ у ней?

— По размежеванію; да это вздоръ: ей просто хотѣлось посмотрѣть на мою физіономію. Барыня—извѣстно!

— Васъ оскорбляетъ его превосходство—вотъ что! заговорила съ жаромъ Александра Павловна: — вотъ чего вы ему простить не можете. А я увѣрена, что, кромѣ [illegible] у него и сердце должно быть отличное. Вы взгляните его глаза, когда онъ....

Digitized by Google

— «О честности высокой говоритъ».... подхватилъ Лежневъ.

— Вы меня разсердите, и я запла́чу. Я отъ души сожалѣю, что не поѣхала къ Дарьѣ Михайловнѣ и осталась съ вами. Вы этого не стоите. Полноте дразнить меня, прибавила она жалобнымъ голосомъ.—Вы лучше разскажите мнѣ объ его молодости.

— О молодости Рудина?

— Ну да. Вѣдь вы мнѣ сказали, что хорошо его знаете и давно съ нимъ знакомы.

Лежневъ всталъ и прошелся по комнатѣ.

— Да, началъ онъ:—я его хорошо знаю. Вы хотите, чтобы я разсказалъ вамъ его молодость? Извольте. Родился онъ въ Т...вѣ отъ бѣдныхъ помѣщиковъ. Отецъ его скоро умеръ. Онъ остался одинъ у матери. Она была женщина добрѣйшая и души въ немъ не чаяла: толокномъ однимъ питалась и всѣ, какія были у ней денежки, употребляла на него. Получилъ онъ свое воспитаніе въ Москвѣ, сперва на счетъ какого-то дяди, а потомъ, когда онъ подросъ и оперился, на счетъ одного богатаго князька, съ которымъ снюхался.... ну извините, не буду.... съ которымъ сдружился. Потомъ онъ поступилъ въ университетъ. Въ университетѣ я узналъ его и сошелся съ нимъ очень тѣсно. О нашемъ тогдашнемъ житьѣ-бытьѣ я поговорю съ вами когда-нибудь послѣ. Теперь не могу. Потомъ онъ уѣхалъ за границу....

Лежневъ продолжалъ расхаживать по комнатѣ; Александра Павловна слѣдила за нимъ взоромъ.

— Изъ-за границы, продолжалъ онъ:—Рудинъ писалъ къ своей матери чрезвычайно рѣдко и посѣтилъ ее всего одинъ разъ, дней на десять.... Старушка и скончалась безъ него, на чужихъ рукахъ, но до самой смерти не спускала глазъ съ его портрета. Я къ ней ѣзжалъ, когда

Digitized by Google

проживалъ въ Т....вѣ. Добрая была женщина и прегостепріимная, вишневымъ вареньемъ, бывало, все меня потчивала. Она любила своего Митю безъ памяти. Господа Печоринской школы скажутъ вамъ, что мы всегда любимъ тѣхъ, которые сами мало способны любить: а *мнѣ* такъ кажется, что всѣ матери любятъ своихъ дѣтей, особенно отсутствующихъ. Потомъ, я встрѣтился съ Рудинымъ за границей. Тамъ къ нему одна барыня привязалась, изъ нашихъ русскихъ, синій чулокъ какой-то, уже не молодой и некрасивый, какъ оно и слѣдуетъ синему чулку. Онъ довольно долго съ ней возился и наконецъ ее бросилъ.... или нѣтъ, бишь, виноватъ: она его бросила. И я тогда его бросилъ. Вотъ и все.

Лежневъ умолкъ, провелъ рукою по лбу и, словно усталый, опустился на кресло.

— А знаете ли что, Михайло Михайлычъ, начала Александра Павловна: — вы, я вижу, злой человѣкъ; право, вы не лучше Пигасова. Я увѣрена, что все, что вы сказали, правда, что вы ничего не присочинили, и между тѣмъ, въ какомъ непріязненномъ свѣтѣ вы все это представили! Эта бѣдная старушка, ея преданность, ея одинокая смерть, эта барыня.... Къ чему это все?... Знаете ли, что можно жизнь самаго лучшаго человѣка изобразить въ такихъ краскахъ—и ничего не прибавляя, замѣтьте — что всякій ужаснется! Вѣдь это тоже своего рода клевета!

Лежневъ всталъ и опять прошелся по комнатѣ.

— Я вовсе не желалъ заставить васъ ужаснуться, Александра Павловна, проговорилъ онъ наконецъ.—Я не клеветникъ. А впрочемъ, прибавилъ онъ, подумавъ немного:—дѣйствительно, въ томъ, что вы сказали, есть доля правды. Я не клеветалъ на Рудина; но — кто знаетъ!—

Digitized by Google

можетъ быть, онъ съ тѣхъ поръ успѣлъ измѣниться — можетъ быть, я несправедливъ къ нему.

— А! вотъ видите.... Такъ обѣщайте же мнѣ, что вы возобновите съ нимъ знакомство, узнаете его хорошенько и тогда уже выскажете мнѣ свое окончательное мнѣніе о немъ.

— Извольте.... Но что же ты молчишь, Сергѣй Павлычъ?

Волынцевъ вздрогнулъ и поднялъ голову, какъ будто его разбудили.

— Что мнѣ говорить? Я его не знаю. Притомъ у меня сегодня голова болитъ.

— Ты, точно, что-то блѣденъ сегодня, замѣтила Александра Павловна:—здоровъ ли ты?

— У меня голова болитъ, повторилъ Волынцевъ и вышелъ вонъ.

Александра Павловна и Лежневъ посмотрѣли ему вслѣдъ и обмѣнялись взглядомъ, но ничего не сказали другъ другу. Ни для него, ни для нея не было тайной, что происходило въ сердцѣ Волынцева.

## VI.

Прошло два мѣсяца слишкомъ. Въ теченіе всего этого времени Рудинъ почти не выѣзжалъ отъ Дарьи Михайловны. Она не могла обойтись безъ него. Разсказывать ему о себѣ, слушать его разсужденія стало для нея потребностью. Онъ однажды хотѣлъ уѣхать, подъ тѣмъ предлогомъ, что у него вышли всѣ деньги: она дала ему пятьсотъ рублей. Онъ занялъ также у Волынцева рублей двѣсти. Пигасовъ гораздо рѣже прежняго посѣщалъ Дарью Михайловну: Рудинъ давилъ его своимъ присутствіемъ. Впрочемъ, давленіе это испытывалъ не одинъ Пигасовъ.

Digitized by Google

— Не люблю я этого умника, говаривалъ онъ: — выражается онъ неестественно, ни дать, ни взять, лицо изъ русской повѣсти: скажетъ: «я», и съ умиленіемъ остановится.... «Я, молъ, я....» Слова употребляетъ все такія длинныя. Ты чихнешь, онъ тебѣ сейчасъ станетъ доказывать, почему ты именно чихнулъ, а не кашлянулъ.... Хвалитъ онъ тебя точно въ чинъ производитъ.... Начнетъ самого себя бранить, съ грязью себя смѣшаетъ—ну, думаешь, теперь на свѣтъ Божій глядѣть не станетъ. Какое! повеселѣетъ даже, словно горькой водкой себя попотчивалъ.

Пандалевскій побаивался Рудина и осторожно за нимъ ухаживалъ. Волынцевъ находился въ странныхъ отношеніяхъ съ нимъ. Рудинъ называлъ его рыцаремъ, превозносилъ его, въ глаза и за глаза; но Волынцевъ не могъ полюбить его и всякій разъ чувствовалъ невольное нетерпѣніе и досаду, когда тотъ принимался въ его же присутствіи разбирать его достоинства. «Ужъ не смѣется ли онъ надо мною?» думалъ онъ, и враждебно шевелилось въ немъ сердце. Волынцевъ старался переломить себя; но онъ ревновалъ его къ Натальѣ. Да и самъ Рудинъ, хотя всегда шумно привѣтствовалъ Волынцева, хотя называлъ его рыцаремъ и занималъ у него деньги, едва ли былъ къ нему расположенъ. Трудно было бы опредѣлить, что собственно чувствовали эти два человѣка, когда, стискивая по-пріятельски одинъ другому руки, они глядѣли другъ другу въ глаза....

Басистовъ продолжалъ благоговѣть передъ Рудинымъ и ловить на лету каждое его слово. Рудинъ мало обращалъ на него вниманія. Какъ-то разъ, онъ провелъ съ нимъ цѣлое утро, толковалъ съ нимъ о самыхъ важныхъ міровыхъ вопросахъ и задачахъ и возбудилъ въ немъ живѣйшій восторгъ, но потомъ онъ его бросилъ.... Видно, он

Digitized by Google

только на словахъ искалъ чистыхъ и преданныхъ душъ. Съ Лежневымъ, который началъ ѣздить къ Дарьѣ Михайловнѣ, Рудинъ даже въ споръ не вступалъ и какъ будто избѣгалъ его. Лежневъ также обходился съ нимъ холодно, а впрочемъ не высказывалъ своего окончательнаго мнѣнія о немъ, что̀ очень смущало Александру Павловну. Она преклонялась передъ Рудинымъ; но и Лежневу она вѣрила. Всѣ въ домѣ Дарьи Михайловны покорялись прихоти Рудина: малѣйшія желанія его исполнялись. Порядокъ дневныхъ занятій отъ него зависѣлъ. Ни одна partie de plaisir не составлялась безъ него. Впрочемъ, онъ небольшой былъ охотникъ до всякихъ внезапныхъ поѣздокъ и затѣй, и участвовалъ въ нихъ, какъ взрослые въ дѣтскихъ играхъ, съ ласковымъ и слегка скучающимъ благоволеніемъ. Зато онъ входилъ во все: толковалъ съ Дарьей Михайловной о распоряженіяхъ по имѣнію, о воспитаніи дѣтей, о хозяйствѣ, вообще о дѣлахъ; выслушивалъ ея предположенія, не тяготился даже мелочами, предлагалъ преобразованія и нововведенія. Дарья Михайловна восхищалась ими на словахъ — и только. Въ дѣлѣ хозяйства она придерживалась совѣтовъ своего управляющаго, пожилого одноглазаго малоросса, добродушнаго и хитраго плута. — «Старенькое-то жирненько, молоденькое худенько», говаривалъ онъ, спокойно ухмыляясь и подмигивая своимъ единственнымъ глазомъ.

Послѣ самой Дарьи Михайловны Рудинъ ни съ кѣмъ такъ часто и такъ долго не бесѣдовалъ, какъ съ Натальей. Онъ тайкомъ давалъ ей книги, повѣрялъ ей свои планы, читалъ ей первыя страницы предполагаемыхъ статей и сочиненій. Смыслъ ихъ часто оставался недоступнымъ для Натальи. Впрочемъ, Рудинъ, казалось, и нисколько заботился о томъ, чтобы она его понимала — лишь бы слушала его. Близость его съ Натальей была не сое

Digitized by Google

всѣмъ понутру Дарьѣ Михайловнѣ. Но — думала она— пускай она съ нимъ поболтаетъ въ деревнѣ. Она забавляетъ его, какъ дѣвочка. Бѣды большой нѣтъ, а она все-таки поумнѣетъ.... Въ Петербургѣ я это все перемѣню....

Дарья Михайловна ошибалась. Не какъ дѣвочка болтала Наталья съ Рудинымъ: она жадно внимала его рѣчамъ, она старалась вникнуть въ ихъ значеніе, она повергала на судъ его свои мысли, свои сомнѣнія: онъ былъ ея наставникомъ, ея вождемъ. Пока—одна голова у ней кипѣла.... но молодая голова недолго кипитъ одна. Какія сладкія мгновенія переживала Наталья, когда, бывало, въ саду, на скамейкѣ, въ легкой, сквозной тѣни ясени, Рудинъ начнетъ читать ей гётевскаго Фауста, Гоффмана или Письма Беттины, или Новалиса, безпрестанно останавливаясь и толкуя то, что́ ей казалось темнымъ! Она по-нѣмецки говорила плохо, какъ почти всѣ наши барышни, но понимала хорошо, а Рудинъ былъ весь погруженъ въ германскую поэзію, въ германскій романтическій и философскій міръ и увлекалъ ее за собой въ тѣ заповѣдныя страны. Невѣдомыя, прекрасныя, раскрывались онѣ передъ ея внимательнымъ взоромъ; со страницъ книги, которую Рудинъ держалъ въ рукахъ, дивные образы, новыя, свѣтлыя мысли такъ и лились звенящими струями ей въ душу, и въ сердцѣ ея, потрясенномъ благородной радостью великихъ ощущеній, тихо вспыхивала и разгоралась святая искра восторга....

— Скажите, Дмитрій Николаичъ, начала она однажды, сидя у окна за пяльцами:—вѣдь вы на зиму поѣдете въ Петербургъ?

— Не знаю, возразилъ Рудинъ, опуская на колѣни книгу, которую перелистывалъ:—если соберусь со средствами, поѣду.



Digitized by Google

Онъ говорилъ вяло: онъ чувствовалъ усталость и бездѣйствовалъ съ самаго утра.

— Мнѣ кажется, какъ не найти вамъ средства?

Рудинъ покачалъ головой.

— Вамъ такъ кажется!

И онъ значительно глянулъ въ сторону.

Наталья хотѣла было что-то сказать и удержалась.

— Посмотрите, началъ Рудинъ и указалъ ей рукой въ окно:—видите вы эту яблоню: она сломилась отъ тяжести и множества своихъ собственныхъ плодовъ. Вѣрная эмблема генія....

— Она сломилась оттого, что у ней не было подпоры, возразила Наталья.

— Я васъ понимаю, Наталья Алексѣевна; но человѣку не такъ легко сыскать ее, эту подпору.

— Мнѣ кажется, сочувствіе другихъ.... во всякомъ случаѣ, одиночество....

Наталья немного запуталась и покраснѣла.

— И что́ вы будете дѣлать зимой въ деревнѣ? поспѣшно прибавила она.

— Что́ я буду дѣлать? Окончу мою большую статью— вы знаете — о трагическомъ въ жизни и въ искусствѣ— я вамъ третьяго-дня планъ разсказывалъ — и пришлю ее вамъ.

— И напечатаете?

— Нѣтъ.

— Какъ нѣтъ? Для кого же вы будете трудиться?

— А хоть бы для васъ.

Наталья опустила глаза.

— Это не по моимъ силамъ, Дмитрій Николаичъ!

— О чемъ, позвольте спросить, статья? скромно спросилъ Басистовъ, сидѣвшій поодаль.

— О трагическомъ въ жизни и въ искусствѣ, повто-

Digitized by Google

рилъ Рудинъ.—Вотъ и г. Басистовъ прочтетъ. Впрочемъ, я не совсѣмъ еще сладилъ съ основною мыслью. Я до сихъ поръ еще не довольно уяснилъ самому себѣ трагическое значеніе любви.

Рудинъ охотно и часто говорилъ о любви. Сначала, при словѣ: любовь, m-lle Boncourt вздрагивала и навастривала уши, какъ старый полковой конь, заслышавшій трубу, но потомъ привыкла и только, бывало, съежитъ губы и съ разстановкой понюхаетъ табаку.

— Мнѣ кажется, робко замѣтила Наталья: — трагическое въ любви—это несчастная любовь.

— Вовсе нѣтъ! возразилъ Рудинъ:—это скорѣе комическая сторона любви.... Вопросъ этотъ надобно совсѣмъ иначе поставить.... надо поглубже зачерпнуть.... Любовь! продолжалъ онъ:—въ ней все тайна: какъ она приходитъ, какъ развивается, какъ изчезаетъ. То является она вдругъ, несомнѣнная, радостная, какъ день; то долго тлѣетъ, какъ огонь подъ золой, и пробивается пламенемъ въ душѣ, когда уже все разрушено; то вползетъ она въ сердце, какъ змѣя, то вдругъ выскользнетъ изъ него вонъ.... Да, да; это вопросъ важный. Да и кто любитъ въ наше время? кто дерзнетъ любить?

И Рудинъ задумался.

— Что это Сергѣя Павлыча давно не видать? спросилъ онъ вдругъ.

Наталья вспыхнула и нагнула голову къ пяльцамъ.

— Не знаю, прошептала она.

— Какой это прекраснѣйшій, благороднѣйшій человѣкъ! промолвилъ Рудинъ, вставая.—Это одинъ изъ лучшихъ образцовъ настоящаго русскаго дворянина....

M-lle Boncourt посмотрѣла на него вкось своими французскими глазками.

Рудинъ прошелся по комнатѣ.

Digitized by Google

— Замѣтили ли вы, заговорилъ онъ, круто повернувшись на каблукахъ:—что на дубѣ — а дубъ крѣпкое дерево—старыя листья только тогда отпадаютъ, когда молодые начнутъ пробиваться?

— Да, медленно возразила Наталья:—замѣтила.

— Точно то же случается и съ старой любовью въ сильномъ сердцѣ: она уже вымерла, но все еще держится; только другая, новая любовь можетъ ее выжить.

Наталья ничего не отвѣтила.

«Что это значитъ?» подумала она.

Рудинъ постоялъ, встряхнулъ волосами и удалился.

А Наталья пошла къ себѣ въ комнату. Долго сидѣла она въ недоумѣніи на своей кроваткѣ, долго размышляла о послѣднихъ словахъ Рудина и вдругъ сжала руки и горько заплакала. О чемъ она плакала — Богъ вѣдаетъ! Она сама не знала, отчего у ней такъ внезапно полились слезы. Она утирала ихъ; но онѣ бѣжали вновь, какъ вода изъ давно накопившагося родника.

---

Въ тотъ же самый день и у Александры Павловны происходилъ разговоръ о Рудинѣ съ Лежневымъ. Сперва онъ все отмалчивался; но она рѣшилась добиться толку.

— Я вижу, сказала она ему:—вамъ Дмитрій Николаевичъ, по прежнему, не нравится. Я нарочно до сихъ поръ васъ не разспрашивала; но вы теперь уже успѣли убѣдиться, произошла ли въ немъ перемѣна, и я желаю знать, почему онъ вамъ не нравится.

— Извольте, возразилъ съ обычной флегмой Лежневъ:—коли ужъ вамъ такъ не терпится; только, смотрите, не сердитесь....

— Ну, начинайте, начинайте.

— И дайте мнѣ выговорить все до конца.

Digitized by Google

— Извольте, извольте, начинайте.

— И такъ-съ, началъ Лежневъ, медлительно опускаясь на диванъ: — доложу вамъ, мнѣ Рудинъ, дѣйствительно, не нравится. Онъ умный человѣкъ.....

— Еще бы!

— Онъ замѣчательно умный человѣкъ, хотя въ сущности пустой....

— Это легко сказать!

— Хотя въ сущности пустой, повторилъ Лежневъ:— но это еще не бѣда: всѣ мы пустые люди. Я даже не ставлю въ вину ему то, что онъ деспотъ въ душѣ, лѣнивъ, не очень свѣдущъ....

Александра Павловна всплеснула руками.

— Не очень свѣдущъ! Рудинъ! воскликнула она.

— Не очень свѣдущъ, точно тѣмъ же голосомъ повторилъ Лежневъ:—любитъ пожить на чужой счетъ, разыгрываетъ роль, и такъ далѣе.... это все въ порядкѣ вещей. Но дурно то, что онъ холоденъ, какъ лёдъ.

— Онъ, эта пламенная душа, холоденъ! перебила Александра Павловна.

— Да, холоденъ, какъ лёдъ, и знаетъ это, и прикидывается пламеннымъ. Худо тб, продолжалъ Лежневъ, постепенно оживляясь:—что онъ играетъ опасную игру, —опасную не для него, разумѣется; самъ копѣйки, волоска не ставитъ на карту—а другіе ставятъ душу....

— О комъ, о чемъ вы говорите? я васъ не понимаю, проговорила Александра Павловна.

— Худо тб, что онъ не честенъ. Вѣдь онъ умный человѣкъ: онъ долженъ же знать цѣну словъ своихъ, — а произноситъ ихъ такъ, какъ будто они ему что-нибудь стоятъ.... Спору нѣтъ, онъ краснорѣчивъ; только краснорѣчіе его не русское. Да и, наконецъ, красно говорить

Digitized by Google

простительно юношѣ, а въ его года стыдно тѣшиться шумомъ собственныхъ рѣчей, стыдно рисоваться!

— Мнѣ кажется, Михайло Михайлычъ, для слушателя все равно, рисуетесь ли вы или нѣтъ....

— Извините, Александра Павловна, не все равно. Иной скажетъ мнѣ слово, меня всего проймetъ, другой то же самое слово скажетъ или еще красивѣе — я и ухомъ не поведу. Отчего это?

— То-есть *вы* не поведете, перебила Александра Павловна.

— Да, не поведу, возразилъ Лежневъ: — хотя, можетъ быть, у меня и большія уши. Дѣло въ томъ, что слова Рудина такъ и остаются словами и никогда не станутъ поступкомъ — а между тѣмъ, эти самыя слова могутъ смутить, погубить молодое сердце.

— Да о комъ, о комъ вы говорите, Михайло Михайлычъ?

Лежневъ остановился.

— Вы желаете знать, о комъ я говорю? О Натальѣ Алексѣевнѣ.

Александра Павловна смутилась на мгновеніе, но тотчасъ же усмѣхнулась.

— Помилуйте, начала она: — какія у васъ всегда странныя мысли! Наталья еще ребенокъ; да, наконецъ, если-бъ что-нибудь и было, неужели вы думаете, что Дарья Михайловна....

— Дарья Михайловна, во-первыхъ, эгоистка и живетъ для себя; а во вторыхъ, она такъ увѣрена въ своемъ умѣньѣ воспитывать дѣтей, что ей и въ голову не приходитъ безпокоиться о нихъ. Фи! какъ можно! одно мгновенье, одинъ величественный взглядъ — и все пойдетъ, какъ по ниточкѣ. Вотъ что думаетъ эта барыня, которая и меценаткой себя воображаетъ, и умницей, и Богъ

Digitized by Google

знаетъ чѣмъ, а на дѣлѣ она больше ничего, какъ свѣтская старушенка. А Наталья не ребенокъ: она, повѣрьте, чаще и глубже размышляетъ, чѣмъ мы съ вами. И надобно же, чтобы этакая честная, страстная и горячая натура наткнулась на такого актера, на такую кокетку! Впрочемъ, и это въ порядкѣ вещей.

— Кокетка! Это вы его называете кокеткой?

— Конечно его.... Ну, скажите сами, Александра Павловна, что за роль его у Дарьи Михайловны? Быть идоломъ, оракуломъ въ домѣ, вмѣшиваться въ распоряженія, въ семейныя сплетни и дрязги — неужели это достойно мужчины?

Александра Павловна съ изумленіемъ посмотрѣла Лежневу въ лицо.

— Я не узнаю васъ, Михайло Михайлычъ, проговорила она. Вы покраснѣли, вы пришли въ волненіе. — Право, тутъ что-нибудь должно скрываться другое....

— Ну, такъ и есть! Ты говоришь женщинѣ дѣло, по убѣжденію; а она до тѣхъ поръ не успокоится, пока не придумаетъ какой-нибудь мелкой, посторонней причины, заставляющей тебя говорить именно такъ, а не иначе.

Александра Павловна разсердилась.

— Браво, мосьё Лежневъ! вы начинаете преслѣдовать женщинъ не хуже г. Пигасова; но, воля ваша, какъ вы ни проницательны, все-таки мнѣ трудно повѣрить, чтобы вы въ такое короткое время могли всѣхъ и все понять. Мнѣ кажется, вы ошибаетесь. По вашему, Рудинъ Тартюфъ какой-то.

— Въ томъ-то и дѣло, что онъ даже не Тартюфъ. Тартюфъ, тотъ, по-крайней-мѣрѣ, зналъ, чего [illegible] а этотъ, при всемъ своемъ умѣ....

— Что же, что же онъ? Доканчивайте ва[illegible] справедливый, гадкій человѣкъ!

Digitized by Google

Лежневъ всталъ.

— Послушайте, Александра Павловна, началъ онъ:— несправедливы-то вы, а не я. Вы досадуете на меня за мои рѣзкія сужденія о Рудинѣ: я имѣю право говорить о немъ рѣзко! Я, можетъ быть, не дешевой цѣной купилъ это право. Я хорошо его знаю: я долго жилъ съ нимъ вмѣстѣ. Помните, я обѣщался разсказать вамъ когда-нибудь наше житье въ Москвѣ. Видно, придется теперь это сдѣлать. Но будете ли вы имѣть терпѣніе меня выслушать?

— Говорите, говорите!

— Ну, извольте.

Лежневъ принялся ходить медленными шагами по комнатѣ, изрѣдка останавливаясь и наклоняя голову впередъ.

— Вы, можетъ быть, знаете, заговорилъ онъ:—а можетъ быть, и не знаете, что я осиротѣлъ рано и уже на семнадцатомъ году не имѣлъ надъ собою нáбольшаго. Я жилъ въ домѣ тетки въ Москвѣ и дѣлалъ, что̀ хотѣлъ. Малой я былъ довольно пустой и самолюбивый, любилъ порисоваться и похвастать. Вступивъ въ университетъ, я велъ себя, какъ школьникъ, и скоро попался въ исторію. Я вамъ ее разсказывать не стану: не сто́итъ. Я солгалъ и [illegible]ьно гадко солгалъ.... Меня вывели на свѣжую воду, уличили, пристыдили.... Я потерялся и заплакалъ, какъ дитя. Это происходило на квартирѣ одного знакомаго, въ присутствіи многихъ товарищей. Всѣ принялись хохотать надо мною, всѣ, исключая одного студента, который, замѣтьте, больше прочихъ негодовалъ на меня, пока я упорствовалъ и не сознавался въ своей лжи. Жаль ему, что-ли, меня стало, только онъ взялъ меня подъ руку и увелъ къ себѣ.

— Это былъ Рудинъ? спросила Александра Павловна.

— Нѣтъ, это не былъ Рудинъ.... это былъ человѣкъ....

Digitized by Google

онъ уже теперь умеръ.... это былъ человѣкъ необыкновенный. Звали его Покорскимъ. Описать его въ немногихъ словахъ я не въ силахъ, а начавъ говорить о немъ, уже ни о комъ другомъ говорить не захочешь. Это была высокая, чистая душа, и ума такого я уже не встрѣчалъ потомъ. Покорскій жилъ въ маленькой, низенькой комнаткѣ, въ мезонинѣ стараго деревяннаго домика. Онъ былъ очень бѣденъ и перебивался кое-какъ уроками. Бывало, онъ даже чашкой чаю не могъ попотчивать гостя; а единственный его диванъ до того провалился, что сталъ похожъ на лодку. Но, несмотря на эти неудобства, къ нему ходило множество народа. Его всѣ любили, онъ привлекалъ къ себѣ сердца. Вы не повѣрите, какъ сладко и весело было сидѣть въ его бѣдной комнаткѣ! У него я познакомился съ Рудинымъ. Онъ уже отсталъ тогда отъ своего князька.

— Что же было такого особеннаго въ этомъ Покорскомъ? спросила Александра Павловна.

— Какъ вамъ сказать? Поэзія и правда—вотъ что влекло всѣхъ къ нему. При умѣ ясномъ, обширномъ, онъ былъ милъ и забавенъ, какъ ребенокъ. У меня до сихъ поръ звенитъ въ ушахъ его свѣтлое хохотанье, и въ то же время онъ—

Пылалъ полуночной лампадой
Передъ святынею добра....

Такъ выразился о немъ одинъ полу-сумасшедшій и милѣйшій поэтъ нашего кружка.

— А какъ онъ говорилъ? спросила опять Александра Павловна.

— Онъ говорилъ хорошо, когда былъ въ духѣ, но не удивительно. Рудинъ и тогда былъ въ двадцать разъ краснорѣчивѣе его.

Лежневъ остановился и скрестилъ руки.

Digitized by Google

— Покорскій и Рудинъ не походили другъ на друга. Въ Рудинѣ было гораздо больше блеску и треску, больше фразъ и, пожалуй, больше энтузіазма. Онъ казался гораздо даровитѣе Покорскаго, а на самомъ дѣлѣ, онъ былъ бѣднякъ въ сравненіи съ нимъ. Рудинъ превосходно развивалъ любую мысль, спорилъ мастерски; но мысли его рождались не въ его головѣ: онъ бралъ ихъ у другихъ, особенно у Покорскаго. Покорскій былъ на видъ тихъ и мягокъ, даже слабъ—и любилъ женщинъ до безумія, любилъ покутить и не далъ бы никому въ обиду. Рудинъ казался полнымъ огня, смѣлости, жизни, а въ душѣ былъ холоденъ и чуть ли не робокъ, пока не задѣвалось его самолюбіе: тутъ онъ на стѣны лѣзъ. Онъ всячески старался покорить себѣ людей, но покорялъ онъ ихъ во имя общихъ началъ и идей, и, дѣйствительно, имѣлъ вліяніе сильное на многихъ. Правда, никто его не любилъ; одинъ я, можетъ быть, привязался къ нему. Его иго носили.... Покорскому всѣ отдавались сами собой. За то Рудинъ никогда не отказывался толковать и спорить съ первымъ встрѣчнымъ.... Онъ не слишкомъ много прочелъ книгъ, но во всякомъ случаѣ гораздо больше, чѣмъ Покорскій и чѣмъ всѣ мы; притомъ умъ имѣлъ систематическій, память огромную, а вѣдь это-то и дѣйствуетъ на молодежь! Ей выводы подавай, итоги, хоть невѣрные, да итоги! Совершенно добросовѣстный человѣкъ на это не годится. Попытайтесь сказать молодежи, что вы не можете дать ей полной истины, потому что сами не владѣете ею.... молодежь васъ и слушать не станетъ. Но обмануть вы ее тоже не можете. Надобно, чтобы вы сами хотя на половину вѣрили, что обладаете истиной.... Оттого-то Рудинъ и дѣйствовалъ такъ сильно на нашего брата. Видите ли, я вамъ сейчасъ сказалъ, что онъ прочелъ немного, но читалъ онъ философскія книги, и голова у него такъ бы-

Digitized by Google

ла устроена, что онъ тотчасъ же изъ прочитаннаго извлекалъ все общее, хватался за самый корень дѣла, и уже потомъ проводилъ отъ него во всѣ стороны свѣтлыя, правильныя нити мысли, открывалъ духовныя перспективы. Нашъ кружокъ состоялъ тогда, говоря по совѣсти, изъ мальчиковъ - и недоученныхъ мальчиковъ. Философія, искусство, наука, самая жизнь—все это для насъ были одни слова, пожалуй даже понятія, заманчивыя, прекрасныя, но разбросанныя, разъединенныя. Общей связи этихъ, понятій, общаго закона мірового мы не сознавали, не осязали, хотя смутно толковали о немъ, силились отдать себѣ въ немъ отчетъ.... Слушая Рудина, намъ впервые показалось, что мы наконецъ схватили ее, эту общую связь, что поднялась наконецъ завѣса! Положимъ, онъ говорилъ не свое—что за дѣло! но стройный порядокъ водворялся во всемъ, что мы знали, все разбросанное вдругъ соединялось, складывалось, выростало передъ нами, точно зданіе, все свѣтлѣло, духъ вѣялъ всюду.... Ничего не оставалось безсмысленнымъ, случайнымъ: во всемъ высказывалась разумная необходимость и красота, все получало значеніе ясное и, въ тоже время, таинственное, каждое отдѣльное явленіе жизни звучало аккордомъ, и мы сами, съ какимъ-то священнымъ ужасомъ благоговѣнія, съ сладкимъ сердечнымъ трепетомъ, чувствовали себя какъ бы живыми сосудами вѣчной истины, орудіями ея, призванными къ чему-то великому.... Вамъ все это не смѣшно?

— Нисколько! медленно возразила Александра Павловна:—почему вы это думаете? Я васъ не совсѣмъ понимаю, но мнѣ не смѣшно.

— Мы съ тѣхъ поръ успѣли поумнѣть, конечно, продолжалъ Лежневъ:—все это намъ теперь можетъ казаться дѣтствомъ.... Но, я повторяю, Рудину мы тогда были обязаны многимъ. Покорскій былъ несравненно выше его,

Digitized by Google

безспорно; Покорскій вдыхалъ въ насъ всѣхъ огонь и силу, но онъ иногда чувствовалъ себя вялымъ и молчалъ. Человѣкъ онъ былъ нервическій, нездоровый; за то, когда онъ расправлялъ свои крылья — Боже! куда не залеталъ онъ! въ самую глубь и лазурь неба! А въ Рудинѣ, въ этомъ красивомъ и статномъ маломъ, было много мелочей; онъ даже сплетничалъ; страсть его была во все вмѣшиваться, все опредѣлять и разъяснять. Его хлопотливая дѣятельность никогда не унималась.... политическая натура-съ! Я о немъ говорю, какимъ я его зналъ тогда. Впрочемъ, онъ, къ несчастію, не измѣнился. За то онъ и въ вѣрованіяхъ своихъ не измѣнился.... въ тридцать-пять лѣтъ!.... Не всякій можетъ сказать это о себѣ.

— Сядьте, проговорила Александра Павловна: — что вы, какъ маятникъ, по комнатѣ ходите?

— Этакъ мнѣ лучше, возразилъ Лежневъ.—Ну-съ, попавъ въ кружокъ Покорскаго, я доложу вамъ, Александра Павловна, я совсѣмъ переродился: смирился, распрашивалъ, учился, радовался, благоговѣлъ — однимъ словомъ, точно въ храмъ какой вступилъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, какъ вспомню я наши сходки, ну, ей-Богу же, много въ нихъ было хорошаго, даже трогательнаго. Вы представьте, сошлись человѣкъ пять, шесть мальчиковъ, одна сальная свѣча горитъ, чай подается прескверный и сухари къ нему старые, престарые; а посмотрѣли бы вы на всѣ наши лица, послушали бы рѣчи наши! Въ глазахъ у каждаго восторгъ, и щеки пылаютъ, и сердце бьется, и говоримъ мы о Богѣ, о правдѣ, о будущности человѣчества, о поэзіи,—говоримъ мы иногда вздоръ, восхищаемся пустяками; но что за бѣда!... Покорскій сидитъ, поджавъ ноги, подпираетъ блѣдную щеку рукой; а глаза его такъ и свѣтятся. Рудинъ стоитъ по серединѣ комнаты и гово-

Digitized by Google

ритъ, говоритъ прекрасно, ни дать ни взять молодой Демосѳенъ передъ шумящимъ моремъ; взъерошенный поэтъ Субботинъ издаетъ по временамъ, и какъ бы во снѣ, отрывистыя восклицанія; сорокалѣтній буршъ, сынъ нѣмецкаго пастора, Шеллеръ, прослывшій между нами за глубочайшаго мыслителя, по милости своего вѣчнаго, ничѣмъ ненарушимаго молчанья, какъ-то особенно торжественно безмолвствуетъ—самъ веселый Щитовъ, Аристофанъ нашихъ сходокъ, утихаетъ и только ухмыляется; два-три новичка слушаютъ съ торжественнымъ наслажденіемъ.... А ночь летитъ тихо и плавно, какъ на крыльяхъ. Вотъ ужъ и утро сѣрѣетъ, и мы расходимся, тронутые, веселые, честные, трезвые (вина у насъ и въ поминѣ тогда не было), съ какой-то пріятной усталостью на душѣ.... Помнится, идешь по пустымъ улицамъ, весь умиленный, и даже на звѣзды какъ-то довѣрчиво глядишь, словно онѣ и ближе стали и понятнѣе.... Эхъ! славное было время тогда, и не хочу я вѣрить, чтобы оно пропало даромъ! Да оно и не пропало,—не пропало даже для тѣхъ, которыхъ жизнь опошлила потомъ.... Сколько разъ мнѣ случалось встрѣтить такихъ людей, прежнихъ товарищей! Кажется, совсѣмъ звѣремъ сталъ человѣкъ, а стоитъ только произнести при немъ имя Покорскаго—и всѣ остатки благородства въ немъ зашевелятся, точно ты въ грязной и темной комнатѣ раскупорилъ забытую стклянку съ духами....

Лежневъ умолкъ; его безцвѣтное лицо раскраснѣлось.

— Но отчего же, когда вы поссорились съ Рудинымъ? заговорила Александра Павловна, съ изумленіемъ глядя на Лежнева.

— Я съ нимъ не поссорился, а съ нимъ разстался, когда узналъ его окончательно за границей. А уже въ

Digitized by Google

Москвѣ я бы могъ разсориться съ нимъ. Онъ со мной уже тогда сыгралъ недобрую штуку.

— Что такое?

— А вотъ что. Я.... какъ бы это сказать?... къ моей фигурѣ оно нейдетъ.... но я всегда былъ очень способенъ влюбиться.

— Вы?

— Я. Это странно, не правда ли? А между тѣмъ, оно такъ.... Ну-съ, вотъ и я влюбился тогда въ одну очень миленькую дѣвочку.... Да что вы на меня такъ глядите? Я бы могъ сказать вамъ о себѣ вещь, гораздо болѣе удивительную.

— Какую это вещь, позвольте узнать?

— А хоть бы вотъ какую вещь. Я, въ то, московское-то время, хаживалъ по ночамъ на свиданіе.... съ кѣмъ бы вы думали? съ молодой липой на концѣ моего сада. Обниму ея тонкій и стройный стволъ, и мнѣ кажется, что я обнимаю всю природу, а сердце расширяется и млѣетъ такъ, какъ будто, дѣйствительно, вся природа въ него вливается.... Вотъ-съ я былъ какой!... Да что? Вы, можетъ, думаете, я стиховъ не писалъ? Писалъ-съ и даже цѣлую драму сочинилъ въ подражаніе Манфреду. Въ числѣ дѣйствующихъ лицъ былъ призракъ съ кровью на груди, и не съ своей кровью, замѣтьте, а съ кровью человѣчества вообще.... Да-съ, да-съ, не извольте удивляться.... Но я началъ разсказывать о моей любви. Я познакомился съ одной дѣвушкой....

— И перестали ходить на свиданіе съ липой? спросила Александра Павловна.

— Пересталъ. Дѣвушка эта была предобренькое и прехорошенькое существо, съ веселыми, ясными глазками и звенящимъ голосомъ.

Digitized by Google

— Вы хорошо описываете, замѣтила съ усмѣшкой Александра Павловна.

— А вы очень строгій критикъ, возразилъ Лежневъ. Ну-съ, жила эта дѣвушка со старикомъ-отцомъ.... Впрочемъ, я въ подробности вдаваться не стану. Скажу вамъ только, что эта дѣвушка была точно предобренькая—вѣчно, бывало нальетъ тебѣ три-четверти стакана чаю, когда ты просишь только половину!... На третій день, послѣ первой встрѣчи съ ней, я уже пылалъ, а на седьмой день не выдержалъ и во всемъ сознался Рудину. Молодому человѣку, влюбленному, невозможно не проболтаться; а я Рудину исповѣдывался во всемъ. Я тогда находился весь подъ его вліяніемъ, и это вліяніе, скажу безъ обиняковъ, было благотворно во многомъ. Онъ первый не побрезгалъ мною, обтесалъ меня. Покорскаго я любилъ страстно и ощущалъ нѣкоторый страхъ передъ его душевной чистотой; а къ Рудину я стоялъ ближе. Узнавъ о моей любви, онъ пришелъ въ восторгъ неописанный: поздравилъ, обнялъ меня и тотчасъ же пустился вразумлять меня, толковать мнѣ всю важность моего новаго положенія. Я уши развѣсилъ.... Ну, да вѣдь вы знаете, какъ онъ умѣетъ говорить. Слова его подѣйствовали на меня необыкновенно. Уваженіе я къ себѣ вдругъ возъимѣлъ удивительное, видъ принялъ серьёзный и смѣяться пересталъ. Помнится, я даже ходить началъ тогда осторожнѣе, точно у меня въ груди находился сосудъ, полный драгоцѣнной влаги, которую я боялся расплескать.... Я былъ очень счастливъ, тѣмъ болѣе, что ко мнѣ благоволили явно. Рудинъ пожелалъ познакомиться съ моимъ предметомъ; да чуть ли не я самъ настоялъ на томъ, чтобы представить его.

— Ну, вижу, вижу теперь, въ чемъ дѣло, перебила Александра Павловна. — Рудинъ отбилъ у васъ вашъ

Digitized by Google

предметъ, и вы до сихъ поръ ему простить не можете.... Держу пари, что не ошиблась!

— И проиграли бы пари, Александра Павловна: вы ошибаетесь. Рудинъ не отбилъ у меня моего предмета, да онъ и не хотѣлъ его у меня отбивать, а все-таки онъ разрушилъ мое счастье, хотя, разсудивъ хладнокровно, я теперь готовъ сказать ему спасибо за это. Но тогда я чуть не рехнулся. Рудинъ нисколько не желалъ повредить мнѣ,—напротивъ! но вслѣдствіе своей проклятой привычки каждое движеніе жизни, и своей и чужой, пришпиливать словомъ, какъ бабочку булавкой, онъ пустился обоимъ намъ объяснять насъ самихъ, наши отношенія, какъ мы должны вести себя, деспотически заставлялъ отдавать себѣ отчетъ въ нашихъ чувствахъ и мысляхъ, хвалилъ насъ, порицалъ, вступилъ даже въ переписку съ нами, вообразите!... ну, сбилъ насъ съ толку совершенно! Я бы едва ли женился тогда на моей барышнѣ (столько-то во мнѣ еще здраваго смысла оставалось), но, по крайней мѣрѣ, мы бы съ ней славно провели нѣсколько мѣсяцевъ, въ родѣ Павла и Виргиніи; а тутъ пошли недоразумѣнія, напряженности всякія,— чепуха пошла, однимъ словомъ. Кончилось тѣмъ, что Рудинъ, въ одно прекрасное утро договорился до того убѣжденія, что ему, какъ другу, предстоитъ священнѣйшій долгъ извѣстить обо всемъ старика-отца, и онъ это сдѣлалъ.

— Неужели? воскликнула Александра Павловна.

— Да, и, замѣтьте, съ моего согласія сдѣлалъ— вотъ что чудно!.. Помню до сихъ поръ, какой хаосъ носилъ я тогда въ головѣ: просто, все кружилось и переставлялось, какъ въ камеръ-обскурѣ: бѣлое казалось чернымъ, черное — бѣлымъ, ложь — истиной, фантазія — долгомъ.... Э! даже и теперь совѣстно вспоминать объ этомъ! Ру-

Digitized by Google

динъ—тотъ не унывалъ.... куда! носится, бывало, среди всякаго рода недоразумѣній и путаницы, какъ ласточка надъ прудомъ.

— И такъ вы разстались съ вашей дѣвицей? спросила Александра Павловна, наивно склонивъ головку на бокъ и приподнявъ брови.

— Разстался.... и нехорошо разстался, оскорбительно неловко, гласно, и безъ нужды гласно.... Самъ я плакалъ, и она плакала, и чортъ знаетъ что́ произошло.... Гордіевъ узелъ какой-то затянулся—пришлось перерубить, а больно было! Впрочемъ, все на свѣтѣ устроивается къ лучшему. Она вышла замужъ за хорошаго человѣка и благоденствуетъ теперь....

— А признайтесь, вы все-таки не могли простить Рудину.... начала-было Александра Павловна.

— Какое! перебилъ Лежневъ:—я плакалъ, какъ ребенокъ, когда провожалъ его за границу. Однако, правду сказать, сѣмя тамъ у меня на душѣ залегло тогда же. И когда я встрѣтилъ его потомъ за границей.... ну, я тогда уже и постарѣлъ.... Рудинъ предсталъ мнѣ въ настоящемъ своемъ свѣтѣ.

— Что́ же именно вы открыли въ немъ?

— Да все то, о чемъ я говорилъ вамъ съ часъ тому назадъ. Впрочемъ, довольно о немъ. Можетъ быть, все обойдется благополучно. Я только хотѣлъ доказать вамъ, что если я сужу о немъ строго, такъ не потому, что его не знаю.... Что́ же касается до Натальи Алексѣевны, я не буду тратить лишнихъ словъ; но вы обратите вниманіе на вашего брата.

— На моего брата! А что?

— Да посмотрите на него. Развѣ вы ничего не замѣчаете? Александра Павловна потупилась.

— Вы правы, промолвила она; — точно.... братъ....



Digitized by Google

съ нѣкоторыхъ поръ я его не узнаю.... Но неужели вы думаете....

— Тише! онъ, кажется, идетъ сюда, произнесъ шёпотомъ Лежневъ.—А Наталья не ребенокъ, повѣрьте мнѣ, хотя, къ несчастію, неопытна, какъ ребенокъ. Вы увидите, эта дѣвочка удивитъ всѣхъ насъ.

— Какимъ это образомъ?

— А вотъ какимъ образомъ.... Знаете ли, что именно такія дѣвочки топятся, принимаютъ яду и такъ далѣе? Вы не глядите, что она такая тихая: страсти въ ней сильныя, и характеръ—тоже ой-ой!

— Ну ужъ это, мнѣ кажется, вы въ поэзію вдаетесь. Такому флегматику, какъ вы, пожалуй, и я покажусь вулканомъ.

— Ну нѣтъ! проговорилъ съ улыбкой Лежневъ.... А что до характера, у васъ, слава Богу, характера нѣтъ вовсе.

— Это еще что за дерзость?

— Это? Это величайшій комплиментъ, помилуйте....

Волынцевъ вошелъ и подозрительно посмотрѣлъ на Лежнева и на сестру. Онъ похудѣлъ въ послѣднее время. Они оба заговорили съ нимъ; но онъ едва улыбался въ отвѣтъ на ихъ шутки и глядѣлъ, какъ выразился о немъ однажды Пигасовъ, грустнымъ зайцемъ. Впрочемъ, вѣроятно, не было еще на свѣтѣ человѣка, который, хотя разъ въ жизни, не глядѣлъ еще хуже того. Волынцевъ чувствовалъ, что Наталья отъ него удалялась, а вмѣстѣ съ ней, казалось, и земля бѣжала у него изъ-подъ ногъ.

## VII.

На другой день было воскресенье, и Наталья поздно встала. Наканунѣ она была очень молчалива до самаго

Digitized by Google

вечера, втайнѣ стыдилась слезъ своихъ и очень дурно спала. Сидя, полуодѣтая, передъ своимъ маленькимъ фортепьяно, она то брала аккорды, едва слышные, чтобы не разбудить m-lle Boncourt, то приникала лбомъ къ холоднымъ клавишамъ и долго оставалась неподвижной. Она все думала — не о самомъ Рудинѣ, но о какомъ-нибудь словѣ, имъ сказанномъ, и погружалась вся въ свою думу. Изрѣдка приходилъ ей Волынцевъ на память. Она знала, что онъ ее любитъ. Но мысль ея тотчасъ его покидала.... Странное она чувствовала волненіе. Утромъ она поспѣшно одѣлась, сошла внизъ и, поздоровавшись съ своею матерью, улучила время и ушла одна въ садъ.... День былъ жаркій, свѣтлый, лучезарный день, несмотря на перепадавшіе дождики. По ясному небу плавно неслись, не закрывая солнца, низкія, дымчатыя тучи и, по временамъ, роняли на поля обильные потоки внезапнаго и мгновеннаго ливня. Крупныя, сверкающія капли сыпались быстро, съ какимъ-то сухимъ шумомъ, точно алмазы; солнце играло сквозь ихъ мелькающую сѣтку; трава, еще недавно взволнованная вѣтромъ, не шевелилась, жадно поглащая влагу; орошенныя деревья томно трепетали всѣми своими листочками; птицы не переставали пѣть, и отрадно было слушать ихъ болтливое щебетанье при свѣжемъ гулѣ и ропотѣ пробѣгавшаго дождя. Пыльныя дороги дымились и слегка пестрѣли подъ рѣзкими ударами частыхъ брызгъ. Но вотъ тучка пронеслась, запорхалъ вѣтерокъ, изумрудомъ и золотомъ начала переливать трава.... Прилипая другъ къ дружкѣ, засквозили листья деревьевъ.... Сильный запахъ поднялся отовсюду....

Небо почти все очистилось, когда Наталья пошла въ садъ. Отъ него вѣяло свѣжестью и тишиной, той кроткой и счастливой тишиной, на которую сердце человѣка

Digitized by Google

отзывается сладкимъ томленіемъ тайнаго сочувствія и неопредѣленныхъ желаній....

Наталья шла вдоль пруда по длинной аллеѣ серебристыхъ тополей; внезапно, передъ нею, словно изъ земли, выросъ Рудинъ.

Она смутилась. Онъ посмотрѣлъ ей въ лицо.

— Вы однѣ? спросилъ онъ.

— Да, я одна, отвѣчала Наталья:—впрочемъ, я вышла на минуту.... Мнѣ пора домой.

— Я васъ провожу.

И онъ пошелъ съ ней рядомъ.

— Вы какъ будто печальны? промолвилъ онъ.

— Я?... А я хотѣла вамъ замѣтить, что вы, мнѣ кажется, не въ духѣ.

— Можетъ быть.... это со мною бываетъ. Мнѣ это извинительнѣе, чѣмъ вамъ.

— Почему же? Развѣ вы думаете, что мнѣ не отъ чего быть печальной?

— Въ ваши годы надо наслаждаться жизнью.

Наталья сдѣлала нѣсколько шаговъ молча.

— Дмитрій Николаевичъ! проговорила она.

— Что?

— Помните вы.... сравненіе, которое вы сдѣлали вчера.... помните.... съ дубомъ.

— Ну да, помню. Что же?

Наталья взглянула украдкой на Рудина.

— Зачѣмъ вы.... что вы хотѣли сказать этимъ сравненіемъ?

Рудинъ наклонилъ голову и устремилъ глаза вдаль.

— Наталья Алексѣевна! началъ онъ, съ свойственнымъ ему сдержаннымъ и значительнымъ выраженіемъ, которое всегда заставляло слушателя думать, что Рудинъ не высказывалъ и десятой доли того, что тѣснилось ему въ

Digitized by Google

душу:—Наталья Алексѣевна! вы могли замѣтить, я мало говорю о своемъ прошедшемъ. Есть нѣкоторыя струны, до которыхъ я не касаюсь вовсе. Мое сердце.... кому какая нужда знать о томъ, что въ немъ происходило? Выставлять это на показъ мнѣ всегда казалось святотатствомъ. Но съ вами я откровененъ: вы возбуждаете мое довѣріе.... Не могу утаить отъ васъ, что и я любилъ и страдалъ, какъ всѣ.... Когда и какъ? объ этомъ говорить не стóитъ; но сердце мое испытало много радостей и много горестей....

Рудинъ помолчалъ немного.

— То, чтó я вамъ сказалъ вчера, продолжалъ онъ: — можетъ быть до нѣкоторой степени примѣнено ко мнѣ, къ теперешнему моему положенію. Но опять-таки объ этомъ говорить не стóитъ. Эта сторона жизни для меня уже изчезла. Мнѣ остается теперь тащиться по знойной и пыльной дорогѣ, со станціи до станціи, въ тряской телѣгѣ.... Когда я доѣду, и доѣду-ли—Богъ знаетъ.... Поговоримте лучше о васъ.

— Неужели же, Дмитрій Николаевичъ, перебила его Наталья:—вы ничего не ждете отъ жизни?

— О, нѣтъ! я жду многаго, но не для себя.... Отъ дѣятельности, отъ блаженства дѣятельности я никогда не откажусь; но я отказался отъ наслажденія. Мои надежды, мои мечты—и собственное мое счастіе не имѣютъ ничего общаго. Любовь (при этомъ словѣ онъ пожалъ плечомъ).... любовь—не для меня; я.... ея не стóю; женщина, которая любитъ, въ правѣ требовать всего человѣка, а я ужъ весь отдаться не могу. Притомъ, нравиться — это дѣло юношей: я слишкомъ старъ. Куда мнѣ кружить чужія головы? Дай Богъ свою сносить на плечахъ!

— Я понимаю, промолвила Наталья;—кто стремится къ великой цѣли, уже не долженъ думать о себѣ; но развѣ

Digitized by Google

женщина не въ состояніи оцѣнить такого человѣка? Мнѣ кажется, напротивъ, женщина скорѣе отвернется отъ эгоиста.... Всѣ молодые люди, эти юноши, по вашему, всѣ—эгоисты, всѣ только собою заняты, даже когда любятъ. Повѣрьте, женщина нетолько способна понять самопожертвованіе: она сама умѣетъ пожертвовать собою.

Щеки Натальи слегка зарумянились, и глаза ея заблестѣли. До знакомства съ Рудинымъ она никогда бы не произнесла такой длинной рѣчи и съ такимъ жаромъ.

— Вы не разъ слышали мое мнѣніе о призваніи женщинъ, возразилъ съ снисходительной улыбкой Рудинъ:— вы знаете, что, по моему, одна Жанна д'Аркъ могла спасти Францію.... но дѣло не въ томъ. Я хотѣлъ поговорить о васъ. Вы стоите на порогѣ жизни.... Разсуждать о вашей будущности и весело, и не безплодно.... Послушайте: вы знаете, я вашъ другъ; я принимаю въ васъ почти родственное участіе.... А потому, я надѣюсь, вы не найдете моего вопроса нескромнымъ: скажите, ваше сердце до сихъ поръ совершенно спокойно?

Наталья вся вспыхнула и ничего не сказала. Рудинъ остановился, и она остановилась.

— Вы не сердитесь на меня? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, проговорила она: — но я никакъ не ожидала....

— Впрочемъ, продолжалъ онъ: — вы можете не отвѣчать мнѣ. Ваша тайна мнѣ извѣстна.

Наталья почти съ испугомъ взглянула на него.

— Да.... да; я знаю, кто вамъ нравится. И я долженъ сказать—лучшаго выбора вы сдѣлать не могли. Онъ человѣкъ прекрасный; онъ съумѣетъ оцѣнить васъ; онъ не измятъ жизнью — онъ простъ и ясенъ душою.... онъ составитъ ваше счастіе.

— О комъ говорите вы, Дмитрій Николаичъ?

Digitized by Google

— Будто вы не понимаете, о комъ я говорю? Разумѣется, о Волынцевѣ. Что-жъ? развѣ это неправда?

Наталья отвернулась немного отъ Рудина. Она совершенно растерялась.

— Развѣ онъ не любитъ васъ? Помилуйте! онъ не сводитъ съ васъ глазъ, слѣдитъ за каждымъ вашимъ движеніемъ; да и наконецъ, развѣ можно скрыть любовь? И вы сами развѣ неблагосклонны къ нему? Сколько я могъ замѣтить, и матушкѣ вашей онъ также нравится.... Вашъ выборъ....

— Дмитрій Николаичъ, перебила его Наталья, въ смущеніи протягивая руку къ близъ стоявшему кусту;—мнѣ право такъ неловко говорить объ этомъ; но я васъ увѣряю.... вы ошибаетесь.

— Я ошибаюсь? повторилъ Рудинъ.... Не думаю.... Я съ вами познакомился недавно; но я уже хорошо васъ знаю. Что́ же значитъ перемѣна, которую я вижу въ васъ, вижу ясно? Развѣ вы такая, какою я засталъ васъ шесть недѣль тому назадъ?... Нѣтъ, Наталья Алексѣевна, сердце ваше не спокойно.

— Можетъ быть, отвѣтила Наталья едва внятно:—но вы все-таки ошибаетесь.

— Какъ это? спросилъ Рудинъ.

— Оставьте меня, не спрашивайте меня! возразила Наталья и быстрыми шагами направилась къ дому.

Ей самой стало страшно всего того, что она вдругъ почувствовала въ себѣ.

Рудинъ догналъ и остановилъ ее.

— Наталья Алексѣевна! заговорилъ онъ:—этотъ разговоръ не можетъ такъ кончиться: онъ слишкомъ важенъ и для меня.... Какъ мнѣ понять васъ?

— Оставьте меня! повторила Наталья.

— Наталья Алексѣевна, ради Бога!

Digitized by Google

На лицѣ Рудина изобразилось волненіе. Онъ поблѣднѣлъ.

— Вы все понимаете, вы и меня должны понять! сказала Наталья, вырвала у него руку и пошла, не оглядываясь.

— Одно только слово! крикнулъ ей вслѣдъ Рудинъ.

Она остановилась, но не обернулась.

— Вы меня спрашивали, что̀ я хотѣлъ сказать вчерашнимъ сравненіемъ. Знайте же, я обманывать васъ не хочу. Я говорилъ о себѣ, о своемъ прошедшемъ — и о васъ.

— Какъ? обо мнѣ?

— Да, о васъ; я, повторяю, не хочу васъ обманывать.... Вы теперь знаете, о какомъ чувствѣ, о какомъ новомъ чувствѣ, я говорилъ тогда.... До нынѣшняго дня я никогда бы не рѣшился....

Наталья вдругъ закрыла лицо руками и побѣжала къ дому.

Она такъ была потрясена неожиданной развязкой разговора съ Рудинымъ, что и не замѣтила Волынцева, мимо котораго пробѣжала. Онъ стоялъ неподвижно, прислонясь спиною къ дереву. Четверть часа тому назадъ, онъ пріѣхалъ къ Дарьѣ Михайловнѣ и засталъ ее въ гостиной, сказалъ слова два, незамѣтно удалился и отправился отыскивать Наталью. Руководимый чутьемъ, свойственнымъ влюбленнымъ людямъ, онъ пошелъ прямо въ садъ и наткнулся на нее и на Рудина въ то самое мгновеніе, когда она вырвала у него руку. У Волынцева потемнѣло въ глазахъ. Проводивъ Наталью взоромъ, онъ отдѣлился отъ дерева и шагнулъ раза два, самъ не зная, куда и зачѣмъ. Рудинъ увидѣлъ его, поровнявшись съ нимъ. Оба посмотрѣли другъ на друга въ глаза, поклонились и разошлись молча.

Digitized by Google

«Это такъ не кончится», подумали оба.

Волынцевъ пошелъ на самый конецъ сада. Ему горько и тошно стало; а на сердцѣ залегъ свинецъ, и кровь по временамъ поднималась злобно. Дождикъ сталъ опять накрапывать. Рудинъ вернулся къ себѣ въ комнату. И онъ не былъ спокоенъ: вихремъ кружились въ немъ мысли. Довѣрчивое, неожиданное прикосновеніе молодой, честной души смутитъ хоть кого.

За столомъ все шло какъ-то неладно. Наталья, вся блѣдная, едва держалась на стулѣ и не поднимала глазъ. Волынцевъ сидѣлъ, по обыкновенію, возлѣ нея и, время отъ времени, принужденно заговаривалъ съ нею. Случилось такъ, что Пигасовъ въ тотъ день обѣдалъ у Дарьи Михайловны. Онъ больше всѣхъ говорилъ за столомъ. Между прочимъ, онъ началъ доказывать, что людей, какъ собакъ, можно раздѣлить на куцыхъ и длиннохвостыхъ. Куцыми бываютъ люди—говорилъ онъ—и отъ рожденія, и по собственной винѣ. Куцымъ плохо: имъ ничего не удается—они не имѣютъ самоувѣренности. Но человѣкъ, у котораго длинный, пушистый хвостъ — счастливецъ. Онъ можетъ быть и плоше и слабѣе куцаго, да увѣренъ въ себѣ; распуститъ хвостъ—всѣ любуются. И вѣдь вотъ что́ достойно удивленія: вѣдь хвостъ совершенно безполезная часть тѣла, согласитесь; на что можетъ пригодиться хвостъ? а всѣ судятъ о вашихъ достоинствахъ по хвосту.

— Я, прибавилъ онъ со вздохомъ: — принадлежу къ числу куцыхъ, и, что́ досаднѣе всего, я самъ [illegible] себѣ хвостъ.

— То-есть, вы хотите сказать, замѣтилъ не[illegible] динъ,—что́, впрочемъ, уже давно до васъ сказ[illegible] фуко: будь увѣренъ въ себѣ, другіе въ тебѣ [illegible] Къ чему тутъ было примѣшивать хвостъ, я [illegible]

Digitized by Google

— Позвольте же каждому, рѣзко заговорилъ Волынцевъ, и глаза его загорѣлись:—позвольте каждому выражаться, какъ ему вздумается. Толкуютъ о деспотизмѣ.... По моему нѣтъ хуже деспотизма такъ-называемыхъ умныхъ людей. Чортъ бы ихъ побралъ!

Всѣхъ изумила выходка Волынцева, всѣ притихли. Рудинъ посмотрѣлъ-было на него, но не выдержалъ его взора, отворотился, улыбнулся и рта не разинулъ.

«Эге! да и ты куцъ!» подумалъ Пигасовъ; а у Натальи душа замерла отъ страха. Дарья Михайловна долго, съ недоумѣніемъ посмотрѣла на Волынцева и наконецъ первая заговорила: начала разсказывать о какой-то необыкновенной собакѣ ея друга министра N. N....

Волынцевъ уѣхалъ скоро послѣ обѣда. Раскланиваясь съ Натальей, онъ не вытерпѣлъ и сказалъ ей:

— Отчего вы такъ смущены, словно виноваты? вы ни передъ кѣмъ виноваты быть не можете!...

Наталья ничего не поняла и только посмотрѣла ему вслѣдъ. Передъ чаемъ, Рудинъ подошелъ къ ней, и, нагнувшись надъ столомъ, какъ будто разбирая газеты, шепнулъ:

— Все это какъ сонъ, не правда-ли? Мнѣ непремѣнно нужно видѣть васъ наединѣ.... хотя минуту.—Онъ обратился къ m-lle Boncourt. — Вотъ, сказалъ онъ ей: тотъ фельетонъ, который вы искали, — и снова наклонясь къ Натальѣ, прибавилъ шепотомъ:—постарайтесь быть около десяти часовъ возлѣ террасы, въ сиреневой бесѣдкѣ: я буду ждать васъ....

Героемъ вечера былъ Пигасовъ. Рудинъ уступилъ ему поле сраженія. Онъ очень смѣшилъ Дарью Михайловну; сперва онъ разсказывалъ объ одномъ своемъ сосѣдѣ, который, состоя лѣтъ тридцать подъ башмакомъ жены, до того обабился, что, переходя однажды, въ присутствіи

Digitized by Google

Пигасова, мелкую лужицу, занесъ назадъ руку и отвелъ въ бокъ фалды сюртука, какъ женщины это дѣлаютъ со своими юбками. Потомъ онъ обратился къ другому помѣщику, который сначала былъ масономъ, потомъ меланхоликомъ, потомъ желалъ быть банкиромъ.

— Какъ же это вы были масономъ, Филиппъ Степанычъ? спросилъ его Пигасовъ.

— Извѣстно какъ: я носилъ длинный ноготь на пятомъ пальцѣ.

Но больше всего смѣялась Дарья Михайловна, когда Пигасовъ пустился разсуждать о любви и увѣрять, что и о немъ вздыхали, что одна пылкая нѣмка называла его даже «аппетитнымъ Африканчикомъ и хрипунчикомъ». Дарья Михайловна смѣялась, а Пигасовъ не лгалъ: онъ дѣйствительно имѣлъ право хвастаться своими побѣдами. Онъ утверждалъ, что ничего не можетъ быть легче, какъ влюбить въ себя какую угодно женщину: стóитъ только повторять ей десять дней сряду, что у ней въ устахъ рай, а въ очахъ блаженство, и что остальныя женщины передъ ней простыя тряпки, и на одиннадцатый день она сама скажетъ, что у ней въ устахъ рай и въ очахъ блаженство, и полюбитъ васъ. Все на свѣтѣ бываетъ. Почему знать? можетъ быть, Пигасовъ и правъ.

Въ половинѣ девятаго. Рудинъ уже былъ въ бесѣдкѣ. Въ далекой и блѣдной глубинѣ неба только-что проступали звѣздочки; на западѣ еще алѣло—тамъ и небосклонъ казался яснѣй и чище; полукругъ луны блестѣлъ золотомъ сквозь черную сѣтку плакучей березы. Другія деревья либо стояли угрюмыми великанами, съ тысячью просвѣтовъ, на подобіе глазъ, либо сливались въ сплошныя, мрачныя громады. Ни одинъ листокъ не шевелился; верхнія вѣтки сиреней и акацій какъ будто прислушивались къ чему-то и вытягивались въ тепломъ воздухѣ.

Digitized by Google

Домъ темнѣлъ вблизи; пятнами красноватаго свѣта рисовались на немъ освѣщенныя длинныя окна. Кротокъ и тихъ былъ вечеръ; но сдержанный, страстный вздохъ чудился въ этой тишинѣ.

Рудинъ стоялъ, скрестивъ руки на груди, и слушалъ съ напряженнымъ вниманіемъ. Сердце въ немъ билось сильно, и онъ невольно удерживалъ дыханіе. Наконецъ ему послышались легкіе, торопливые шаги, и въ бесѣдку вошла Наталья.

Рудинъ бросился къ ней, взялъ ее за руки. Онѣ были холодны какъ ледъ.

— Наталья Алексѣевна! заговорилъ онъ трепетнымъ шопотомъ; — я хотѣлъ васъ видѣть.... я не могъ дождаться завтрашняго дня. Я долженъ вамъ сказать, чего я не подозрѣвалъ, чего я не сознавалъ даже сегодня утромъ: я люблю васъ.

Руки Натальи слабо дрогнули въ его рукахъ.

— Я люблю васъ, повторилъ онъ: — и какъ я могъ такъ долго обманываться, какъ я давно не догадался, что люблю васъ!... А вы?... Наталья Алексѣевна, скажите, вы?...

Наталья едва переводила духъ.

— Вы видите, я пришла сюда, проговорила она наконецъ.

— Нѣтъ, скажите, вы любите меня?

— Мнѣ кажется.... да.... прошептала она.

Рудинъ еще крѣпче стиснулъ ея руки и хотѣлъ-было привлечь ее къ себѣ....

Наталья быстро оглянулась.

— Пустите меня,—мнѣ страшно,—мнѣ кажется кто-то насъ подслушиваетъ.... Ради Бога, будьте осторожны. Волынцевъ догадывается.

— Богъ съ нимъ! Вы видѣли, я и не отвѣчалъ ему

Digitized by Google

сегодня.... Ахъ, Наталья Алексѣевна, какъ я счастливъ! Теперь уже ничто насъ не разъединитъ!

Наталья взглянула ему въ глаза.

— Пустите меня, прошептала она:—мнѣ пора.

— Одно мгновенье, началъ Рудинъ....

— Нѣтъ, пустите, пустите меня....

— Вы какъ будто меня боитесь?

— Нѣтъ: но мнѣ пора....

— Такъ повторите, по-крайней-мѣрѣ, еще разъ....

— Вы говорите, вы счастливы? спросила Наталья.

— Я? Нѣтъ человѣка въ мірѣ счастливѣе меня! Неужели вы сомнѣваетесь?

Наталья приподняла голову. Прекрасно было ея блѣдное лицо, благородное, молодое и взволнованное—въ таинственной тѣни бесѣдки, при слабомъ свѣтѣ, падавшемъ съ ночнаго неба.

— Знайте же, сказала она:—я буду ваша.

— О, Боже! воскликнулъ Рудинъ....

Но Наталья уклонилась и ушла. Рудинъ постоялъ немного, потомъ вышелъ медленно изъ бесѣдки. Луна ясно освѣтила его лицо; на губахъ его блуждала улыбка.

— Я счастливъ, произнесъ онъ вполголоса. — Да, я счастливъ, повторилъ онъ, какъ бы желая убѣдить самого себя.

Онъ выпрямилъ свой станъ, встряхнулъ кудрями и пошелъ проворно въ садъ, весело размахивая руками.

А между тѣмъ, въ сиреневой бесѣдкѣ тихонько раздвинулись кусты и показался Пандалевскій. Онъ осторожно оглянулся, покачалъ головой, сжалъ губы, произнесъ значительно: «Вотъ какъ-съ. Это надобно будетъ довести до свѣдѣнія Дарьи Михайловны», и скрылся.

Digitized by Google

## VIII.

Возвратясь домой, Волынцевъ былъ такъ унылъ и мраченъ, такъ неохотно отвѣчалъ своей сестрѣ и такъ скоро заперся къ себѣ въ кабинетъ, что она рѣшилась послать гонца за Лежневымъ. Она прибѣгала къ нему во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ. Лежневъ велѣлъ ей сказать, что пріѣдетъ на слѣдующій день.

Волынцевъ и къ утру не повеселѣлъ. Онъ хотѣлъ-было послѣ чаю отправиться на работы, но остался, легъ на диванъ и принялся читать книгу, что̀ съ нимъ случалось не часто. Волынцевъ къ литературѣ влеченія не чувствовалъ, а стиховъ просто боялся.—Это непонятно какъ стихи, говаривалъ онъ, и, въ подтвержденіе словъ своихъ, приводилъ слѣдующія строки поэта Айбулата:

И до конца печальныхъ дней
Ни гордый опытъ, ни разсудокъ
Не пзомнутъ рукой своей
Кровавыхъ жизни незабудокъ.

Александра Павловна тревожно посматривала на своего брата, но не безпокоила его вопросами. Экипажъ подъѣхалъ къ крыльцу. «Ну—подумала она—слава Богу, Лежневъ»... Слуга вошелъ и доложилъ о пріѣздѣ Рудина.

Волынцевъ бросилъ книгу на полъ и поднялъ голову.

— Кто пріѣхалъ? спросилъ онъ.

— Рудинъ, Дмитрій Николаичъ, повторилъ слуга.

Волынцевъ всталъ.

— Проси, промолвилъ онъ:—а ты, сестра, прибавилъ онъ, обратясь къ Александрѣ Павловнѣ:—оставь насъ.

— Да почему же? начала она....

— Я знаю, перебилъ онъ съ запальчивостью:—я прошу тебя.

Digitized by Google

Вошелъ Рудинъ. Волынцевъ холодно поклонился ему, стоя посреди комнаты, и не протянулъ ему руки.

— Вы меня не ждали, признайтесь, началъ Рудинъ и поставилъ шляпу на окно.

Губы его слегка передергивало. Ему было неловко; но онъ старался скрыть свое замѣшательство.

— Я васъ не ждалъ, точно, возразилъ Волынцевъ:—я скорѣе послѣ вчерашняго дня могъ ждать кого-нибудь — съ порученіемъ отъ васъ.

— Я понимаю, что́ вы хотите сказать, промолвилъ Рудинъ, садясь:—и очень радъ вашей откровенности. Этакъ гораздо лучше. Я самъ пріѣхалъ къ вамъ, какъ къ благородному человѣку.

— Нельзя ли безъ комплиментовъ? замѣтилъ Волынцевъ.

— Я желаю объяснить вамъ, зачѣмъ я пріѣхалъ.

— Мы съ вами знакомы: почему же вамъ и не пріѣхать ко мнѣ? Притомъ же, вы не въ первый разъ удостоиваете меня своимъ посѣщеніемъ.

— Я пріѣхалъ къ вамъ, какъ благородный человѣкъ къ благородному человѣку, повторилъ Рудинъ:—и хочу теперь сослаться на собственный вашъ судъ.... Я довѣряю вамъ вполнѣ....

— Да въ чемъ дѣло? проговорилъ Волынцевъ, который все еще стоялъ въ прежнемъ положеніи и сумрачно глядѣлъ на Рудина, изрѣдка подергивая концы усовъ.

— Позвольте.... я пріѣхалъ за тѣмъ, чтобы объясниться, конечно; но все-таки это нельзя разомъ.

— Отчего же нельзя?

— Здѣсь замѣшано третье лицо....

— Какое третье лицо?

— Сергѣй Павлычъ, вы меня понимаете.

— Дмитрій Николаичъ, я васъ нисколько не понимаю.

Digitized by Google

— Вамъ угодно....

— Мнѣ угодно, чтобы вы говорили безъ обиняковъ! подхватилъ Волынцевъ.

Онъ начиналъ сердиться не на шутку.

Рудинъ нахмурился.

— Извольте.... мы одни.... Я долженъ вамъ сказать— впрочемъ, вы, вѣроятно, уже догадываетесь (Волынцевъ нетерпѣливо пожалъ плечами)—я долженъ вамъ сказать, что я люблю Наталью Алексѣевну и имѣю право предполагать, что и она меня любитъ.

Волынцевъ поблѣднѣлъ, но ничего не отвѣтилъ, отошелъ къ окну и отвернулся.

— Вы понимаете, Сергѣй Павлычъ, продолжалъ Рудинъ:— что если бы я не былъ увѣренъ....

— Помилуйте! поспѣшно перебилъ Волынцевъ!—я нисколько не сомнѣваюсь.... Что-жъ! на здоровье! Только, я удивляюсь, съ какого дьявола вамъ вздумалось ко мнѣ съ этимъ извѣстіемъ пожаловать.... Я-то тутъ что? Что мнѣ за дѣло, кого вы любите и кто васъ любитъ? Я просто не могу понять.

Волынцевъ продолжалъ глядѣть въ окно. Голосъ его звучалъ глухо.

Рудинъ всталъ.

— Я вамъ скажу, Сергѣй Павлычъ, почему я рѣшился пріѣхать къ вамъ, почему я не почелъ себя даже въ правѣ скрыть отъ васъ нашу.... наше взаимное расположеніе. Я слишкомъ глубоко уважаю васъ—вотъ почему я пріѣхалъ; я не хотѣлъ.... мы оба не хотѣли разъигрывать передъ вами комедію. Чувство ваше къ Натальѣ Алексѣевнѣ было мнѣ извѣстно.... Повѣрьте, я знаю себѣ цѣну: я знаю, какъ мало достоинъ я того, чтобы замѣнить васъ въ ея сердцѣ; но если ужъ этому суждено было случиться, неужели же лучше хитрить, обманывать,

Digitized by Google

притворяться? Неужели лучше подвергаться недоразумѣніямъ или даже возможности такой сцены, какая произошла вчера за обѣдомъ? Сергѣй Павлычъ, скажите сами?

Волынцевъ скрестилъ руки на груди, какъ бы усиливаясь укротить самого себя.

— Сергѣй Павлычъ! продолжалъ Рудинъ:—я огорчилъ васъ, я это чувствую.... но поймите насъ.... поймите, что мы не имѣли другого средства доказать вамъ наше уваженіе, доказать, что мы умѣемъ цѣнить ваше прямодушное благородство. Откровенность, полная откровенность со всякимъ другимъ была бы неумѣстна, но съ вами она становится обязанностью. Намъ пріятно думать, что наша тайна въ вашихъ рукахъ....

Волынцевъ принужденно захохоталъ.

— Спасибо за довѣренность! воскликнулъ онъ: — хотя, прошу замѣтить, я не желалъ ни знать вашей тайны, ни своей вамъ выдать, а вы ею распоряжаетесь, какъ своимъ добромъ. Но, позвольте, вы говорите, какъ бы отъ общаго лица. Стало-быть, я могу предполагать, что Натальѣ Алексѣевнѣ извѣстно ваше посѣщеніе и цѣль этого посѣщенія?

Рудинъ немного смутился.

— Нѣтъ, я не сообщилъ Натальѣ Алексѣевнѣ моего намѣренія; но, я знаю, она раздѣляетъ мой образъ мыслей.

— Все это прекрасно; заговорилъ, помолчавъ немного, Волынцевъ и забарабанилъ пальцами по стеклу:—хотя, признаться, было бы гораздо лучше, если бы вы поменьше меня уважали. Мнѣ, по правдѣ сказать, ваше уваженіе ни къ чорту не нужно; но что же вы теперь хотите отъ меня?

— Я ничего не хочу.... или, нѣтъ! я хочу одного: я хочу, чтобы вы не считали меня коварнымъ и хитрымъ



Digitized by Google

человѣкомъ, чтобы вы поняли меня.... Я надѣюсь, что вы теперь уже не можете сомнѣваться въ моей искренности.... Я хочу, Сергѣй Павлычъ, чтобы мы разстались друзьями... чтобы вы, по прежнему, протянули мнѣ руку....

И Рудинъ приблизился къ Волынцеву.

— Извините меня, милостивый государь, промолвилъ Волынцевъ, обернувшись и отступивъ шагъ назадъ: — я готовъ отдать полную справедливость вашимъ намѣреніямъ, все это прекрасно, положимъ, даже возвышенно, но мы люди простые, ѣдимъ пряники неписаные, мы не въ состояніи слѣдить за полетомъ такихъ великихъ умовъ, каковъ вашъ ... Что̀ вамъ кажется искреннимъ, намъ кажется навязчивымъ и нескромнымъ.... Что̀ для васъ просто и ясно, для насъ запутанно и темно.... Вы хвастаетесь тѣмъ, что̀ мы скрываемъ: гдѣ же намъ понять васъ! Извините меня: ни другомъ я васъ считать не могу, ни руки я вамъ не подамъ ... Это, можетъ быть мелко; да вѣдь я самъ мелокъ.

Рудинъ взялъ шляпу съ окна.

— Сергѣй Павлычъ! проговорилъ онъ печально: — прощайте; я обманулся въ своихъ ожиданіяхъ. Посѣщеніе мое, дѣйствительно, довольно странно; но я надѣялся, что вы.... (Волынцевъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе).... Извините, я больше говорить объ этомъ не стану. Сообразивъ все, я вижу, точно: вы правы и иначе поступить не могли. Прощайте и позвольте, по-крайней-мѣрѣ еще разъ, въ послѣдній разъ, увѣрить васъ въ чистотѣ моихъ намѣреній.... Въ вашей скромности я убѣжденъ....

— Это уже слишкомъ! воскликнулъ Волынцевъ и затрясся отъ гнѣва: — я нисколько не напрашивался на ваше довѣріе; а потому разсчитывать на мою скромность вы не имѣете никакого права!

Digitized by Google

Рудинъ хотѣлъ что-то сказать, но только руками развелъ, поклонился и вышелъ, а Волынцевъ бросился на диванъ и повернулся лицомъ къ стѣнѣ.

—Можно войти къ тебѣ? послышался у двери голосъ Александры Павловны.

Волынцевъ не тотчасъ отвѣчалъ и украдкой провелъ рукой по лицу. — Нѣтъ, Саша, проговорилъ онъ слегка измѣнившимся голосомъ: — погоди еще немножко.

Полчаса спустя, Александра Павловна опять подошла къ двери.

— Михайло Михайлычъ пріѣхалъ, сказала она: — хочешь ты его видѣть?

— Хочу, отвѣтилъ Волынцевъ: пошли его сюда.

Лежневъ вошелъ.

— Что́ — ты нездоровъ? спросилъ онъ, усаживаясь на кресла возлѣ дивана.

Волынцевъ приподнялся, оперся на локоть, долго, долго посмотрѣлъ своему пріятелю въ лицо и тутъ же передалъ ему весь свой разговоръ съ Рудинымъ, отъ слова до слова. Онъ никогда до тѣхъ поръ и не намекалъ Лежневу о своихъ чувствахъ къ Натальѣ, хотя и догадывался, что они для него не были скрыты.

— Ну, братъ, удивилъ ты меня, проговорилъ Лежневъ, какъ только Волынцевъ кончилъ свой разсказъ. — Много странностей ожидалъ я отъ него, но ужъ это.... Впрочемъ, узнаю его и тутъ.

— Помилуй! говорилъ взволнованный Волынцевъ: — вѣдь это просто наглость! Вѣдь я чуть-чуть его за окно не выбросилъ. Похвастаться что-ли онъ хотѣлъ передо мной, или струсилъ? Да съ какой стати? Какъ рѣшиться ѣхать къ человѣку....

Волынцевъ закинулъ руки за голову и умолкъ.

— Нѣтъ, братъ, это не то, спокойно возразилъ Леж-

Digitized by Google

невъ. — Ты вотъ мнѣ не повѣришь, а вѣдь онъ это сдѣлалъ изъ хорошаго побужденія. Право.... Оно, вишь ты, и благородно и откровенно, ну да и поговорить представляется случай, краснорѣчіе въ ходъ пустить; а вѣдь намъ вотъ чего нужно, вотъ безъ чего мы жить не въ состояніи.... Охъ, языкъ его — врагъ его.... Ну, за то же онъ и слуга ему.

— Съ какой торжественностью онъ вошелъ и говорилъ, ты себѣ представить не можешь!....

— Ну, да безъ этого ужъ нельзя. Онъ сюртукъ застегиваетъ, словно священный долгъ исполняетъ. Я бы посадилъ его на необитаемый островъ и посмотрѣлъ бы изъ-за угла, какъ бы онъ тамъ распоряжаться сталъ. А все толкуетъ о простотѣ!

— Да скажи мнѣ, братъ, ради Бога, спросилъ Волынцевъ — что̀ это такое, философія, что̀-ли?

— Какъ тебѣ сказать? съ одной стороны, пожалуй, это точно философія — а съ другой ужъ это совсѣмъ не то̀. На философію всякій вздоръ сваливать тоже не приходится.

Волынцевъ взглянулъ на него.

— А не солгалъ ли онъ: какъ ты думаешь?

— Нѣтъ, сынъ мой, не солгалъ. А впрочемъ знаешь ли что? Довольно разсуждать объ этомъ. Давай-ка, братецъ, закуримъ трубки да попросимъ сюда Александру Павловну.... При ней и говорится лучше, и молчится легче. Она насъ чаемъ напоитъ.

— Пожалуй, возразилъ Волынцевъ. — Саша, войди! крикнулъ онъ.

Александра Павловна вошла. Онъ схватилъ ея руку и крѣпко прижалъ ее къ своимъ губамъ.

---

Digitized by Google

Рудинъ вернулся домой въ состояніи духа смутномъ и странномъ. Онъ досадовалъ на себя, упрекалъ себя въ непростительной опрометчивости, въ мальчишествѣ. Недаромъ сказалъ кто-то: нѣтъ ничего тягостнѣе сознанія только-что сдѣланной глупости.

Раскаяніе грызло Рудина.

«Чортъ меня дернулъ», шепталъ онъ сквозь зубы, «съѣздить къ этому помѣщику! Вотъ пришла мысль! Только на дерзости напрашиваться!»...

А въ домѣ Дарьи Михайловны происходило что-то необыкновенное. Сама хозяйка цѣлое утро не показывалась и къ обѣду не вышла: у ней, по увѣренію Пандалевскаго, единственнаго допущеннаго до ней лица, голова болѣла. Наталью Рудинъ также почти не видалъ: она сидѣла въ своей комнатѣ съ m-lle Boncourt.... Встрѣтясь съ нимъ въ столовой, она такъ печально на него посмотрѣла, что у него сердце дрогнуло. Ея лицо измѣнилось, словно несчастье обрушилось на нее со вчерашняго дня. Тоска неопредѣленныхъ предчувствій начала томить Рудина. Чтобы какъ-нибудь развлечься, онъ занялся съ Басистовымъ, много съ нимъ разговаривалъ и нашелъ въ немъ горячаго, живого малаго, съ восторженными надеждами и нетронутой еще вѣрой. Къ вечеру Дарья Михайловна появилась часа на два въ гостиной. Она была любезна съ Рудинымъ, но держалась какъ-то отдаленно и то посмѣивалась, то хмурилась, говорила въ носъ, и все больше намеками.... Такъ отъ нея придворной дамой и вѣяло. Въ послѣднее время она какъ будто охладѣла немного къ Рудину. — «Что́ за загадка?» думалъ онъ, глядя съ боку на ея закинутую головку.

Онъ не долго дожидался разрѣшенія этой загадки. Возвращаясь, часу въ двѣнадцатомъ ночи, въ свою комнату, шелъ онъ по темному корридору. Вдругъ кто-то сунулъ

Digitized by Google

ему въ руку записку. Онъ оглянулся: отъ него удалялась дѣвушка, какъ ему показалось, Натальина горничная. Онъ пришелъ къ себѣ, услалъ человѣка, развернулъ записку и прочелъ слѣдующія строки, начертанныя рукою Натальи:

«Приходите завтра въ седьмомъ часу утра, не позже, къ Авдюхину пруду, за дубовымъ лѣсомъ. Всякое другое время невозможно. Это будетъ наше послѣднее свиданіе, и все будетъ кончено, если.... Приходите. Надо будетъ рѣшиться....

P. S. Если я не приду, значитъ, мы не увидимся больше: тогда я вамъ дамъ знать....»

Рудинъ задумался, повертѣлъ записку въ рукахъ, положилъ ее подъ подушку, раздѣлся, легъ, но заснулъ не скоро, спалъ чуткимъ сномъ, и не было еще пяти часовъ, когда онъ проснулся.

## IX.

Авдюхинъ прудъ, возлѣ котораго Наталья назначила свиданіе Рудину, давно пересталъ быть прудомъ. Лѣтъ тридцать тому назадъ его прорвало и съ тѣхъ поръ его забросили. Только по ровному и плоскому дну оврага, нѣкогда затянутому жирнымъ иломъ, да по остаткамъ плотины можно было догадаться, что здѣсь былъ прудъ. Тутъ же существовала усадьба. Она давнымъ-давно исчезла. Двѣ огромныя сосны напоминали о ней; вѣтеръ вѣчно шумѣлъ и угрюмо гудѣлъ въ ихъ высокой, тощей зелени.... Въ народѣ ходили таинственные слухи о страшномъ преступленіи, будто бы совершенномъ у ихъ корня; поговаривали также, что ни одна изъ нихъ не упадетъ, не причинивъ кому-нибудь смерти; что тутъ прежде стояла третья сосна, которая въ бурю повалилась и задавила дѣвочку. Все мѣсто около стараго пруда считалось нечи-

Digitized by Google

стымъ; пустое и голое, но глухое и мрачное, даже въ солнечный день—оно казалось еще мрачнѣе и глуше отъ близости дряхлаго, дубоваго лѣса, давно вымершаго и засохшаго. Рѣдкіе сѣрые остовы громадныхъ деревьевъ высились какими-то унылыми призраками надъ низкой порослью кустовъ. Жутко было смотрѣть на нихъ: казалось, злые старики сошлись и замышляютъ что-то недоброе. Узкая, едва проторенная дорожка вилась въ сторонѣ. Безъ особенной нужды никто не проходилъ мимо Авдюхина пруда. Наталья съ намѣреніемъ выбрала такое уединенное мѣсто. До него отъ дома Дарьи Михайловны было не болѣе полуверсты.

Солнце уже давно встало, когда Рудинъ пришелъ къ Авдюхину пруду; но не веселое было утро. Сплошныя тучи молочнаго цвѣта покрывали все небо; вѣтеръ быстро гналъ ихъ, свистя и взвизгивая. Рудинъ началъ ходить взадъ и впередъ по плотинѣ, покрытой цѣпкимъ лопушникомъ и почернѣлой крапивой. Онъ не былъ спокоенъ. Эти свиданія, эти новыя ощущенія занимали, но и волновали его, особенно послѣ вчерашней записки. Онъ видѣлъ, что развязка приближалась, и втайнѣ смущался духомъ, хотя никто бы этого не подумалъ, глядя, съ какой сосредоточенной рѣшимостью онъ скрещивалъ руки на груди и поводилъ кругомъ глазами. Не даромъ про него сказалъ однажды Пигасовъ, что его, какъ китайскаго болванчика, постоянно перевѣшивала голова. Но съ одной головой, какъ бы она сильна ни была, человѣку трудно узнать, даже то, что̀ въ немъ самомъ происходитъ.... Рудинъ, умный, проницательный Рудинъ, не въ состояніи былъ сказать навѣрное, любитъ ли онъ Наталью, страдаетъ ли онъ, будетъ ли страдать, разставшись съ нею. Зачѣмъ же, не прикидываясь даже Ловласомъ—эту справедливость отдать ему слѣдуетъ — сбилъ онъ съ толку

Digitized by Google

бѣдную дѣвушку? Отчего ожидалъ ее съ тайнымъ трепетомъ? На это одинъ отвѣтъ: никто такъ легко не увлекается, какъ безстрастные люди.

Онъ ходилъ по плотинѣ, а Наталья спѣшила къ нему прямо черезъ поле, по мокрой травѣ.

— Барышня! барышня! вы себѣ ноги замочите, говорила ей ея горничная, Маша, едва поспѣвая за ней.

Наталья не слушала ее и бѣжала безъ оглядки.

— Ахъ, какъ бы не подсмотрѣли насъ! твердила Маша.—Ужъ и тому дивиться надо, какъ мы изъ дому-то вышли. Какъ бы мамзель не проснулась.... Благо недалеко.... А ужъ онѣ ждутъ-съ, прибавила она, увидѣвъ внезапно статную фигуру Рудина, картинно стоявшаго на плотинѣ: — только напрасно они этакъ на юру стоятъ— сошли бы въ лощину.

Наталья остановилась.

— Подожди здѣсь, Маша, у сосенъ, промолвила она и спустилась къ пруду.

Рудинъ подошелъ къ ней и остановился въ изумленіи. Такого выраженія онъ еще не замѣчалъ на ея лицѣ. Брови ея были сдвинуты, губы сжаты, глаза глядѣли прямо и строго.

— Дмитрій Николаичъ, начала она:—намъ время терять некогда. Я пришла на пять минутъ. Я должна сказать вамъ, что матушка все знаетъ. Г-нъ Пандалевскій подсмотрѣлъ насъ третьяго-дня и разсказалъ ей о нашемъ свиданіи. Онъ всегда былъ шпіономъ у матушки. Она вчера позвала меня къ себѣ.

— Боже мой! воскликнулъ Рудинъ: — это ужасно.... Что же сказала ваша матушка?

— Она не сердилась на меня, не бранила меня, только попеняла мнѣ за мое легкомысліе.

— Только?

Digitized by Google

— Да и объявила мнѣ, что она скорѣе согласится видѣть меня мертвою, чѣмъ вашей женою.

— Неужели она это сказала?

— Да; и еще прибавила, что вы сами нисколько не желаете жениться на мнѣ, что вы только такъ, отъ скуки, приволокнулись за мной, и что она этого отъ васъ не ожидала; что, впрочемъ, она сама виновата: зачѣмъ позволила мнѣ такъ часто видѣться съ вами.... что она надѣется на мое благоразуміе, что я ее очень удивила.... да уже я и не помню всего, что́ она говорила мнѣ.

Наталья произнесла все это какимъ-то ровнымъ, почти беззвучнымъ голосомъ.

— А вы, Наталья Алексѣевна, что́ вы ей отвѣтили? спросилъ Рудинъ.

— Что́ я ей отвѣтила? повторила Наталья.... Что́ *вы* теперь намѣрены дѣлать?

— Боже мой! Боже мой! возразилъ Рудинъ:—это жестоко! Такъ скоро!... такой внезапный ударъ!... И ваша матушка пришла въ такое негодованіе?

— Да.... да, она слышать о васъ не хочетъ.

— Это ужасно! Стало-быть, никакой надежды нѣтъ?

— Никакой.

— За что́ мы такъ несчастливы! Гнусный этотъ Пандалевскій!... Вы меня спрашиваете, Наталья Алексѣевна, что́ я намѣренъ дѣлать? У меня голова кругомъ идетъ— я ничего сообразить не могу.... Я чувствую только свое несчастіе.... удивляюсь, какъ вы можете сохранять хладнокровіе!...

— Вы думаете, мнѣ легко? проговорила Наталья.

Рудинъ началъ ходить по плотинѣ. Наталья не спускала съ него глазъ.

— Ваша матушка васъ не разспрашивала? промолвилъ онъ наконецъ.

Digitized by Google

— Она меня спросила, люблю ли я васъ.

— Ну.... и вы?

Наталья помолчала.—Я не солгала.

Рудинъ взялъ ее за руку.

— Всегда, во всемъ благородна и великодушна! О, сердце дѣвушки—это чистое золото! Но неужели ваша матушка такъ рѣшительно объявила свою волю насчетъ невозможности нашего брака?

— Да, рѣшительно. Я ужъ вамъ сказала, она убѣждена, что вы сами не думаете жениться на мнѣ.

— Стало-быть, она считаетъ меня за обманщика! Чѣмъ я заслужилъ это?

И Рудинъ схватилъ себя за голову.

— Дмитрій Николаичъ! промолвила Наталья:—мы тратимъ попусту время. Вспомните, я въ послѣдній разъ вижусь съ вами. Я пришла сюда не плакать, не жаловаться—вы видите я не плáчу—я пришла за совѣтомъ.

— Да какой совѣтъ могу я дать вамъ, Наталья Алексѣевна?

— Какой совѣтъ? Вы мужчина: я привыкла вамъ вѣрить, я до конца буду вѣрить вамъ. Скажите мнѣ, какія ваши намѣренія?

— Мои намѣренія? Ваша матушка, вѣроятно, откажетъ мнѣ отъ дому.

— Можетъ быть. Она уже вчера объявила мнѣ, что должна будетъ раззнакомиться съ вами.... Но вы не отвѣчаете на мой вопросъ.

— На какой вопросъ?

— Какъ вы думаете, чтó намъ надобно теперь дѣлать?

— Чтò намъ дѣлать? возразилъ Рудинъ:—разумѣется, покориться.

— Покориться, медленно повторила Наталья, и губы ея поблѣднѣли.

Digitized by Google

— Покориться судьбѣ, продолжалъ Рудинъ. — Что же дѣлать! Я слишкомъ хорошо знаю, какъ это горько, тяжело, невыносимо; но посудите сами, Наталья Алексѣевна, я бѣденъ.... Правда, я могу работать; но если-бъ я былъ даже богатый человѣкъ, въ состояніи ли вы перенести насильственное расторженіе съ вашимъ семействомъ, гнѣвъ вашей матери?... Нѣтъ, Наталья Алексѣевна; объ этомъ и думать нечего. Видно, намъ не суждено было жить вмѣстѣ, и то счастье, о которомъ я мечталъ, не для меня!

Наталья вдругъ закрыла лицо руками и заплакала. Рудинъ приблизился къ ней.

— Наталья Алексѣевна! милая Наталья! заговорилъ онъ съ жаромъ: — не плачьте, ради Бога, не терзайте меня, утѣшьтесь....

Наталья подняла голову.

— Вы мнѣ говорите, чтобы я утѣшилась, начала она, и глаза ея заблестѣли сквозь слезы: — я не о томъ плачу, о чемъ вы думаете.... Мнѣ не то больно: мнѣ больно то, что я въ васъ обманулась.... Какъ! я прихожу къ вамъ за совѣтомъ, и въ какую минуту, и первое ваше слово: покориться.... Покориться! Такъ вотъ какъ вы примѣняете на дѣлѣ ваши толкованія о свободѣ, о жертвахъ, которыя....

Ея голосъ прервался.

— Но, Наталья Алексѣевна, началъ смущенный Рудинъ: вспомните.... я не отказываюсь отъ словъ моихъ.... только....

— Вы спрашивали меня, продолжала она съ новой силой:—что я отвѣтила моей матери, когда она объявила мнѣ, что скорѣе согласится на мою смерть, чѣмъ на бракъ мой съ вами: я ей отвѣтила, что скорѣе умру, чѣмъ выйду за другого замужъ.... А вы говорите: покориться!

Digitized by Google

Стало-быть, она была права: вы точно, отъ нечего дѣлать, отъ скуки, пошутили со мной....

— Клянусь вамъ, Наталья Алексѣевна.... увѣряю васъ.... твердилъ Рудинъ.

Но она его не слушала.

— Зачѣмъ же вы не остановили меня? зачѣмъ вы сами.... Или вы не разсчитывали на препятствія? Мнѣ стыдно говорить объ этомъ.... но вѣдь все уже кончено.

— Вамъ надо успокоиться, Наталья Алексѣевна, началъ-было Рудинъ:—намъ надо вдвоемъ подумать, какія мѣры....

— Вы такъ часто говорили о самопожертвованіи, перебила она:—но, знаете-ли, если-бъ вы сказали мнѣ сегодня, сейчасъ: «я тебя люблю, но я жениться не могу, я не отвѣчаю за будущее, дай мнѣ руку и ступай за мной»,—знаете ли, что я бы пошла за вами, знаете ли, что я на все рѣшилась? Но вѣрно отъ слова до дѣла еще далеко, и вы теперь струсили точно такъ же, какъ струсили третьяго дня за обѣдомъ передъ Волынцевымъ?

Краска бросилась въ лицо Рудину. Неожиданная восторженность Натальи его поразила; но послѣднія слова ея уязвили его самолюбіе.

—Вы слишкомъ раздражены теперь, Наталья Алексѣевна, началъ онъ: — вы не можете понять, какъ вы жестоко оскорбляете меня. Я надѣюсь, что современемъ вы отдадите мнѣ справедливость; вы поймете, чего мнѣ сто́ило отказаться отъ счастія, которое, какъ вы говорите сами, не налагало на меня никакихъ обязанностей. Ваше спокойствіе мнѣ дороже всего въ мірѣ, и я былъ бы человѣкомъ самымъ низкимъ, если-бъ рѣшился воспользоваться....

— Можетъ быть, можетъ быть, перебила Наталья: — можетъ быть, вы правы; я не знаю, что́ говорю. Но я

Digitized by Google

до сихъ поръ вамъ вѣрила, каждому вашему слову вѣрила.... Впередъ, пожалуйста, взвѣшивайте ваши слова, не произносите ихъ на вѣтеръ. Когда я вамъ сказала, что я люблю васъ, я знала, что́ значитъ это слово: я на все была готова.... Теперь мнѣ остается благодарить васъ за урокъ и проститься.

— Остановитесь, ради Бога, Наталья Алексѣевна, умоляю васъ. Я не заслуживаю вашего презрѣнія, клянусь вамъ. Войдите же и вы въ мое положеніе. Я отвѣчаю за васъ и за себя. Если-бъ я не любилъ васъ самой преданной любовью—да Боже мой! я бы тотчасъ самъ предложилъ вамъ бѣжать со мною.... Рано или поздно, матушка ваша проститъ насъ.... и тогда.... Но прежде чѣмъ думать о собственномъ счастьѣ....

Онъ остановился. Взоръ Натальи, прямо на него устремленный, смущалъ его.

— Вы стараетесь мнѣ доказать, что вы честный человѣкъ, Дмитрій Николаичъ, промолвила она:—я въ этомъ не сомнѣваюсь. Вы не въ состояніи дѣйствовать изъ разсчета; но развѣ въ этомъ я желала убѣдиться, развѣ для этого я пришла сюда....

— Я не ожидалъ, Наталья Алексѣевна....

— А! вотъ когда вы проговорились! Да, вы не ожидали всего этого—вы меня не знали. Не безпокойтесь.... вы не любите меня, а я никому не навязываюсь.

— Я васъ люблю! воскликнулъ Рудинъ.

Наталья выпрямилась.

— Можетъ быть; но какъ вы меня любите? Я помню всѣ ваши слова, Дмитрій Николаичъ. Помните, вы мнѣ говорили, безъ полнаго равенства нѣтъ любви.... Вы для меня слишкомъ высоки, вы не мнѣ чета.... Я подѣломъ наказана. Вамъ предстоятъ занятія, болѣе достойныя васъ. Я не забуду нынѣшняго дня.... Прощайте....

Digitized by Google

— Наталья Алексѣевна, вы уходите? Неужели мы такъ разстанемся?

Онъ протянулъ къ ней руки. Она остановилась. Его умоляющій голосъ, казалось, поколебалъ ее.

— Нѣтъ, промолвила она наконецъ: — я чувствую, что-то во мнѣ надломилось.... Я шла сюда, я говорила съ вами точно въ горячкѣ; надо опомниться. Этому не должно быть, вы сами сказали, этого не будетъ. Боже мой, когда я шла сюда, я мысленно прощалась съ моимъ домомъ, со всѣмъ моимъ прошедшимъ,—и что же? кого я встрѣтила здѣсь? малодушнаго человѣка.... И почему вы знали, что я не въ состояніи буду перенести разлуку съ семействомъ? «Ваша матушка не согласна.... Это ужасно!» Вотъ все, что я слышала отъ васъ. Вы ли это, вы ли это, Рудинъ? Нѣтъ! прощайте.... Ахъ! если бы вы меня любили, я бы почувствовала это теперь, въ это мгновеніе.... Нѣтъ, нѣтъ, прощайте!...

Она быстро повернулась и побѣжала къ Машѣ, которая уже давно начала безпокоиться и дѣлать ей знаки.

— *Вы* трусите, а не я! крикнулъ Рудинъ вслѣдъ Натальѣ.

Она уже не обращала на него вниманія и спѣшила черезъ поле домой. Она благополучно возвратилась къ себѣ въ спальню; но только лишь переступила порогъ, силы ей измѣнили, и она безъ чувствъ упала на руки Машѣ.

А Рудинъ долго еще стоялъ на плотинѣ. Наконецъ онъ встрепенулся, медленными шагами добрался до дорожки и тихо пошелъ по ней. Онъ былъ очень пристыженъ.... и огорченъ. «Какова?» думалъ онъ. «Въ восемьнадцать лѣтъ!... Нѣтъ, я ея не зналъ.... Она замѣчательная дѣвушка. Какая сила воли!... Она права; она стоитъ не такой любви, какую я къ ней чувствовалъ.... Чув-

Digitized by Google

ствовалъ?...» спросилъ онъ самого себя. «Развѣ я уже больше не чувствую любви? Такъ вотъ какъ это все должно было кончиться! Какъ я былъ жалокъ и ничтоженъ передъ ней?»

Легкій стукъ бѣговыхъ дрожекъ заставилъ Рудина поднять глаза. Къ нему на встрѣчу, на неизмѣнномъ своемъ рысачкѣ, ѣхалъ Лежневъ. Рудинъ молча съ нимъ раскланялся, и какъ пораженный внезапной мыслью, свернулъ съ дороги и быстро пошелъ по направленію къ дому Дарьи Михайловны.

Лежневъ далъ ему отойти, посмотрѣлъ вслѣдъ за нимъ и, подумавъ немного, тоже поворотилъ назадъ свою лошадь — и поѣхалъ обратно къ Волынцеву, у котораго провелъ ночь. Онъ засталъ его спящимъ, не велѣлъ будить его и, въ ожиданіи чая, сѣлъ на балконъ и закурилъ трубку.

## X.

Волынцевъ всталъ часу въ десятомъ и, узнавъ, что Лежневъ сидитъ у него на балконѣ, очень удивился и велѣлъ его попросить къ себѣ.

— Что́ случилось? спросилъ онъ его. — Вѣдь ты хотѣлъ къ себѣ поѣхать.

— Да, хотѣлъ, да встрѣтилъ Рудина.... Одинъ шагаетъ по полю, и лицо такое разстроенное. Я взялъ, да и вернулся.

— Ты вернулся оттого, что встрѣтилъ Рудина?

— То-есть, правду сказать, я самъ не знаю, почему я вернулся; вѣроятно потому, что о тебѣ вспомнилъ; хотѣлось съ тобой посидѣть; а къ себѣ я еще успѣю.

Волынцевъ горько усмѣхнулся.

— Да, о Рудинѣ нельзя теперь подумать, не подумавъ

Digitized by Google

также и обо мнѣ.... Человѣкъ! крикнулъ онъ громко: — дай намъ чаю.

Пріятели начали пить чай. Лежневъ заговорилъ-было о хозяйствѣ, о новомъ способѣ крыть амбары бумагой....

Вдругъ Волынцевъ вскочилъ съ кресель и съ такой силой ударилъ по столу, что чашки и блюдечки зазвенѣли.

— Нѣтъ! воскликнулъ онъ: — я этого дольше выносить не въ силахъ! Я вызову этого умника, и пусть онъ меня застрѣлитъ, либо ужъ я постараюсь влѣпить пулю въ его ученый лобъ.

— Что ты, что ты, помилуй! пробормоталъ Лежневъ: — какъ можно такъ кричать! я чубукъ уронилъ.... Что съ тобой?

— А то, что я слышать равнодушно имени его не могу: вся кровь у меня такъ и заходитъ.

— Полно, братъ, полно! какъ тебѣ не стыдно! возразилъ Лежневъ, поднимая съ полу трубку. — Брось! — Ну его!...

— Онъ меня оскорбилъ, продолжалъ Волынцевъ, расхаживая по комнатѣ.... да! онъ оскорбилъ меня. Ты самъ долженъ съ этимъ согласиться. На первыхъ порахъ я не нашелся: онъ озадачилъ меня; да и кто могъ ожидать этого? Но я ему докажу, что шутить со мной нельзя.... Я его, проклятаго философа, какъ куропатку застрѣлю.

— Много ты этимъ выиграешь, какъ-же! Я ужъ о сестрѣ твоей не говорю. Извѣстно, ты обуреваемъ страстью.... гдѣ тебѣ о сестрѣ думать! Да въ отношеніи къ другой особѣ, что ты думаешь, убивши философа, ты дѣла свои поправишь?

Волынцевъ бросился въ кресла.

— Такъ уѣду я куда-нибудь! А то здѣсь тоска мнѣ

Digitized by Google

просто сердце отдавила; просто мѣста нигдѣ найти не могу.

— Уѣдешь.... вотъ это другое дѣло! Вотъ съ этимъ я согласенъ. И знаешь ли, что́ я тебѣ предлагаю? Поѣдемъ-ка вмѣстѣ — на Кавказъ или такъ просто въ Малороссію, галушки ѣсть. Славное, братъ, дѣло!

— Да; а сестру-то съ кѣмъ оставимъ?

— А почему же Александрѣ Павловнѣ не поѣхать съ нами? Ей-Богу, отлично выйдетъ. Ухаживать за ней, ужъ за это я берусь! Ни въ чемъ недостатка имѣть не будетъ; коли захочетъ, каждый вечеръ серенаду подъ окномъ устрою; ямщиковъ одеколономъ надушу, цвѣты по дорогамъ натыкаю. А ужъ мы, братъ, съ тобой просто переродимся; такъ наслаждаться будемъ, брюханами такими назадъ пріѣдемъ, что никакая любовь насъ уже не проймета!

— Ты все шутишь, Миша!

— Вовсе не шучу. Это тебѣ блестящая мысль въ голову пришла.

— Нѣтъ! вздоръ! вскрикнулъ опять Волынцевъ: — я драться, драться съ нимъ хочу!....

— Опять! Экой ты, братъ, сегодня съ колеромъ!....

Человѣкъ вошелъ съ письмомъ въ рукѣ.

— Отъ кого? спросилъ Лежневъ.

— Отъ Рудина, Дмитрія Николаевича. Ласунскихъ человѣкъ привезъ.

— Отъ Рудина? повторилъ Волынцевъ: — къ кому?

— Къ вамъ-съ.

— Ко мнѣ.... подай.

Волынцевъ схватилъ письмо, быстро распечаталъ его, сталъ читать. Лежневъ внимательно глядѣлъ на него: странное, почти радостное изумленіе изображалось на лицѣ Волынцева; онъ опустилъ руки.



Digitized by Google

— Что́ такое? спросилъ Лежневъ.

— Прочти, проговорилъ Волынцевъ вполголоса и протянулъ ему письмо.

Лежневъ началъ читать. Вотъ что́ писалъ Рудинъ.

«Милостивый государь, Сергѣй Павловичъ!

Я сегодня уѣзжаю изъ дома Дарьи Михайловны, и уѣзжаю навсегда. Это васъ, вѣроятно, удивитъ, особенно послѣ того, что́ произошло вчера. Я не могу объяснить вамъ, что́ именно заставляетъ меня поступить такъ; но мнѣ почему-то кажется, что я долженъ извѣстить васъ о моемъ отъѣздѣ. Вы меня не любите и даже считаете меня за дурного человѣка. Я не намѣренъ оправдываться: меня оправдаетъ время. По-моему, и недостойно мущины и безполезно доказывать предубѣжденному человѣку несправедливость его предубѣжденій. Кто захочетъ меня понять, тотъ извинитъ меня, а кто понять не хочетъ или не можетъ — обвиненія того меня не трогаютъ. Я ошибся въ васъ. Въ глазахъ моихъ вы, по прежнему, остаетесь благороднымъ и честнымъ человѣкомъ; но я полагалъ, вы съумѣете стать выше той среды, въ которой развились.... Я ошибся. Что́ дѣлать?! Не въ первый и не въ послѣдній разъ. Повторяю вамъ: я уѣзжаю. Желаю вамъ счастія. Согласитесь, что это желаніе совершенно безкорыстно, и надѣюсь, что вы теперь будете счастливы. Можетъ быть, вы со временемъ измѣните свое мнѣніе обо мнѣ. Увидимся ли мы когда-нибудь, не знаю, но, во всякомъ случаѣ, остаюсь искренно васъ уважающій,

Д. Р.»

«P. S. Должные мною вамъ двѣсти рублей я вышлю, какъ только пріѣду къ себѣ въ деревню, въ Т....ую гу-

Digitized by Google

бернію. Также прошу васъ не говорить при Дарьѣ Михайловнѣ объ этомъ письмѣ».

«P. P. S. Еще одна послѣдняя, но важная просьба: такъ какъ я теперь уѣзжаю, то, я надѣюсь, вы не будете упоминать передъ Натальей Алексѣевной о моемъ посѣщеніи у васъ....»

— Ну, что ты скажешь? спросилъ Волынцевъ, какъ только Лежневъ окончилъ письмо.

— Что тутъ сказать! возразилъ Лежневъ! — воскликнуть по восточному: «Аллахъ! Аллахъ!» и положить въ ротъ палецъ изумленія — вотъ все, что можно сдѣлать. Онъ уѣзжаетъ.... Ну! дорога скатертью. Но вотъ что любопытно: вѣдь и это письмо онъ почелъ *за долгъ* написать, и являлся онъ къ тебѣ по чувству долга.... У этихъ господъ на каждомъ шагу долгъ, и все долгъ—да долги, прибавилъ Лежневъ, съ усмѣшкой указывая на post scriptum.

— А каковы онъ фразы отпускаетъ? восликнулъ Волынцевъ. — Онъ ошибся во мнѣ: онъ ожидалъ, что я стану выше какой-то среды.... Что за ахинея, Господи! хуже стиховъ!

Лежневъ ничего не отвѣтилъ; одни глаза его улыбнулись. Волынцевъ всталъ.

— Я хочу съѣздить къ Дарьѣ Михайловнѣ, промолвилъ онъ:—я хочу узнать, что все это значитъ....

— Погоди, братъ: дай ему убраться. Къ чему тебѣ опять съ нимъ сталкиваться? Вѣдь онъ изчезаетъ — чего тебѣ еще? Лучше поди-ка лягъ да усни; вѣдь ты, чай, всю ночь съ боку на бокъ проворочался. А теперь дѣла твои поправляются....

— Изъ чего ты это заключаешь?

— Да такъ мнѣ кажется. Право, усни, а я пойду къ твоей сестрѣ—посижу съ ней.

*

Digitized by Google

— Я вовсе спать не хочу. Съ какой стати мнѣ спать!... Я лучше поѣду поля осмотрю, сказалъ Волынцевъ, одергивая полы пальто.

— И то добре. Поѣзжай, братъ, поѣзжай осмотри поля....

И Лежневъ отправился на половину Александры Павловны. Онъ засталъ ее въ гостиной. Она ласково его привѣтствовала. Она всегда радовалась его приходу; но лицо ея осталось печально. Ее безпокоило вчерашнее посѣщеніе Рудина.

— Вы отъ брата? спросила она Лежнева:—каковъ онъ сегодня?

— Ничего, поѣхалъ поля осматривать.

Александра Павловна помолчала.

— Скажите, пожалуйста, начала она, внимательно разсматривая кайму носового платка: — вы не знаете, зачѣмъ....

— Пріѣзжалъ Рудинъ? подхватилъ Лежневъ. — Знаю: онъ пріѣзжалъ проститься.

Александра Павловна подняла голову.

— Какъ—проститься?

— Да. Развѣ вы не слыхали? Онъ уѣзжаетъ отъ Дарьи Михайловны.

— Уѣзжаетъ?

— Навсегда; по-крайней-мѣрѣ, онъ такъ говоритъ.

— Да помилуйте, какъ-же это понять, послѣ всего того....

—А это другое дѣло! Понять этого нельзя, но оно такъ. Должно быть, что-нибудь тамъ у нихъ произошло. Струну слишкомъ натянулъ—она и лопнула.

— Михайло Михайлычъ! начала Александра Павловна: я ничего не понимаю; вы, мнѣ кажется, смѣетесь надо мной....

Digitized by Google

— Да ей-Богу же нѣтъ.... Говорятъ вамъ, онъ уѣзжаетъ и даже письменно извѣщаетъ объ этомъ своихъ знакомыхъ. Оно, если хотите, съ нѣкоторой точки зрѣнія, недурно; но отъѣздъ его помѣшалъ осуществиться одному удивительнѣйшему предпріятію, о которомъ мы начали было толковать съ вашимъ братомъ.

— Что такое? какое предпріятіе?

— А вотъ какое. Я предлагалъ вашему брату поѣхать для развлеченія путешествовать и взять васъ съ собой. Ухаживать, собственно за вами, брался я....

— Вотъ прекрасно! воскликнула Александра Павловна: — воображаю себѣ, какъ бы вы за мною ухаживали. Да вы бы меня съ голоду уморили.

— Вы это потому такъ говорите, Александра Павловна, что не знаете меня. Вы думаете, что я чурбанъ, чурбанъ совершенный, деревяшка какая-то; а извѣстно ли вамъ, что я способенъ таять, какъ сахаръ, дни простаивать на колѣняхъ?

— Вотъ это бы я, признаюсь, посмотрѣла!

Лежневъ вдругъ поднялся.—Да выдьте за меня замужъ, Александра Павловна, вы все это и увидите.

Александра Павловна покраснѣла до ушей.

— Что вы это такое сказали, Михайло Михайлычъ? повторила она съ смущеніемъ.

— А то я сказалъ, отвѣтилъ Лежневъ:—что уже давнымъ-давно и тысячу разъ у меня на языкѣ было. Я проговорился наконецъ, и вы можете поступить, какъ знаете. А чтобы не стѣснять васъ, я теперь выйду. Если вы хотите быть моей женою.... Удаляюсь. Если вамъ не противно, вы только велите меня позвать: я уже пойму....

Александра Павловна хотѣла-было удержать Лежнева, но онъ проворно ушелъ, безъ шапки отправился въ садъ, оперся на калитку и началъ глядѣть куда-то.

Digitized by Google

— Михайло Михайлычъ! раздался за нимъ голосъ горничной: — пожалуйте къ барынѣ. Онѣ васъ велѣли позвать.

Михайло Михайлычъ обернулся, взялъ горничную, къ великому ея изумленію, обѣими руками за голову, поцѣловалъ ее въ лобъ и пошелъ къ Александрѣ Павловнѣ.

## XI.

Вернувшись домой, тотчасъ послѣ встрѣчи съ Лежневымъ, Рудинъ заперся въ своей комнатѣ и написалъ два письма: одно—къ Волынцеву (оно уже извѣстно читателямъ) и другое — къ Натальѣ. Онъ очень долго сидѣлъ надъ этимъ вторымъ письмомъ, многое въ немъ перемарывалъ и передѣлывалъ и, тщательно списавъ его на тонкомъ листѣ почтовой бумаги, сложилъ его какъ можно мельче и положилъ въ карманъ. Съ грустью на лицѣ прошелся онъ нѣсколько разъ взадъ и впередъ по комнатѣ, сѣлъ на кресло передъ окномъ, подперся рукою; слеза тихо выступила на его рѣсницы.... Онъ всталъ, застегнулся на всѣ пуговицы, позвалъ человѣка и велѣлъ спросить у Дарьи Михайловны, можетъ ли онъ ее видѣть.

Человѣкъ скоро вернулся и доложилъ, что Дарья Михайловна приказала его просить. Рудинъ пошелъ къ ней.

Она приняла его въ кабинетѣ, какъ въ первый разъ, два мѣсяца тому назадъ. Но теперь она не была одна: у ней сидѣлъ Пандалевскій, скромный, свѣжій, чистый и умиленный, какъ всегда.

Дарья Михайловна любезно встрѣтила Рудина, и Рудинъ любезно ей поклонился, но, при первомъ взглядѣ на улыбавшіяся лица обоихъ, всякій хотя нѣсколько опытный человѣкъ понялъ бы, что между ними, если и не высказалось, то произошло что-то неладное. Рудинъ зналъ, что

Digitized by Google

Дарья Михайловна на него сердится. Дарья Михайловна подозрѣвала, что ему уже все извѣстно.

Донесеніе Пандалевскаго очень ее разстроило. Свѣтская спѣсь въ ней зашевелилась. Рудинъ, бѣдный, нечиновный и пока неизвѣстный человѣкъ, дерзалъ назначить свиданіе ея дочери — дочери Дарьи Михайловны Ласунской!!

— Положимъ, онъ уменъ, онъ геній! говорила она:— да что же это доказываетъ? Послѣ этого всякій можетъ надѣяться быть моимъ зятемъ?

— Я долго глазамъ своимъ не вѣрилъ, подхватилъ Пандалевскій.—Какъ это не знать своего мѣста, удивляюсь!

Дарья Михайловна очень волновалась, и Натальѣ доставалось отъ нея.

Она попросила Рудина сѣсть. Онъ сѣлъ, но уже не какъ прежній Рудинъ, почти хозяинъ въ домѣ, даже не какъ хорошій знакомый, а какъ гость, и не какъ близкій гость. Все это сдѣлалось въ одно мгновеніе.... Такъ вода внезапно превращается въ твердый ледъ.

— Я пришелъ къ вамъ, Дарья Михайловна, началъ Рудинъ:—поблагодарить васъ за ваше гостепріимство. Я получилъ сегодня извѣстіе изъ моей деревеньки и долженъ непремѣнно сегодня же ѣхать туда.

Дарья Михайловна пристально посмотрѣла на Рудина.

«Онъ предупредилъ меня, должно быть, догадывается», подумала она. «Онъ избавляетъ меня отъ тягостнаго объясненія, тѣмъ лучше. Да здравствуютъ умные люди!»

— Неужели? промолвила она громко.—Ахъ, какъ это непріятно? Ну что дѣлать! Надѣюсь увидѣть васъ нынѣшней зимой въ Москвѣ. Мы сами скоро отсюда ѣдемъ.

— Я не знаю, Дарья Михайловна, удастся ли мнѣ быть въ Москвѣ; но если соберусь со средствами, за долгъ почту явиться къ вамъ.

Digitized by Google

— «Ага, братъ!» подумалъ въ свою очередь Пандалевскій: «давно ли ты здѣсь распоряжался бариномъ, а теперь вотъ какъ пришлось выражаться!»

— Вы, стало-быть, неудовлетворительныя извѣстія изъ вашей деревни получили? произнесъ онъ съ обычной разстановкой.

— Да, сухо возразилъ Рудинъ.

— Неурожай, можетъ быть?

— Нѣтъ.... другое.... Повѣрьте, Дарья Михайловна, прибавилъ Рудинъ:—я никогда не забуду времени, проведеннаго мною въ вашемъ домѣ.

— И я, Дмитрій Николаичъ, всегда съ удовольствіемъ буду вспоминать наше знакомство съ вами.... Когда вы ѣдете?

— Сегодня, послѣ обѣда.

— Такъ скоро!... Ну, желаю вамъ счастливаго пути. Впрочемъ, если ваши дѣла не задержатъ васъ, можетъ быть, вы еще насъ застанете здѣсь.

— Я едва ли успѣю, возразилъ Рудинъ и всталъ.— Извините меня, прибавилъ онъ:—я не могу тотчасъ выплатить мой долгъ вамъ; но какъ только пріѣду въ деревню....

— Полноте, Дмитрій Николаичъ! перебила его Дарья Михайловна: — какъ вамъ не стыдно!... Но который-то часъ? спросила она.

Пандалевскій досталъ изъ кармана жилета золотые часики съ эмалью и посмотрѣлъ на нихъ, осторожно налегая розовой щекой на твердый и бѣлый воротничекъ.

— Два часа и тридцать-три минуты, промолвилъ онъ.

— Пора одѣваться, замѣтила Дарья Михайловна.—До свиданья, Дмитрій Николаичъ!

Рудинъ всталъ. Весь разговоръ между нимъ и Дарьей Михайловной носилъ особый отпечатокъ. Актеры такъ

Digitized by Google

репетируютъ свои роли, дипломаты такъ на конференціяхъ мѣняются заранѣе условленными фразами....

Рудинъ вышелъ. Онъ теперь зналъ по опыту, какъ свѣтскіе люди даже не бросаютъ, а просто роняютъ человѣка, ставшаго имъ ненужнымъ: какъ перчатку послѣ бала, какъ бумажку съ конфетки, какъ невыигравшій билетъ лоттереи-томболы.

Онъ наскоро уложился и съ нетерпѣніемъ началъ ожидать мгновенія отъѣзда. Всѣ въ домѣ очень удивились, узнавъ объ его намѣреніи; даже люди глядѣли на него съ недоумѣніемъ. Басистовъ не скрывалъ своей горести. Наталья явно избѣгала Рудина. Она старалась не встрѣчаться съ нимъ взорами; однако онъ успѣлъ всунуть ей въ руку свое письмо. За обѣдомъ Дарья Михайловна еще разъ повторила, что надѣется увидѣть его передъ отъѣздомъ въ Москву, но Рудинъ ничего не отвѣчалъ ей. Пандалевскій чаще всѣхъ съ нимъ заговаривалъ. Рудина не разъ подмывало броситься на него и поколотить его цвѣтущее и румяное лицо. M-lle Boncourt частенько посматривала на Рудина, съ лукавымъ и страннымъ выраженіемъ въ глазахъ: у старыхъ, очень умныхъ лягавыхъ собакъ можно иногда замѣтить такое выраженіе.... «Эге!» казалось, говорила она про себя: — «вотъ какъ тебя!»

Наконецъ пробило шесть часовъ и подали тарантасъ Рудина. Онъ сталъ торопливо прощаться со всѣми. На душѣ у него было очень скверно. Не ожидалъ онъ, что такъ выѣдетъ изъ этого дома: его какъ-будто выгоняли.... «Какъ это все сдѣлалось! и къ чему было спѣшить? А впрочемъ, одинъ конецъ» — вотъ что думалъ онъ, раскланиваясь на всѣ стороны съ принужденной улыбкой. Въ послѣдній разъ взглянулъ онъ на Наталью, и сердце его шевельнулось: глаза ея были устремлены на него съ печальнымъ, прощальнымъ упрекомъ.

Digitized by Google

Онъ проворно сбѣжалъ съ лѣстницы, вскочилъ въ тарантасъ. Басистовъ вызвался проводить его до первой станціи и сѣлъ вмѣстѣ съ нимъ.

— Помните ли вы, началъ Рудинъ, какъ только тарантасъ выѣхалъ со двора на широкую дорогу, обсаженную елками: — помните вы, что говоритъ донъ-Кихотъ своему оруженосцу, когда выѣзжаетъ изъ дворца герцогини? «Свобода — говоритъ онъ — другъ мой Санчо, одно изъ самыхъ драгоцѣнныхъ достояній человѣка, и счастливъ тотъ, кому небо даровало кусокъ хлѣба, кому не нужно быть за него обязаннымъ другому!» Что донъ-Кихотъ чувствовалъ тогда, я чувствую теперь.... Дай Богъ и вамъ, добрый мой Басистовъ, испытать когда-нибудь это чувство!

Басистовъ стиснулъ руку Рудину, и сердце честнаго юноши забилось сильно въ его растроганной груди. До самой станціи говорилъ Рудинъ о достоинствѣ человѣка, о значеніи истинной свободы, — говорилъ горячо, благородно и правдиво — и когда наступило мгновеніе разлуки, Басистовъ не выдержалъ, бросился ему на шею и зарыдалъ. У самого Рудина полились слезы; но онъ плакалъ не о томъ, что разставался съ Басистовымъ, и слезы его были самолюбивыя слезы.

Наталья ушла къ себѣ и прочла письмо Рудина.

«Любезная Наталья Алексѣевна — писалъ онъ ей — я рѣшился уѣхать. Мнѣ другого выхода нѣтъ. Я рѣшился уѣхать, пока мнѣ не сказали ясно, чтобы я удалился. Отъѣздомъ моимъ прекращаются всѣ недоразумѣнія; а сожалѣть обо мнѣ едва-ли кто-нибудь будетъ. Чего же ждать?... Все такъ; но для чего же писать къ вамъ?

«Я разстаюсь съ вами, вѣроятно, навсегда, и оставить вамъ о себѣ память еще хуже той, которую я заслуживаю, было бы слишкомъ горько. Вотъ для чего я пишу

Digitized by Google

къ вамъ. Я не хочу ни оправдываться, ни обвинять кого бы то ни было, кромѣ самого себя: я хочу, по мѣрѣ возможности, объясниться.... Происшествія послѣднихъ дней были такъ неожиданны, такъ внезапны....

«Сегодняшнее свиданіе послужитъ мнѣ памятнымъ урокомъ. Да, вы правы: я васъ не зналъ, а я думалъ, что зналъ васъ! Въ теченіи моей жизни я имѣлъ дѣло съ людьми всякаго рода, я сближался со многими женщинами и дѣвушками; но, встрѣтясь съ вами, я въ первый разъ встрѣтился съ душой *совершенно* честной и прямой. Мнѣ это было не въ привычку, и я не съумѣлъ оцѣнить васъ. Я почувствовалъ влеченіе къ вамъ съ перваго дня нашего знакомства—вы это могли замѣтить. Я проводилъ съ вами часы за часами, и я не узналъ васъ; я едва ли даже старался узнать васъ.... и я могъ вообразить, что полюбилъ васъ!! За этотъ грѣхъ я теперь наказанъ.

«Я и прежде любилъ одну женщину, и она меня любила.... Чувство мое къ ней было сложно, какъ и ея ко мнѣ; но такъ какъ она сама не была проста, оно и пришлось кстати. Истина мнѣ тогда не сказалась: я не узналъ ея и теперь, когда она предстала передо мною.... Я ее узналъ наконецъ, да слишкомъ поздно.... Прошедшаго не воротишь.... Наши жизни могли бы слиться—и не сольются никогда. Какъ доказать вамъ, что я могъ бы полюбить васъ настоящей любовью—любовью сердца, не воображенія— когда я самъ не знаю, способенъ ли я на такую любовь!

«Мнѣ природа дала много—я это знаю и изъ ложнаго стыда не стану скромничать передъ вами, особенно теперь, въ такія горькія, въ такія постыдныя для меня мгновенія.... Да, природа мнѣ много дала; но я умру, не сдѣлавъ ничего достойнаго силъ моихъ, не оставивъ за собою никакого благотворнаго слѣда. Все мое богат-

Digitized by Google

ство пропадетъ даромъ: я не увижу плодовъ отъ сѣмянъ своихъ. Мнѣ недостаетъ.... я самъ не могу сказать, чего именно недостаетъ мнѣ.... Мнѣ недостаетъ, вѣроятно, того, безъ чего также нельзя двигать сердцами людей, какъ и овладѣть женскимъ сердцемъ; а господство надъ одними умами и непрочно, и безполезно. Странная, почти комическая моя судьба: я отдаюсь весь, съ жадностью, вполнѣ—и не могу отдаться. Я кончу тѣмъ, что ножертвую собой за какой-нибудь вздоръ, въ который даже вѣрить не буду.... Боже мой! въ тридцать-пять лѣтъ все еще собираться что-нибудь сдѣлать!...

«Я еще ни передъ кѣмъ такъ не высказывался — это моя исповѣдь.

«Но довольно обо мнѣ. Мнѣ хочется говорить о васъ, дать вамъ нѣсколько совѣтовъ: больше я ни на что̀ не годенъ.... Вы еще молоды; но, сколько бы вы ни жили, слѣдуйте всегда внушеніямъ вашего сердца, не подчиняйтесь ни своему, ни чужому уму. Повѣрьте, чѣмъ проще, чѣмъ тѣснѣе кругъ, по которому пробѣгаетъ жизнь, тѣмъ лучше; не въ томъ дѣло, чтобы отыскивать въ ней новыя стороны, но въ томъ, чтобы всѣ переходы ея совершались своевременно. «Блаженъ, кто съ молоду былъ молодъ».... Но я замѣчаю, что эти совѣты относятся гораздо болѣе ко мнѣ, чѣмъ къ вамъ.

«Признаюсь вамъ, Наталья Алексѣевна, мнѣ очень тяжело. Я никогда не обманывалъ себя въ свойствѣ того чувства, которое я внушалъ Дарьѣ Михайловнѣ; но я надѣялся, что нашелъ хотя временную пристань.... Теперь опять придется мыкаться по свѣту. Что̀ мнѣ замѣнитъ вашъ разговоръ, ваше присутствіе, вашъ внимательный и умный взглядъ?... Я самъ виноватъ; но согласитесь, что судьба какъ бы нарочно подсмѣялась надъ нами. Недѣлю тому назадъ, я самъ едва догадывался, что люблю васъ.

Digitized by Google

Третьягодня, вечеромъ, въ саду, я въ первый разъ услыхалъ отъ васъ.... но къ чему напоминать вамъ то, что вы тогда сказали—и вотъ уже я уѣзжаю сегодня, уѣзжаю съ позоромъ, послѣ жестокаго объясненія съ вами, не унося съ собой никакой надежды.... И вы еще не знаете, до какой степени я виноватъ передъ вами.... Во мнѣ есть какая-то глупая откровенность, какая-то болтливость.... Но къ чему говорить объ этомъ! Я уѣзжаю навсегда.»

(Здѣсь Рудинъ разсказалъ было Натальѣ свое посѣщеніе у Волынцева, но подумалъ и вымаралъ все это мѣсто, а въ письмѣ къ Волынцеву прибавилъ второй post-scriptum).

«Я остаюсь одинокъ на землѣ для того, чтобы предаться, какъ вы сказали мнѣ сегодня поутру съ жестокой усмѣшкой, другимъ болѣе свойственнымъ мнѣ занятіямъ. Увы! если-бъ я могъ, дѣйствительно, предаться этимъ занятіямъ, побѣдить наконецъ свою лѣнь.... Но нѣтъ! я останусь тѣмъ же неоконченнымъ существомъ, какимъ былъ до сихъ поръ.... Первое препятствіе—и я весь разсыпался; происшествіе съ вами мнѣ это доказало. Если-бъ я, по-крайней-мѣрѣ, принесъ мою любовь въ жертву моему будущему дѣлу, моему призванію; но я просто испугался отвѣтственности, которая на меня падала, и потому я точно недостоинъ васъ. Я не стóю того, чтобы вы для меня отторглись отъ вашей сферы.... А впрочемъ, все это, можетъ быть, къ лучшему. Изъ этого испытанія я, можетъ быть, выйду чище и сильнѣй.

«Желаю вамъ полнаго счастія. Прощайте! Иногда вспоминайте обо мнѣ. Надѣюсь, что вы еще услышите обо мнѣ.

«Рудинъ».

Digitized by Google

Наталья опустила письмо Рудина къ себѣ на колѣни и долго сидѣла неподвижно, устремивъ глаза на полъ. Письмо это, яснѣе всѣхъ возможныхъ доводовъ, доказало ей, какъ она была права, когда поутру, разставаясь съ Рудинымъ, она невольно воскликнула, что онъ ея не любитъ! Но отъ этого ей не было легче. Она сидѣла не шевелясь; ей казалось, что какія-то темныя волны безъ плеска сомкнулись надъ ея головой, и она шла ко дну, застывая и нѣмѣя. Всякому тяжело первое разочарованіе; но для души искренней, не желавшей обманывать себя, чуждой легкомыслія и преувеличенія, оно почти нестерпимо. Вспомнила Наталья свое дѣтство, когда, бывало, гуляя вечеромъ, она всегда старалась идти по направленію къ свѣтлому краю неба, тамъ, гдѣ заря горѣла, а не къ темному. Темна стояла теперь жизнь передъ нею, и спиной она обратилась къ свѣту....

Слезы навернулись на глазахъ Натальи. Не всегда благотворны бываютъ слезы. Отрадны и цѣлебны онѣ, когда, долго накипѣвъ на груди, потекутъ онѣ наконецъ—сперва съ усиліемъ, потомъ все легче, все слаще; нѣмое томленіе тоски разрѣшается ими.... Но есть слезы холодныя, скупо льющіяся слезы: ихъ по каплѣ выдавливаетъ изъ сердца тяжелымъ и недвижнымъ бременемъ налегшее на него горе; онѣ безотрадны и не приносятъ облегченія. Нужда плачетъ такими слезами, и тотъ еще не былъ несчастливъ, кто не проливалъ ихъ. Наталья узнала ихъ въ этотъ день.

Прошло часа два, Наталья собралась съ духомъ, встала, отерла глаза, засвѣтила свѣчку, сожгла на ея пламени письмо Рудина до конца и пепелъ выкинула за окно. Потомъ она раскрыла на удачу Пушкина и прочла первыя попавшіяся ей строки (она часто загадывала такъ по немъ). Вотъ что ей вышло:

Digitized by Google

Кто чувствовалъ, того тревожитъ
Призракъ невозвратимыхъ дней....
Тому ужъ нѣтъ очарованій,
Того змѣя воспоминаній,
Того раскаянье грызетъ....

Она постояла, посмотрѣла съ холодной улыбкой на себя въ зеркало и, сдѣлавъ небольшое движеніе головою сверху внизъ, сошла въ гостиную.

Дарья Михайловна, какъ только ее увидѣла, повела ее въ кабинетъ, посадила подлѣ себя, ласково потрепала по щекѣ, а между тѣмъ, внимательно, почти съ любопытствомъ, заглядывала ей въ глаза. Дарья Михайловна чувствовала тайное недоумѣніе: въ первый разъ ей пришло въ голову, что она дочь свою въ сущности не знаетъ. Услышавъ отъ Пандалевскаго объ ея свиданіи съ Рудинымъ, она не столько разсердилась, сколько удивилась тому, какъ могла благоразумная Наталья рѣшиться на такой поступокъ. Но когда она ее призвала къ себѣ и принялась бранить ее—вовсе не такъ, какъ бы слѣдовало ожидать отъ европейской женщины, а довольно крикливо и не изящно — твердые отвѣты Натальи, рѣшимость ея взоровъ и движеній, смутили, даже испугали Дарью Михайловну.

Внезапный, тоже не совсѣмъ понятный отъѣздъ Рудина снялъ большую тяжесть съ ея сердца; но она ожидала слезъ, истерическихъ припадковъ.... Наружное спокойствіе Натальи опять ее сбило съ толку.

— Ну, что, дитя, начала Дарья Михайловна:—какъ ты сегодня?

Наталья посмотрѣла на свою мать.

— Вѣдь онъ уѣхалъ.... твой предметъ. Ты не знаешь, отчего онъ такъ скоро собрался?

— Маменька! заговорила Наталья тихимъ голосомъ:—

Digitized by Google

даю вамъ слово, что если вы сами не будете упоминать о немъ, отъ меня вы никогда ничего не услышите.

— Стало-быть, ты сознаешься, что была виновата передо мною?

Наталья опустила голову и повторила:

— Вы отъ меня никогда ничего не услышите.

— Ну, смотри же! возразила съ улыбкой Дарья Михайловна. — Я тебѣ вѣрю. А третьяго-дня, помнишь ли ты, какъ.... Ну, не буду. Конечно, рѣшено и похоронено. Не правда ли? Вотъ я опять тебя узнаю; а то я совсѣмъ-было втупикъ пришла. Ну, поцѣлуй же меня умница!...

Наталья поднесла руку Дарьи Михайловны къ своимъ губамъ, а Дарья Михайловна поцѣловала ее въ наклоненную голову.

— Слушайся всегда моихъ совѣтовъ, не забывай, что ты Ласунская и моя дочь, прибавила она:—и ты будешь счастлива. А теперь ступай.

Наталья вышла молча. Дарья Михайловна поглядѣла ей вслѣдъ и подумала: «она въ меня — тоже будетъ увлекаться: mais elle aura moins d'abandon». И Дарья Михайловна погрузилась въ воспоминанія о прошедшемъ.... о давно прошедшемъ....

Потомъ она велѣла кликнуть m-lle Boncourt и долго сидѣла съ ней, запершись вдвоемъ. Отпустивъ ее, она позвала Пандалевскаго. Ей непремѣнно хотѣлось узнать настоящую причину отъѣзда Рудина.... но Пандалевскій ее успокоилъ совершенно. Это было по его части.

---

На другой день Волынцевъ съ сестрою пріѣхалъ къ обѣду. Дарья Михайловна была всегда очень любезна съ нимъ, а на этотъ разъ она особенно ласково съ нимъ об-

Digitized by Google

ращалась. Натальѣ было невыносимо тяжело; но Волынцевъ такъ былъ почтителенъ, такъ робко съ ней заговаривалъ, что она въ душѣ не могла не поблагодарить его.

День прошелъ тихо, довольно скучно, но всѣ, разъѣзжаясь, почувствовали, что попали въ прежнюю колею; а это много значитъ, очень много.

Да, всѣ попали въ прежнюю колею.... всѣ, кромѣ Натальи. Оставшись наконецъ одна, она съ трудомъ дотащилась до своей кровати и, усталая, разбитая, упала лицомъ на подушки. Ей такъ горько, и противно, и пошло казалось жить, такъ стыдно ей стало самой себя, своей любви, своей печали, что въ это мгновеніе она бы, вѣроятно, согласилась умереть.... Много еще предстояло ей тяжелыхъ дней, ночей безсонныхъ, томительныхъ волненій; но она была молода—жизнь только-что начиналась для нея, а жизнь рано или поздно свое возьметъ. Какой бы ударъ ни поразилъ человѣка, онъ въ тотъ же день, много на другой—извините за грубость выраженія—поѣстъ, и вотъ вамъ уже первое утѣшеніе....

Наталья страдала мучительно, она страдала впервые.... Но первыя страданія, какъ первая любовь, не повторяются,—и слава Богу!

## XII.

Минуло около двухъ лѣтъ. Настали первые дни мая. На балконѣ своего дома сидѣла Александра Павловна, но уже не Липина, а Лежнева; она болѣе года какъ вышла замужъ за Михайла Михайлыча. Она, по прежнему, была мила, только пополнѣла въ послѣднее время. Передъ балкономъ, отъ котораго въ садъ вели ступени, расхаживала кормилица, съ краснощекимъ ребенкомъ на



Digitized by Google

рукахъ, въ бѣлой шинелькѣ и съ бѣлымъ помпономъ на шляпѣ. Александра Павловна то-и-дѣло взглядывала на него. Ребенокъ не пищалъ, съ важностью сосалъ свой палецъ и спокойно посматривалъ кругомъ. Достойный сынъ Михайла Михайлыча уже сказывался въ немъ.

Возлѣ Александры Павловны сидѣлъ на балконѣ старый нашъ знакомецъ, Пигасовъ. Онъ замѣтно посѣдѣлъ съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались съ нимъ, сгорбился, похудѣлъ и шипѣлъ, когда говорилъ: одинъ передній зубъ у него вывалился; шипѣніе придавало еще болѣе ядовитости его рѣчамъ.... Озлобленіе не уменьшалось въ немъ съ годами, но остроты его притуплялись, и онъ чаще прежняго повторялся. Михайла Михайлыча не было дома; его ждали къ чаю. Солнце уже сѣло. Тамъ, гдѣ оно закатилось, полоса блѣдно-золотого, лимоннаго цвѣта тянулась вдоль небосклона; на противоположной сторонѣ ихъ было двѣ: одна, пониже, голубая, другая, выше, красно-лиловая. Легкія тучки таяли въ вышинѣ. Все обѣщало постоянную погоду.

Вдругъ Пигасовъ засмѣялся.

— Чему вы, Африканъ Семенычъ? спросила Александра Павловна.

— Да такъ.... Вчера, слышу я, одинъ мужикъ говоритъ женѣ—а она, этакъ, разболталась:—не скрыпи!... Очень это мнѣ понравилось. Не скрыпи! Да и въ самомъ дѣлѣ, о чемъ можетъ разсуждать женщина? Я, вы знаете, никогда не говорю о присутствующихъ. Наши старики умнѣе насъ были. У нихъ въ сказкахъ красавица сидитъ подъ окномъ, во лбу звѣзда, а сама ни гугу. Вотъ это какъ слѣдуетъ. А то, посудите сами: третьягодня наша предводительша какъ изъ пистолета мнѣ въ лобъ выстрѣлила; говоритъ мнѣ, что ей не нравится моя *тенденція*! Тенденція! Ну, не лучше ли было и для нея и для

Digitized by Google

всѣхъ, если-бъ какъ-нибудь благодѣтельнымъ распоряженіемъ природы она лишилась вдругъ употребленія языка?

— А вы все такой же, Африканъ Семенычъ: все нападаете на насъ, бѣдныхъ.... Знаете ли, вѣдь это въ своемъ родѣ несчастье, право. Я о васъ сожалѣю.

— Несчастье? Что̀ вы это изволите говорить! Во-первыхъ по моему, на свѣтѣ только три несчастья и есть: жить зимой въ холодной квартирѣ, лѣтомъ носить узкіе сапоги, да ночевать въ комнатѣ, гдѣ пищитъ ребенокъ, котораго нельзя посыпать персидскимъ порошкомъ; а во-вторыхъ, помилуйте, я самый смирный сталъ теперь человѣкъ. Хоть прописи съ меня пиши! Вотъ какъ я нравственно веду себя.

— Хорошо вы ведете себя, нечего сказать! Не дальше, какъ вчера, Елена Антоновна мнѣ на васъ жаловалась.

— Вотъ какъ-съ! А что̀ она вамъ такое говорила, позвольте узнать?

— Она говорила мнѣ, что вы, въ теченіе цѣлаго утра, на всѣ ея вопросы только и отвѣчали, что «чего-съ? чего-съ?» да еще такимъ пискливымъ голосомъ.

Пигасовъ засмѣялся.

— А вѣдь хорошая эта была мысль, согласитесь, Александра Павловна.... а?

— Удивительная! Развѣ можно быть этакъ съ женщиной невѣжливымъ, Африканъ Семенычъ?

— Какъ? Елена Антоновна по вашему женщина?

— Что̀ же она по вашему?

— Барабанъ, помилуйте, обыкновенный барабанъ, вотъ по которому бьютъ палками....

— Ахъ, да! перебила Александра Павловна, желая перемѣнить разговоръ: — васъ, говорятъ, поздравить можно?

*

Digitized by Google

— Съ чѣмъ?

— Съ окончаніемъ тяжбы. Глиновскіе луга остались за вами....

— Да, за мною, мрачно возразилъ Пигасовъ.

— Вы столько лѣтъ этого добивались, а теперь словно недовольны.

— Доложу вамъ Александра Павловна, медленно промолвилъ Пигасовъ:—ничего не можетъ быть хуже и обиднѣе слишкомъ поздно пришедшаго счастья. Удовольствія оно все-таки вамъ доставить не можетъ, а зато лишаетъ васъ права, драгоцѣннѣйшаго права—браниться и проклинать судьбу. Да, сударыня, горькая и обидная штука—позднее счастіе.

Александра Павловна только плечами пожала.

— Нянюшка, начала она:—я думаю, Мишѣ пора спать лечь. Подай его сюда.

И Александра Павловна занялась своимъ сыномъ, а Пигасовъ отошелъ, ворча, на другой уголъ балкона.

Вдругъ не въ далекѣ, по дорогѣ, идущей вдоль сада, показался Михайло Михайлычъ на своихъ бѣговыхъ дрожкахъ. Передъ лошадью его бѣжали двѣ огромныя дворныя собаки: одна желтая, другая сѣрая; онъ недавно завелъ ихъ. Онѣ безпрестанно грызлись и жили въ неразлучной дружбѣ. Имъ навстрѣчу вышла изъ воротъ старая шавка, раскрыла ротъ, какъ бы сбираясь залаять, а кончила тѣмъ, что зѣвнула и отправилась назадъ, дружелюбно повиливая хвостомъ.

— Глядь-ка, Саша, закричалъ Лежневъ издали своей женѣ;—кого я тебѣ везу....

Александра Павловна не сразу узнала человѣка, сидѣвшаго за спиной ея мужа.

— А! г. Басистовъ! воскликнула она наконецъ.

Digitized by Google

— Онъ, онъ, отвѣчалъ Лежневъ:—и какія славныя вѣсти привезъ. Вотъ, погоди, сейчасъ узнаешь.

И онъ въѣхалъ на дворъ.

Нѣсколько мгновеній спустя, онъ съ Басистовымъ явился на балконѣ.

— Ура! воскликнулъ онъ и обнялъ жену.—Сережа женится!

— На комъ? съ волненіемъ спросила Александра Павловна.

— Разумѣется, на Натальѣ.... Вотъ пріятель привезъ это извѣстіе изъ Москвы, и письмо къ тебѣ есть.... Слышишь, Мишукъ? прибавилъ онъ, схвативъ сына на руки: — дядя твой женится!... Экая флегма злодѣйская! и тутъ только глазами хлопаетъ!

— Онѣ спать хотятъ, замѣтила няня.

— Да-съ, промолвилъ Басистовъ, подойдя къ Александрѣ Павловнѣ:—я сегодня пріѣхалъ изъ Москвы, по порученію Дарьи Михайловны — счеты по имѣнію ревизовать. А вотъ и письмо.

Александра Павловна поспѣшно распечатала письмо своего брата. Оно состояло въ нѣсколькихъ строкахъ. Въ первомъ порывѣ радости онъ увѣдомлялъ сестру, что сдѣлалъ предложенье Натальѣ, получилъ ея согласіе и Дарьи Михайловны, обѣщался больше написать съ первой почтой и заочно всѣхъ обнималъ и цѣловалъ. Видно было, что онъ писалъ въ какомъ-то чаду.

Подали чай, усадили Басистова. Разспросы посыпались на него градомъ. Всѣхъ, даже Пигасова, обрадовало извѣстіе, привезенное имъ.

— Скажите, пожалуйста, сказалъ между прочимъ, Лежневъ: — до насъ доходили слухи о какомъ-то господинѣ Корчагинѣ. Стало-быть, это былъ вздоръ?

(Корчагинъ былъ красивый молодой человѣкъ—свѣтскій

Digitized by Google

левъ, чрезвычайно надутый и важный: онъ держался необыкновенно величественно, точно онъ былъ не живой человѣкъ, а собственная своя статуя, воздвигнутая по общественной подпискѣ.)

— Ну, нѣтъ, не совсѣмъ вздоръ, съ улыбкой возразилъ Басистовъ.—Дарья Михайловна очень къ нему благоволила; но Наталья Алексѣевна и слышать о немъ не хотѣла.

— Да вѣдь я его знаю, подхватилъ Пигасовъ: — вѣдь онъ махровый болванъ, съ трескомъ болванъ.... помилуйте! Вѣдь если-бъ всѣ люди были на него похожи, надо бы большія деньги брать, чтобы согласиться жить.... помилуйте!

— Можетъ быть, возразилъ Басистовъ: — а въ свѣтѣ онъ играетъ роль не изъ послѣднихъ.

— Ну, все равно! воскликнула Александра Павловна:— Богъ съ нимъ! Ахъ, какъ я рада за брата!... И Наталья весела, счастлива?

— Да-съ. — Она спокойна, какъ всегда — вы вѣдь ее знаете—но, кажется, довольна.

Вечеръ прошелъ въ пріятныхъ и оживленныхъ разговорахъ. Сѣли за ужинъ.

— Да, кстати, спросилъ Лежневъ у Басистова, наливая ему лафиту:—вы знаете, гдѣ Рудинъ?

— Теперь навѣрное не знаю. Онъ пріѣзжалъ прошлой зимой въ Москву на короткое время, потомъ отправился съ однимъ семействомъ въ Симбирскъ; мы съ нимъ нѣкоторое время переписывались: въ послѣднемъ письмѣ своемъ онъ извѣщалъ меня, что уѣзжаетъ изъ Симбирска—не сказалъ куда—и вотъ съ тѣхъ поръ я ничего о немъ не слышу.

— Не пропадетъ! подхватилъ Пигасовъ: — гдѣ-нибудь сидитъ да проповѣдуетъ. Этотъ господинъ всегда найдетъ себѣ двухъ или трехъ поклонниковъ, которые будутъ его

Digitized by Google

слушать, розиня ротъ, и давать ему взаймы деньги. Посмотрите, онъ кончитъ тѣмъ, что умретъ гдѣ-нибудь въ Царевококшайскѣ или въ Чухломѣ—на рукахъ престарѣлой дѣвы въ парикѣ, которая будетъ думать о немъ, какъ о геніальнѣйшемъ человѣкѣ въ мірѣ....

— Вы очень рѣзко о немъ отзываетесь, замѣтилъ вполголоса и съ неудовольствіемъ Басистовъ.

— Ничуть не рѣзко! возразилъ Пигасовъ:—а совершенно справедливо. По моему мнѣнію, онъ, просто, ничто иное, какъ лизоблюдъ. Я забылъ вамъ сказать, продолжалъ онъ, обращаясь къ Лежневу:—вѣдь я познакомился съ этимъ Терлаховымъ, съ которымъ Рудинъ за границу ѣздилъ. Какъ-же! какъ-же! Что онъ мнѣ разсказывалъ о немъ, вы себѣ представить не можете — умора, просто! Замѣчательно, что всѣ друзья и послѣдователи Рудина со временемъ становятся его врагами.

— Прошу меня исключить изъ числа такихъ друзей! съ жаромъ перебилъ Басистовъ.

— Ну, вы—другое дѣло! О васъ и рѣчи нѣтъ.

— А что такое вамъ разсказывалъ Терлаховъ! спросила Александра Павловна.

— Да многое разсказывалъ: всего не упомнишь. Но самый лучшій вотъ какой случился съ Рудинымъ анекдотъ. Безпрерывно развиваясь (эти господа все развиваются: другіе, напримѣръ, просто спятъ, или ѣдятъ—а они находятся въ моментѣ развитія спанья или ѣды; не такъ ли, г. Басистовъ?—Басистовъ ничего не отвѣтилъ).... И такъ, развиваясь постоянно, Рудинъ дошелъ путемъ философіи до того умозаключенія, что ему должно влюбиться. Началъ онъ отыскивать предметъ, достойный такого удивительнаго умозаключенія. Фортуна ему улыбнулась. Познакомился онъ съ одной француженкой, прехорошенькой модисткой. Дѣло происходило въ одномъ нѣмецкомъ городѣ, на Рей-

Digitized by Google

нѣ, замѣтьте. Началъ онъ ходить къ ней, носить ей разныя книги, говорить ей о природѣ и Гегелѣ. Можете себѣ представить положеніе модистки? она считала его за астронома. Однако, вы знаете, малый онъ изъ себя ничего; ну—иностранецъ, русскій—понравился. Вотъ наконецъ назначаетъ онъ свиданіе и очень поэтическое свиданіе: въ гондолѣ на рѣкѣ. Француженка согласилась: пріодѣлась получше и поѣхала съ нимъ въ гондолѣ. Такъ они катались часа два. Чѣмъ же, вы думаете, занимался онъ все это время? Гладилъ француженку по головѣ, задумчиво глядѣлъ въ небо и нѣсколько разъ повторилъ, что чувствуетъ къ ней отеческую нѣжность. Француженка вернулась домой взбѣшенная и сама потомъ все разсказала Терлахову. Вотъ онъ какой господинъ!

И Пигасовъ засмѣялся.

— Вы старый циникъ! замѣтила съ досадой Александра Павловна: — а я болѣе и болѣе убѣждаюсь въ томъ, что про Рудина даже тѣ, которые его бранятъ, ничего дурного сказать не могутъ.

— Ничего дурного? Помилуйте! а его вѣчное житье на чужой счетъ, его займы.... Михайло Михайлычъ? вѣдь онъ и у васъ, навѣрное, занималъ?

— Послушайте, Африканъ Семенычъ! началъ Лежневъ, и лицо его приняло серьёзное выраженіе: — послушайте: вы знаете, и жена моя знаетъ, что я въ послѣднее время особеннаго расположенія къ Рудину не чувствовалъ и даже часто осуждалъ его. Со всѣмъ тѣмъ (Лежневъ разлилъ шампанское по бокаламъ), вотъ что́ я вамъ предлагаю: мы сейчасъ пили за здоровье дорогого нашего брата и его невѣсты: я предлагаю вамъ выпить теперь за здоровье Дмитрія Рудина!

Александра Павловна и Пигасовъ съ изумленіемъ по-

Digitized by Google

смотрѣли на Лежнева, а Басистовъ встрепенулся весь, покраснѣлъ отъ радости и глаза вытаращилъ.

— Я знаю его хорошо, продолжалъ Лежневъ:—недостатки его мнѣ хорошо извѣстны. Они тѣмъ болѣе выступаютъ наружу, что самъ онъ не мелкій человѣкъ.

— Рудинъ—геніальная натура! подхватилъ Басистовъ.

— Геніальность въ немъ, пожалуй, есть, возразилъ Лежневъ:—а натура.... Въ томъ-то вся его бѣда, что натуры-то собственно въ немъ нѣтъ.... Но не въ этомъ дѣло. Я хочу говорить о томъ, что́ въ немъ есть хорошаго, рѣдкаго. Въ немъ есть энтузіазмъ; а это, повѣрьте мнѣ, флегматическому человѣку, самое драгоцѣнное качество въ наше время. Мы всѣ стали невыносимо разсудительны, равнодушны и вялы; мы заснули, мы застыли, и спасибо тому, кто хоть на мигъ насъ расшевелитъ и согрѣетъ! Пора! Помнишь, Саша, я разъ говорилъ съ тобой о немъ и упрекалъ его въ холодности. Я былъ и правъ и неправъ тогда. Холодность эта у него въ крови—это не его вина — а не въ головѣ. Онъ не актеръ, какъ я называлъ его, не надувало, не плутъ; онъ живетъ на чужой счетъ не какъ проныра, а какъ ребенокъ.... Да, онъ, дѣйствительно, умретъ гдѣ-нибудь въ нищетѣ и въ бѣдности; но неужели-жъ и за это пускать въ него камнемъ? Онъ не сдѣлаетъ самъ ничего именно потому, что въ немъ натуры, крови нѣтъ; но кто въ правѣ сказать, что онъ не принесетъ, не принесъ уже пользы? что его слова не заронили много добрыхъ сѣмянъ въ молодыя души, которымъ природа не отказала, какъ ему, въ силѣ дѣятельности, въ умѣніи исполнять собственные замыслы? Да я самъ, я первый, все это испыталъ на себѣ.... Саша знаетъ, чѣмъ былъ для меня въ молодости Рудинъ. Я, помнится, также утверждалъ, что слова Рудина не могутъ дѣйствовать на людей; но я говорилъ тогда о людяхъ, подобныхъ

Digitized by Google

мнѣ, въ теперешніе мои годы, о людяхъ уже пожившихъ и поломанныхъ жизнью. Одинъ фальшивый звукъ въ рѣчи—и вся ея гармонія для насъ исчезла; а въ молодомъ человѣкѣ, къ счастью, слухъ еще не такъ развитъ, не такъ избалованъ. Если сущность того, что онъ слышитъ, ему кажется прекрасной, что ему за дѣло до тона! Тонъ онъ самъ въ себѣ найдетъ.

— Браво! браво! воскликнулъ Басистовъ: — какъ это справедливо сказано! А что касается до вліянія Рудина, клянусь вамъ, этотъ человѣкъ не только умѣлъ потрясти тебя, онъ съ мѣста тебя сдвигалъ, онъ не давалъ тебѣ останавливаться, онъ до основанія переворачивалъ, зажигалъ тебя!

— Вы слышите? продолжалъ Лежневъ, обращаясь къ Пигасову: — какого вамъ еще доказательства нужно? Вы нападаете на философію; говоря о ней, вы не находите довольно презрительныхъ словъ. Я самъ ее не больно жалую и плохо ее понимаю: но не отъ философіи наши главныя невзгоды! Философическія хитросплетенія и бредни никогда не привьются къ русскому: на это у него слишкомъ много здраваго смысла; но нельзя же допустить, чтобы подъ именемъ философіи нападали на всякое честное стремленіе къ истинѣ и къ сознанію. Несчастье Рудина состоитъ въ томъ, что онъ Россіи не знаетъ, и это точно большое несчастье. Россія безъ каждаго изъ насъ обойтись можетъ, но никто изъ насъ безъ нея не можетъ обойтись. Горе тому, кто это думаетъ, двойное горе тому, кто дѣйствительно безъ нея обходится! Космополитизмъ—чепуха, космополитъ—нуль, хуже нуля; внѣ народности ни художества, ни истины, ни жизни, ничего нѣтъ. Безъ физіономіи нѣтъ даже идеальнаго лица; только пошлое лицо возможно безъ физіономіи. Но опять-таки скажу, это не вина Рудина: это его судьба, судьба горь-

Digitized by Google

кая и тяжелая, за которую мы-то ужъ винить его не станемъ. Насъ бы очень далеко завело, если бы мы хотѣли разобрать, отчего у насъ являются Рудины. А за то, что въ немъ есть хорошаго, будемъ же ему благодарны. Это легче, чѣмъ быть несправедливымъ къ нему, а мы были къ нему несправедливы. Наказывать его не наше дѣло, да и не нужно: онъ самъ себя наказалъ гораздо жесточе, чѣмъ заслуживалъ.... И дай Богъ, чтобы несчастье вытравило изъ него все дурное и оставило въ немъ одно прекрасное! Пью за здоровье Рудина! Пью за здоровье товарища моихъ лучшихъ годовъ, пью за молодость, за ея надежды, за ея стремленія, за ея довѣрчивость и честность, за все то, отъ чего и въ двадцать лѣтъ бились наши сердца, и лучше чего мы все-таки ничего не узнали и не узнаемъ въ жизни.... Пью за тебя, золотое время, пью за здоровье Рудина!

Всѣ чокнулись съ Лежневымъ. Басистовъ сгоряча чуть не разбилъ своего стакана и осушилъ его разомъ, а Александра Павловна пожала Лежневу руку.

— Я, Михайло Михайлычъ, и не подозрѣвалъ, что вы такъ краснорѣчивы, замѣтилъ Пигасовъ:—хоть бы самому г. Рудину подъ-стать; даже меня проняло.

— Я вовсе не краснорѣчивъ, возразилъ Лежневъ не безъ досады:—а васъ, я думаю, пронять мудрено. Впрочемъ, довольно о Рудинѣ; давайте говорить о чемъ-нибудь другомъ.... Что.... какъ бишь его?... Пандалевскій все у Дарьи Михайловны живетъ? прибавилъ онъ, обратясь къ Басистову.

— Какъ-же, все у ней! Она выхлопотала ему очень выгодное мѣсто.

Лежневъ усмѣхнулся.

— Вотъ этотъ не умретъ въ нищетѣ, за это можно поручиться.

Digitized by Google

Ужинъ кончился. Гости разошлись. Оставшись наединѣ съ своимъ мужемъ, Александра Павловна съ улыбкой посмотрѣла ему въ лицо.

— Какъ ты хорошъ былъ сегодня, Миша! промолвила она, лаская его рукою по лбу:—какъ ты умно и благородно говорилъ! Но сознайся, что ты немного увлекся въ пользу Рудина, какъ прежде увлекался противъ него....

— Лежачаго не бьютъ.... а я тогда боялся, какъ бы онъ тебѣ голову не вскружилъ.

— Нѣтъ, простодушно возразила Александра Павловна:— онъ мнѣ казался всегда слишкомъ ученымъ, я боялась его и не знала, что̀ говорить въ его присутствіи. А вѣдь Пигасовъ довольно зло подсмѣялся надъ нимъ сегодня, сознайся?

— Пигасовъ? проговорилъ Лежневъ.—Я оттого именно и заступился такъ горячо за Рудина, что Пигасовъ былъ тутъ. Онъ смѣетъ называть Рудина лизоблюдомъ! А по моему, его роль, роль Пигасова, во сто разъ хуже. Имѣетъ независимое состояніе, надо всѣмъ издѣвается, а ужъ какъ льнетъ къ знатнымъ да къ богатымъ! Знаешь ли, что этотъ Пигасовъ, который съ такимъ озлобленіемъ все и всѣхъ ругаетъ, и на философію нападаетъ, и на женщинъ; — знаешь ли ты, что онъ, когда служилъ, бралъ взятки, и какъ еще! А! Вотъ то-то вотъ и есть!

— Неужели? воскликнула Александра Павловна. Этого я никакъ не ожидала!... Послушай, Миша, прибавила она, помолчавъ немного: — что̀ я хочу у тебя спросить....

— Что̀?

— Какъ ты думаешь? будетъ ли братъ счастливъ съ Натальей?

— Какъ тебѣ сказать.... вѣроятности всѣ есть.... Командовать будетъ она — между нами таить это не для

Digitized by Google

чего — она умнѣй его; но онъ славный человѣкъ и любитъ ее отъ души. Чего же больше? Вѣдь вотъ мы другъ друга любимъ и счастливы, не правда ли?

Александра Павловна улыбнулась и стиснула руку Михайлѣ Михайлычу.

---

Въ тотъ самый день, когда все, разсказанное нами происходило въ домѣ Александры Павловны — въ одной изъ отдаленныхъ губерній Россіи, тащилась, въ самый зной, по большой дорогѣ, плохенькая рогожная кибитка, запряженная тройкой обывательскихъ лошадей. На облучкѣ торчалъ, упираясь искоса ногами въ валёкъ, сѣдой мужичекъ въ дырявомъ армякѣ и то-и-дѣло подергивалъ веревочными возжами и помахивалъ кнутикомъ; а въ самой кибиткѣ сидѣлъ, на тощемъ чемоданѣ, человѣкъ, высокаго роста, въ фуражкѣ и старомъ запыленномъ плащѣ. То былъ Рудинъ. Онъ сидѣлъ понуривъ голову и нахлобучивъ козырекъ фуражки на глаза. Неровные толчки кибитки бросали его съ стороны на сторону, онъ казался совершенно безчувственнымъ, словно дремалъ. Наконецъ онъ выпрямился.

— Когда же это мы до станціи доѣдемъ? спросилъ онъ мужика, сидѣвшаго на облучкѣ.

— А вотъ, батюшка, заговорилъ мужикъ и еще сильнѣе задергалъ возжами:—какъ на взволочекъ взберемся, версты двѣ остаѣется, не болѣ... .Ну, ты! думай.... Я тебѣ подумаю, прибавилъ онъ тоненькимъ голосомъ, принимаясь стегать правую пристяжную.

— Ты, кажется, очень плохо ѣдешь, замѣтилъ Рудинъ: — мы съ самаго утра тащимся и никакъ доѣхать не можемъ. Ты бы хоть спѣлъ что-нибудь.

— Да что́ будешь дѣлать, батюшка! лошади, вы сами

Digitized by Google

видите, заморенныя.... опять жара. А пѣть мы не можемъ: мы не ямщики.... Барашекъ, а барашекъ! воскликнулъ вдругъ мужичекъ, обращаясь къ прохожему въ бурой свитченкѣ и стоптанныхъ лаптишкахъ: — посторонись, барашекъ.

— Вишь ты.... кучеръ! пробормоталъ ему вслѣдъ прохожій, и остановился.— Московская косточка! прибавилъ онъ голосомъ, исполненнымъ укоризны, тряхнулъ головой и заковылялъ далѣе.

— Куда ты! подхватилъ мужичекъ съ разстановкой, дергая коренную;—ахъ ты лукавая! право лукавая....

Измученныя лошаденки кое-какъ доплелись, наконецъ, до почтоваго двора. Рудинъ вылѣзъ изъ кибитки, расплатился съ мужикомъ (который ему не поклонился и деньги долго пошвыривалъ на ладони—знать на водку мало досталось) и самъ внесъ чемоданъ въ станціонную комнату.

Одинъ мой знакомый, много покатавшійся на своемъ вѣку по Россіи, сдѣлалъ замѣчаніе, что если въ станціонной комнатѣ на стѣнахъ висятъ картинки, изображающія сцены изъ Кавказскаго Плѣнника или русскихъ генераловъ, то лошадей скоро достать можно; но если на картинкахъ представлена жизнь извѣстнаго игрока Жоржа-де-Жермани, то путешественнику нечего надѣяться на быстрый отъѣздъ: успѣетъ онъ налюбоваться на закрученный кокъ, бѣлый раскидной жилетъ и чрезвычайно узкіе и короткіе панталоны игрока въ молодости, на его изступленную физіономію, когда онъ, будучи уже старцемъ, убиваетъ, высоко взмахнувъ стуломъ, въ хижинѣ съ крутою крышей, своего сына. Въ комнатѣ, куда вошелъ Рудинъ, висѣли именно эти картины изъ тридцати лѣтъ или «Жизни Игрока». На крикъ его явился смотритель, заспанный (кстати— видѣлъ ли кто-нибудь смотри-

Digitized by Google

теля не заспаннаго?) и, не выждавъ даже вопроса Рудина, вялымъ голосомъ объявилъ, что лошадей нѣтъ.

— Какъ-же вы говорите, что лошадей нѣтъ, промолвилъ Рудинъ: — а даже не знаете, куда я ѣду? Я сюда на обывательскихъ пріѣхалъ.

— У насъ никуда лошадей нѣтъ, отвѣчалъ смотритель. А вы куда ѣдете?

— Въ ....скъ.

— Нѣтъ лошадей, повторилъ смотритель и вышелъ вонъ.

Рудинъ съ досадой приблизился къ окну и бросилъ фуражку на столъ. Онъ не много измѣнился, но пожелтѣлъ въ послѣдніе два года; серебряныя нити заблистали кой-гдѣ въ кудряхъ, и глаза, все еще прекрасные, какъ-будто потускнѣли; мелкія морщины, слѣды горькихъ и тревожныхъ чувствъ, легли около губъ, на щекахъ, на вискахъ.

Платье на немъ было изношенное и старое, и бѣлья не виднѣлось нигдѣ. Пора его цвѣтенія видимо прошла: онъ, какъ выражаются садовники, пошелъ въ сѣмя.

Онъ принялся читать надписи по стѣнамъ.... извѣстное развлеченіе скучающихъ путешественниковъ.... вдругъ дверь заскрипѣла, и вошелъ смотритель.

— Лошадей въ ....скъ нѣтъ и долго еще не будетъ, заговорилъ онъ, а вотъ въ ....овъ есть обратныя.

— Въ....овъ? промолвилъ Рудинъ. — Да помилуйте! это мнѣ совсѣмъ не по дорогѣ. Я ѣду въ Пензу, а ....овъ лежитъ, кажется, въ направленіи къ Тамбову.

— Что-жъ? вы изъ Тамбова можете тогда проѣхать, а не то изъ ....ова какъ-нибудь свернете.

Рудинъ подумалъ.

— Ну, пожалуй, проговорилъ онъ наконецъ: — велите

Digitized by Google

закладывать лошадей. Мнѣ все равно; поѣду въ Тамбовъ.

Лошадей скоро подали. Рудинъ вынесъ свой чемоданчикъ, взлѣзъ на телѣгу, сѣлъ, понурился по-прежнему. Было что-то безпомощное и грустно-покорное въ его нагнутой фигурѣ.... И тройка поплелась неторопливой рысью, отрывисто позвякивая бубенчиками.

## ЭПИЛОГЪ.

Прошло еще нѣсколько лѣтъ.

Былъ осенній холодный день. Къ крыльцу главной гостинницы губернскаго города С...а подъѣхала дорожная коляска: изъ нея, слегка потягиваясь и покряхтывая, вылѣзъ господинъ, еще не пожилой, но уже успѣвшій пріобрѣсть ту полноту въ туловищѣ, которую привыкли называть почтенной. Поднявшись по лѣстницѣ во второй этажъ, онъ остановился у входа въ широкій корридоръ и, не видя никого передъ собою, громкимъ голосомъ спросилъ себѣ нумеръ. Дверь гдѣ-то стукнула, изъ-за низкихъ ширмочекъ выскочилъ длинный лакей и пошелъ впередъ проворной, боковой походкой, мелькая въ полутьмѣ корридора глянцовитой спиной и подвороченными рукавами. Войдя въ нумеръ, проѣзжій тотчасъ сбросилъ съ себя шинель и шарфъ, сѣлъ на диванъ и опершись въ колѣни кулаками, сперва поглядѣлъ кругомъ, какъ бы съ просонья, потомъ велѣлъ позвать своего слугу. Лакей сдѣлалъ уклончивое движеніе и изчезъ. Проѣзжій этотъ былъ не кто иной, какъ Лежневъ. Рекрутскій наборъ вызвалъ его изъ деревни въ С....ъ.

Слуга Лежнева, малый молодой, курчавый и краснощекій, въ сѣрой шинели, подпоясанной голубымъ кушачкомъ, и мягкихъ валенкахъ, вошелъ въ комнату.

Digitized by Google

— Ну вотъ, братъ, мы и доѣхали, продолжалъ Лежневъ: — а ты все боялся, что шина съ колеса соскочитъ.

— Доѣхали! возразилъ слуга, силясь улыбнуться черезъ поднятый воротникъ шинели: — а ужъ отчего эта шина не соскочила....

— Никого здѣсь нѣтъ? раздался голосъ въ корридорѣ.

Лежневъ вздрогнулъ и сталъ прислушиваться.

— Эй! кто тамъ? повторилъ голосъ.

Лежневъ всталъ, подошелъ къ двери и быстро отворилъ ее.

Передъ нимъ стоялъ человѣкъ высокаго роста, почти совсѣмъ сѣдой и сгорбленный, въ старомъ плисовомъ сюртукѣ съ бронзовыми пуговицами. Лежневъ узналъ его тотчасъ.

— Рудинъ! воскликнулъ онъ съ волненіемъ.

Рудинъ обернулся. Онъ не могъ разобрать черты Лежнева, стоявшаго къ свѣту спиною, и съ недоумѣніемъ глядѣлъ на него.

— Вы меня не узнаете? заговорилъ Лежневъ.

— Михайло Михайлычъ! воскликнулъ Рудинъ, и протянулъ руку, но смутился, и отвелъ ее было назадъ....

Лежневъ поспѣшно ухватился за нее своими обѣими.

— Войдите, войдите ко мнѣ! сказалъ онъ Рудину, и ввелъ его въ нумеръ.

— Какъ вы измѣнились! произнесъ Лежневъ, помолчавъ и невольно понизивъ голосъ.

— Да, говорятъ! возразилъ Рудинъ, блуждая по комнатѣ взоромъ.—Года.... А вотъ вы—ничего. Какъ здоровье Александры.... вашей супруги?

— Благодарствуйте,—хорошо. Но какими судьбами вы здѣсь?

— Я? Это долго разсказывать. Собственно сюда я за-



Digitized by Google

шелъ случайно. Я искалъ одного знакомаго. Впрочемъ, я очень радъ....

— Гдѣ вы обѣдаете?

— Я? Не знаю. Гдѣ-нибудь въ трактирѣ. Я долженъ сегодня же выѣхать отсюда.

— Должны?

Рудинъ значительно усмѣхнулся.

— Да-съ, долженъ. Меня отправляютъ къ себѣ въ деревню на жительство.

— Пообѣдайте со мной.

Рудинъ въ первый разъ взглянулъ прямо въ глаза Лежневу.

— Вы мнѣ предлагаете съ собой обѣдать? проговорилъ онъ.

— Да, Рудинъ, по старинному, по товарищески. Хотите? Не ожидалъ я васъ встрѣтить, и Богъ знаетъ, когда мы увидимся опять. Не разстаться же намъ съ вами такъ!

— Извольте, я согласенъ.

Лежневъ пожалъ Рудину руку, кликнулъ слугу, заказалъ обѣдъ и велѣлъ поставить въ ледъ бутылку шампанскаго.

---

Въ теченіи обѣда, Лежневъ и Рудинъ, какъ бы сговорившись, все толковали о студенческомъ своемъ времени, припоминали многое и многихъ — мертвыхъ и живыхъ. Сперва Рудинъ говорилъ неохотно, но онъ выпилъ нѣсколько рюмокъ вина, и кровь въ немъ разгорѣлась. Наконецъ, лакей вынесъ послѣднее блюдо. Лежневъ всталъ, заперъ дверь и, вернувшись къ столу, сѣлъ прямо напротивъ Рудина и тихонько оперся подбородкомъ на обѣ руки.

Digitized by Google

— Ну, теперь, началъ онъ: — разсказывайте-ка мнѣ все, что́ съ вами случилось съ тѣхъ поръ, какъ я васъ не видалъ.

Рудинъ посмотрѣлъ на Лежнева.

«Боже мой!»—подумалъ опять Лежневъ—«какъ онъ измѣнился, бѣднякъ!»

Черты Рудина измѣнились мало, особенно съ тѣхъ поръ, какъ мы видѣли его на станціи, хотя печать приближающейся старости уже успѣла лечь на нихъ; но выраженіе ихъ стало другое. Иначе глядѣли глаза; во всемъ существѣ его, въ движеніяхъ, то замедленныхъ, то безсвязно порывистыхъ, въ похолодѣвшей, какъ бы разбитой рѣчи высказывалась усталость окончательная, тайная и тихая скорбь, далеко различная отъ той полупритворной грусти, которою онъ щеголялъ бывало, какъ вообще щеголяетъ ею молодежь, исполненная надеждъ и довѣрчиваго самолюбія.

— Разсказать вамъ все, что́ со мною случилось? заговорилъ онъ. — Всего разсказать нельзя и не стóитъ.... Маялся я много, скитался не однимъ тѣломъ—душой скитался. Въ чемъ и въ комъ я не разочаровался, Богъ мой! съ кѣмъ не сближался! Да, съ кѣмъ! повторилъ Рудинъ, замѣтивъ, что Лежневъ съ какимъ-то особеннымъ участіемъ посмотрѣлъ ему въ лицо.—Сколько разъ мои собственныя слова становились мнѣ противными—не говорю уже въ моихъ устахъ, но и въ устахъ людей, раздѣлявшихъ мои мнѣнія! Сколько разъ переходилъ я отъ раздражительности ребенка къ тупой безчувственности лошади, которая уже и хвостомъ не дрыгаетъ, когда ее сѣчетъ кнутъ.... Сколько разъ я радовался, надѣялся, враждовалъ и унижался напрасно! Сколько разъ вылеталъ соколомъ—и возвращался ползкомъ, какъ улитка, у которой раздавили раковину!... Гдѣ не бывалъ я, по какимъ дорогамъ не

Digitized by Google

ходилъ!... А дороги бываютъ грязныя, прибавилъ Рудинъ, и слегка отвернулся.—Вы знаете.... продолжалъ онъ....

— Послушайте, перебилъ его Лежневъ:—мы когда-то говорили: «ты» другъ другу.... Хочешь? возобновимъ старину.... Выпьемъ на *ты*!

Рудинъ встрепенулся, приподнялся, а въ глазахъ его промелькнуло что-то, чего слово выразить не можетъ.

— Выпьемъ, сказалъ онъ:—спасибо тебѣ, братъ, выпьемъ.

Лежневъ и Рудинъ выпили по бокалу.

— *Ты* знаешь, началъ опять, съ удареніемъ на словѣ «ты» и съ улыбкою, Рудинъ: — во мнѣ сидитъ какой-то червь, который грызетъ меня и гложетъ и не дастъ мнѣ успокоиться до конца. Онъ наталкиваетъ меня на людей—они сперва подвергаются моему вліянію, а потомъ....

Рудинъ провелъ рукой по воздуху.

— Съ тѣхъ поръ, какъ я разстался съ вами.... съ тобою, я переиспыталъ и переизвѣдалъ многое.... Начиналъ я жить, принимался за новое разъ двадцать—и вотъ видишь!

— Выдержки въ тебѣ не было, проговорилъ, какъ бы про себя Лежневъ.

— Какъ ты говоришь, выдержки во мнѣ не было!... Строить я никогда ничего не умѣлъ; да и мудрено, братъ, строить, когда и почвы-то подъ ногами нѣту, когда самому приходится собственный свой фундаментъ создавать! Всѣхъ моихъ похожденій, то-есть, собственно говоря, всѣхъ моихъ неудачъ, я тебѣ описывать не буду. Передамъ тебѣ два-три случая.... тѣ случаи изъ моей жизни, когда, казалось, успѣхъ уже улыбался мнѣ, или нѣтъ, когда я начиналъ надѣяться на успѣхъ—что не совсѣмъ одно и тоже....

Рудинъ откинулъ назадъ свои сѣдые и уже жидкіе во-

Digitized by Google

лосы тѣмъ самымъ движеніемъ руки, какимъ онъ нѣкогда отбрасывалъ свои темныя и густыя кудри.

— Ну, слушай, началъ онъ.—Сошелся я, въ Москвѣ, съ однимъ довольно страннымъ господиномъ. Онъ былъ очень богатъ и владѣлъ обширными помѣстьями; не служилъ. Главная, единственная его страсть была любовь къ наукѣ, къ наукѣ вообще. До сихъ поръ я постигнуть не могу, почему эта страсть въ немъ проявилась! Шла она къ нему, какъ къ коровѣ сѣдло. Самъ онъ съ усиліемъ держался на высотѣ ума и говорить почти не умѣлъ, только поводилъ выразительно глазами и значительно покачивалъ головой. Я, братъ, не встрѣчалъ бездарнѣе и бѣднѣй его природы.... Въ Смоленской губерніи есть такія мѣста—песокъ и больше ничего, да изрѣдка трава, которую ни одно животное ѣсть не станетъ. Ничего ему въ руки не давалось—все такъ и ползло отъ него прочь, подальше: а онъ еще помѣшанъ былъ на томъ, чтобы все легкое дѣлать труднымъ. Если бы это зависѣло отъ его распоряженій, у него бы люди ѣли пятками, право. Работалъ, писалъ и читалъ онъ неутомимо. Онъ ухаживалъ за наукой съ какою-то упрямой настойчивостью, съ терпѣніемъ страшнымъ; самолюбіе въ немъ было огромное, и характеръ онъ имѣлъ желѣзный. Онъ жилъ одинъ и слылъ чудакомъ. Я познакомился съ нимъ.... ну, и понравился ему. Я, признаюсь, скоро его понялъ, но рвеніе его меня тронуло. Притомъ, онъ владѣлъ такими средствами, столько можно было черезъ него сдѣлать добра, принести пользы существенной.... Я поселился у него и уѣхалъ съ нимъ, наконецъ, въ его деревню. — Планы, братъ, у меня были громадные: я мечталъ о разныхъ усовершенствованіяхъ, нововведеніяхъ....

— Какъ у Ласунской, помнишь, замѣтилъ Лежневъ съ добродушной улыбкой.

Digitized by Google

— Какое! тамъ я зналъ, въ душѣ, что изъ словъ моихъ ничего не выйдетъ; а тутъ.... тутъ совсѣмъ другое поле раскрывалось передо мною.... Я навезъ съ собою агрономическихъ книгъ.... правда, я до конца не прочелъ ни одной.... ну, и приступилъ къ дѣлу. Сначала оно не пошло, какъ я и ожидалъ, а потомъ оно какъ-будто и пошло. Мой новый другъ все помалчивалъ, да посматривалъ, не мѣшалъ мнѣ, т. е. до извѣстной степени не мѣшалъ мнѣ. Онъ принималъ мои предложенія и исполнялъ ихъ, но съ упорствомъ, туго, съ тайной недовѣрчивостью, и все гнулъ на свое. Онъ чрезвычайно дорожилъ каждой своей мыслью. Взберется на нее съ усиліемъ, какъ Божія коровка на конецъ былинки, и сидитъ сидитъ, на ней, все какъ-будто крылья расправляетъ и полетѣть собирается — и вдругъ свалится и опять полѣзетъ.... Не удивляйся всѣмъ этимъ сравненіямъ: они еще тогда накипѣли у меня на душѣ. Такъ я вотъ и бился года два. Дѣло подвигалось плохо, не смотря на всѣ мои хлопоты. Началъ я уставать, пріятель мой надоѣдалъ мнѣ, я сталъ язвить его, онъ давилъ меня, словно перина; недовѣрчивость его перешла въ глухое раздраженіе, непріязненное чувство охватывало насъ обоихъ, мы уже не могли говорить ни о чемъ; онъ изъ-подтишка, но безпрестанно старался доказать мнѣ, что не подчиняется моему вліянію; распоряженія мои либо искажались, либо отмѣнялись вовсе... Я замѣтилъ, наконецъ, что состою у господина помѣщика въ качествѣ приживальщика по части умственныхъ упражненій. Горько мнѣ стало тратить попусту время и силы, горько почувствовать, что я опять и опять обманулся въ своихъ ожиданіяхъ. Я зналъ очень хорошо, что я терялъ, уѣзжая; но я не могъ сладить съ собой, и въ одинъ день, вслѣдствіе тяжелой и возмутительной сцены, которой я былъ свидѣтелемъ и которая показала

Digitized by Google

мнѣ моего пріятеля со стороны уже слишкомъ невыгодной, я разсорился съ нимъ окончательно и уѣхалъ, бросилъ барича-педанта, вылѣпленнаго изъ степной муки съ примѣсью нѣмецкой патоки....

— То-есть, бросилъ насущный кусокъ хлѣба, проговорилъ Лежневъ и положилъ обѣ руки на плечи Рудину.

— Да, и очутился опять легокъ и голъ въ пустомъ пространствѣ. Лети, молъ, куда хочешь.... Эхъ выпьемъ!

— За твое здоровье! промолвилъ Лежневъ, приподнялся и поцѣловалъ Рудина въ лобъ.— За твое здоровье и въ память Покорскаго.... Онъ также умѣлъ остаться нищимъ.

— Вотъ тебѣ и нумеръ первый моихъ похожденій, началъ, спустя немного, Рудинъ.—Продолжать, что ли?

— Продолжай, пожалуйста.

— Эхъ! да говорить-то не хочется. Усталъ я говорить, братъ.... Ну, однако, такъ и быть. Потолкавшись еще по разнымъ мѣстамъ.... кстати, я бы могъ разсказать тебѣ, какъ я попалъ-было въ секретари къ благонамѣренному сановному лицу, и что́ изъ этого вышло; но это завело бы насъ слишкомъ далеко.... Потолкавшись по разнымъ мѣстамъ, я рѣшился сдѣлаться наконецъ.... не смѣйся, пожалуйста.... дѣловымъ человѣкомъ, практическимъ. Случай такой вышелъ: я сошелся съ однимъ.... ты, можетъ быть, слыхалъ о немъ.... съ однимъ Курбѣевымъ.... нѣтъ?

— Нѣтъ, не слыхалъ. Но, помилуй, Рудинъ, какже ты съ своимъ умомъ не догадался, что твое дѣло не въ томъ состоитъ, чтобы быть.... извини за каламбуръ.... дѣловымъ человѣкомъ?

— Знаю, братъ, что не въ томъ; а впрочемъ, въ чемъ

Digitized by Google

оно состоитъ-то?... Но если-бъ ты видѣлъ Курбѣева! Ты, пожалуйста, не воображай его себѣ какимъ-нибудь пустымъ болтуномъ. Говорятъ, я былъ краснорѣчивъ когда-то. Я передъ нимъ просто ничего не значу. Это былъ человѣкъ удивительно ученый, знающій, голова, творческая, братъ, голова въ дѣлѣ промышленности и предпріятій торговыхъ. Проекты самые смѣлые, самые неожиданные, такъ и кипѣли у него на умѣ. Мы соединились съ нимъ и рѣшились употребить свои силы на общее полезное дѣло....

— На какое, позволь узнать?

— Рудинъ опустилъ глаза.

— Ты засмѣешься.

— Почему же? Нѣтъ не засмѣюсь.

— Мы рѣшились одну рѣку въ К....ой губерніи превратить въ судоходную, проговорилъ Рудинъ съ неловкой улыбкой.

— Вотъ какъ! Стало-быть, этотъ Курбѣевъ капиталистъ?

— Онъ былъ бѣднѣе меня, возразилъ Рудинъ, и тихо поникнулъ своей сѣдой головой.

Лежневъ захохоталъ, но вдругъ остановился и взялъ за руку Рудина.

— Извини меня, братъ, пожалуйста, заговорилъ онъ:— но я этого никакъ не ожидалъ. Ну, что-жъ, это предпріятіе ваше такъ и осталось на бумагѣ?

— Не совсѣмъ. Начало исполненія было. Мы наняли работниковъ.... ну и приступили. Но тутъ встрѣтились различныя препятствія. Во-первыхъ, владѣльцы мельницъ никакъ не хотѣли понять насъ, да сверхъ того мы съ водой безъ машины справиться не могли, а на машину не хватило денегъ. Шесть мѣсяцевъ прожили мы въ землянкахъ. Курбѣевъ однимъ хлѣбомъ питался, я тоже не

Digitized by Google

доѣдалъ. Впрочемъ, я объ этомъ не сожалѣю: природа тамъ удивительная. Мы бились, бились, уговаривали купцовъ, письма писали, циркуляры. Кончилось тѣмъ, что я послѣдній грошъ свой добилъ на этомъ проектѣ.

— Ну! замѣтилъ Лежневъ:—я думаю, добить твой послѣдній грошъ было не мудрено.

— Не мудрено, точно.

Рудинъ глянулъ въ окно.

— А проектъ, ей Богу, былъ не дуренъ и могъ бы принесть огромныя выгоды.

— Куда же Курбѣевъ этотъ дѣлся? спросилъ Лежневъ.

— Онъ? онъ въ Сибири теперь, золотопромышленникомъ сдѣлался. И ты увидишь, онъ себѣ составитъ состояніе; онъ не пропадетъ.

— Можетъ быть; но ты вотъ, ужъ навѣрное состоянія себѣ не составишь.

— Я? что дѣлать! Впрочемъ, я знаю, я всегда въ глазахъ твоихъ былъ пустымъ человѣкомъ.

— Ты? Полно, братъ!... Было время, точно, когда мнѣ въ глаза бросались однѣ твои темныя стороны; но теперь, повѣрь мнѣ, я научился цѣнить тебя. Ты себѣ состоянія не составишь.... Да я люблю тебя за это.... помилуй!

Рудинъ слабо усмѣхнулся.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Я уважаю тебя за это! повторилъ Лежневъ:—понимаешь ли ты меня?

Оба помолчали.

— Что-жъ, переходить къ нумеру третьему? спросилъ Рудинъ.

— Сдѣлай одолженіе.

— Изволь. Нумеръ третій и послѣдній. Съ этимъ ну-

Digitized by Google

меромъ я только теперь раздѣлался. Но не наскучилъ ли я тебѣ?

— Говори, говори.

— Вотъ видишь ли, началъ Рудинъ: — я однажды подумалъ на досугѣ.... досуга-то у меня всегда много было.... я подумалъ: свѣдѣній у меня довольно, желанія добра.... послушай, вѣдь и ты не станешь отрицать во мнѣ желанія добра?

— Еще бы!

— На другихъ всѣхъ пунктахъ я болѣе или менѣе срѣзался.... отчего бы мнѣ не сдѣлаться педагогомъ, или, говоря попросту, учителемъ.... чѣмъ такъ жить даромъ....

Рудинъ остановился и вздохнулъ.

— Чѣмъ жить даромъ, не лучше ли постараться передать другимъ, что́ я знаю: можетъ быть, они извлекутъ изъ моихъ познаній хотя нѣкоторую пользу. Способности мои не дюжинныя же наконецъ, языкомъ я владѣю.... Вотъ я и рѣшился посвятить себя этому новому дѣлу. Хлопотно мнѣ было достать мѣсто; частныхъ уроковъ давать я не хотѣлъ; въ низшихъ училищахъ мнѣ дѣлать было нечего. Наконецъ, мнѣ удалось достать мѣсто преподавателя въ здѣшней гимназіи.

— Преподавателя — чего? спросилъ Лежневъ.

— Преподавателя русской словесности. Скажу тебѣ, ни за одно дѣло не принимался я съ такимъ жаромъ, какъ за это. Мысль дѣйствовать на юношество меня воодушевила. Три недѣли просидѣлъ я надъ составленіемъ вступительной лекціи.

— Ея нѣтъ у тебя? перебилъ Лежневъ.

— Нѣтъ: затерялась куда-то. Она вышла недурна и понравилась. Какъ теперь вижу лица моихъ слушателей,— лица добрыя, молодыя, съ выраженіемъ чистосердечнаго

Digitized by Google

вниманія, участія, даже изумленія. Взошелъ я на каѳедру, прочелъ лекцію въ лихорадкѣ; я думалъ, ее хватитъ на часъ слишкомъ, а я ее въ двадцать минутъ кончилъ. Инспекторъ тутъ же сидѣлъ — сухой старикъ въ серебряныхъ очкахъ и короткомъ парикѣ, — онъ изрѣдка наклонялъ голову въ мою сторону. Когда я кончилъ и соскочилъ съ креселъ, онъ мнѣ сказалъ: «Хорошо-съ, только высоко немножко, темновато, да и о самомъ предметѣ мало сказано.» А гимназисты съ уваженіемъ проводили меня взорами.... право. Вѣдь вотъ чѣмъ драгоцѣнна молодежь! Вторую лекцію я принесъ написанную и третью тоже.... потомъ я сталъ импровизировать.

— И имѣлъ успѣхъ? спросилъ Лежневъ.

— Имѣлъ большой успѣхъ. Я передавалъ слушателямъ все, что́ у меня было въ душѣ. Между ними было три-четыре мальчика, дѣйствительно замѣчательныхъ; остальные меня понимали плохо. Впрочемъ, сознаться надо, что и тѣ, которые меня понимали, иногда смущали меня своими вопросами. Но я не унывалъ. Любить-то меня всѣ любили; я на репетиціяхъ ставилъ полные баллы всѣмъ. Но тутъ началась противъ меня интрига.... или нѣтъ! никакой интриги не было; а я, просто, попалъ не въ свою сферу. Я стѣснялъ другихъ, и меня тѣснили. Я читалъ гимназистамъ, какъ и студентамъ не всегда читаютъ; слушатели мои выносили мало изъ моихъ лекцій.... факты я самъ зналъ плохо. Притомъ, я не удовлетворялся кругомъ дѣйствій, который былъ мнѣ назначенъ.... ужъ это, ты знаешь, моя слабость. Я хотѣлъ коренныхъ преобразованій, а клянусь тебѣ, эти преобразованія были и дѣльны и легки. Я надѣялся провести ихъ черезъ директора, добраго и честнаго человѣка, на котораго я сначала имѣлъ вліяніе. Его жена мнѣ помогала. Я, братъ, въ жизни своей немного встрѣчалъ та-

Digitized by Google

кихъ женщинъ. Ей уже было лѣтъ подъ сорокъ; но она вѣрила въ добро, любила все прекрасное, какъ пятнадцати-лѣтняя дѣвушка, и не боялась высказывать свои убѣжденія передъ кѣмъ бы то ни было. Я никогда не забуду ея благородной восторженности и чистоты. По ея совѣту, я написалъ-было планъ.... Но тутъ подъ меня подкопались, очернили меня передъ ней. Особенно повредилъ мнѣ учитель математики, маленькій человѣкъ, острый, желчный и ни во что не вѣрившій, въ родѣ Пигасова, только гораздо дѣльнѣе его.... Кстати, что Пигасовъ, живъ?

— Живъ и, вообрази, женился на мѣщанкѣ, которая, говорятъ, его бьетъ.

— Подѣломъ! Ну, а Наталья Алексѣевна здорова!

— Да.

— Счастлива?

— Да.

Рудинъ помолчалъ.

— О чемъ бишь, я говорилъ.... да! объ учителѣ математики. Онъ меня возненавидѣлъ, сравнивалъ мои лекціи съ фейерверкомъ, подхватывалъ на лету каждое не совсѣмъ ясное выраженіе, разъ даже сбилъ меня на какомъ-то памятникѣ XVI-го вѣка.... а главное, онъ заподозрилъ мои намѣренія; послѣдній мой мыльный пузырь наткнулся на него, какъ на булавку, и лопнулъ. Инспекторъ, съ которымъ я съ разу не поладилъ, возстановилъ противъ меня директора; вышла сцена, я не хотѣлъ уступить, погорячился, дѣло дошло до свѣдѣнія начальства; я принужденъ былъ выйти въ отставку. Я этимъ не ограничился, я хотѣлъ показать, что со мной нельзя поступить такъ.... но со мной можно было поступить, какъ угодно.... Я теперь долженъ выѣхать отсюда.

Digitized by Google

Наступило молчаніе. Оба пріятеля сидѣли, понуривъ головы.

Первый заговорилъ Рудинъ.

— Да, братъ, началъ онъ:—я теперь могу сказать съ Кольцовымъ: «До чего ты, моя молодость, довела меня, домыкала, что ужъ шагу ступить некуда»..... И между тѣмъ, неужели я ни на что̀ не былъ годенъ, неужели для меня такъ-таки нѣтъ дѣла на землѣ? Часто я ставилъ себѣ этотъ вопросъ, и какъ я ни старался себя унизить въ собственныхъ глазахъ, не могъ же я не чувствовать въ себѣ присутствія силъ, не всѣмъ людямъ данныхъ! Отчего же эти силы остаются безплодными? И вотъ еще что̀: помнишь, когда мы съ тобой были за границей, я былъ тогда самонадѣянъ и ложенъ.... Точно, я тогда ясно не сознавалъ, чего я хотѣлъ, я упивался словами и вѣрилъ въ призраки; но теперь, клянусь тебѣ, я могу громко, передо всѣми высказать все, чего я желаю. Мнѣ рѣшительно скрывать нечего: я вполнѣ, и въ самой сущности слова, человѣкъ благонамѣренный; я смиряюсь, хочу примѣниться къ обстоятельствамъ, хочу малаго, хочу достигнуть цѣли близкой, принести хотя ничтожную пользу. Нѣтъ! не удается! Что это значитъ? Что̀ мѣшаетъ мнѣ жить и дѣйствовать, какъ другіе?... Я только объ этомъ теперь и мечтаю. Но едва успѣю я войти въ опредѣленное положеніе, остановиться на извѣстной точкѣ, судьба такъ и сопретъ меня съ нея долой.... Я сталъ бояться ея — моей судьбы.... Отчего все это? Разрѣши мнѣ эту загадку!

— Загадку! Повторилъ Лежневъ.—Да, это правда. Ты и для меня былъ всегда загадкой. Даже въ молодости, когда, бывало, послѣ какой-нибудь мелочной выходки, ты вдругъ заговоришь такъ, что сердце дрогнетъ, а тамъ, опять начнешь.... ну, ты знаешь, что̀ я хочу сказать....

Digitized by Google

даже тогда я тебя не понималъ: оттого-то я разлюбилъ тебя.... Силъ въ тебѣ такъ много, стремленіе къ идеалу такое неутомимое....

— Слова, все слова! дѣлъ не было! прервалъ Рудинъ.

— Дѣлъ не было! Какія же дѣла....

— Какія дѣла? Слѣпую бабку и все ея семейство своими трудами прокормить, какъ помнишь, Пряженцевъ.... Вотъ тебѣ и дѣло.

— Да; но доброе слово—тоже дѣло.

Рудинъ посмотрѣлъ молча на Лежнева и тихо покачалъ головой.

Лежневъ хотѣлъ-было что-то сказать и провелъ рукой по лицу.

— И такъ, ты ѣдешь въ деревню? спросилъ онъ наконецъ.

— Въ деревню.

— Да развѣ у тебя осталась деревня.

— Тамъ что-то такое осталось. Двѣ души съ половиною. Уголъ есть, гдѣ умереть. Ты, можетъ быть, думаешь въ эту минуту: «И тутъ не обошелся безъ фразы!» Фраза, точно, меня сгубила, она заѣла меня, я до конца не могъ отъ нея отдѣлаться. Но то, что я сказалъ, не фраза. Не фраза, братъ, эти бѣлые волосы, эти морщины; эти прорванные локти—не фраза. Ты всегда былъ строгъ ко мнѣ, и ты былъ справедливъ; но не до строгости теперь, когда уже все кончено, и масла въ лампадѣ нѣтъ, и сама лампада разбита, и вотъ, вотъ сейчасъ докурится фитиль.... Смерть, братъ, должна примирить наконецъ....

Лежневъ вскочилъ.

— Рудинъ! воскликнулъ онъ, зачѣмъ ты мнѣ это говоришь? Чѣмъ я заслужилъ это отъ тебя? Что я за судья такой, и что бы я былъ за человѣкъ, если-бъ, при видѣ твоихъ впалыхъ щекъ и морщинъ, слово: фраза—могло

Digitized by Google

прійти въ голову? Ты хочешь знать, что я думаю о тебѣ? Изволь! я думаю: вотъ человѣкъ.... съ его способностями, чего бы не могъ онъ достигнуть, какими земными выгодами не обладалъ бы теперь, если-бъ захотѣлъ!... а я его встрѣчаю голоднымъ, безъ пристанища....

— Я возбуждаю твое сожалѣніе, промолвилъ глухо Рудинъ.

— Нѣтъ, ты ошибаешься. Ты уваженіе мнѣ внушаешь—вотъ что. Кто тебѣ мѣшалъ проводить годы за годами у этого помѣщика, твоего пріятеля, который, я вполнѣ увѣренъ, если-бъ ты только захотѣлъ подъ него подлаживаться, упрочилъ бы твое состояніе? Отчего ты не могъ ужиться въ гимназіи, отчего ты — странный человѣкъ?—съ какими бы помыслами ни начиналъ дѣло, всякій разъ непремѣнно кончалъ его тѣмъ, что жертвовалъ своими личными выгодами, не пускалъ корней въ недобрую почву, какъ она жирна ни была?

— Я родился перекати-полемъ, продолжалъ Рудинъ съ унылой усмѣшкой.—Я не могу остановиться.

— Это правда; но ты не можешь остановиться не оттого, что въ тебѣ червь живетъ, какъ ты сказалъ мнѣ сначала.... Не червь въ тебѣ живетъ, не духъ празднаго безпокойства, огонь любви къ истинѣ въ тебѣ горитъ и, видно, не смотря на всѣ твои дрязги, онъ горитъ въ тебѣ сильнѣе, чѣмъ во многихъ, которые даже не считаютъ себя эгоистами, а тебя, пожалуй называютъ интриганомъ. Да я первый на твоемъ мѣстѣ давно бы заставилъ замолчать въ себѣ этого червя и примирился бы со всѣмъ; а въ тебѣ даже желчи не прибавилось, и ты, я увѣренъ, сегодня же, сейчасъ, готовъ опять приняться за новую работу, какъ юноша.

— Нѣтъ, братъ, я теперь усталъ, проговорилъ Рудинъ.—Съ меня довольно.

Digitized by Google

— Усталъ! Другой бы умеръ давно. Ты говоришь, смерть примиряетъ, а жизнь, ты думаешь, не примиряетъ? Кто пожилъ, да не сдѣлался снисходительнымъ къ другимъ, тотъ самъ не заслуживаетъ снисхожденія. А кто можетъ сказать, что онъ въ снисхожденіи не нуждается? Ты сдѣлалъ, что́ могъ, боролся, пока могъ.... Чего же больше? Наши дороги разошлись....

— Ты, братъ, совсѣмъ другой человѣкъ, нежели я, перебилъ Рудинъ со вздохомъ.

— Наши дороги разошлись, продолжалъ Лежневъ: — можетъ быть, именно оттого, что, благодаря моему состоянію, холодной крови, да другимъ счастливымъ обстоятельствамъ, ничто мнѣ не мѣшало сидѣть сиднемъ, да оставаться зрителемъ, сложивъ руки, а ты долженъ былъ выйти на поле, засучить рукава, трудиться, работать. Наши дороги разошлись.... но посмотри, какъ мы близки другъ другу. Вѣдь мы говоримъ съ тобой почти однимъ языкомъ, съ полунамека понимаемъ другъ друга, на однихъ чувствахъ выросли. Вѣдь ужъ мало насъ остается, братъ; вѣдь мы съ тобой послѣдніе могикане! Мы могли расходиться, даже враждовать въ старые годы, когда еще много жизни оставалось впереди; но теперь, когда толпа рѣдѣетъ вокругъ насъ, когда новыя поколѣнія идутъ мимо насъ, къ не нашимъ цѣлямъ, намъ надобно крѣпко держаться другъ за друга. Чокнемся братъ, и давай-ка, по старинному: Gaudeamus igitur!

Пріятели чокнулись стаканами и пропѣли растроганными и фальшивыми, прямо русскими голосами старинную студенческую пѣсню.

— Вотъ ты теперь въ деревню ѣдешь, заговорилъ опять Лежневъ.—Не думаю, чтобъ ты долго въ ней остался, и не могу себѣ представить, чѣмъ, гдѣ и какъ ты кончишь.... Но помни, что́ бы съ тобою ни случилось, у тебя всегда

Digitized by Google

есть мѣсто, есть гнѣздо, куда ты можешь укрыться. Это мой домъ.... слышишь, старина? У мысли тоже есть свои инвалиды: надобно, чтобъ и у нихъ былъ пріютъ.

Рудинъ всталъ.

— Спасибо тебѣ, братъ, продолжалъ онъ.—Спасибо! Не забуду я тебѣ этого. Да только пріюта я не стóю. Испортилъ я свою жизнь и не служилъ мысли, какъ слѣдуетъ.

— Молчи! продолжалъ Лежневъ. — Каждый остается тѣмъ, чѣмъ сдѣлала его природа, и больше требовать отъ него нельзя! Ты назвалъ себя Вѣчнымъ Жидомъ.... А почему ты знаешь, можетъ-быть, тебѣ и слѣдуетъ такъ вѣчно странствовать, можетъ-быть, ты исполняешь этимъ высшее, для тебя самого неизвѣстное назначеніе: народная мудрость гласитъ не даромъ, что мы всѣ подъ-Богомъ ходимъ.—Ты ѣдешь, продолжалъ Лежневъ, видя, что Рудинъ брался за шапку.—Ты не останешься ночевать?

— Ѣду! Прощай. Спасибо.... А кончу я скверно.

— Это знаетъ Богъ.... Ты рѣшительно ѣдешь?

— Ѣду. Прощай. Не поминай меня лихомъ.

— Ну, не поминай же лихомъ и меня.... и не забудь, что́ я сказалъ тебѣ. Прощай....

Пріятели обнялись. Рудинъ быстро вышелъ.

Лежневъ долго ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, остановился передъ окномъ, подумалъ, промолвилъ вполголоса: «бѣднякъ!» и сѣвъ за столъ, началъ писать письмо къ своей женѣ.

А на дворѣ поднялся вѣтеръ и завылъ зловѣщимъ завываньемъ, тяжело и злобно ударяясь въ звенящія стекла. Наступила долгая, осенняя ночь. Хорошо тому, кто въ такія ночи сидитъ подъ кровомъ дома, у кого есть теплый уголокъ.... И да поможетъ Господь всѣмъ безпріютнымъ скитальцамъ!

---



Digitized by Google

Въ знойный полдень 26 іюня 1848 года, въ Парижѣ, когда уже возстаніе «національныхъ мастерскихъ» было почти подавлено, въ одномъ изъ тѣсныхъ переулковъ предмѣстія св. Антонія, баталіонъ линейнаго войска бралъ баррикаду. Нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ уже разбили ее; ея защитники, оставшіеся въ живыхъ, ее покидали и только думали о собственномъ спасеніи, какъ вдругъ на самой ея вершинѣ, на продавленномъ кузовѣ поваленнаго омнибуса, появился высокій человѣкъ въ старомъ сюртукѣ, подпоясанномъ краснымъ шарфомъ и соломенной шляпѣ на сѣдыхъ, растрепанныхъ волосахъ. Въ одной рукѣ онъ держалъ красное знамя, въ другой—кривую и тупую саблю, и кричалъ что-то напряженнымъ, тонкимъ голосомъ, карабкаясь кверху и помахивая и знаменемъ, и саблей.—Венсенскій стрѣлокъ прицѣлился въ него—выстрѣлилъ.... Высокій человѣкъ выронилъ знамя—и, какъ мѣшокъ, повалился лицомъ внизъ, точно въ ноги кому-то поклонился.... Пуля прошла ему сквозь самое сердце.

— Tiens! сказалъ одинъ изъ убѣжавшихъ инсургентовъ другому: on vient de tuer le Polonais.

— Bigre! отвѣтилъ тотъ, и оба бросились въ подвалъ дома, у котораго всѣ ставни были закрыты и стѣны пестрѣли слѣдами пуль и ядеръ.

Этотъ «Polonais» былъ—Дмитрій Рудинъ.

1855 г.

Digitized by Google

# ДВОРЯНСКОЕ ГНѢЗДО.

## I.

Весенній, свѣтлый день клонился къ вечеру, небольшія розовыя тучки стояли высоко въ ясномъ небѣ и, казалось, не плыли мимо, а уходили въ самую глубь лазури.

Передъ раскрытымъ окномъ краснваго дома, въ одной изъ крайнихъ улицъ губернскаго города О.... (дѣло происходило въ 1842 году), сидѣли двѣ женщины: одна лѣтъ пятидесяти, другая уже старушка, семидесяти лѣтъ.

Первую изъ нихъ звали Марьей Дмитріевной Калитиной. Ея мужъ, бывшій губернскій прокуроръ, извѣстный въ свое время дѣлецъ,—человѣкъ бойкій и рѣшительный, желчный и упрямый, — умеръ лѣтъ десять тому назадъ. Онъ получилъ изрядное воспитаніе, учился въ университетѣ, но, рожденный въ сословіи бѣдномъ, рано понялъ необходимость проложить себѣ дорогу и набить деньгу. Марья Дмитріевна вышла за него по любви: онъ былъ недуренъ собою, уменъ и, когда хотѣлъ, очень любезенъ. Марья Дмитріевна (въ дѣвицахъ Пестова) еще въ дѣтствѣ лишилась родителей, провела нѣсколько лѣтъ въ Москвѣ, въ институтѣ и, вернувшись оттуда, жила въ пятидесяти верстахъ отъ О...., въ родовомъ своемъ селѣ Покровскомъ, съ теткой да съ старшимъ братомъ. Братъ этотъ скоро переселился въ Петербургъ на службу и дер-

Digitized by Google

жалъ и сестру, и тетку въ черномъ тѣлѣ, пока внезапная смерть не положила предѣла его поприщу. Марья Дмитріевна наслѣдовала Покровское, но не долго жила въ немъ; на второй же годъ послѣ ея свадьбы съ Калитинымъ, который въ нѣсколько дней успѣлъ покорить ея сердце, Покровское было промѣнено на другое имѣніе, гораздо болѣе доходное, но некрасивое и безъ усадьбы; и въ тоже время Калитинъ пріобрѣлъ домъ въ городѣ О..., гдѣ и поселился съ женою на постоянное жительство. При домѣ находился большой садъ; одной стороной онъ выходилъ прямо въ поле, за городъ. Стало-быть,—рѣшилъ Калитинъ, большой неохотникъ до сельской тишины, — въ деревню таскаться не за чѣмъ. Марья Дмитріевна не разъ въ душѣ пожалѣла о своемъ хорошенькомъ Покровскомъ съ веселой рѣчкой, широкими лугами и зелеными рощами; но она ни въ чемъ не прекословила мужу и благоговѣла предъ его умомъ и знаніемъ свѣта. Когда же, послѣ пятнадцатилѣтняго брака, онъ умеръ, оставивъ сына и двухъ дочерей, Марья Дмитріевна уже до того привыкла къ своему дому и къ городской жизни, что сама не захотѣла выѣхать изъ О....

Марья Дмитріевна въ молодости пользовалась репутаціей миленькой блондинки; и въ пятьдесятъ лѣтъ черты ея не были лишены пріятности, хотя немного распухли и сплылись. Она была болѣе чувствительна, нежели добра, и до зрѣлыхъ лѣтъ сохранила институтскія замашки; она избаловала себя, легко раздражалась и даже плакала, когда нарушались ея привычки: за то она была очень ласкова и любезна, когда всѣ ея желанія исполнялись, и никто ей не прекословилъ. Домъ ея принадлежалъ къ числу пріятнѣйшихъ въ городѣ. Состояніе у ней было весьма хорошее, не столько наслѣдственное, сколько благопріобрѣтенное мужемъ. Обѣ дочери жили съ нею; сынъ

Digitized by Google

воспитывался въ одномъ изъ лучшихъ казенныхъ заведеній въ Петербургѣ.

Старушка, сидѣвшая съ Марьей Дмитріевной подъ окошкомъ, была та самая тетка, сестра ея отца, съ которою она провела нѣкогда нѣсколько уединенныхъ лѣтъ въ Покровскомъ. Звали ее Маѳоей Тимоѳеевной Пестовой. Она слыла чудачкой, нравъ имѣла независимый, говорила всѣмъ правду въ глаза и при самыхъ скудныхъ средствахъ держалась такъ, какъ будто за ней водились тысячи. Она терпѣть не могла покойнаго Калитина, и какъ только ея племянница вышла за него за-мужъ, удалилась въ свою деревушку, гдѣ прожила цѣлыхъ десять лѣтъ у мужика въ курной избѣ. Марья Дмитріевна ея побаивалась. Черноволосая и быстроглазая даже въ старости, маленькая, востроносая, Маѳа Тимоѳеевна ходила живо, держалась прямо, и говорила скоро и внятно, тонкимъ и звучнымъ голоскомъ. Она постоянно носила бѣлый чепецъ и бѣлую кофту.

— О чемъ ты это? спросила она вдругъ Марью Дмитріевну.—О чемъ вздыхаешь, мать моя?

— Такъ, промолвила та. — Какія чудесныя облака!

— Такъ тебѣ ихъ жалко, что-ли?

Марья Дмитріевна ничего не отвѣчала.

— Что это Гедеоновскій нейдетъ? проговорила Маѳа Тимоѳеевна, проворно шевеля спицами. (Она вязала большой шерстяной шарфъ). Онъ бы повздыхалъ вмѣстѣ съ тобою,—не то, совралъ бы что-нибудь.

— Какъ вы всегда строго о немъ отзываетесь! Сергѣй Петровичъ—почтенный человѣкъ.

— Почтенный! повторила съ укоризной старушка.

— И какъ онъ покойному мужу былъ преданъ! проговорила Марья Дмитріевна;—до сихъ поръ вспомнить о немъ равнодушно не можетъ.

Digitized by Google

— Еще бы! тотъ его за уши изъ грязи вытащилъ, проворчала Марѳа Тимоѳеевна, и спицы еще быстрѣе заходили въ ея рукахъ.

— Глядитъ такимъ смиренникомъ, начала она снова,— голова вся сѣдая, а чтó ротъ раскроетъ, то солжетъ или насплетничаетъ. А еще статскій совѣтникъ! Ну, и то сказать: поповичъ!

— Кто же безъ грѣха, тетушка? Эта слабость въ немъ есть, конечно. Сергѣй Петровичъ воспитанія, конечно, не получилъ, по-французски не говоритъ; но онъ, воля ваша, пріятный человѣкъ.

— Да, онъ ручки у тебя все лижетъ. По-французски не говоритъ, — эка бѣда! Я сама несильна во французскомъ «діалехтѣ». Лучше бы онъ ни покаковски не говорилъ: не лгалъ бы. Да вотъ онъ, кстати, легокъ на поминѣ, прибавила Марфа Тимоѳеевна, глянувъ на улицу.— Вонъ онъ шагаетъ, твой пріятный человѣкъ. Экой длинный, словно аистъ!

Марья Дмитріевна поправила свои локоны. Марѳа Тимоѳеевна съ усмѣшкой посмотрѣла на нее.

— Что это у тебя никакъ сѣдой волосъ, мать моя? Ты побрани свою Палашку. Чего она смотритъ?

— Ужъ вы, тетушка, всегда.... пробормотала съ досадой Марья Дмитріевна и застучала пальцами по ручкѣ креселъ.

— Сергѣй Петровичъ Гедеоновскій! пропищалъ краснощекій казачекъ, выскочивъ изъ-за двери.

## II.

Вошелъ человѣкъ высокаго роста, въ опрятномъ сюртукѣ, коротенькихъ панталонахъ, сѣрыхъ замшевыхъ перчаткахъ и двухъ галстукахъ — одномъ черномъ сверху,

Digitized by Google

другомъ бѣломъ снизу. Все въ немъ дышало приличіемъ и пристойностью, начиная съ благообразнаго лица и гладко причесанныхъ висковъ до сапоговъ безъ каблуковъ и безъ скрыпу. Онъ поклонился сперва хозяйкѣ дома, потомъ Маѳѣ Тимоѳеевнѣ, и, медленно стащивъ перчатки, подошелъ къ ручкѣ Марьи Дмитріевны. Поцѣловавъ ее почтительно и два раза сряду, онъ сѣлъ не торопясь въ кресла, и съ улыбкой потирая самые кончики пальцевъ, проговорилъ:

— А Елизавета Михайловна здоровы?

— Да, отвѣчала Марья Дмитріевна,—она въ саду.

— И Елена Михайловна?

— Леночка въ саду тоже.—Нѣтъ ли чего новенькаго?

— Какъ не быть-съ, какъ не быть-съ, возразилъ гость, медленно моргая и вытягивая губы. Гм!... да вотъ пожалуйте, есть новость, и преудивительная: Лаврецкій Ѳедоръ Иванычъ пріѣхалъ.

— Ѳедя? воскликнула Маѳа Тимоѳеевна. — Да ты, полно, не сочиняешь ли, отецъ мой!

— Никакъ нѣтъ-съ, я ихъ самолично видѣлъ.

— Ну, это еще не доказательство.

— Очень поздоровѣли, продолжалъ Гедеоновскій, показывая видъ, будто не слышалъ замѣчанія Маѳы Тимоѳеевны: въ плечахъ еще шире стали, и румянецъ во всю щеку.

— Поздоровѣлъ, произнесла съ разстановкой Марья Дмитріевна: — кажется, съ чего бы ему здоровѣть?

— Да-съ, возразилъ Гедеоновскій: — другой, на его мѣстѣ, и въ свѣтъ-то показаться посовѣстился бы.

— Это отчего? перебила Маѳа Тимоѳеевна; это что за вздоръ? Человѣкъ возвратился на родину — куда-жъ ему дѣться прикажете? И благо онъ въ чемъ виноватъ былъ!

Digitized by Google

— Мужъ всегда виноватъ, сударыня, осмѣлюсь вамъ доложить, когда жена нехорошо ведетъ себя.

— Это ты, батюшка, оттого говоришь, что самъ женатъ не былъ. — Гедеоновскій принужденно улыбнулся.

— Позвольте полюбопытствовать, спросилъ онъ послѣ небольшого молчанія: — кому назначается этотъ миленькій шарфъ?

Марѳа Тимоѳеевна быстро взглянула на него.

— А тому назначается, возразила она: — кто никогда не сплетничаетъ, не хитритъ и не сочиняетъ, если только есть на свѣтѣ такой человѣкъ. Ѳедю я знаю хорошо; онъ только тѣмъ и виноватъ, что баловалъ жену. Ну да и женился онъ по любви, а изъ этихъ изъ любовныхъ свадебъ ничего путнаго никогда не выходитъ, прибавила старушка, косвенно взглянувъ на Марью Дмитріевну и вставая. — А ты теперь, мой батюшка, на комъ угодно зубки точи, хоть на мнѣ; я уйду, мѣшать не буду. И Марѳа Тимоѳеевна удалилась.

— Вотъ она всегда такъ, проговорила Марья Дмитріевна, проводивъ свою тетку глазами: — всегда!

— Лѣта ихнія! Что дѣлать-съ! замѣтилъ Гедеоновскій. — Вотъ онѣ изволятъ говорить: кто не хитритъ. Да кто нонеча не хитритъ? вѣкъ ужъ такой. Одинъ мой пріятель, препочтенный и, доложу вамъ, не малаго чина человѣкъ, говаривалъ: что нонеча, молъ, курица и та съ хитростью къ зерну приближается — все норовитъ, какъ бы съ боку подойти. А какъ погляжу я на васъ, моя барыня, нравъ-то у васъ истинно ангельскій; пожалуйте-ка мнѣ вашу бѣлоснѣжную ручку.

Марья Дмитріевна слабо улыбнулась и протянула Гедеоновскому свою пухлую руку съ отдѣленнымъ пятымъ пальчикомъ. Онъ приложился къ ней губами, а она по-

Digitized by Google

додвинула къ нему свое кресло и, слегка нагнувшись, спросила вполголоса:

— Такъ видѣли вы его? Въ самомъ дѣлѣ онъ — ничего, здоровъ, веселъ?

— Веселъ-съ, ничего-съ, возразилъ Гедеоновскій шопотомъ.

— А не слыхали вы, гдѣ его жена теперь?

— Въ послѣднее время въ Парижѣ была-съ; теперь, слышно, въ итальянское государство переселилась.

— Это ужасно, право, — Ѳедино положеніе; я не знаю, какъ онъ переноситъ. Случаются, точно, несчастья со всякимъ: но вѣдь его, можно сказать, на всю Европу распубликовали.

Гедеоновскій вздохнулъ.

— Да-съ, да-съ. Вѣдь она, говорятъ, и съ артистами, и съ піанистами, и, какъ тамъ по ихнему, со львами да со звѣрями знакомство вела. Стыдъ потеряла совершенно....

— Очень, очень жалко, проговорила Марья Дмитріевна. По родственному: вѣдь онъ мнѣ, Сергѣй Петровичъ, вы знаете, внучатный племянникъ.

— Какъ-же-съ, какъ-же-съ. Какъ мнѣ не знать съ всего, что до вашего семейства относится? Помилуйте-съ.

— Придетъ онъ къ намъ, — какъ вы думаете?

— Должно полагать-съ; а впрочемъ они, слышно, къ себѣ въ деревню собираются.

Марья Дмитріевна подняла глаза къ небу.

— Ахъ, Сергѣй Петровичъ, Сергѣй Петровичъ, какъ я подумаю, какъ намъ женщинамъ нужно осторожно вести себя!

— Женщина женщинѣ рознь, Марья Дмитріевна. Есть, къ несчастію, такія—нрава непостояннаго.... ну и лѣта; опять правила не внушены съ-измала. (Сергѣй Петровичъ

Digitized by Google

досталъ изъ кармана клѣтчатый синій платокъ и началъ его развертывать). — Такія женщины, конечно, бываютъ. (Сергѣй Петровичъ поднесъ уголъ платка поочередно къ своимъ глазамъ).—Но вообще говоря, если разсудить, то-есть.... Пыль въ городѣ необыкновенная, заключилъ онъ.

— *Maman*, *maman*, вскричала, вбѣгая въ комнату, смазливая дѣвочка лѣтъ одиннадцати: — къ намъ Владиміръ Николаичъ верхомъ ѣдетъ!

Марья Дмитріевна встала; Сергѣй Петровичъ тоже всталъ и поклонился.—Еленѣ Михайловнѣ наше нижайшее, проговорилъ онъ и, отойдя въ уголъ для приличія, принялся сморкать свой длинный и правильный носъ.

— Какая у него чудесная лошадь! продолжала дѣвочка. — Онъ сейчасъ былъ у калитки и сказалъ намъ съ Лизой, что къ крыльцу подъѣдетъ.

Послышался топотъ копытъ, и стройный всадникъ на красивомъ гнѣдомъ конѣ показался на улицѣ и остановился передъ раскрытымъ окномъ.

## III.

— Здравствуйте, Марья Дмитріевна! воскликнулъ звучнымъ и пріятнымъ голосомъ всадникъ.—Какъ вамъ нравится моя новая покупка?

Марья Дмитріевна подошла къ окну.

— Здравствуйте, Woldemar! Ахъ какая славная лошадь! У кого вы ее купили?

— У ремонтера.... Дорого взялъ, разбойникъ.

— Какъ ее зовутъ?

— Орландомъ.... Да это имя глупо; я хочу перемѣнить.... Eh bien, eh bien, mon garçon.... Какой неугомонный!

Digitized by Google

Конь фыркалъ, переступалъ ногами и махалъ опѣненною мордой.

— Леночка, погладьте ее, не бойтесь....

Дѣвочка протянула изъ окна руку, но Орландъ вдругъ взвился на дыбы и бросился въ сторону. Всадникъ не потерялся, взялъ коня въ шенкеля, вытянулъ его хлыстомъ по шеѣ и, не смотряна его сопротивленіе, поставилъ его опять передъ окномъ.

— Prenez garde, prenez garde, твердила Марья Дмитріевна.

— Леночка, поласкайте его, возразилъ всадникъ; я не позволю ему вольничать.

Дѣвочка опять протянула руку и робко коснулась трепетавшихъ ноздрей Орланда, который безпрестанно вздрагивалъ и грызъ удила.

— Браво! воскликнула Марья Дмитріевна; а теперь слѣзьте и придите къ намъ.

Всадникъ лихо повернулъ коня, далъ ему шпоры и, проскакавъ короткимъ галопомъ по улицѣ, въѣхалъ на дворъ. Минуту спустя, онъ вбѣжалъ, помахивая хлыстикомъ, изъ двери передней въ гостиную; въ то же время на порогѣ другой двери показалась стройная, высокая черноволосая дѣвушка лѣтъ девятнадцати,—старшая дочь Марьи Дмитріевны, Лиза.

## IV.

Молодой человѣкъ, съ которымъ мы только-что познакомили читателей, прозывался Владиміромъ Николаичемъ Паншинымъ. Онъ служилъ въ Петербургѣ чиновникомъ по особымъ порученіямъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Въ городъ О.... онъ пріѣхалъ для исполненія временнаго казеннаго порученія и состоялъ въ распоряженіи

Digitized by Google

губернатора, генерала Зонненберга, которому доводился дальнимъ родственникомъ. Отецъ Паншина, отставной штабсъ-ротмистръ, извѣстный игрокъ, человѣкъ съ сладкими глазами, помятымъ лицомъ и нервической дерготней въ губахъ, весь свой вѣкъ терся между знатью, посѣщалъ англійскіе клубы обѣихъ столицъ и слылъ за ловкаго, не очень надежнаго, но милаго и задушевнаго малаго. Несмотря на свою ловкость, онъ находился почти постоянно на самомъ рубежѣ нищеты и оставилъ своему единственному сыну состояніе небольшое и разстроенное. Зато онъ, по-своему, заботился объ его воспитаніи: Владиміръ Николаичъ говорилъ по-французски прекрасно, по-англійски хорошо, по-нѣмецки дурно. Такъ оно и слѣдуетъ: порядочнымъ людямъ стыдно говорить хорошо по-нѣмецки; но пускать въ ходъ германское словцо въ нѣкоторыхъ, большею частью забавныхъ, случаяхъ — можно c'est même très chic, какъ выражаются петербургскіе парижане. Владиміръ Николаичъ съ пятнадцатилѣтняго возраста уже умѣлъ не смущаясь войдти въ любую гостиную, пріятно повертѣться въ ней и кстати удалиться. Отецъ Паншина доставилъ сыну своему много связей; тасуя карты между двумя робберами или послѣ удачнаго «большого шлема», онъ не пропускалъ случая запустить словечко о своемъ «Володькѣ» какому-нибудь важному лицу, охотнику до коммерческихъ игръ. Съ своей стороны Владиміръ Николаичъ, во время пребыванія въ университетѣ, откуда онъ вышелъ съ чиномъ дѣйствительнаго студента, познакомился съ нѣкоторыми знатными молодыми людьми и сталъ вхожъ въ лучшіе дома. Его вездѣ охотно принимали; онъ былъ очень недуренъ собою, развязенъ, забавенъ, всегда здоровъ и на все готовъ; гдѣ нужно — почтителенъ, гдѣ можно—дерзокъ, отличный товарищъ, un charmant garçon. Завѣтная область раскрылась передъ нимъ. Паншинъ

Digitized by Google

скоро понялъ тайну свѣтской науки; онъ умѣлъ проникнуться дѣйствительнымъ уваженіемъ къ ея уставамъ, умѣлъ съ полунасмѣшливой важностью заниматься вздоромъ и показать видъ, что почитаетъ все важное за вздоръ,—танцовалъ отлично, одѣвался по англійски. Въ короткое время онъ прослылъ однимъ изъ самыхъ любезныхъ и ловкихъ молодыхъ людей въ Петербургѣ. Паншинъ былъ дѣйствительно очень ловокъ,—не хуже отца; но онъ былъ также очень даровитъ. Все ему далось: онъ мило пѣлъ, бойко рисовалъ, писалъ стихи, весьма недурно игралъ на сценѣ. Ему всего пошелъ двадцать-восьмой годъ, а онъ былъ уже камеръ-юнкеромъ и чинъ имѣлъ весьма изрядный. Паншинъ твердо вѣрилъ въ себя, въ свой умъ, въ свою проницательность; онъ шелъ впередъ смѣло и весело, полнымъ махомъ; жизнь его текла какъ по маслу. Онъ привыкъ нравиться всѣмъ, старому и малому, и воображалъ, что знаетъ людей, особенно женщинъ: онъ хорошо зналъ ихъ обыденныя слабости. Какъ человѣкъ не чуждый художеству, онъ чувствовалъ въ себѣ и жаръ, и нѣкоторое увлеченіе, и восторженность, и вслѣдствіе этого позволялъ себѣ разныя отступленія отъ правилъ: кутилъ, знакомился съ лицами, не принадлежавшими къ свѣту, и вообще держался вольно и просто; но въ душѣ онъ былъ холоденъ и хитръ, и во время самаго буйнаго кутежа, его умный карій глазокъ все караулилъ и высматривалъ; этотъ смѣлый, этотъ свободный юноша никогда не могъ забыться и увлечься вполнѣ. Къ чести его должно сказать, что онъ никогда не хвастался своими побѣдами. Въ домъ Марьи Дмитріевны онъ попалъ тотчасъ по пріѣздѣ въ О.... и скоро освоился въ немъ совершенно. Марья Дмитріевна въ немъ души не чаяла.

Паншинъ любезно раскланялся со всѣми находившимися въ комнатѣ, пожалъ руку у Марьи Дмитріевны и у

Digitized by Google

Лизаветы Михайловны, слегка потрепалъ Гедеоновскаго по плечу и, повернувшись на каблукахъ, поймалъ Леночку за голову и поцѣловалъ ее въ лобъ.

— И вы не боитесь ѣздить на такой злой лошади? спросила его Марья Дмитріевна.

— Помилуйте, она пресмирная; а вотъ, я доложу вамъ, чего я боюсь; я боюсь играть въ преферансъ съ Сергѣемъ Петровичемъ; вчера у Бѣленицыныхъ онъ обыгралъ меня въ пухъ.

Гедеоновскій засмѣялся тоненькимъ и подобострастнымъ смѣхомъ: онъ заискивалъ въ молодомъ блестящемъ чиновникѣ изъ Петербурга, губернаторскомъ любимцѣ. Въ разговорахъ своихъ съ Марьей Дмитріевной онъ часто упоминалъ о замѣчательныхъ способностяхъ Паншина. Вѣдь вотъ, разсуждалъ онъ, какъ не похвалить? И въ высшей сферѣ жизни успѣваетъ молодой человѣкъ, и служитъ примѣрно, и гордости ни малѣйшей. Впрочемъ, Паншина и въ Петербургѣ считали дѣльнымъ чиновникомъ: работа кипѣла у него въ рукахъ; онъ говорилъ о ней шутя, какъ оно и слѣдуетъ свѣтскому человѣку, не придающему особеннаго значенія своимъ трудамъ, но былъ «исполнитель». Начальники любятъ такихъ подчиненныхъ; самъ не сомнѣвался въ томъ, что, если захочетъ, будетъ со временемъ министромъ.

— Вы изволите говорить, что я обыгралъ васъ, промолвилъ Гедеоновскій: — а на прошлой недѣлѣ кто у меня выигралъ двѣнадцать рублей? да еще....

— Злодѣй, злодѣй, перебилъ его Паншинъ съ ласковой, но чуть-чуть презрительной небрежностью и, не обращая болѣе на него вниманія, подошелъ къ Лизѣ.

— Я не могъ найдти здѣсь увертюру Оберона, началъ онъ. — Бѣленицына только хвасталась, что у ней вся классическая музыка, — на дѣлѣ у ней кромѣ по-

Digitized by Google

лекъ и вальсовъ ничего нѣтъ; но я уже написалъ въ Москву, и черезъ недѣлю вы будете имѣть эту увертюру. Кстати, продолжалъ онъ, я написалъ вчера новый романсъ; слова тоже мои. Хотите, я вамъ спою? Не знаю, что изъ этого вышло; Бѣленицына нашла его премиленькимъ, но ея слова ничего не значатъ, — я желаю знать ваше мнѣніе. Впрочемъ, я думаю, лучше послѣ.

— Зачѣмъ же послѣ? вмѣшалась Марья Дмитріевна: — отчего же не теперь?

— Слушаю-съ, промолвилъ Паншинъ съ какой-то свѣтлой и сладкой улыбкой, которая у него и появлялась и пропадала вдругъ,—пододвинулъ колѣномъ стулъ, сѣлъ за фортепьяно и, взявши нѣсколько аккордовъ, запѣлъ, четко отдѣляя слова, слѣдующій романсъ:

Луна плыветъ высоко надъ землею
Межъ блѣдныхъ тучъ;
Но движетъ съ вышины волной морскою
Волшебный лучъ.
Моей души тебя признало море
Своей луной,
И, движется, — и въ радости, и въ горѣ—
Тобой одной.
Тоской любви, тоской нѣмыхъ стремленій
Душа полна;
Мнѣ тяжело... Но ты чужда смятеній,
Какъ та луна.

Второй куплетъ былъ спѣтъ Паншинымъ съ особеннымъ выраженіемъ и силой; въ бурномъ акомпаниментѣ слышались переливы волнъ. Послѣ словъ: мнѣ тяжело.... онъ вздохнулъ слегка, опустилъ глаза и понизилъ голосъ — morendo. Когда онъ кончилъ, Лиза похвалила мотивъ, Марья Дмитріевна сказала: прелестно, — а Гедеоновскій даже крикнулъ: восхитительно! и поэзія, и гармонія одинаково восхитительны!.... Леночка съ дѣтскимъ

Digitized by Google

благоговѣніемъ посмотрѣла на пѣвца. Словомъ, всѣмъ присутствовавшимъ очень понравилось произведеніе молодого дилетанта; но за дверью гостиной въ передней стоялъ только-что пришедшій, уже старый человѣкъ, которому, судя по выраженію его потупленнаго лица и движенія плечей, романсъ Паншина, хотя и премиленькій, не доставилъ удовольствія. Подождавъ немного и смахнувъ пыль съ сапоговъ толстымъ носовымъ платкомъ, человѣкъ этотъ внезапно съежилъ глаза, угрюмо сжалъ губы, согнулъ свою, и безъ того сутулую, спину и медленно вошелъ въ гостиную.

— А! Христоforъ Ѳедорычъ, здравствуйте! воскликнулъ прежде всѣхъ Паншинъ и быстро вскочилъ со стула. — Я и не подозрѣвалъ, что вы здѣсь, — я бы при васъ ни за что не рѣшился спѣть свой романсъ. Я знаю, вы не охотникъ до легкой музыки.

— Я не слушилъ, произнесъ дурнымъ русскимъ языкомъ вошедшій человѣкъ и, раскланявшись со всѣми, неловко остановился посреди комнаты.

— Вы, мосье Леммъ, сказала Марья Дмитріевна:—пришли дать урокъ музыки Лизѣ?

— Нѣтъ, не Лисафетъ Михайловнѣ, а Еленъ Михайловнѣ.

— А! Ну что-жъ — прекрасно. Леночка, ступай наверхъ съ г-мъ Леммомъ.

Старикъ пошелъ-было вслѣдъ за дѣвочкой; но Паншинъ остановилъ его.

— Не уходите послѣ урока, Христоforъ Ѳедорычъ, сказалъ онъ: — мы съ Лизаветой Михайловной сыграемъ Бетговенскую сонату въ четыре руки.

Старикъ проворчалъ себѣ что-то подъ носъ, а Паншинъ продолжалъ по-нѣмецки, плохо выговаривая слова:

— Мнѣ Лизавета Михайловна показала духовную кан-

Digitized by Google

тату, которую вы ей поднесли, — прекрасная вещь! Вы пожалуйста не думайте, что я не умѣю цѣнить серьезную музыку, — напротивъ: она иногда скучна, но за то очень пользительна.

Старикъ покраснѣлъ до ушей, бросилъ косвенный взглядъ на Лизу и торопливо вышелъ изъ комнаты.

Марья Дмитріевна попросила Паншина повторить романсъ; но онъ объявилъ, что не желаетъ оскорблять ушей ученаго нѣмца, и предложилъ Лизѣ заняться Бетговенскою сонатой. Тогда Марья Дмитріевна вздохнула и съ своей стороны предложила Гедеоновскому пройтись съ ней по саду.—Мнѣ хочется, сказала она,—еще поговорить и посовѣтываться съ вами о бѣдномъ нашемъ Өедѣ. Гедеоновскій осклабился, поклонился, взялъ двумя пальцами свою шляпу съ аккуратно положенными на одномъ изъ ея полей перчатками и удалился вмѣстѣ съ Марьей Дмитріевной. Въ комнатѣ остались Паншинъ и Лиза: она достала и раскрыла сонату; оба молча сѣли за фортепьяно. — Сверху доносились слабые звуки гаммъ, разыгрываемыхъ невѣрными пальчиками Леночки.

## V.

Христоформъ-Теодоръ-Готлибъ Леммъ родился въ 1786 году, въ королевствѣ саксонскомъ, въ городѣ Хемницѣ, отъ бѣдныхъ музыкантовъ. Отецъ его игралъ на волторнѣ, мать на арфѣ; самъ онъ уже по пятому году упражнялся на трехъ различныхъ инструментахъ. Восьми лѣтъ онъ осиротѣлъ, а съ десяти началъ зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба своимъ искусствомъ. Онъ долго велъ бродячую жизнь, игралъ вездѣ—и въ трактирахъ, и на ярмаркахъ, и на крестьянскихъ свадьбахъ, и на балахъ; наконецъ попалъ въ оркестръ и подвигаясь всё выше и



Digitized by Google

выше, достигъ дирижёрскаго мѣста. Исполнитель онъ былъ довольно плохой; но музыку зналъ основательно. На двадцать-восьмомъ году переселился онъ въ Россію. Его выписалъ большой баринъ, который самъ терпѣть не могъ музыки, но держалъ оркестръ изъ чванства. Леммъ прожилъ у него лѣтъ семь въ качествѣ капельмейстера и отошелъ отъ него съ пустыми руками: баринъ разорился, хотѣлъ дать ему на себя вексель, но впослѣдствіи отказалъ ему и въ этомъ, — словомъ, не заплатилъ ему ни копѣйки. Ему совѣтовали уѣхать; но онъ не хотѣлъ вернуться домой нищимъ изъ Россіи, изъ великой Россіи, этого золотого дна артистовъ; онъ рѣшился остаться и испытать свое счастье. Въ теченіи двадцати лѣтъ бѣдный нѣмецъ пыталъ свое счастіе: побывалъ у различныхъ господъ, жилъ и въ Москвѣ, и въ губернскихъ городахъ, терпѣлъ и сносилъ многое, узналъ нищету, бился, какъ рыба объ лёдъ; но мысль о возвращеніи на родину не покидала его среди всѣхъ бѣдствій, которымъ онъ подвергался; она только одна его и поддерживала. Судьбѣ однако не было угодно порадовать его этимъ послѣднимъ и первымъ счастіемъ: 50-ти лѣтъ, больной, до времени одряхлѣвшій, застрялъ онъ въ городѣ О..., и остался въ немъ навсегда, уже окончательно потерявъ всякую надежду покинуть ненавистную ему Россію и кое-какъ поддерживая уроками свое скудное существованіе. Наружность Лемма не располагала въ его пользу. Онъ былъ не большого роста, сутуловатъ, съ кривовыдавшимися лопатками и втянутымъ животомъ, съ большими плоскими ступнями, съ блѣдно-синими ногтями на твердыхъ, не разгибавшихся пальцахъ жилистыхъ красныхъ рукъ; лицо имѣлъ морщинистое, впалыя щеки и сжатыя губы, которыми онъ безпрестанно двигалъ и жевалъ, что, при его обычной молчаливости, производило впечатлѣніе почти зловѣщее; сѣдые

Digitized by Google

его волосы висѣли клочьями надъ невысокимъ лбомъ; какъ только-что залитые угольки, глухо тлѣли его крошечные, неподвижные глазки; ступалъ онъ тяжело, на каждомъ шагу перекидывая свое неповоротливое тѣло. Иныя его движенія напоминали неуклюжее охорашиваніе совы въ клѣткѣ, когда она чувствуетъ, что на нее глядятъ, а сама едва видитъ своими огромными, желтыми, пугливо и дремотно моргающими глазами. Застарѣлое, неумолимое горе положило на бѣднаго музикуса свою неизгладимую печать, искривило и обезобразило его, и безъ того невзрачную, фигуру; но для того, кто умѣлъ не останавливаться на первыхъ впечатлѣніяхъ, что-то доброе, честное, что-то необыкновенное виднѣлось въ этомъ полу-разрушенномъ существѣ. Поклонникъ Баха и Генделя, знатокъ своего дѣла, одаренный живымъ воображеніемъ и той смѣлостью мысли, которая доступна одному германскому племени, Леммъ со временемъ — кто знаетъ? — сталъ бы въ ряду великихъ композиторовъ своей родины, если-бъ жизнь иначе его повела; но не подъ счастливой звѣздой онъ родился! Онъ много написалъ на своемъ вѣку — и ему не удалось увидѣть ни одного своего произведенія изданнымъ; не умѣлъ онъ приняться за дѣло, какъ слѣдовало, поклониться кстати, похлопотать во-время. Какъ-то, давнымъ-давно тому назадъ, одинъ его поклонникъ и другъ, тоже нѣмецъ и тоже бѣдный, издалъ на свой счетъ двѣ его сонаты,—да и тѣ остались цѣликомъ въ подвалахъ музыкальныхъ магазиновъ; глухо и безслѣдно провалились онѣ, словно ихъ ночью кто въ рѣку бросилъ. Леммъ наконецъ махнулъ рукой на все; притомъ и годы брали свое: онъ зачерствѣлъ, одеревенѣлъ, какъ пальцы его одеревенѣли. Одинъ, съ старой кухаркой, взятой имъ изъ богадельни (онъ никогда женатъ не былъ), проживалъ онъ въ О.... въ небольшомъ домишкѣ, недалеко отъ Кали-

Digitized by Google

тинскаго дома; много гулялъ, читалъ библію да собраніе протестантскихъ псалмовъ, да Шекспира въ шлегелевскомъ переводѣ. Онъ давно ничего не сочинялъ; но видно, Лиза, лучшая его ученица, умѣла его расшевелить: онъ написалъ для нея кантату, о которой упомянулъ Паншинъ. Слова этой кантаты были имъ заимствованы изъ собранія псалмовъ; нѣкоторые стихи онъ самъ присочинилъ. Ее пѣли два хора,—хоръ счастливцевъ и хоръ несчастливцевъ; оба они къ концу примирялись и пѣли вмѣстѣ: «Боже милостивый, помилуй насъ грѣшныхъ и отжени отъ насъ всякія лукавыя мысли и земныя надежды.»— На заглавномъ листѣ, весьма тщательно написанномъ и даже разрисованномъ, стояло: «Только праведные правы. Духовная кантата. Сочинена и посвящена дѣвицѣ Елизаветѣ Калитиной, моей любезной ученицѣ, ея учителемъ, Х. Т. Г. Леммомъ». Слова: «только праведные правы» и «Елизаветѣ Калитиной» были окружены лучами. Внизу было приписано: «Для васъ однѣхъ, für Sie allein».— Оттого-то Леммъ и покраснѣлъ и взглянулъ искоса на Лизу; ему было очень больно, когда Паншинъ заговорилъ при немъ объ его кантатѣ.

## VI.

Паншинъ громко и рѣшительно взялъ первые аккорды сонаты (онъ игралъ вторую руку), но Лиза не начинала своей партіи. Онъ остановился и посмотрѣлъ на нее. Глаза Лизы, прямо на него устремленные, выражали неудовольствіе; губы ея не улыбались, все лицо было строго, почти печально.

— Что съ вами? спросилъ онъ.

— Зачѣмъ вы не сдержали своего слова? сказала она.—

Digitized by Google

Я вамъ показала кантату Христофора Ѳедорыча подъ тѣмъ условіемъ, чтобъ вы не говорили ему о ней.

— Виноватъ, Лизавета Михайловна, — къ слову пришлось.

— Вы его огорчили—и меня тоже. Теперь онъ и мнѣ довѣрять не будетъ.

— Что́ прикажете дѣлать, Лизавета Михайловна! Отъ младыхъ ногтей не могу видѣть равнодушно нѣмца: такъ и подмываетъ меня его подразнить.

— Что̀ вы это говорите, Владиміръ Николаичъ! Этотъ нѣмецъ, бѣдный, одинокій, убитый человѣкъ—и вамъ его не жаль? Вамъ хочется дразнить его?

Паншинъ смутился.

— Вы правы, Лизавета Михайловна, промолвилъ онъ.— Всему виною—моя вѣчная необдуманность. Нѣтъ, не возражайте мнѣ; я себя хорошо знаю. Много зла мнѣ надѣлала моя необдуманность. По ея милости я прослылъ за эгоиста.

Паншинъ помолчалъ. Съ чего бы ни начиналъ онъ разговоръ, онъ обыкновенно кончалъ тѣмъ, что говорилъ о самомъ себѣ, и это выходило у него какъ-то мило и мягко, задушевно, словно невольно.

— Вотъ и въ вашемъ домѣ, продолжалъ онъ:—матушка ваша, конечно, ко мнѣ благоволитъ—она такая добрая; вы.... впрочемъ, я не знаю вашего мнѣнія обо мнѣ; за то̀ ваша тетушка просто меня терпѣть не можетъ. Я ее тоже, должно быть, обидѣлъ какимъ-нибудь необдуманнымъ, глупымъ словомъ. Вѣдь она меня не любитъ, не правда-ли?

— Да, произнесла Лиза съ небольшой запинкой:—вы ей не нравитесь.

Паншинъ быстро провелъ пальцами по клавишамъ; едва замѣтная усмѣшка скользнула по его губамъ.

Digitized by Google

— Ну, а вы? промолвилъ онъ: — я вамъ тоже кажусь эгоистомъ.

— Я васъ еще мало знаю, возразила Лиза: — но я васъ не считаю за эгоиста; я, напротивъ, должна быть благодарна вамъ....

— Знаю, знаю, что̀ вы хотите сказать, перебилъ ее Паншинъ, и снова пробѣжалъ пальцами по клавишамъ:— за ноты, за книги, которыя я вамъ приношу, за плохіе рисунки, которыми я украшаю вашъ альбомъ, и такъ далѣе, и такъ далѣе. Я могу все это дѣлать — и все-таки быть эгоистомъ. Смѣю думать, что вы не скучаете со мною и что вы не считаете меня за дурного человѣка, но все же вы полагаете, что я — какъ бишь это сказано? — для краснаго словца не пожалѣю ни отца, ни пріятеля.

— Вы разсѣянны и забывчивы, какъ всѣ свѣтскіе люди, промолвила Лиза:— вотъ и все.

Паншинъ немного нахмурился.

— Послушайте, сказалъ онъ:—не будемте больше говорить обо мнѣ; станемте разыгрывать нашу сонату. Объ одномъ только прошу я васъ, прибавилъ онъ, разглаживая рукою листы лежавшей на пюпитрѣ тетради:—думайте обо мнѣ, что̀ хотите, называйте меня даже эгоистомъ — такъ и быть! но не называйте меня свѣтскимъ человѣкомъ: эта кличка мнѣ нестерпима.... Anch'io sono pittore. Я тоже артистъ, хотя плохой, и это, а именно то, что я плохой артистъ, — я вамъ докажу сейчасъ же на дѣлѣ. Начнемъ же.

— Начнемъ, пожалуй, сказала Лиза.

Первое adagio прошло довольно благополучно, хотя Паншинъ неоднократно ошибался. Свое и заученное онъ игралъ очень мило, но разбиралъ плохо. За то вторая часть сонаты—довольно быстрое allegro—совсѣмъ не пош-

Digitized by Google

ла: на двадцатомъ тактѣ, Паншинъ, отставшій такта на два, не выдержалъ и со смѣхомъ отодвинулъ свой стулъ.

— Нѣтъ! воскликнулъ онъ:—я не могу сегодня играть; хорошо, что Леммъ насъ не слышалъ: онъ бы въ обморокъ упалъ.

Лиза встала, закрыла фортепьяно и обернулась къ Паншину.

— Что же мы будемъ дѣлать? спросила она.

— Узнаю васъ въ этомъ вопросѣ! Вы никакъ не можете сидѣть сложа руки. Что-жъ, если хотите, давайте рисовать, пока еще не совсѣмъ стемнѣло. Авось другая муза—муза рисованія—какъ бишь ее звали? позабылъ.... будетъ ко мнѣ благосклоннѣе. Гдѣ вашъ альбомъ? Помнится, тамъ мой пейзажъ не конченъ.

Лиза пошла въ другую комнату за альбомомъ, а Паншинъ, оставшись одинъ, досталъ изъ кармана батистовый платокъ, потеръ себѣ ногти и посмотрѣлъ, какъ-то скосясь, на свои руки. Онѣ у него были очень красивы и бѣлы; на большомъ пальцѣ лѣвой руки носилъ онъ винтообразное золотое кольцо. Лиза вернулась; Паншинъ усѣлся къ окну, развернулъ альбомъ.

— Ага! воскликнулъ онъ:—я вижу, вы начали срисовывать мой пейзажъ—и прекрасно. Очень хорошо! Вотъ тутъ только — дайте-ка карандашъ — не довольно сильно положены тѣни. Смотрите.

И Паншинъ размашисто проложилъ нѣсколько длинныхъ штриховъ. Онъ постоянно рисовалъ одинъ и тотъ же пейзажъ: на первомъ планѣ большія растрепанныя деревья, въ отдаленьѣ поляну, и зубчатыя горы на небосклонѣ. Лиза глядѣла черезъ его плечо на его работу.

— Въ рисункѣ, да и вообще въ жизни, говорилъ Паншинъ, сгибая голову то направо, то налѣво: — легкость и смѣлость—первое дѣло.

Digitized by Google

Въ это мгновеніе вошелъ въ комнату Леммъ и, сухо поклонившись, хотѣлъ удалиться; но Паншинъ бросилъ альбомъ и карандашъ въ сторону и преградилъ ему дорогу.

— Куда же вы, любезный Христоформъ Ѳедорычъ? развѣ вы не остаетесь чай пить?

— Мнѣ домой, проговорилъ Леммъ угрюмымъ голосомъ:—голова болитъ.

— Ну, что за пустяки,—останьтесь. Мы съ вами поспоримъ о Шекспирѣ.

— Голова болитъ, повторилъ старикъ.

— А мы безъ васъ принялись - было за Бетговенскую сонату, продолжалъ Паншинъ, любезно взявъ его за талію и свѣтло улыбаясь: — но дѣло совсѣмъ на ладъ не пошло. Вообразите, я не могъ двѣ ноты сряду взять вѣрно.

— Вы бы опять спѣлъ сфой романце лутчи, возразилъ Леммъ, отводя руки Паншина, и вышелъ вонъ.

Лиза побѣжала вслѣдъ за нимъ. Она догнала его на крыльцѣ.

— Христоформъ Ѳедорычъ, послушайте, сказала она ему по-нѣмецки, провожая его до воротъ по зеленой короткой травкѣ двора:—я виновата передъ вами—простите меня.

Леммъ ничего не отвѣчалъ.

— Я показала Владиміру Николаевичу вашу кантату; я была увѣрена, что онъ ее оцѣнитъ, — и она, точно, очень ему понравилась.

Леммъ остановился.

— Это ничего, сказалъ онъ по-русски и потомъ прибавилъ на родномъ своемъ языкѣ: — но онъ не можетъ ничего понимать; какъ вы этого не видите? Онъ дилетантъ—и все тутъ!

— Вы къ нему несправедливы, возразила Лиза:—онъ все понимаетъ и самъ почти все можетъ сдѣлать.

Digitized by Google

— Да, все второй нумеръ, легкій товаръ, спѣшная работа. Это нравится, и онъ нравится, и самъ онъ этимъ доволенъ — ну и браво. А я не сержусь; эта кантата и я—мы оба старые дураки; мнѣ немножко стыдно, но это ничего.

— Простите меня, Христофоръ Ѳедорычъ, проговорила снова Лиза.

— Ничего, ничего, повторилъ онъ опять по-русски:— вы добрая дѣвушка.... а вотъ кто-то къ вамъ идетъ. Прощайте. Вы очень добрая дѣвушка.

И Леммъ утороплennымъ шагомъ направился къ воротамъ, въ которыя входилъ какой-то незнакомый ему господинъ, въ сѣромъ пальто и широкой соломенной шляпѣ. Вѣжливо поклонившись ему (онъ кланялся всѣмъ новымъ лицамъ въ городѣ О....; отъ знакомыхъ онъ отворачивался на улицѣ—такое ужъ онъ положилъ себѣ правило), Леммъ прошелъ мимо и изчезъ за заборомъ. Незнакомецъ съ удивленьемъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ и, вглядѣвшись въ Лизу, подошелъ прямо къ ней.

## VII.

— Вы меня не узнаёте, промолвилъ онъ, снимая шляпу, — а я васъ узналъ, даромъ-что уже восемь лѣтъ минуло съ тѣхъ поръ, какъ я васъ видѣлъ въ послѣдній разъ. Вы были тогда ребенокъ. Я Лаврецкій. Матушка ваша дома? Можно ее видѣть?

— Матушка будетъ очень рада, возразила Лиза: — она слышала о вашемъ пріѣздѣ.

— Вѣдь васъ, кажется, зовутъ Елизаветой? промолвилъ Лаврецкій, взбираясь по ступенямъ крыльца.

— Да.

— Я помню васъ хорошо; у васъ уже тогда было

Digitized by Google

такое лицо, котораго не забываешь; я вамъ тогда возилъ конфекты.

Лиза покраснѣла и подумала: какой онъ странный! Лаврецкій остановился на минуту въ передней. Лиза вошла въ гостиную, гдѣ раздавался голосъ и хохотъ Паншина; онъ сообщалъ какую-то городскую сплетню Марьѣ Дмитріевнѣ и Гедеоновскому, уже успѣвшимъ вернуться изъ сада, и самъ громко смѣялся тому, что̀ разсказывалъ. При имени Лаврецкаго, Марья Дмитріевна вся всполошилась, поблѣднѣла и пошла къ нему на встрѣчу.

— Здравствуйте, здравствуйте, мой милый cousin! воскликнула она растянутымъ и почти слезливымъ голосомъ — какъ я рада васъ видѣть!

— Здравствуйте, моя добрая кузина, возразилъ Лаврецкій и дружелюбно пожалъ ея протянутую руку: — какъ васъ Господь милуетъ?

— Садитесь, садитесь, мой дорогой Ѳедоръ Иванычъ. Ахъ, какъ я рада! Позвольте во-первыхъ представить вамъ мою дочь, Лизу....

— Я ужъ самъ отрекомендовался Лизаветѣ Михайловнѣ, перебилъ ее Лаврецкій.

— Мсьё Паншинъ.... Сергѣй Петровичъ Гедеоновскій.... Да садитесь же! Гляжу на васъ и, право, даже глазамъ не вѣрю. Какъ здоровье ваше?

— Какъ изволите видѣть: процвѣтаю. Да и вы кузина — какъ бы васъ не сглазить — не похудѣли въ эти восемь лѣтъ.

— Какъ подумаешь, сколько времени не видались,— мечтательно промолвила Марья Дмитріевна. — Вы откуда теперь? Гдѣ вы оставили.... то-есть, я хотѣла сказать, торопливо подхватила она — я хотѣла сказать, надолго ли вы къ намъ?

— Я пріѣхалъ теперь изъ Берлина, возразилъ Лаврец-

Digitized by Google

кій, и завтра же отправляюсь въ деревню — вѣроятно, надолго.

— Вы, конечно, въ Лаврикахъ жить будете?

— Нѣтъ, не въ Лаврикахъ: а есть у меня, верстахъ въ двадцати-пяти отсюда, деревушка; такъ я туда ѣду.

— Это деревушка, что вамъ отъ Глафиры Петровны досталась?

— Та самая.

— Помилуйте, Ѳедоръ Иванычъ! У васъ въ Лаврикахъ такой чудесный домъ!

Лаврецкій чуть-чуть нахмурилъ брови.

— Да.... но и въ той деревушкѣ есть флигелекъ; а мнѣ пока больше ничего не нужно. Это мѣсто — для меня теперь самое удобное.

Марья Дмитріевна опять до того смѣшалась, что даже выпрямилась и руки развела. Паншинъ пришелъ ей на помощь и вступилъ въ разговоръ съ Лаврецкимъ. Марья Дмитріевна успокоилась, опустилась на спинку креселъ и лишь изрѣдка вставляла свое словечко: но при этомъ такъ жалостливо глядѣла на своего гостя, такъ значительно вздыхала и такъ уныло покачивала головой, что тотъ наконецъ не вытерпѣлъ и довольно рѣзко спросилъ ее: здорова ли она?

— Слава Богу, возразила Марья Дмитріевна, — а что?

— Такъ, мнѣ показалось, что вамъ не по себѣ.

Марья Дмитріевна приняла видъ достойный и нѣсколько обиженный. — «А коли такъ, подумала она: — мнѣ совершенно все равно: видно тебѣ, мой батюшка, все, какъ съ гуся вода; иной бы съ горя изчахъ, а тебя еще разнесло». Марья Дмитріевна сама съ собой не церемонилась; вслухъ она говорила изящнѣе.

Лаврецкій, дѣйствительно, не походилъ на жертву

Digitized by Google

рока. Отъ его краснощекаго, чисто-русскаго лица, съ большимъ бѣлымъ лбомъ, немного толстымъ носомъ и широкими правильными губами, такъ и вѣяло степнымъ здоровьемъ, крѣпкой долговѣчной силой. Сложенъ онъ былъ на славу, — и бѣлокурые волосы вились на его головѣ, какъ у юноши. Въ однихъ только его глазахъ, голубыхъ, на выкатѣ и нѣсколько неподвижныхъ, замѣчалась — не то задумчивость, не то усталость, и голосъ его звучалъ какъ-то слишкомъ ровно.

Паншинъ между тѣмъ продолжалъ поддерживать разговоръ. Онъ навелъ рѣчь на выгоды сахароваренія, о которомъ недавно прочелъ двѣ французскія брошюрки, и съ спокойной скромностью принялся излагать ихъ содержаніе, не упоминая, впрочемъ,, о нихъ ни единымъ словомъ.

— А вѣдь это Ѳедя! раздался вдругъ въ сосѣдней комнатѣ за полу-раскрытой дверью голосъ Марѳы Тимоѳеевны: — Ѳедя, точно! И старушка проворно вошла въ гостиную. Лаврецкій не успѣлъ еще подняться со стула, какъ ужъ она обняла его. — Покажи-ка себя, покажи-ка; промолвила она, отодвигаясь отъ его лица. Э! да какой же ты славный. Постарѣлъ, а не подурнѣлъ нисколько право. Да что ты руки у меня цѣлуешь — ты меня самое цѣлуй, коли тебѣ мои сморщенныя щеки не противны. Небось, не спросилъ обо мнѣ: что, дескать, жива ли тетка? А вѣдь ты у меня на рукахъ родился, пострѣлъ эдакой. Ну, да это все равно; гдѣ тебѣ было обо мнѣ вспомнить! Только ты умница, что пріѣхалъ. А что, мать моя, прибавила она, обращаясь къ Марьѣ Дмитріевнѣ, — угостила ты его чѣмъ-нибудь?

— Мнѣ ничего не нужно, поспѣшно проговорилъ Лаврецкій.

— Ну, хоть чаю напейся, мой батюшка. Господи

Digitized by Google

Боже мой! Пріѣхалъ нивѣсть откуда, и чашки чаю ему не дадутъ. Лиза, пойди похлопочи, да поскорѣй. Я помню, маленькій онъ былъ обжора страшный, да и теперь, должно быть, покушать любитъ.

— Мое почтеніе, Марѳа Тимоѳеевна, промолвилъ Паншинъ, приближаясь съ боку къ расходившейся старушкѣ и низко кланяясь.

— Извините меня, государь мой, возразила Марѳа Тимоѳеевна, не замѣтила васъ на радости. — На мать ты свою похожъ сталъ, на голубушку, продолжала она, снова обратившись къ Лаврецкому: — только носъ у тебя отцовскій былъ, отцовскимъ и остался. Ну — и на долго ты къ намъ?

— Я завтра ѣду, тетушка.

— Куда?

— Къ себѣ, въ Васильевское.

— Завтра?

— Завтра.

— Ну, коли завтра, такъ завтра. Съ Богомъ, — тебѣ лучше знать. Только ты, смотри, зайди проститься. — Старушка потрепала его по щекѣ. — Не думала я дождаться тебя; и не то, чтобъ я умирать собиралась; нѣтъ — меня еще годовъ на десять, пожалуй, хватитъ: всѣ мы, Пестовы, живучи; дѣдъ твой покойный, бывало, двужильными насъ прозывалъ; да вѣдь Господь тебя зналъ, сколько-бъ ты еще за границей проболтался. Ну, а молодецъ ты, молодецъ; чай, по прежнему десять пудовъ одной рукой поднимаешь? Твой батюшка покойный, извини, ужъ на что былъ вздорный, а хорошо сдѣлалъ, что швейцарца тебѣ нанялъ; помнишь, вы съ нимъ на кулачки бились; гимнастикой, что-ли, это прозывается? — Но однако, что это я такъ раскудахталась; только г. Паншину (она никогда не называла его, какъ слѣдо-

Digitized by Google

вало, Пàншинымъ) разсуждать помѣшала. А впрочемъ станемте-ка лучше чай пить; да на террасу пойдемте его, батюшку, пить; у насъ сливки — не то что въ вашихъ Лондонахъ да Парижахъ. Пойдемте-пойдемте, а ты, Ѳедюша дай мнѣ руку. О! да какая же опа у тебя толстая! Небось, съ тобой не упадешь.

Всѣ встали и отправились на террасу, за исключеніемъ Гедеоновскаго, который втихомолку удалился. Во все продолженіе разговора Лаврецкаго съ хозяйкой дома, Паншинымъ и Маѳой Тимоѳеевной, онъ сидѣлъ въ уголкѣ, внимательно моргая и съ дѣтскимъ любопытствомъ вытянувъ губы: онъ спѣшилъ теперь разнести вѣсть о новомъ гостѣ по городу.

---

Въ тотъ же день, въ одиннадцать часовъ вечера, вотъ что происходило въ домѣ г-жи Калитиной. Внизу, на порогѣ гостиной, улучивъ удобное мгновеніе, Владиміръ Николаичъ прощался съ Лизой и говорилъ ей, держа ее за руку: вы знаете, кто меня привлекаетъ сюда; вы знаете, зачѣмъ я безпрестанно ѣзжу въ вашъ домъ; къ чему тутъ слова, когда и такъ все ясно. Лиза ничего не отвѣчала ему и, не улыбаясь, слегка приподнявъ брови и краснѣя, глядѣла на полъ, но не отнимала своей руки; — а наверху, въ комнатѣ Маѳы Тимоѳеевны, при свѣтѣ лампадки, висѣвшей передъ тусклыми старинными образами, Лаврецкій сидѣлъ на креслахъ, облокотившись на колѣни и положивъ лицо на руки; старушка, стоя передъ нимъ, изрѣдка и молча гладила его по волосамъ. Болѣе часу провелъ онъ у ней, простившись съ хозяйкой дома; онъ почти ничего не сказалъ своей старинной доброй пріятельницѣ, и она его не разспрашивала.... Да и къ чему было говорить, о чемъ разспрашивать? Она и

Digitized by Google

такъ все понимала, она и такъ сочувствовала всему, чѣмъ переполнялось его сердце.

## VIII.

Ѳедоръ Ивановичъ Лаврецкій (мы должны попросить у читателя позволеніе перервать на время нить нашего разсказа) происходилъ отъ стариннаго дворянскаго племени. Родоначальникъ Лаврецкихъ выѣхалъ въ княженіе Василія Темнаго изъ Пруссіи и былъ пожалованъ двумя стами четвертями земли въ Бѣжецкомъ-верху. Многіе изъ его потомковъ числились въ разныхъ службахъ, сидѣли подъ князьями и людьми именитыми на отдаленныхъ воеводствахъ, но ни одинъ изъ нихъ не поднялся выше стольника и не пріобрѣлъ значительнаго достоянія. Богаче и замѣчательнѣе всѣхъ Лаврецкихъ былъ родной прадѣдъ Ѳедора Иваныча, Андрей, человѣкъ жестокій, дерзкій, умный и лукавый. До нынѣшняго дня не умолкла молва объ его самоуправствѣ, о бѣшеномъ его нравѣ, безумной щедрости и алчности неутолимой. Онъ былъ очень толстъ и высокъ ростомъ, изъ лица смуглъ и безбородъ, картавилъ и казался сонливымъ; но чѣмъ онъ тише говорилъ, тѣмъ больше трепетали всѣ вокругъ него. Онъ и жену досталъ себѣ подъ-стать. Пучеглазая, съ ястребинымъ носомъ, съ круглымъ желтымъ лицомъ, цыганка родомъ, вспыльчивая и мстительная, она ни въ чемъ не уступала мужу, который чуть не уморилъ ее и котораго она не пережила, хотя вѣчно съ нимъ грызлась. Сынъ Андрея, Петръ, Ѳедоровъ дѣдъ, не походилъ на своего отца: это былъ простой, степной баринъ, довольно взбалмошный, крикунъ и копотунъ, грубый, но не злой, хлѣбосолъ и псовый охотникъ. Ему было за тридцать лѣтъ, когда онъ наслѣдовалъ отъ отца двѣ тысячи душъ

Digitized by Google

въ отличномъ порядкѣ, но онъ скоро ихъ распустилъ, частью продалъ свое имѣнье, дворню избаловалъ. Какъ тараканы сползались со всѣхъ сторонъ знакомые и незнакомые мелкіе людишки въ его обширныя, теплыя и неопрятныя хоромы; все это наѣдалось, чѣмъ попало, но до-сыта, напивалось до-пьяна и тащило вонъ что могло, прославляя и величая ласковаго хозяина; и хозяинъ, когда былъ не въ духѣ, тоже величалъ своихъ гостей — дармоѣдами и прохвостами, а безъ нихъ скучалъ. Жена Петра Андреича была смиренница; онъ взялъ ее изъ сосѣдняго семейства, по отцовскому выбору и приказанію; звали ее Анной Павловной. Она ни во что не вмѣшивалась, радушно принимала гостей и охотно сама выѣзжала, хотя пудриться, по ея словамъ, было для нея смертью. Поставятъ тебѣ, разсказывала она въ старости, войлочный шлыкъ на голову, волосы всѣ зачешутъ кверху, саломъ вымажутъ, мукой посыплютъ, желѣзныхъ булавокъ натыкаютъ,— не отмоешься потомъ; а въ гости безъ пудры нельзя—обидятся,— мука! — Она любила кататься на рысакахъ, въ карты готова была играть съ утра до вечера, и всегда, бывало, закрывала рукой записанный на нее копѣечный выигрышъ, когда мужъ подходилъ къ игорному столу: а все свое приданое, всѣ деньги отдала ему въ безотвѣтное распоряженіе. Она прижила съ нимъ двухъ дѣтей: сына Ивана, Ѳедорова отца, и дочь Глафиру. Иванъ воспитывался не дома, а у богатой, старой тетки, княжны Кубенской: она назначила его своимъ наслѣдникомъ (безъ этого отецъ бы его не отпустилъ); одѣвала его, какъ куклу, нанимала ему всякаго рода учителей, приставила къ нему гувернера, француза, бывшаго аббата, ученика Жанъ-Жака Руссо, нѣкоего mr. Courtin de Vaucelles, ловкаго и тонкаго проныру,—самую, какъ она выражалась, fine fleur эмиграціи,— и кончила тѣмъ,

Digitized by Google

что чуть не 70-ти лѣтъ вышла за мужъ за этого «финь-флёра»; перевела на его имя все свое состояніе и вскорѣ потомъ разрумяненная, раздушенная амброй à la Richelieu, окруженная арапченками, тонконогими собачками и крикливыми попугаями, умерла на шелковомъ кривомъ диванчикѣ временъ Лудовика XV, съ эмалевой табакеркой работы Петито въ рукахъ, — и умерла, оставленная мужемъ: вкрадчивый господинъ Куртенъ предпочелъ удалиться въ Парижъ съ ея деньгами. Ивану пошелъ всего двадцатый годъ, когда этотъ неожиданный ударъ—(мы говоримъ о бракѣ княжны, не объ ея смерти) — надъ нимъ разразился; онъ не захотѣлъ остаться въ теткиномъ домѣ, гдѣ онъ изъ богатаго наслѣдника внезапно превратился въ приживальщика; въ Петербургѣ общество, въ которомъ онъ выросъ, передъ нимъ закрылось; къ службѣ съ низкихъ чиновъ, трудной и темной, онъ чувствовалъ отвращеніе (все это происходило въ самомъ началѣ царствованія императора Александра);—пришлось ему, по неволѣ, вернуться въ деревню, къ отцу. Грязно, бѣдно, дрянно показалось его родимое гнѣздо: глушь и копоть степнаго житья-быть на каждомъ шагу его оскорбляли; скука его грызла; за то и на него всѣ въ домѣ, кромѣ матери, недружелюбно глядѣли. Отцу не нравились его столичныя привычки, его фраки, жабо, книги, его флейта, его опрятность, въ которой не даромъ чуялась ему гадливость; онъ, то и дѣло, жаловался и ворчалъ на сына. — «Все здѣсь не по немъ, говаривалъ онъ: за столомъ привередничаетъ, не ѣстъ, людского запаху, духоты переносить не можетъ, видъ пьяныхъ его разстраиваетъ, драться при немъ тоже не смѣй, служить не хочетъ: слабъ, вишь, здоровьемъ; фу ты, нѣженка этакой! А все оттого, что Вольтеръ въ головѣ сидитъ». Старикъ особенно не жаловалъ Вольтера да еще «изувѣра» Дидерота, хотя ни одной строки изъ



Digitized by Google

ихъ сочиненій не прочелъ: читать было не по его части. Петръ Андреичъ не ошибался: точно, и Дидеротъ и Вольтеръ сидѣли въ головѣ его сына, и не они одни—и Руссо, и Рейналь, и Гельвецій, и много другихъ, подобныхъ имъ, сочинителей сидѣли въ его головѣ, — но въ одной только головѣ. Бывшій наставникъ Ивана Петровича, отставной аббатъ и энциклопедистъ, удовольствовался тѣмъ, что влилъ цѣликомъ въ своего воспитанника всю премудрость XVIII-го вѣка, и онъ такъ и ходилъ наполненный ею; она пребывала въ немъ, не смѣшавшись съ его кровью, не проникнувъ въ его душу, не сказавшись крѣпкимъ убѣжденьемъ.... Да и возможно ли было требовать убѣжденій отъ молодого малаго 50 лѣтъ тому назадъ, когда мы еще и теперь не доросли до нихъ? Посѣтителей отцовскаго дома Иванъ Петровичъ тоже стѣснялъ; онъ ими гнушался, они его боялись, а съ сестрой Глафирой, которая была двѣнадцатью годами старше его, онъ не сошелся вовсе. Эта Глафира была странное существо: некрасивая, горбатая, худая, съ широко раскрытыми, строгими глазами и сжатымъ тонкимъ ртомъ, она лицомъ, голосомъ, угловатыми, быстрыми движеніями, напоминала свою бабку, цыганку, жену Андрея. Настойчивая, властолюбивая, она и слышать не хотѣла о замужествѣ. Возвращеніе Ивана Петровича ей пришлось не по нутру; пока княжна Кубенская держала его у себя, она надѣялась получить по крайней мѣрѣ половину отцовскаго имѣнія: она и по скупости вышла въ бабку. Сверхъ того, Глафира завидовала брату; онъ такъ былъ образованъ, такъ хорошо говорилъ по-французски, съ парижскимъ выговоромъ, а она едва умѣла сказать: «бонжуръ», да «команъ ву порте ву»? Правда, родители ея по-французски вовсе не разумѣли,— да отъ этого ей не было легче. Иванъ Петровичъ не зналъ куда дѣться отъ тоски и скуки; невступно годъ

Digitized by Google

провелъ онъ въ деревнѣ, да и тотъ показался ему за десять лѣтъ. Только съ матерью своею онъ и отводилъ душу, и по цѣлымъ часамъ сиживалъ въ ея низкихъ покояхъ, слушая незатѣйливую болтовню доброй женщины и наѣдаясь вареньемъ. Случилось такъ, что въ числѣ горничныхъ Анны Павловны находилась одна очень хорошенькая дѣвушка, съ ясными, кроткими глазками и тонкими чертами лица, по имени Маланья, умница и скромница. Она съ перваго разу приглянулась Ивану Петровичу; и онъ полюбилъ ее: онъ полюбилъ ея робкую походку, стыдливые отвѣты, тихій голосокъ, тихую улыбку; съ каждымъ днемъ она ему казалась милѣй. И она привязалась къ Ивану Петровичу всей силою души, какъ только русскія дѣвушки умѣютъ привязаться—и отдалась ему. Въ помѣщичьемъ деревенскомъ домѣ никакая тайна долго держаться не можетъ: скоро всѣ узнали о связи молодого барина съ Маланьей; вѣсть объ этой связи дошла наконецъ до самого Петра Андреича. Въ другое время онъ, вѣроятно, не обратилъ бы вниманія на такое маловажное дѣло; но онъ давно злился на сына и обрадовался случаю пристыдить петербургскаго мудреца и франта. Поднялся гвалтъ, крикъ и гамъ: Маланью заперли въ чуланъ; Ивана Петровича потребовали къ родителю. Анна Павловна тоже прибѣжала на шумъ. Она попыталась было укротить мужа, но Петръ Андреичъ уже ничего не слушалъ. Ястребомъ напустился онъ на сына, упрекалъ его въ безнравственности, въ безбожіи, въ притворствѣ; кстати выместилъ на немъ всю накипѣвшую досаду противъ княжны Кубенской, осыпалъ его обидными словами. Сначала Иванъ Петровичъ молчалъ и крѣпился, но когда отецъ вздумалъ грозить ему постыднымъ наказаньемъ, онъ не вытерпѣлъ. «Изувѣръ Дидеротъ опять на сценѣ, —подумалъ онъ,—такъ пущу же я его въ дѣло, постойте;

*

Digitized by Google

я васъ всѣхъ удивлю». И тутъ же спокойнымъ, ровнымъ голосомъ, хотя съ внутренней дрожью во всѣхъ членахъ, Иванъ Петровичъ объявилъ отцу, что онъ напрасно укоряетъ его въ безнравственности; что хотя онъ не намѣренъ оправдывать свою вину, но готовъ ее исправить, и тѣмъ охотнѣе, что чувствуетъ себя выше всякихъ предразсудковъ—а именно—готовъ жениться на Маланьѣ. Произнеся эти слова, Иванъ Петровичъ, безспорно, достигъ своей цѣли: онъ до того изумилъ Петра Андреича, что тотъ глаза вытаращилъ и онѣмѣлъ на мгновенье; но тотчасъ же опомнился, и какъ былъ въ тулупчикѣ на бѣличьемъ мѣху и въ башмакахъ на босу ногу, такъ и бросился съ кулаками на Ивана Петровича, который, какъ нарочно, въ тотъ день причесался à la Titus и надѣлъ новый англійскій синій фракъ, сапоги съ кисточками и щегольскіе лосинные панталоны въ обтяжку. Анна Павловна закричала благимъ матомъ и закрыла лицо руками, а сынъ ея побѣжалъ черезъ весь домъ, выскочилъ на дворъ, бросился въ огородъ, въ садъ, черезъ садъ вылетѣлъ на дорогу, и все бѣжалъ безъ оглядки, пока наконецъ пересталъ слышать за собою тяжелый топотъ отцовскихъ шаговъ и его усиленные, прерывистые крики...—Стой, мошенникъ! вопилъ онъ, — стой! прокляну!—Иванъ Петровичъ спрятался у сосѣдняго однодворца, а Петръ Андреичъ вернулся домой весь изнеможенный и въ поту, объявилъ, едва переводя дыханіе, что лишаетъ сына благословенія и наслѣдства, приказалъ сжечь всѣ его дурацкія книги, а дѣвку Маланью немедленно сослать въ дальнюю деревню. Нашлись добрые люди, отыскали Ивана Петровича, извѣстили его обо всемъ. Пристыженный, взбѣшенный, онъ поклялся отомстить отцу, и въ ту же ночь, подкарауливъ крестьянскую телѣгу, на которой везли Маланью, отбилъ ее силой, поскакалъ съ нею въ ближайшій городъ и об-

Digitized by Google

вѣнчался съ ней. Деньгами его снабдилъ сосѣдъ, вѣчно-пьяный и добрѣйшій отставной морякъ, страшный охотникъ до всякой, какъ онъ выражался, благородной исторіи. На другой день Иванъ Петровичъ написалъ язвительно-холодное и учтивое письмо Петру Андреичу, а самъ отправился въ деревню, гдѣ жилъ его троюродный братъ, Дмитрій Пестовъ, съ своею сестрой, уже знакомою читателямъ, Маріей Тимоѳеевной. Онъ разсказалъ имъ все, объявилъ, что намѣренъ ѣхать въ Петербургъ искать мѣста и упросилъ ихъ хоть на время пріютить его жену. При словѣ: жена — онъ всплакнулъ горько и, несмотря на свое столичное образованіе и философію, униженно, бѣднячкомъ-русачкомъ поклонился своимъ родственникамъ въ ноги и даже стукнулъ о полъ лбомъ. Пестовы, люди жалостливые и добрые, охотно согласились на его просьбу; онъ прожилъ у нихъ недѣли три, втайнѣ ожидая отвѣта отъ отца; но отвѣта не пришло,—и придти не могло. Петръ Андреичъ, узнавъ о свадьбѣ сына, слегъ въ постель и запретилъ упоминать при себѣ имя Ивана Петровича; только мать, тихонько отъ мужа, заняла у благочиннаго и прислала 500 рублей ассигнаціями да образокъ его женѣ; написать она побоялась, но велѣла сказать Ивану Петровичу, черезъ посланнаго сухопараго мужичка, умѣвшаго уходить въ сутки по шестидесяти верстъ, чтобъ онъ не очень огорчался, что, Богъ дастъ, все устроится и отецъ переложитъ гнѣвъ на милость; что и ей другая невѣстка была бы желательнѣе, но что видно Богу такъ было угодно, а что она посылаетъ Маланьѣ Сергѣевнѣ свое родительское благословеніе. Сухопарый мужичекъ получилъ рубль, попросилъ позволенья повидаться съ новою барыней, которой онъ доводился кумомъ, поцѣловалъ у ней ручку и побѣжалъ во-свояси.

А Иванъ Петровичъ отправился въ Петербургъ съ лег-

Digitized by Google

кимъ сердцемъ. Неизвѣстная будущность его ожидала; бѣдность, быть можетъ, грозила ему, но онъ разстался съ ненавистною деревенской жизнью, а главное—не выдалъ своихъ наставниковъ, дѣйствительно «пустилъ въ ходъ» и оправдалъ на дѣлѣ Руссо, Дидерота и la Déclaration des droits de l'homme. Чувство совершеннаго долга, торжества, чувство гордости наполняло его душу; да и разлука съ женой не очень пугала его; его бы скорѣе смутила необходимость постоянно жить съ женою. Тѳ дѣло было сдѣлано; надобно было приняться за другія дѣла. Въ Петербургѣ, вопреки его собственнымъ ожиданіямъ, ему повезло: княжна Кубенская, — которую мусье Куртенъ успѣлъ уже бросить, но которая не успѣла еще умереть, — чтобы чѣмъ-нибудь загладить свою вину передъ племянникомъ, отрекомендовала его всѣмъ своимъ друзьямъ и подарила ему 5,000 рублей—едва-ли не послѣднія свои денежки—да Лепиковскіе часы съ его вензелемъ въ гирляндѣ амуровъ. Не прошло трехъ мѣсяцевъ, какъ ужъ онъ получилъ мѣсто при русской миссіи въ Лондонѣ и съ первымъ отходившимъ англійскимъ кораблемъ (пароходовъ тогда еще въ поминѣ не было) уплылъ за море. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, получилъ онъ письмо отъ Пестова. Добрый помѣщикъ поздравлялъ Ивана Петровича съ рожденіемъ сына, явившагося на свѣтъ въ селѣ Покровскомъ 20 августа 1807 года и нареченнаго Ѳедоромъ, въ честь святого мученика Ѳедора Стратилата. По причинѣ большой слабости Маланья Сергѣевна приписывала только нѣсколько строкъ; но и эти немногія строки удивили Ивана Петровича: онъ не зналъ, что Марѳа Тимоѳеевна выучила его жену грамотѣ. Впрочемъ, Иванъ Петровичъ не долго предавался сладостному волненію родительскихъ чувствъ: онъ ухаживалъ за одной изъ знаменитыхъ тогдашнихъ Фринъ или Лаисъ (классическія названія еще

Digitized by Google

процвѣтали въ то время); Тильзитскій миръ былъ только-что заключенъ, и все спѣшило наслаждаться, все крутилось въ какомъ-то бѣшенномъ вихрѣ; черные глаза бойкой красавицы вскружили и его голову. Денегъ у него было очень мало; но онъ счастливо игралъ въ карты, заводилъ знакомства, участвовалъ во всѣхъ возможныхъ увеселеніяхъ, словомъ, плылъ на всѣхъ парусахъ.

## IX.

Старикъ Лаврецкій долго не могъ простить сыну его свадьбу; если-бъ, пропустя полгода, Иванъ Петровичъ явился къ нему съ повинной головой и бросился ему въ ноги, онъ бы, пожалуй, помиловалъ его, выбранивъ сперва хорошенько и постучавъ по немъ для страха клюкою; но Иванъ Петровичъ жилъ за границей и, повидимому, въ усъ себѣ не дулъ.—«Молчи! не смѣй!» твердилъ Петръ Андреичъ всякій разъ женѣ, какъ только та пыталась склонить его на милость; «ему, щенку, должно вѣчно за меня Бога молить, что я клятвы на него не положилъ; покойный батюшка изъ собственныхъ рукъ убилъ бы его, негоднаго, и хорошо бы сдѣлалъ.» Анна Павловна, при такихъ страшныхъ рѣчахъ, только крестилась украдкой. Что же касается до жены Ивана Петровича, то Петръ Андреичъ сначала и слышать о ней не хотѣлъ и даже въ отвѣтъ на письмо Пестова, въ которомъ тотъ упоминалъ о его невѣсткѣ, велѣлъ ему сказать, что онъ никакой якобы своей невѣстки не вѣдаетъ, а что законами воспрещается держать бѣглыхъ дѣвокъ, о чемъ онъ считалъ долгомъ его предупредить; но потомъ, узнавъ о рожденіи внука, смягчился, приказалъ подъ рукой освѣдомиться о здоровьѣ родительницы и послалъ ей, тоже будто не отъ себя, немного денегъ. Ѳедѣ еще году не минуло, какъ

Digitized by Google

Анна Павловна занемогла смертельною болѣзнью. За нѣсколько дней до кончины, уже не вставая съ постели, съ робкими слезинками на погасающихъ глазахъ, объявила она мужу при духовникѣ, что желаетъ повидаться и проститься съ невѣсткой, благословить внука. Огорченный старикъ успокоилъ ее и тотчасъ же послалъ собственный свой экипажъ за невѣсткой, въ первый разъ называя ее Маланьей Сергѣевной. Она пріѣхала съ сыномъ и съ Марѳой Тимоѳеевной, которая ни за что не хотѣла отпустить ее одну и не дала бы ее въ обиду. Полуживая отъ страха вошла Маланья Сергѣевна въ кабинетъ Петра Андреича. Нянька несла за ней Ѳедю. Петръ Андреичъ молча поглядѣлъ на нее; она подошла къ его рукѣ; ея трепетныя губы едва сложились въ беззвучный поцѣлуй.

— Ну, сыромолотная дворянка, проговорилъ онъ наконецъ:—здравствуй; пойдемъ къ барынѣ.

Онъ всталъ и нагнулся къ Ѳедѣ; ребенокъ улыбнулся и протянулъ къ нему свои блѣдныя рученки. Старика перевернуло.

— Охъ, промолвилъ онъ, сиротливый! Умолилъ ты меня за отца; не оставлю я тебя, птенчикъ.

Маланья Сергѣевна, какъ вошла въ спальню Анны Павловны, такъ и стала на колѣни возлѣ двери. Анна Павловна подманила ее къ постели, обняла ее, благословила ея сына; потомъ, обративъ обглоданное жестокою болѣзнью лицо къ своему мужу, хотѣла-было заговорить....

— Знаю, знаю, о чемъ ты просить хочешь, промолвилъ Петръ Андреичъ:—не печалься: она останется у насъ, и Ваньку для нея помилую.

Анна Павловна съ усиліемъ поймала руку мужа и прижалась къ ней губами. Въ тотъ же вечеръ ея не стало.

Петръ Андреичъ сдержалъ свое слово. Онъ извѣстилъ

Digitized by Google

сына, что для смертнаго часа его матери, для младенца Ѳедора, онъ возвращаетъ ему свое благословеніе, и Маланью Сергѣевну оставляетъ у себя въ домѣ. Ей отвели двѣ комнаты въ антресоляхъ, онъ представилъ ее своимъ почтеннѣйшимъ гостямъ, кривому бригадиру Скурехину и женѣ его; подарилъ ей двухъ дѣвокъ и казачка для посылокъ. Марѳа Тимоѳеевна съ ней простилась: она возненавидѣла Глафиру и въ теченіе одного дня раза три поссорилась съ нею.

Тяжело и неловко было сперва бѣдной женщинѣ; но потомъ она обтерпѣлась и привыкла къ своему тестю. Онъ тоже привыкъ къ ней, даже полюбилъ ее, хотя почти никогда не говорилъ съ ней, хотя въ самыхъ его ласкахъ къ ней замѣчалось какое-то невольное пренебреженіе. Больше всего терпѣла Маланья Сергѣевна отъ своей золовки. Глафира еще при жизни матери успѣла по-немногу забрать весь домъ въ руки: всѣ, начиная съ отца, ей покорялись; безъ ея разрѣшенія куска сахару не выдавалось; она скорѣе согласилась бы умереть, чѣмъ подѣлиться властью съ другой хозяйкой,—и какою еще хозяйкой! Свадьба брата раздражила ее еще больше, чѣмъ Петра Андреича: она взялась проучить выскочку, и Маланья Сергѣевна съ перваго же часа стала ея рабой. Да и гдѣ-жъ ей было бороться съ самовольной, надменной Глафирой, ей, безотвѣтной, постоянно смущенной и запуганной, слабой здоровьемъ? Дня не проходило, чтобъ Глафира не напомнила ей прежняго ея положенія, не похвалила бы ее за то, что она не забывается. Маланья Сергѣевна охотно помирилась бы на этихъ напоминовеніяхъ и похвалахъ, какъ горьки онѣ ни были.... но Ѳедю у нея отняли: вотъ что ее сокрушало. Подъ предлогомъ, что она не въ состояніи заниматься его воспитаніемъ, ее почти не допускали до него; Глафира взялась за это дѣло; ребенокъ

Digitized by Google

поступилъ въ ея полное распоряженіе. Маланья Сергѣевна съ горя начала въ своихъ письмахъ умолять Ивана Петровича, чтобы онъ вернулся поскорѣе; самъ Петръ Андреичъ желалъ видѣть своего сына; но онъ все только отписывался, благодарилъ отца за жену, за присылаемыя деньги, обѣщалъ пріѣхать вскорѣ,—и не ѣхалъ. Двѣнадцатый годъ вызвалъ его наконецъ изъ-за границы. Увидавшись въ первый разъ послѣ шестилѣтней разлуки, отецъ съ сыномъ обнялись и даже словомъ не помянули о прежнихъ раздорахъ; не до того было тогда: вся Россія поднималась на врага, и оба они почувствовали, что русская кровь течетъ въ ихъ жилахъ. Петръ Андреичъ на свой счетъ одѣлъ цѣлый полкъ ратниковъ. Но война кончилась, опасность миновалась; Иванъ Петровичъ опять заскучалъ, опять потянуло его въ даль, въ тотъ міръ, съ которымъ онъ сросся и гдѣ чувствовалъ себя дома. Маланья Сергѣевна не могла удержать его; она слишкомъ мало для него значила. Даже надежды ея не сбылись: мужъ ея также нашелъ, что гораздо приличнѣе поручить Глафирѣ воспитаніе Ѳеди. Бѣдная жена Ивана Петровича не перенесла этого удара, не перенесла вторичной разлуки: безропотно, въ нѣсколько дней угасла она. Въ теченіе всей своей жизни не умѣла она ничему сопротивляться, и съ недугомъ она не боролась. Она уже не могла говорить, уже могильныя тѣни ложились на ея лицо, но черты ея по-прежнему выражали терпѣливое недоумѣніе и постоянную кротость смиренія; съ той же нѣмой покорностью глядѣла она на Глафиру, и, какъ Анна Павловна на смертномъ одрѣ поцѣловала руку Петра Андреича, такъ и она приложилась къ Глафириной рукѣ, поручая ей, Глафирѣ, своего единственнаго сына. Такъ кончило свое земное поприще тихое и доброе существо, Богъ знаетъ зачѣмъ выхваченное изъ родной почвы и

Digitized by Google

тотчасъ же брошенное, какъ вырванное деревцо, корнями на солнце; оно увяло, оно пропало безъ слѣда, это существо, и никто не горевалъ о немъ. Пожалѣли о Маланьѣ Сергѣевнѣ ея горничныя, да еще Петръ Андреичъ. Старику недоставало ея молчаливаго присутствія. «Прости—прощай, моя безотвѣтная!» прошепталъ онъ, кланяясь ей въ послѣдній разъ, въ церкви. Онъ плакалъ, бросая горсть земли въ ея могилу.

Онъ самъ не долго пережилъ ее, не болѣе пяти лѣтъ. Зимой 1819 года, онъ тихо скончался въ Москвѣ, куда переѣхалъ съ Глафирой и внукомъ, и завѣщалъ похоронить себя рядомъ съ Анной Павловной, да съ «Малашей». Иванъ Петровичъ находился тогда въ Парижѣ, для своего удовольствія; онъ вышелъ въ отставку скоро послѣ 1815 года. Узнавъ о смерти отца, онъ рѣшился возвратиться въ Россію. Надобно было подумать объ устройствѣ имѣнія, да и Ѳедѣ, по письму Глафиры, минуло двѣнадцать лѣтъ, и наступило время серьезно заняться его воспитаніемъ.

## X.

Иванъ Петровичъ вернулся въ Россію англоманомъ. Коротко остриженные волосы, накрахмаленное жабо, долгополый гороховый сюртукъ со множествомъ воротничковъ, кислое выраженіе лица, что-то рѣзкое и вмѣстѣ равнодушное въ обращеніи, произношеніе сквозь зубы, деревянный внезапный хохотъ, отсутствіе улыбки, исключительно политическій и политико-экономическій разговоръ, страсть къ кровавымъ ростбифамъ и портвейну—все въ немъ такъ и вѣяло Великобританіей; весь онъ казался пропитанъ ея духомъ. Но — чудное дѣло! превратившись въ англомана, Иванъ Петровичъ сталъ въ

Digitized by Google

то же время патріотомъ, по крайней мѣрѣ онъ называлъ себя патріотомъ, хотя Россію зналъ плохо, не придерживался ни одной русской привычки и по-русски изъяснялся странно: въ обыкновенной бесѣдѣ рѣчь его, неповоротливая и вялая, вся пестрѣла галлицизмами; но чуть разговоръ касался предметовъ важныхъ, у Ивана Петровича тотчасъ являлись выраженія въ родѣ: «оказать новые опыты самоусердія», «сіе не согласуется съ самою натурою обстоятельства» и т. д. Иванъ Петровичъ привезъ съ собою нѣсколько рукописныхъ плановъ, касавшихся до устройства и улучшенія государства; онъ очень былъ недоволенъ всѣмъ, что видѣлъ, — отсутствіе системы въ особенности возбуждало его желчь. При свиданіи съ сестрою, онъ съ первыхъ же словъ объявилъ ей, что намѣренъ ввести коренныя преобразованія, что впредь у него все будетъ идти по новой системѣ. Глафира Петровна ничего не отвѣчала Ивану Петровичу, только зубы стиснула и подумала: «куда же я-то дѣнусь?» — Впрочемъ, пріѣхавши въ деревню вмѣстѣ съ братомъ и племянникомъ, она скоро успокоилась. Въ домѣ точно произошли нѣкоторыя перемѣны: приживальщики и тунеядцы подверглись немедленному изгнанію; въ числѣ ихъ пострадали двѣ старухи, одна — слѣпая, другая — разбитая параличемъ, да еще дряхлый майоръ Очаковскихъ временъ, котораго, по причинѣ его дѣйствительно-замѣчательной жадности, кормили однимъ чернымъ хлѣбомъ да чечевицей. Также вышелъ приказъ не принимать прежнихъ гостей: всѣхъ ихъ замѣнилъ дальній сосѣдъ, какой-то бѣлокурый золотушный баронъ, очень хорошо воспитанный и очень глупый человѣкъ. Появилась новая мебель изъ Москвы: завелись плевательницы, колокольчики, умывальные столики; завтракъ сталъ иначе подаваться; иностранныя вина изгнали водки и наливки: людямъ по-

Digitized by Google

шили новыя ливреи; къ фамильному гербу прибавилась подпись: «in recto virtus»... Въ сущности же власть Глафиры нисколько не уменьшилась: всѣ выдачи, покупки, по прежнему, отъ нея зависѣли; вывезенный изъ-за границы камердинеръ изъ эльзасцевъ попытался-было съ нею потягаться, — и лишился мѣста, несмотря на то, что баринъ ему покровительствовалъ. Что же до хозяйства, до управленія имѣніями (Глафира Петровна входила и въ эти дѣла), то, несмотря на неоднократно выраженное Иваномъ Петровичемъ намѣреніе: вдохнуть новую жизнь въ этотъ хаосъ, — все осталось по старому, только оброкъ кой-гдѣ прибавился, да барщина стала потяжелѣе, да мужикамъ запретили обращаться прямо къ Ивану Петровичу. Патріотъ очень ужъ презиралъ своихъ согражданъ. Система Ивана Петровича въ полной силѣ своей примѣнена была только къ Ѳедѣ: воспитаніе его дѣйствительно подверглось «коренному преобразованію»: отецъ исключительно занялся имъ.

## XI.

До возвращенія Ивана Петровича изъ-за границы, Ѳедя находился, какъ уже сказано, на рукахъ Глафиры Петровны. Ему не было восьми лѣтъ, когда мать его скончалась; онъ видѣлъ ее не каждый день и полюбилъ ее страстно: память о ней, объ ея тихомъ и блѣдномъ лицѣ, объ ея унылыхъ взглядахъ и робкихъ ласкахъ на вѣки запечатлѣлась въ его сердцѣ; но онъ смутно понималъ ея положеніе въ домѣ; онъ чувствовалъ, что между нимъ и нею существовала преграда, которую она не смѣла и не могла разрушить. Отца онъ дичился, да и самъ Иванъ Петровичъ никогда не ласкалъ его; дѣдушка изрѣдка гладилъ его по головкѣ и допускалъ къ рукѣ, но называлъ и считалъ ду-

Digitized by Google

рачкомъ. Послѣ смерти Маланьи Сергѣевны, тетка окончательно забрала его въ руки. Ѳедя боялся ея, боялся ея свѣтлыхъ и зоркихъ глазъ, ея рѣзкаго голоса; онъ не смѣлъ пикнуть при ней; бывало, онъ только-что зашевелится на своемъ стулѣ, ужъ она и шипитъ: «куда? сиди смирно». По воскресеньямъ, послѣ обѣдни, позволяли ему играть, то-есть, давали ему толстую книгу, таинственную книгу, сочиненіе нѣкоего Максимовича-Амбодика, подъ заглавіемъ: «Символы и Эмблемы». Въ этой книгѣ помѣщалось около тысячи частью весьма загадочныхъ рисунковъ, съ столь же загадочными толкованіями на пяти языкахъ. Купидонъ съ голымъ и пухлымъ тѣломъ игралъ большую роль въ этихъ рисункахъ. Къ одному изъ нихъ, подъ названіемъ: «Шафранъ и Радуга» относилось толкованіе: «дѣйствіе сего есть большее»; противъ другого, изображавшаго «Цаплю, летящую съ фіалковымъ цвѣткомъ во рту», стояла надпись: «Тебѣ всѣ они суть извѣстны».—«Купидонъ и медвѣдь, лижущій своего медвѣженка», означали: «Мало-по-малу». Ѳедя разсматривалъ эти рисунки; всѣ были ему знакомы до малѣйшихъ подробностей; нѣкоторые, всегда одни и тѣ же, заставляли его задумываться и будили его воображеніе; другихъ развлеченій онъ не зналъ. Когда наступила пора учить его языкамъ и музыкѣ, Глафира Петровна наняла за безцѣнокъ старую дѣвицу, шведку съ заячьими глазами, которая съ грѣхомъ пополамъ говорила по-французски и по-нѣмецки, кое-какъ играла на фортепьяно, да сверхъ того отлично солила огурцы. Въ обществѣ этой наставницы, тетки, да старой сѣнной дѣвушки, Васильевны, провелъ Ѳедя цѣлыхъ четыре года. Бывало, сидитъ онъ въ уголку съ своими «Эмблемами»—сидитъ.... сидитъ; въ низкой комнатѣ пахнетъ гераніумомъ, тускло горитъ одна сальная свѣчка, сверчокъ трещитъ однообразно, словно скучаетъ, маленькіе стѣнные

Digitized by Google

часы торопливо чикаютъ на стѣнѣ, мышь украдкой скребется и грызетъ за обоями, а три старыя дѣвы, словно Парки, молча и быстро шевелятъ спицами, тѣни отъ рукъ то бѣгаютъ, то странно дрожатъ въ полутьмѣ, и странныя, также полутемныя мысли роятся въ головѣ ребенка. Никто бы не назвалъ Ѳедю интереснымъ дитятей: онъ былъ довольно блѣденъ, но толстъ, нескладно сложенъ и неловокъ, — настоящій мужикъ, по выраженію Глафиры Петровны; блѣдность скоро бы изчезла съ его лица, если-бъ его почаще выпускали на воздухъ. Учился онъ порядочно, хотя часто лѣнился; онъ никогда не плакалъ; за то по-временамъ находило на него дикое упрямство; тогда уже никто не могъ съ нимъ сладить. Ѳедя не любилъ никого изъ окружавшихъ его.... Горе сердцу, не любившему съ-молоду!

Такимъ-то нашелъ его Иванъ Петровичъ и, не теряя времени, принялся примѣнять къ нему свою систему. — «Я изъ него хочу сдѣлать человѣка прежде всего, un homme, сказалъ онъ Глафирѣ Петровнѣ: — и не только человѣка, но спартанца». Исполненіе своего намѣренія Иванъ Петровичъ началъ съ того, что одѣлъ сына по-шотландски; двѣнадцатилѣтній малый сталъ ходить съ обнаженными икрами и съ пѣтушьимъ перомъ на складномъ картузѣ; шведку замѣнилъ молодой швейцарецъ, изучившій гимнастику до совершенства; музыку, какъ занятіе недостойное мужчины, изгнали навсегда; естественныя науки, международное право, математика, столярное ремесло, по совѣту Жанъ-Жака Руссо, и геральдика, для поддержанія рыцарскихъ чувствъ,—вотъ чѣмъ долженъ былъ заниматься будущій «человѣкъ»; его будили въ четыре часа утра, тотчасъ окачивали холодною водой и заставляли бѣгать вокругъ высокаго столба на веревкѣ; ѣлъ онъ разъ въ день по одному блюду, ѣздилъ верхомъ, стрѣ-

Digitized by Google

лялъ изъ арбалета; при всякомъ удобномъ случаѣ упражнялся, по примѣру родителя, въ твердости воли и каждый вечеръ вносилъ въ особую книгу отчетъ прошедшаго дня и свои впечатлѣнія; а Иванъ Петровичъ, съ своей стороны, писалъ ему наставленія по-французски, въ которыхъ онъ называлъ его: mon fils, и говорилъ ему: vous. По-русски Ѳедя говорилъ отцу: ты, но въ его присутствіи не смѣлъ садиться. «Система» сбила съ толку мальчика, поселила путаницу въ его головѣ, притиснула ее; но за то на его здоровье новый образъ жизни благодѣтельно подѣйствовалъ: сначала онъ схватилъ горячку, но вскорѣ оправился и сталъ молодцомъ. Отецъ гордился и называлъ его на своемъ странномъ нарѣчіи: «сынъ натуры, произведеніе мое». Когда Ѳедѣ минулъ шестнадцатый годъ, Иванъ Петровичъ почелъ за долгъ заблаговременно поселить въ него презрѣніе къ женскому полу, — и молодой спартанецъ, съ робостью на душѣ, съ первымъ пухомъ на губахъ, полный соковъ, силъ и крови, уже старался казаться равнодушнымъ, холоднымъ и грубымъ.

Между тѣмъ время шло да шло. Иванъ Петровичъ бо́льшую часть года проводилъ въ Лаврикахъ (такъ называлось главное его родовое имѣніе), а по зимамъ пріѣзжалъ въ Москву одинъ, останавливался въ трактирѣ, прилежно посѣщалъ клубъ, ораторствовалъ и развивалъ свои планы въ гостиныхъ и болѣе чѣмъ когда-либо держался англоманомъ, брюзгой и государственнымъ человѣкомъ. Но насталъ 1825 годъ и много принесъ съ собою горя. Близкіе знакомые и пріятели Ивана Петровича подверглись тяжкимъ испытаніямъ. Иванъ Петровичъ поспѣшилъ удалиться въ деревню и заперся въ своемъ домѣ. Прошелъ еще годъ, и Иванъ Петровичъ вдругъ захилѣлъ, ослабѣлъ, опустился; здоровье ему измѣнило. Вольнодумецъ — началъ ходить въ церковь и заказывать молебны;

Digitized by Google

европеецъ—сталъ париться въ банѣ, обѣдать въ два часа, ложиться въ девять, засыпать подъ болтовню стараго дворецкаго; государственный человѣкъ — сжегъ всѣ свои планы, всю переписку, трепеталъ передъ губернаторомъ и егозилъ передъ исправникомъ; человѣкъ съ закаленною волей — хныкалъ и жаловался, когда у него вскакивалъ вередъ, когда ему подавали тарелку холоднаго супу. Глафира Петровна опять завладѣла всѣмъ въ домѣ; опять начали ходить съ задняго крыльца прикащики, бурмистры, простые мужики къ «старой колотовкѣ»,—такъ прозывали ее дворовые люди. Перемѣна въ Иванѣ Петровичѣ сильно поразила его сына; ему уже пошелъ девятнадцатый годъ, и онъ начиналъ размышлять и высвобождаться изъ-подъ гнета давившей его руки. Онъ и прежде замѣчалъ разладицу между словами и дѣлами отца, между его широкими либеральными теоріями и черствымъ, мелкимъ деспотизмомъ; но онъ не ожидалъ такого крутого перелома. Застарѣлый эгоистъ вдругъ выказался весь. Молодой Лаврецкій собирался ѣхать въ Москву, подготовиться въ университетъ,—неожиданное, новое бѣдствіе обрушилось на голову Ивана Петровича: онъ ослѣпъ, и ослѣпъ безнадежно, въ одинъ день.

Не довѣряя искусству русскихъ врачей, онъ сталъ хлопотать о позволеніи отправиться за границу. Ему отказали. Тогда онъ взялъ съ собою сына и цѣлыхъ три года проскитался по Россіи отъ одного доктора къ другому, безпрестанно переѣзжая изъ города въ городъ и приводя въ отчаяніе врачей, сына, прислугу, своимъ малодушіемъ и нетерпѣніемъ. Совершенной тряпкой, плаксивымъ и капризнымъ ребенкомъ воротился онъ въ Лаврики. Наступили горькіе денёчки, натерпѣлись отъ него всѣ. Иванъ Петровичъ утихалъ только, пока обѣдалъ; никогда онъ такъ жадно и такъ много не ѣлъ: все ос-



Digitized by Google

тальное время онъ ни себѣ, ни другимъ не давалъ покоя. Онъ молился, роптал на судьбу, бранилъ себя, бранилъ политику, свою систему, бранилъ все, чѣмъ хвастался и кичился, все, что ставилъ нѣкогда сыну въ образецъ; твердилъ, что ни во что не вѣритъ, и молился снова; не выносилъ ни одного мгновенья одиночества и требовалъ отъ своихъ домашнихъ, чтобъ они постоянно днемъ и ночью сидѣли возлѣ его креселъ и занимали его разсказами, которые онъ то и дѣло прерывалъ восклицаніями: «вы все врете,—экая чепуха!»

Особенно доставалось Глафирѣ Петровнѣ; онъ рѣшительно не могъ обойдтись безъ нея — и она до конца исполняла всѣ прихоти больного, хотя иногда не тотчасъ рѣшалась отвѣчать ему, чтобы звукомъ голоса не выдать душившей ее злобы. Такъ проскрипѣлъ онъ еще два года и умеръ въ первыхъ числахъ мая, вынесенный на балконъ, на солнце. «Глаша, Глашка! буліонцу, буліонцу, старая дур...» пролепеталъ его коснѣющій языкъ и, не договоривъ послѣдняго слова, умолкъ на вѣки. Глафира Петровна, которая только-что выхватила чашку буліону изъ рукъ дворецкаго, остановилась, посмотрѣла брату въ лицо, медленно, широко перекрестилась и удалилась молча; а тутъ же находившійся сынъ тоже ничего не сказалъ, оперся на перила балкона и долго глядѣлъ въ садъ, весь благовонный и зеленый, весь блестѣвшій въ лучахъ золотого весенняго солнца. Ему было двадцать-три года; какъ страшно, какъ незамѣтно скоро промелькнули эти двадцать-три года!... Жизнь открывалась передъ нимъ.

## XII.

Схоронивъ отца и поручивъ той же неизмѣнной Глафирѣ Петровнѣ завѣдываніе хозяйствомъ и надзоръ за

Digitized by Google

прикащиками, молодой Лаврецкій отправился въ Москву, куда влекло его темное, но сильное чувство. Онъ сознавалъ недостатки своего воспитанія и вознамѣрился по возможности воротить упущенное. Въ послѣднія пять лѣтъ онъ много прочелъ и кое-что увидѣлъ; много мыслей перебродило въ его головѣ; любой профессоръ позавидовалъ бы нѣкоторымъ его познаніямъ, но въ то же время онъ не зналъ многаго, что каждому гимназисту давнымъ-давно извѣстно. Лаврецкій сознавалъ, что онъ не свободенъ; онъ втайнѣ чувствовалъ себя чудакомъ. Недобрую шутку сыгралъ англоманъ съ своимъ сыномъ; капризное воспитаніе принесло свои плоды. Долгіе годы онъ безотчетно смирялся передъ отцомъ своимъ; когда же наконецъ онъ разгадалъ его, дѣло уже было сдѣлано, привычки вкоренились. Онъ не умѣлъ сходиться съ людьми: двадцатитрехъ лѣтъ отъ роду, съ неукротимой жаждой любви въ пристыженномъ сердцѣ, онъ еще ни одной женщинѣ не смѣлъ взглянуть въ глаза. При его умѣ, ясномъ и здравомъ, но нѣсколько тяжеломъ, при его наклонности къ упрямству, созерцанію и лѣни, ему бы слѣдовало съ раннихъ лѣтъ попасть въ жизненный водоворотъ, а его продержали въ искусственномъ уединеніи.... И вотъ заколдованный кругъ расторгся, а онъ продолжалъ стоять на одномъ мѣстѣ, замкнутый и сжатый въ самомъ себѣ. Смѣшно было въ его года надѣть студентскій мундиръ; но онъ не боялся насмѣшекъ: его спартанское воспитаніе хоть на то пригодилось, что развило въ немъ пренебреженіе къ чужимъ толкамъ, — и онъ надѣлъ, не смущаясь, студентскій мундиръ. Онъ поступилъ въ физико-математическое отдѣленіе. Здоровый, краснощекій, уже съ заросшей бородой, молчаливый, онъ производилъ странное впечатлѣніе на своихъ товарищей; они не подозрѣвали того, что въ этомъ суровомъ мужѣ, аккуратно



Digitized by Google

пріѣзжавшемъ на лекціи въ широкихъ деревенскихъ саняхъ парой, таился чуть не ребенокъ. Онъ имъ казался какимъ-то мудренымъ педантомъ; они въ немъ не нуждались и не искали въ немъ, онъ избѣгалъ ихъ. Въ теченіи первыхъ двухъ лѣтъ, проведенныхъ имъ въ университетѣ, онъ сблизился только съ однимъ студентомъ, у котораго бралъ уроки латинскаго языка. Студентъ этотъ, по имени Михалевичъ, энтузіастъ и стихотворецъ, искренно полюбилъ Лаврецкаго и совершенно случайно сталъ виновникомъ важной перемѣны въ его судьбѣ.

Однажды, въ театрѣ (Мочаловъ находился тогда на высотѣ своей славы, и Лаврецкій не пропускалъ ни одного представленія) увидѣлъ онъ въ ложѣ бель-этажа дѣвушку, — и хотя ни одна женщина не проходила мимо его угрюмой фигуры, не заставивъ дрогнуть его сердце, никогда еще оно такъ сильно не забилось. Облокотясь на бархатъ ложи, дѣвушка не шевелилась; чуткая, молодая жизнь играла въ каждой чертѣ ея смуглаго, круглаго, миловиднаго лица; изящный умъ сказывался въ прекрасныхъ глазахъ, внимательно и мягко глядѣвшихъ изъ-подъ тонкихъ бровей, въ быстрой усмѣшкѣ выразительныхъ губъ, въ самомъ положеніи ея головы, рукъ, шеи; одѣта она была прелестно. Рядомъ съ нею сидѣла сморщенная и желтая женщина лѣтъ 45, декольте, въ черномъ токѣ, съ беззубою улыбкой на напряженно-озабоченномъ и пустомъ лицѣ, а въ углубленіи ложи виднѣлся пожилой мужчина, въ широкомъ сюртукѣ и высокомъ галстухѣ, съ выраженіемъ тупой величавости и какой-то заискивающей подозрительности въ маленькихъ глазкахъ, съ крашеными усами и бакенбардами, незначительнымъ огромнымъ лбомъ и измятыми щеками, по всѣмъ признакамъ отставной генералъ. Лаврецкій не отводилъ взоры отъ поразившей его дѣвушки; вдругъ дверь ложи отворилась и вошелъ

Digitized by Google

Михалевичъ. Появленіе этого человѣка, почти единственнаго его знакомаго во всей Москвѣ, появленіе его въ обществѣ единственной дѣвушки, поглотившей все его вниманіе, показалось Лаврецкому знаменательно и странно. Продолжая посматривать на ложу, онъ замѣтилъ, что всѣ находившіяся въ ней лица обращались съ Михалевичемъ, какъ съ стариннымъ пріятелемъ. Представленіе на сценѣ переставало занимать Лаврецкаго; самъ Мочаловъ, хотя и былъ въ тотъ вечеръ «въ ударѣ», не производилъ на него обычнаго впечатлѣнія. Въ одномъ очень патетическомъ мѣстѣ Лаврецкій невольно взглянулъ на свою красавицу: она вся наклонилась впередъ, щеки ея пылали; подъ вліяніемъ его упорнаго взора, глаза ея, устремленные на сцену, медленно обратились и остановились на немъ.... Всю ночь мерещились ему эти глаза. Прорвалась наконецъ искусственно возведенная плотина: онъ и дрожалъ, и горѣлъ, и на другой же день отправился къ Михалевичу. Онъ узналъ отъ него, что красавицу звали Варварой Павловной Коробьиной; что старикъ и старуха, сидѣвшіе съ ней въ ложѣ, были отецъ ея и мать, и что самъ онъ, Михалевичъ, познакомился съ ними годъ тому назадъ, во время своего пребыванія въ подмосковной на «кондиціи» у графа Н. Съ величайшей похвалой отозвался энтузіастъ о Варварѣ Павловнѣ. — Это, братъ ты мой, воскликнулъ онъ со свойственною ему порывистой пѣвучестью въ голосѣ, — эта дѣвушка — изумительное, геніальное существо, артистка въ настоящемъ смыслѣ слова, и притомъ предобрая. Замѣтивъ изъ разспросовъ Лаврецкаго, какое впечатлѣніе произвела на него Варвара Павловна, онъ самъ предложилъ ему познакомить его съ нею, прибавивъ, что онъ у нихъ, какъ свой; что генералъ человѣкъ совсѣмъ не гордый, а мать такъ глупа, что только тряпки не сосетъ.

Digitized by Google

Лаврецкій покраснѣлъ, пробормоталъ что-то невнятное и убѣжалъ. Цѣлыхъ пять дней боролся онъ съ своею робостью; на шестой день молодой спартанецъ надѣлъ новенькій мундиръ и отдался въ распоряженіе Михалевича, который, будучи своимъ человѣкомъ, ограничился тѣмъ, что причесалъ себѣ волосы,—и оба отправились къ Коробьинымъ.

## XIII.

Отецъ Варвары Павловны, Павелъ Петровичъ Коробьинъ, генералъ-маіоръ въ отставкѣ, весь свой вѣкъ провелъ въ Петербургѣ на службѣ, слылъ въ молодости ловкимъ танцоромъ и фрунтовикомъ, находился, по бѣдности, адъютантомъ при двухъ-трехъ невзрачныхъ генералахъ, женился на дочери одного изъ нихъ, взявъ тысячъ двадцать-пять приданаго, до тонкости постигъ всю премудрость ученій и смотровъ; тянулъ, тянулъ лямку и, наконецъ, годиковъ черезъ двадцать, добился генеральскаго чина, получилъ полкъ. Тутъ бы ему отдохнуть и упрочить, не спѣша, свое благосостояніе; онъ на это и разсчитывалъ, да немножко неосторожно повелъ дѣло: онъ придумалъ было новое средство пустить въ оборотъ казенныя деньги, — средство оказалось отличное, но онъ не вóвремя поскупился: на него донесли; вышла болѣе чѣмъ непріятная, вышла скверная исторія. Кое-какъ отвертѣлся генералъ отъ исторіи, но карьера его лопнула: ему посовѣтовали выйдти въ отставку. Года два потолкался онъ еще въ Петербургѣ, въ надеждѣ, не наскочитъ ли на него тепленькое статское мѣсто; но мѣсто на него не наскакивало; дочь вышла изъ института, расходы увеличивались съ каждымъ днемъ.... Скрѣпя сердце, рѣшился онъ переѣхать въ Москву на дешевые хлѣба́, наялъ въ Ста-

Digitized by Google

рой Конюшенной крошечный, низенькій домъ съ саженнымъ гербомъ на крышѣ, и зажилъ московскимъ отставнымъ генераломъ, тратя 2750 руб. въ годъ. Москва — городъ хлѣбосольный, рада принимать встрѣчныхъ и поперечныхъ, а генераловъ и подавно; грузная, но не безъ военной выправки, фигура Павла Петровича скоро стала появляться въ лучшихъ московскихъ гостиныхъ. Его голый затылокъ, съ косицами крашеныхъ волосъ и засаленной анненской лентой на галстухѣ цвѣта воронова крыла, сталъ хорошо извѣстенъ всѣмъ скучливымъ и блѣднымъ юношамъ, угрюмо скитающимся во время танцевъ вокругъ игорныхъ столовъ. Павелъ Петровичъ съумѣлъ поставить себя въ обществѣ; говорилъ мало, но, по старой привычкѣ, въ носъ,—конечно, не съ лицами чиновъ высшихъ; осторожно игралъ въ карты, дома ѣлъ умѣренно, а въ гостяхъ за шестерыхъ. О женѣ его почти нечего сказать: звали ее Калліопой Карловной; изъ лѣваго ея глаза сочилась слезинка, въ силу чего Калліопа Карловна (притомъ же она была нѣмецкаго происхожденія) сама считала себя за чувствительную женщину; она постоянно чего-то все боялась, словно не доѣла, и носила узкія бархатныя платья, токъ и тусклые дутые браслеты. Единственной дочери Павла Петровича и Калліопы Карловны, Варварѣ Павловнѣ, только-что минулъ семнадцатый годъ, когда она вышла изъ .....скаго института, гдѣ считалась, если не первою красавицей, то ужъ навѣрное первою умницей и лучшею музыкантшей, и гдѣ получила шифръ; ей еще девятнадцати лѣтъ не было, когда Лаврецкій увидалъ ее въ первый разъ.

## XIV.

Ноги подкашивались у спартанца, когда Михалевичъ ввелъ его въ довольно плохо убранную гостиную Ко-

Digitized by Google

робьиныхъ и представилъ хозяевамъ. Но овладѣвшее имъ чувство робости скоро изчезло: въ генералѣ врожденное всѣмъ русскимъ добродушіе еще усугублялось тою особеннаго рода привѣтливостью, которая свойственна всѣмъ, немного замараннымъ, людямъ; генеральша какъ-то скоро стушевалась; что же касается до Варвары Павловны, то она такъ была спокойна и самоувѣренно-ласкова, что всякій въ ея присутствіи тотчасъ чувствовалъ себя какъ бы дома; притомъ, отъ всего ея плѣнительнаго тѣла, отъ улыбавшихся глазъ, отъ невинно-покатыхъ плечей и блѣдно-розовыхъ рукъ, отъ легкой и въ то же время какъ бы усталой походки, отъ самаго звука ея голоса, замедленнаго, сладкаго,—вѣяло неуловимой, какъ тонкій запахъ, вкрадчивой прелестью, мягкой, пока еще стыдливой, нѣгой, чѣмъ-то такимъ, что̀ словами передать трудно, но что трогало и возбуждало, — и уже, конечно, возбуждало не робость. Лаврецкій навелъ рѣчь на театръ, на вчерашнее представленіе; она тотчасъ сама заговорила о Мочаловѣ и не ограничилась одними восклицаніями и вздохами, но произнесла нѣсколько вѣрныхъ и женски-проницательныхъ замѣчаній на счетъ его игры. Михалевичъ упомянулъ о музыкѣ; она, не чинясь, сѣла за фортепьяно и отчетливо сыграла нѣсколько Шопеновскихъ мазурокъ, тогда только-что входившихъ въ моду. Насталъ часъ обѣда; Лаврецкій хотѣлъ удалиться, но его удержали; за столомъ генералъ подчивалъ его хорошимъ лафитомъ, за которымъ генеральскій лакей на извощикѣ скакалъ къ Депре. Поздно вечеромъ вернулся Лаврецкій домой и долго сидѣлъ, не раздѣваясь и закрывъ глаза рукою, въ оцѣпенѣніи очарованія. Ему казалось, что онъ теперь только понималъ, для чего стоитъ жить; всѣ его предположенія, намѣренія, весь этотъ вздоръ и прахъ, изчезли разомъ; вся душа его слилась въ одно чувство, въ одно желаніе,

Digitized by Google

въ желаніе счастья, обладанія, любви, сладкой женской любви. Съ того дня онъ часто сталъ ходить къ Коробьинымъ. Полгода спустя, онъ объяснился Варварѣ Павловнѣ и предложилъ ей свою руку. Предложеніе его было принято; генералъ давнымъ-давно, чуть ли не наканунѣ перваго посѣщенія Лаврецкаго, спросилъ у Михалевича, сколько у него, Лаврецкаго, душъ; да и Варварѣ Павловнѣ, которая во все время ухаживанія молодого человѣка и даже въ самое мгновеніе признанія, сохранила обычную безмятежность и ясность души, и Варварѣ Павловнѣ хорошо было извѣстно, что женихъ ея богатъ; а Калліопа Карловна подумала: meine Tochter macht eine schöne Partie—и купила себѣ новый токъ.

## XV.

Итакъ, предложеніе его было принято, но съ нѣкоторыми условіями. Во-первыхъ, Лаврецкій долженъ былъ немедленно оставить университетъ: кто-жъ выходитъ за студента, да и что за странная мысль—помѣщику, богатому, въ 26 лѣтъ, брать уроки, какъ школьнику? Во-вторыхъ, Варвара Павловна взяла на себя трудъ заказать и закупить приданое, выбрать даже жениховы подарки. У ней было много практическаго смысла, много вкуса и очень много любви къ комфорту, много умѣнья доставлять себѣ этотъ комфортъ. Это умѣнье особенно поразило Лаврецкаго, когда, тотчасъ послѣ свадьбы, онъ вдвоемъ съ женою отправился въ удобной, ею купленной каретѣ, въ Лаврики. Какъ все, что̀ окружало его, было обдумано, предугадано, предусмотрѣно Варварой Павловной! Какіе появились въ разныхъ уютныхъ уголкахъ прелестные дорожные нессесеры, какіе восхитительные туалетные ящики и кофейники, и какъ мило Варвара Павлов-

Digitized by Google

на сама варила кофе по утрамъ! Впрочемъ, Лаврецкому было тогда не до наблюденій: онъ блаженствовалъ, упивался счастіемъ; онъ предавался ему, какъ дитя.... Онъ и былъ невиненъ, какъ дитя, этотъ юный Алкидъ. Недаромъ вѣяло прелестью отъ всего существа его молодой жены; недаромъ сулила она чувству тайную роскошь неизвѣданныхъ наслажденій: она сдержала больше, чѣмъ сулила. Пріѣхавши въ Лаврики, въ самый разгаръ лѣта, она нашла домъ грязнымъ и темнымъ, прислугу смѣшною и устарѣлою, но не почла за нужное даже намекнуть о томъ мужу. Если бы она располагала основаться въ Лавриках, она бы все въ нихъ передѣлала, начиная, разумѣется, съ дома; но мысль остаться въ этомъ степномъ захолустьѣ ни на мигъ не приходила ей въ голову; она жила въ немъ, какъ въ палаткѣ, кротко перенося всѣ неудобства и забавно подтрунивая надъ ними. Марѳа Тимоѳеевна пріѣхала повидаться съ своимъ воспитанникомъ; она очень понравилась Варварѣ Павловнѣ, но ей Варвара Павловна не понравилась. Съ Глафирой Петровной новая хозяйка тоже не поладила; она бы ее оставила въ покоѣ, но старику Коробьину захотѣлось запустить руки въ дѣла зятя: управлять имѣніемъ такого близкаго родственника, говорилъ онъ, не стыдно даже генералу. Полагать должно, что Павелъ Петровичъ не погнушался бы заняться имѣніемъ и вовсе чуждаго ему человѣка. Варвара Павловна повела свою атаку весьма искусно: не выдаваясь впередъ, повидимому вся погруженная въ блаженство медовыхъ мѣсяцевъ, въ деревенскую тихую жизнь, въ музыку и чтеніе, она по-немногу довела Глафиру до того, что та въ одно утро вбѣжала, какъ бѣшеная, въ кабинетъ Лаврецкаго и, швырнувъ связку ключей на столъ, объявила, что не въ силахъ больше заниматься хозяйствомъ и не хочетъ оставаться въ деревнѣ. Надлежащимъ

Digitized by Google

образомъ подготовленный Лаврецкій тотчасъ согласился на ея отъѣздъ. Этого Глафира Петровна не ожидала. «Хорошо—сказала она, и глаза ея потемнѣли,—я вижу, что я здѣсь лишняя! знаю, кто меня отсюда гонитъ, съ родового моего гнѣзда. Только ты помяни мое слово, племянникъ: не свить же и тебѣ гнѣзда нигдѣ, скитаться тебѣ вѣкъ. Вотъ тебѣ мой завѣтъ». Въ тотъ же день она удалилась въ свою деревеньку, а черезъ недѣлю прибылъ генералъ Коробынъ и, съ пріятною меланхоліей во взглядахъ и движеніяхъ, принялъ управленіе всѣмъ имѣніемъ на свои руки.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ Варвара Павловна увезла своего мужа въ Петербургъ. Двѣ зимы провела она въ Петербургѣ (на лѣто они переселялись въ Царское Село) въ прекрасной, свѣтлой, изящно меблированной квартирѣ; много завели они знакомствъ въ среднихъ и даже высшихъ кругахъ общества, много выѣзжали и принимали, давали прелестнѣйшія музыкальныя и танцовальныя вечеринки. Варвара Павловна привлекала гостей, какъ огонь бабочекъ. Ѳедору Иванычу не совсѣмъ-то нравилась такая разсѣянная жизнь. Жена совѣтовала ему вступить на службу; онъ, по старой отцовской памяти, да и по своимъ понятіямъ, не хотѣлъ служить, но въ угоду Варварѣ Павловнѣ оставался въ Петербургѣ. Впрочемъ, онъ скоро догадался, что никто не мѣшалъ ему уединиться, что не даромъ у него самый покойный и уютный кабинетъ во всемъ Петербургѣ, что заботливая жена даже готова помочь ему уединяться,—и съ тѣхъ поръ все пошло прекрасно. Онъ принялся опять за собственное, по его мнѣнію недоконченное, воспитаніе, опять сталъ читать, приступилъ даже къ изученію англійскаго языка. Странно было видѣть его могучую, широко-плечую фигуру, вѣчно согнутую надъ письменнымъ столомъ, его полное, воло-

Digitized by Google

сатое, румяное лицо, до половины закрытое листами словаря или тетради. Каждое утро онъ проводилъ за работой, обѣдалъ отлично (Варвара Павловна была хозяйка хоть куда), а по вечерамъ вступалъ въ очаровательный, пахучій, свѣтлый міръ, весь населенный молодыми веселыми лицами,—и средоточіемъ этого міра была также рачительная хозяйка, его жена. Она порадовала его рожденіемъ сына, но бѣдный мальчикъ жилъ недолго; онъ умеръ весной, а лѣтомъ, по совѣту врачей, Лаврецкій повезъ жену за границу, на воды. Разсѣяніе было ей необходимо послѣ такого несчастья, да и здоровье ея требовало теплаго климата. Лѣто и осень они провели въ Германіи и Швейцаріи, а на зиму, какъ оно и слѣдовало ожидать, поѣхали въ Парижъ. Въ Парижѣ Варвара Павловна разцвѣла, какъ роза, и такъ же скоро и ловко, какъ въ Петербургѣ, съумѣла свить себѣ гнѣздышко. Квартиру она нашла премиленькую, въ одной изъ тихихъ, но модныхъ улицъ Парижа; мужу сшила такой шлафрокъ, какого онъ еще и не нашивалъ; наняла щегольскую служанку, отличную повариху, расторопнаго лакея; пріобрѣла восхитительную каретку, прелестный піанино. Не прошло недѣли, какъ уже она перебиралась черезъ улицу, носила шаль, раскрывала зонтикъ и надѣвала перчатки не хуже самой чистокровной парижанки. И знакомыми она скоро обзавелась. Сперва къ ней ѣздили одни русскіе, потомъ стали появляться французы, весьма любезные, учтивые, холостые, съ прекрасными манерами, съ благозвучными фамиліями; всѣ они говорили скоро и много, развязно кланялись, пріятно щурили глаза; бѣлые зубы сверкали у всѣхъ подъ розовыми губами, — и какъ они умѣли улыбаться! Каждый изъ нихъ приводилъ своихъ друзей, и la belle madame de Lavretzki скоро стала извѣстна отъ Chaussée d'Antin до Rue de Lille. Въ

Digitized by Google

тѣ времена (дѣло происходило въ 1836 году) еще не успѣло развестись племя фѣльетонистовъ и хроникёровъ, которое теперь пишитъ повсюду, какъ муравьи въ разрытой кочкѣ; но ужъ тогда появлялся въ салонѣ Варвары Павловны нѣкто m-r Jules, неблаговидной наружности господинъ, съ скандалёзной репутаціей, наглый и низкій, какъ всѣ дуелисты и битые люди. Этотъ m-r Jules былъ очень противенъ Варварѣ Павловнѣ, но она его принимала, потому что онъ пописывалъ въ разныхъ газетахъ и безпрестанно упоминалъ о ней, называя ее то M-me de L...tzki, то M-me de ***, cette grande dame russe si distinguée, qui demeure rue de P....; разсказывалъ всему свѣту, т. е. нѣсколькимъ сотнямъ подписчиковъ, которымъ не было никакого дѣла до M-me de L...tzki, какъ эта дама, настоящая по уму француженка (une vraie française par l'esprit) — выше этого у французовъ похвалъ нѣтъ—мила и любезна, какая она не-обыкновенная музыкантша, и какъ она удивительно вальсируетъ (Варвара Павловна, дѣйствительно, такъ вальсировала, что увлекала всѣ сердца за краями своей легкой, улетающей одежды).... словомъ, пускалъ о ней молву по міру,— а вѣдь это, что̀ ни говорите — пріятно. Дѣвица Марсъ уже сошла тогда со сцены, а дѣвица Рашель еще не появлялась; тѣмъ не менѣе Варвара Павловна прилежно посѣщала театры. Она приходила въ восторгъ отъ итальянской музыки и смѣялась надъ развалинами Одри, прилично зѣвала во Французской Комедіи и плакала отъ игры г-жи Дорваль въ какой-нибудь ультра-романтической мелодрамѣ; а главное, Листъ у ней игралъ два раза и такъ былъ милъ, такъ простъ — прелесть! Въ такихъ пріятныхъ ощущеніяхъ прошла зима, къ концу которой Варвара Павловна была даже представлена ко двору. Ѳедоръ Иванычъ съ своей стороны не скучалъ, хотя

Digitized by Google

жизнь, подъ-часъ, тяжела становилась у него на плечахъ, — тяжела, потому что пуста. Онъ читалъ газеты, слушалъ лекціи въ Sorbonne и Collége de France, слѣдилъ за преніями палатъ, принялся за переводъ извѣстнаго ученаго сочиненія объ ирригаціяхъ. «Я не теряю времени,» — думалъ онъ, «все это полезно; но къ будущей зимѣ надобно непремѣнно вернуться въ Россію и приняться за дѣло». Трудно сказать, ясно ли онъ сознавалъ, въ чемъ собственно состояло это дѣло, и Богъ знаетъ, удалось ли бы ему вернуться въ Россію къ зимѣ, —пока, онъ ѣхалъ съ женою въ Баденъ-Баденъ... Неожиданный случай разрушилъ всѣ его планы.

## XVI.

Войдя однажды въ отсутствіи Варвары Павловны въ ея кабинетъ, Лаврецкій увидалъ на полу маленькую, тщательно-сложенную бумажку. Онъ машинально ее поднялъ, машинально развернулъ и прочелъ слѣдующее, написанное на французскомъ языкѣ:

«Милый ангелъ Бетси! (я никакъ не рѣшаюсь назвать «тебя Barbe или Варвара — Varvara). Я напрасно про«ждалъ тебя на углу бульвара; приходи завтра въ поло«винѣ второго на нашу квартирку. Твой добрый тол«стякъ (ton gros bonhomme de mari) объ эту пору обы«кновенно зарывается въ свои книги; мы опять споемъ «ту пѣсенку вашего поэта *Пускина* (de votre poëte «Pouskine), которой ты меня научила: Старый мужъ, «грозный мужъ! — Тысячу поцѣлуевъ твоимъ ручкамъ и ножкамъ. Я жду тебя».

«*Эрнестъ*».

Лаврецкій не сразу понялъ, что́ такое онъ прочелъ; прочелъ во второй разъ — и голова у него закружилась,

Digitized by Google

полъ заходилъ подъ ногами, какъ палуба корабля во время качки. Онъ и закричалъ, и задохнулся, и заплакалъ въ одно мгновеніе.

Онъ обезумѣлъ. Онъ такъ слѣпо довѣрялъ своей женѣ; возможность обмана, измѣны, никогда не представлялась его мысли. Этотъ Эрнестъ, этотъ любовникъ его жены, былъ бѣловурый, смазливый мальчикъ лѣтъ 23-хъ, со вздернутымъ носикомъ и тонкими усиками, едва-ли не самый ничтожный изо всѣхъ ея знакомыхъ. Прошло нѣсколько минутъ, прошло полъ-часа; Лаврецкій все стоялъ, стискивая роковую записку въ рукѣ и безсмысленно глядя на полъ; сквозь какой-то темный вихрь мерещились ему блѣдныя лица; мучительно замирало сердце; ему казалось, что онъ падалъ, падалъ, падалъ.... и конца не было. Знакомый, легкій шумъ шелковаго платья вывелъ его изъ оцѣпенѣнія; Варвара Павловна въ шляпѣ и шали торопливо возвращалась съ прогулки. Лаврецкій затрепеталъ весь и бросился вонъ; онъ почувствовалъ, что въ это мгновенье онъ былъ въ состояніи истерзать ее, избить ее до полу-смерти, по-мужицки, задушить ее своими руками. Изумленная Варвара Павловна хотѣла остановить его; онъ могъ только прошептать: Бетси,—и выбѣжалъ изъ дому.

Лаврецкій взялъ карету и велѣлъ везти себя за-городъ. Весь остатокъ дня и всю ночь до утра пробродилъ онъ, безпрестанно останавливаясь и всплескивая руками: онъ то безумствовалъ, то ему становилось какъ-будто смѣшно, даже какъ будто-весело. Утромъ онъ прозябъ и зашелъ въ дрянной загородный трактиръ, спросилъ комнату и сѣлъ на стулъ передъ окномъ. Судорожная зѣвота напала на него. Онъ едва держался на ногахъ, тѣло его изнемогло, — а онъ и не чувствовалъ усталости, — за то усталость брала свое: онъ сидѣлъ, глядѣлъ и ничего не

Digitized by Google

понималъ; не понималъ, что съ нимъ такое случилось, отчего онъ очутился одинъ, съ одеревенѣлыми членами, съ горечью во рту, съ камнемъ на груди, въ пустой незнакомой комнатѣ; онъ не понималъ, что заставило ее, Варю, отдаться этому французу, и какъ могла она, зная себя невѣрной, быть по-прежнему спокойной, по-прежнему ласковой и довѣрчивой съ нимъ! «Ничего не понимаю!» шептали его засохшіе губы. «Кто мнѣ поручится теперь, что въ Петербургѣ....» И онъ не доканчивалъ вопроса и зѣвалъ опять, дрожа и пожимаясь всѣмъ тѣломъ. Свѣтлыя и темныя воспоминанія одинаково его терзали; ему вдругъ пришло въ голову, что на-дняхъ она при немъ и при Эрнестѣ сѣла за фортепьяно и спѣла: «Старый мужъ, грозный мужъ!» Онъ вспомнилъ выраженіе ея лица, странный блескъ глазъ и краску на щекахъ,—и онъ поднялся со стула, онъ хотѣлъ пойдти сказать имъ: «вы со мной напрасно пошутили; прадѣдъ мой мужиковъ за рёбра вѣшалъ, а дѣдъ мой самъ былъ мужикъ»—да убить ихъ обоихъ. То вдругъ ему казалось, что все, что съ нимъ дѣлается, сонъ, и даже не сонъ, а такъ, вздоръ какой-то; что стоитъ только встряхнуться, оглянуться.... Онъ оглядывался и, какъ ястребъ когтитъ пойманную птицу, глубже и глубже врѣзывалась тоска въ его сердце. Къ довершенію всего, Лаврецкій, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, надѣялся быть отцомъ... Прошедшее, будущее, вся жизнь была отравлена. Онъ вернулся, наконецъ, въ Парижъ, остановился въ гостинницѣ и послалъ Варварѣ Павловнѣ записку г-на Эрнеста съ слѣдующимъ письмомъ:

«Прилагаемая бумажка вамъ объяснитъ всё. Кстати «скажу вамъ, что я не узналъ васъ: вы, такая всегда ак«куратная, роняете такія важныя бумаги». (Эту фразу бѣдный Лаврецкій готовилъ и лелѣялъ въ теченіе нѣсколь-

Digitized by Google

кихъ часовъ). Я не могу больше васъ видѣть; полагаю, «что и вы не должны желать свиданія со мною. Назна«чаю вамъ 15,000 франковъ въ годъ; больше дать не «могу. Присылайте вашъ адресъ въ деревенскую контору. «Дѣлайте, что хотите; живите, гдѣ хотите. Желаю вамъ «счастія. Отвѣта не нужно.»

Лаврецкій написалъ женѣ, что не нуждается въ отвѣтѣ.... но онъ ждалъ, онъ жаждалъ отвѣта, объясненія этого непонятнаго, непостижимаго дѣла. Варвара Павловна въ тотъ же день прислала ему большое французское письмо. Оно его доконало; послѣднія его сомнѣнія изчезли,—и ему стало стыдно, что у него оставались еще сомнѣнія. Варвара Павловна не оправдывалась: она желала только увидать его, умоляла не осуждать ее безвозвратно. Письмо было холодно и напряженно, хотя кой-гдѣ виднѣлись пятна слезъ. Лаврецкій усмѣхнулся горько и велѣлъ сказать черезъ посланнаго, что все очень хорошо. Три дня спустя, его уже не было въ Парижѣ: но онъ поѣхалъ не въ Россію, а въ Италію. Онъ самъ не зналъ, почему онъ выбралъ именно Италію; ему въ сущности было все равно, куда ни ѣхать,—лишь бы не домой. Онъ послалъ предписаніе своему бурмистру на счетъ женниной пенсіи, приказывая ему въ то же время немедленно принять отъ генерала Коробьина всѣ дѣла по имѣнію, не дожидаясь сдачи счетовъ, и распорядиться о выѣздѣ его превосходительства изъ Лавриковъ; живо представилъ онъ себѣ смущеніе, тщетную величавость изгоняемаго генерала и, при всемъ своемъ горѣ, почувствовалъ нѣкоторое злобное удовольствіе. Тогда же попросилъ онъ въ письмѣ Глафиру Петровну вернуться въ Лаврики и отправилъ на ея имя довѣренность; Глафира Петровна въ Лаврики не вернулась и сама напечатала въ газетахъ объ уничтоженіи довѣренности, что было совершенно излишне. Скрываясь въ



Digitized by Google

небольшомъ италіанскомъ городкѣ, Лаврецкій еще долго не могъ заставить себя не слѣдить за женою. Изъ газетъ онъ узналъ, что она изъ Парижа поѣхала, какъ располагала, въ Баденъ-Баденъ; имя ея скоро появилось въ статейкѣ, подписанной тѣмъ же мосье Жюлемъ. Въ этой статейкѣ, сквозь обычную игривость, проступало какое-то дружественное соболѣзнованіе; очень гадко сдѣлалось на душѣ Ѳедора Иваныча при чтеніи этой статейки. Потомъ онъ узналъ, что у него родилась дочь; мѣсяца черезъ два получилъ онъ отъ бурмистра извѣщеніе о томъ, что Варвара Павловна вытребовала себѣ первую треть своего жалованья. Потомъ стали ходить все болѣе и болѣе дурные слухи; наконецъ, съ шумомъ пронеслась по всѣмъ журналамъ трагикомическая исторія, въ которой жена его играла незавидную роль. Все было кончено: Варвара Павловна стала «извѣстностью».

Лаврецкій пересталъ слѣдить за нею; но не скоро могъ съ собою сладить. Иногда такая брала его тоска по женѣ, что онъ, казалось, все бы отдалъ, даже, пожалуй.... простилъ бы ее, лишь бы услышать снова ея ласковый голосъ, почувствовать снова ея руку въ своей рукѣ. Однако время шло не даромъ. Онъ не былъ рожденъ страдальцемъ; его здоровая природа вступила въ свои права. Многое стало ему ясно; самый ударъ, поразившій его, не казался ему болѣе непредвидѣннымъ; онъ понялъ свою жену,—близкаго человѣка только тогда и поймешь вполнѣ, когда съ нимъ разстанешься. Онъ опять могъ заниматься, работать, хотя уже далеко не съ прежнимъ рвеніемъ; скептицизмъ, подготовленный опытами жизни, воспитаніемъ, окончательно забрался въ его душу. Онъ сталъ очень равнодушенъ ко всему. Прошло года четыре, и онъ почувствовалъ себя въ силахъ возвратиться на родину, встрѣтиться съ своими. Не останавливаясь ни въ

Digitized by Google

Петербургѣ, ни въ Москвѣ, прибылъ онъ въ городъ О..., гдѣ мы разстались съ нимъ, и куда мы просимъ теперь благосклоннаго читателя вернуться вмѣстѣ съ нами.

## XVII.

На другое утро, послѣ описаннаго нами дня, часу въ десятомъ, Лаврецкій всходилъ на крыльцо Калитинскаго дома. Ему на встрѣчу вышла Лиза въ шляпкѣ и въ перчаткахъ.

— Куда вы? спросилъ онъ ее.

— Къ обѣднѣ. Сегодня воскресенье.

— А развѣ вы ходите къ обѣднѣ?

Лиза молча, съ изумленіемъ, посмотрѣла на него.

— Извините пожалуйста, проговорилъ Лаврецкій, я.... я не то хотѣлъ сказать, я пришелъ проститься съ вами, я черезъ часъ ѣду въ деревню.

— Вѣдь это отсюда недалеко? спросила Лиза.

— Верстъ двадцать-пять.

На порогѣ двери появилась Леночка въ сопровожденіи горничной.

— Смотрите, не забывайте насъ, промолвила Лиза и спустилась съ крыльца.

— И вы не забывайте меня. Да послушайте, прибавилъ онъ, вы идете въ церковь: помолитесь кстати и за меня.

Лиза остановилась и обернулась къ нему.

— Извольте, сказала она, прямо глядя ему въ лицо:— я помолюсь и за васъ. Пойдемъ Леночка.

Въ гостинной Лаврецкій засталъ Марью Дмитріевну одну. Отъ нея пахло одеколономъ и мятой. У ней, по ея словамъ, болѣла голова, и ночь она провела безпокойно.

Digitized by Google

Она приняла его съ обычною своею томной любезностью и понемногу разговорилась.

— Не правда ли, спросила она его:—какой Владиміръ Николаевичъ пріятный молодой человѣкъ!

— Какой это Владиміръ Николаичъ?

— Да Паншинъ, вотъ, что вчера здѣсь былъ. Вы ему ужасно понравились; я вамъ скажу по секрету, mon cher cousin, онъ просто безъ ума отъ моей Лизы. Что-жъ? Онъ хорошей фамиліи, служитъ прекрасно, уменъ, ну, камеръ-юнкеръ, и если на то будетъ воля Божія.... я съ своей стороны, какъ мать, очень буду рада. Отвѣтственность, конечно, большая; конечно, отъ родителей зависитъ счастіе дѣтей, да вѣдь и то сказать: до сихъ поръ, худо ли, хорошо ли, а вѣдь все я, вездѣ я одна, какъ есть: и воспитала-то дѣтей, и учила ихъ, все я.... я вотъ и теперь мамзель отъ г-жи Болюсъ выписала....

Марья Дмитріевна пустилась въ описаніе своихъ заботъ, стараній, своихъ материнскихъ чувствъ. Лаврецкій слушалъ ее молча и вертѣлъ въ рукахъ шляпу. Его холодный, тяжелый взглядъ смутилъ разболтавшуюся барыню.

— А Лиза какъ вамъ нравится? спросила она.

— Лизавета Михайловна прекраснѣйшая дѣвица, возразилъ Лаврецкій, всталъ, откланялся и зашелъ къ Маѳѣ Тимоѳеевнѣ. Марья Дмитріевна съ неудовольствіемъ посмотрѣла ему вслѣдъ и подумала: «экой тюлень, мужикъ! Ну, теперь я понимаю, почему его жена не могла остаться ему вѣрной».

Маѳа Тимоѳеевна сидѣла у себя въ комнатѣ, окруженная своимъ штатомъ. Онъ состоялъ изъ пяти существъ, почти одинаково близкихъ ея сердцу: изъ толстозобаго ученаго снѣгиря, котораго она полюбила за то, что онъ пересталъ свистать и таскать воду,—маленькой,

Digitized by Google

очень пугливой и смирной собаченки Роски, — сердитаго кота Матроса, — черномазой вертлявой дѣвочки лѣтъ девяти, съ огромными глазами и вострымъ носикомъ, которую звали Шурочкой,—и пожилой женщины лѣтъ пятидесяти-пяти, въ бѣломъ чепцѣ и коричневой кургузой кацавейкѣ на темномъ платьѣ, по имени Настасьи Карповны Огарковой. Шурочка была мѣщаночка, круглая сирота. Марѳа Тимоѳеевна взяла ее къ себѣ изъ жалости, какъ и Роску: и собаченку, и дѣвочку она нашла на улицѣ; обѣ были худы и голодны, обѣихъ мочилъ осенній дождь; за Роской никто не погнался, а Шурочку даже охотно уступилъ Марѳѣ Тимоѳеевнѣ ея дядя, пьяный башмачникъ, который самъ не доѣдалъ и племянницу не кормилъ, а колотилъ по головѣ колодкой. Съ Настасьей Карповной Марѳа Тимоѳеевна свела знакомство на богомольѣ, въ монастырѣ; сама подошла къ ней въ церкви (она понравилась Марѳѣ Тимоѳеевнѣ за то, что, по ея словамъ, очень вкусно молилась), сама съ ней заговорила и пригласила ее къ себѣ на чашку чаю. Съ того дня она уже не разставалась съ ней. Настасья Карповна была женщина самаго веселаго и кроткаго нрава, вдова бездѣтная, изъ бѣдныхъ дворянокъ; голову имѣла круглую, сѣдую, мягкія бѣлыя руки, мягкое лицо съ крупными, добрыми чертами и нѣсколько смѣшнымъ, вздернутымъ носомъ; она благоговѣла передъ Марѳой Тимоѳеевной, и та ее очень любила, хотя подтрунивала надъ ея нѣжнымъ сердцемъ: она чувствовала слабость ко всѣмъ молодымъ людямъ и невольно краснѣла, какъ дѣвочка, отъ самой невинной шутки. Весь ея капиталецъ состоялъ изъ 1.200 рублей ассигнаціями; она жила на счетъ Марѳы Тимоѳеевны, но на ровной съ ней ногѣ: Марѳа Тимоѳеевна не вынесла бы подобострастья.

— А! Ѳедя! начала она, какъ только увидала его:—

Digitized by Google

вчера вечеромъ ты не видѣлъ моей семьи: полюбуйся. Мы всѣ къ чаю собрались; это у насъ второй, праздничный чай. Всѣхъ поласкать можешь: только Шурочка не дастся, а котъ оцарапаетъ. Ты сегодня ѣдешь?

— Сегодня. Лаврецкій присѣлъ на низкое стульце.— Я уже съ Марьей Дмитріевной простился. Я и Лизавету Михайловну видѣлъ.

— Зови ее Лизой, отецъ мой, что за Михайловна она для тебя! Да сиди смирно, а то ты Шурочкинъ стулъ сломаешь.

— Она къ обѣднѣ шла, продолжалъ Лаврецкій. Развѣ она богомольна?

— Да, Ѳедя, очень. Больше насъ съ тобою, Ѳедя.

— А вы развѣ не богомольны? замѣтила, пришепетывая, Настасья Карповна. И сегодня: къ ранней обѣднѣ не пошли, а къ поздней пойдете.

— Анъ нѣтъ,—ты одна пойдешь: облѣнилась я, мать моя, возразила Марѳа Тимоѳеевна, — чаемъ ужъ очень себя балую.—Она говорила Настасьѣ Карповнѣ: *ты*, хотя и жила съ ней на ровной ногѣ,—не даромъ же она была Пестова: трое Пестовыхъ значатся въ синодикѣ Ивана Васильевича Грознаго; Марѳа Тимоѳеевна это знала.

— Скажите пожалуйста, началъ опять Лаврецкій: — мнѣ Марья Дмитріевна сейчасъ говорила объ этомъ.... какъ бишь его?... Паншинѣ. Что́ это за господинъ?

— Экая она болтушка, прости Господи! проворчала Марѳа Тимоѳеевна: — чай, подъ секретомъ тебѣ сообщила, что вотъ, молъ, какой навертывается женихъ. Шушукала бы съ своимъ поповичемъ; нѣтъ, видно, ей мало. И вѣдь нѣтъ еще ничего, да и слава Богу! а она уже болтаетъ.

— Почему же слава Богу? спросилъ Лаврецкій.

Digitized by Google

— А потому, что молодецъ мнѣ не нравится; да и чему тутъ радоваться?

— Не нравится онъ вамъ?

— Да, не всѣхъ же ему плѣнять. Будетъ съ него и того, что вотъ Настасья Карповна въ него влюблена.

Бѣдная вдова вся всполошилась.

— Что́ вы это, Марѳа Тимоѳеевна , Бога вы не боитесь! воскликнула она, и румянецъ мгновенно разлился у ней по лицу и по шеѣ.

— И вѣдь знаетъ, плутъ, — перебила ее Марѳа Тимоѳеевна — знаетъ чѣмъ ее прельстить: табакерку ей подарилъ. Ѳедя, попроси у ней табачку понюхать; ты увидишь, табакерка какая славная: на крышкѣ гусаръ на конѣ представленъ. Ужъ ты лучше, мать моя, не оправдывайся.

Настасья Карповна только руками отмахивалась.

— Ну, а Лиза, спросилъ Лаврецкій, къ нему неравнодушна?

— Кажется, онъ ей нравится, — а, впрочемъ, Господь ее вѣдаетъ! Чужая душа, ты знаешь, темный лѣсъ, а дѣвичья и подавно. Вотъ и Шурочкину душу, — поди, разбери! Зачѣмъ она прячется, а не уходитъ, съ тѣхъ поръ, какъ ты пришелъ?

Шурочка фыркнула подавленнымъ смѣхомъ и выскочила вонъ, а Лаврецкій поднялся съ своего мѣста.

— Да, промолвилъ онъ съ разстановкой: — дѣвичью душу не разгадаешь.

Онъ сталъ прощаться.

— Что-жъ? скоро мы тебя увидимъ? спросила Марѳа Тимоѳеевна.

— Какъ придется, тетушка: тутъ вѣдь недалеко.

— Да, вѣдь ты въ Васильевское ѣдешь. Ты не хочешь жить въ Лаврикахъ: — ну, это твое дѣло; только

Digitized by Google

съѣзди ты, поклонись гробу матери твоей, да и бабкину гробу кстати. Ты тамъ за границей всякаго ума набрался, а кто знаетъ, можетъ быть, онѣ и почувствуютъ въ своихъ могилкахъ, что ты къ нимъ пришелъ. Да не забудь, Ѳедя, по Глафирѣ Петровнѣ тоже панафиду отслужить; вотъ тебѣ и цѣлковый. Возьми, возьми, это я по ней хочу отслужить панафиду. Я ее при жизни не любила, а нечего сказать, съ характеромъ была дѣвка. Умница была; ну и тебя не обидѣла. А теперь ступай съ Богомъ, а то я тебѣ надоѣмъ.

И Марѳа Тимоѳеевна обняла своего племянника.

— А Лизѣ за Паншинымъ не быть, не безпокойся; не такого мужа она стоитъ.

— Да я нисколько и не безпокоюсь, отвѣчалъ Лаврецкій, и удалился.

## XVIII.

Часа четыре спустя, онъ ѣхалъ домой. Тарантасъ его быстро катился по проселочной, мягкой дорогѣ. Недѣли двѣ какъ стояла засуха; тонкій туманъ разливался молокомъ въ воздухѣ и застилалъ отдаленные лѣса; отъ него пахло гарью. Множество темноватыхъ тучекъ съ неясно-обрисованными краями расползались по блѣдно-голубому небу; довольно крѣпкій вѣтеръ мчался сухой, непрерывной струей, не разгоняя зноя. Приложившись головой къ подушкѣ и скрестивъ на груди руки, Лаврецкій глядѣлъ на пробѣгавшіе вѣеромъ загоны полей, на медленно-мелькавшія ракиты, на глупыхъ воронъ и грачей, съ тупой подозрительностью взиравшихъ бокомъ на проѣзжавшій экипажъ, на длинныя межи, заросшія чернобыльникомъ, полынью и полевой рябиной; онъ глядѣлъ.... и эта свѣжая, степная, тучная голь и глушь, эта зелень, эти длинные холмы, ов-

Digitized by Google

раги съ приземистыми дубовыми кустами, сѣрыя деревеньки, жидкія березы — вся эта, давно имъ невиданная, русская картина навѣвала на его душу сладкія и въ то же время почти скорбныя чувства, давила грудь его какимъ-то пріятнымъ давленіемъ. Мысли его медленно бродили; очертанія ихъ были также неясны и смутны, какъ очертанія тѣхъ высокихъ, тоже какъ будто бы бродившихъ тучекъ. Вспомнилъ онъ свое дѣтство, свою мать, вспомнилъ, какъ она умирала, какъ поднесли его къ ней, и какъ она, прижимая его голову къ своей груди, начала было слабо голосить надъ нимъ, да взглянула на Глафиру Петровну—и умолкла. Вспомнилъ онъ отца, сперва бодраго, всѣмъ недовольнаго, съ мѣднымъ голосомъ,—потомъ слѣпого, плаксиваго, съ неопрятной, сѣдой бородой; вспомнилъ, какъ онъ однажды за столомъ, выпивъ лишнюю рюмку вина и заливъ себѣ салфетку соусомъ, вдругъ засмѣялся и началъ, мигая ничего не видѣвшими глазами и краснѣя, разсказывать про свои побѣды; вспомнилъ Варвару Павловну, — и невольно прищурился, какъ щурится человѣкъ отъ мгновенной внутренней боли, и встряхнулъ головой. Потомъ мысль его остановилась на Лизѣ.

«Вотъ, — подумалъ онъ, — новое существо только-что вступаетъ въ жизнь. Славная дѣвушка, что-то изъ нея выйдетъ? Она и собой хороша. Блѣдное, свѣжее лицо, глаза и губы такіе серьёзные, и взглядъ честный и невинный. Жаль, она, кажется, восторженна немножко. Ростъ славный, и такъ легко ходитъ, и голосъ тихій. Очень я люблю, когда она вдругъ остановится, слушаетъ со вниманіемъ, безъ улыбки, потомъ задумается и откинетъ назадъ свои волосы. Точно, мнѣ самому сдается, Паншинъ ея не стóитъ. Однако, чѣмъ же онъ дуренъ? А, впрочемъ, чего я размечтался? Побѣжитъ и она по той

Digitized by Google

же дорожкѣ, по какой всѣ бѣгаютъ. Лучше я сосну». И Лаврецкій закрылъ глаза.

Заснуть онъ не могъ, но погрузился въ дремотное дорожное онѣмѣніе. Образы прошедшаго, по прежнему, не спѣша; поднимались, всплывали въ его душѣ, мѣшаясь и путаясь съ другими представленіями. Лаврецкій, Богъ знаетъ почему, сталъ думать о Робертѣ Пилѣ.... о французской исторіи.... о томъ, какъ бы онъ выигралъ сраженіе, если-бъ онъ былъ генераломъ; ему чудились выстрѣлы и крики.... Голова его скользила на бокъ, онъ открывалъ глаза.... Тѣ же поля, тѣ же степные виды; стертыя подковы пристяжныхъ попеременно сверкаютъ сквозь волнистую пыль; рубаха ямщика, желтая, съ красными ластовицами, надувается отъ вѣтра.... «Хорошъ возвращаюсь я на родину»—промелькнуло у Лаврецкаго въ головѣ; и онъ закричалъ: «пошелъ!» запахнулся въ шинель и плотнѣе прижался къ подушкѣ. Тарантасъ толкнуло: Лаврецкій выпрямился и широко раскрылъ глаза. Передъ нимъ на пригоркѣ тянулась небольшая деревенька; немного вправо виднѣлся ветхій господскій домикъ, съ закрытыми ставнями и кривымъ крылечкомъ; по широкому двору, отъ самыхъ воротъ росла крапива, зеленая и густая, какъ конопля; тутъ же стоялъ дубовый, еще крѣпкій амбарчикъ. Это было Васильевское.

Ямщикъ повернулъ къ воротамъ, остановилъ лошадей; лакей Лаврецкаго приподнялся на козлахъ и, какъ бы готовясь соскочить, закричалъ: гей! Раздался сиплый, глухой лай, но даже собаки не показалось; лакей снова приготовился соскочить и снова закричалъ: гей! Повторился дряхлый лай и, спустя мгновенье, на дворъ, неизвѣстно откуда, выбѣжалъ человѣкъ въ нанковомъ кафтанѣ, съ бѣлой, какъ снѣгъ, головой; онъ посмотрѣлъ, защищая глаза отъ солнца, на тарантасъ, ударилъ себя вдругъ

Digitized by Google

обѣими руками по ляжкамъ, сперва немного заметался на мѣстѣ, потомъ бросился отворять ворота. Тарантасъ въѣхалъ на дворъ, шурша колесами по крапивѣ, и остановился передъ крыльцомъ. Бѣлоголовый человѣкъ, весьма повидимому юркій, уже стоялъ широко и криво разставивъ ноги на послѣдней ступенькѣ, отстегнулъ передокъ, судорожно дернувъ кверху кожу и помогая барину спуститься на землю, поцѣловалъ у него руку.

— Здравствуй, здравствуй, братъ, проговорилъ Лаврецкій:—тебя, кажется, Антономъ зовутъ? Ты живъ еще?

Старикъ молча поклонился и побѣжалъ за ключами. Пока онъ бѣгалъ, ямщикъ сидѣлъ неподвижно, сбочась и поглядывая на запертую дверь; а лакей Лаврецкаго, какъ спрыгнулъ, такъ и остался въ живописной позѣ, закинувъ одну руку на козлы. Старикъ принесъ ключи и, безъ всякой нужды изгибаясь, какъ змѣя, высоко поднимая локти, отперъ дверь, посторонился и опять поклонился въ поясъ.

— Вотъ я и дома, вотъ я и вернулся, подумалъ Лаврецкій, входя въ крошечную переднюю, между тѣмъ какъ ставни со стукомъ и визгомъ отворялись одинъ за другимъ, и дневной свѣтъ проникалъ въ опустѣлые покои.

## XIX.

Небольшой домикъ, куда пріѣхалъ Лаврецкій и гдѣ два года тому назадъ скончалась Глафира Петровна, былъ выстроенъ въ прошломъ столѣтіи, изъ прочнаго сосноваго лѣса; онъ на видъ казался ветхимъ, но могъ простоять еще лѣтъ пятьдесятъ или болѣе. Лаврецкій обошелъ всѣ комнаты и, къ великому безпокойству старыхъ, вялыхъ мухъ съ бѣлой пылью на спинѣ, неподвижно сидѣвшихъ подъ притолками, велѣлъ всюду открыть окна: съ самой смерти Глафиры Петровны никто не открывалъ ихъ. Все

Digitized by Google

въ домѣ осталось, какъ было: тонконогіе бѣлые диванчики въ гостиной, обитые глянцовитымъ сѣрымъ штофомъ, протертые и продавленные, живо напоминали Екатерининскія времена; въ гостиной же стояло любимое кресло хозяйки, съ высокой и прямой спинкой, къ которой она и въ старости не прислонялась. На главной стѣнѣ висѣлъ старинный портретъ Ѳедорова прадѣда, Андрея Лаврецкаго; темное, желчное лицо едва отдѣлялось отъ почернѣвшаго и покороблennаго фона: небольшіе злые глаза угрюмо глядѣли изъ-подъ нависшихъ, словно опухшихъ вѣкъ; черные волосы безъ пудры щеткой вздымались надъ тяжелымъ, изрытымъ лбомъ. На углѣ портрета висѣлъ вѣнокъ изъ запыленныхъ иммортелей. «Сами Глафира Петровна изволили плести», доложилъ Антонъ. Въ спальнѣ возвышалась узкая кровать, подъ пологомъ изъ стародавней, весьма добротной полосатой матеріи; горка полинялыхъ подушекъ и стеганное жидкое одѣяльце лежали на кровати, а у изголовья висѣлъ образъ Введенія во храмъ Пресвятой Богородицы, тотъ самый образъ, къ которому старая дѣвица, умирая одна и всѣми забытая, въ послѣдній разъ приложилась уже хладѣющими губами. Туалетный столикъ изъ штучнаго дерева, съ мѣдными бляхами и кривымъ зеркальцемъ, съ почернѣлой позолотой, стоялъ у окна. Рядомъ съ спальной находилась образная, маленькая комнатка, съ голыми стѣнами и тяжелымъ кіотомъ въ углу; на полу лежалъ истертый, закапанный воскомъ коверчикъ; Глафира Петровна клала на немъ земные поклоны. Антонъ отправился съ лакеемъ Лаврецкаго отпирать конюшню и сарай; на мѣсто его явилась старушка, чуть ли не ровесница ему, повязанная платкомъ по самыя брови; голова ея тряслась и глаза глядѣли тупо, но выражали усердіе, давнишнюю привычку служить безотвѣтно, и въ то же время—какое-то почтительное сожалѣніе. Она подошла къ

Digitized by Google

ручкѣ Лаврецкаго и остановилась у двери, въ ожиданіи приказаній. Онъ рѣшительно не помнилъ, какъ ее звали, не помнилъ даже, видѣлъ ли ее когда-нибудь; оказалось, что ее звали Апраксѣей; лѣтъ сорокъ тому назадъ, та же Глафира Петровна сослала ее съ барскаго двора и велѣла ей быть птичницей; впрочемъ, она говорила мало,— словно изъ ума выжила,—а только глядѣла подобострастно. Кромѣ этихъ двухъ стариковъ, да трехъ пузатыхъ ребятишекъ въ длинныхъ рубашонкахъ, Антоновыхъ правнуковъ, жилъ еще на барскомъ дворѣ однорукій безтягольный мужиченка; онъ бормоталъ, какъ тетеревъ, и не былъ способенъ ни на что; не многимъ полезнѣе его была дряхлая собака, привѣтствовавшая лаемъ возвращеніе Лаврецкаго: она уже лѣтъ десять сидѣла на тяжелой цѣпи, купленной по распоряженію Глафиры Петровны, и едва-едва была въ состояніи двигаться и влачить свою ношу. Осмотрѣвъ домъ, Лаврецкій вышелъ въ садъ и остался имъ доволенъ. Онъ весь заросъ бурьяномъ, лопухами, крыжовникомъ и малиной; но въ немъ было много тѣни, много старыхъ липъ, которыя поражали своею громадностью и страннымъ расположеніемъ сучьевъ; онѣ были слишкомъ тѣсно посажены и когда-то— лѣтъ сто тому назадъ— стрижены. Садъ оканчивался небольшимъ свѣтлымъ прудомъ съ каймой изъ высокаго красноватаго тростника. Слѣды человѣческой жизни глохнутъ очень скоро: усадьба Глафиры Петровны не успѣла одичать, но уже казалась погруженной въ ту тихую дрему, которой дремлетъ все на землѣ, гдѣ только нѣтъ людской, безпокойной заразы. Ѳедоръ Иванычъ прошелся также по деревнѣ; бабы глядѣли на него съ порогу своихъ избъ, подпирая щеку рукою; мужики издали кланялись, дѣти бѣжали прочь, собаки равнодушно лаяли. Ему, наконецъ, захотѣлось ѣсть; но онъ ожидалъ свою прислугу и повара

Digitized by Google

только къ вечеру; обозъ съ провизіей изъ Лавриковъ еще не прибывалъ,—пришлось обратиться къ Антону. Антонъ сейчасъ распорядился: поймалъ, зарѣзалъ и ощипалъ старую курицу; Апраксѣя долго терла и мыла ее, стирала ее, какъ бѣлье, прежде чѣмъ положить въ кастрюлю; когда она, наконецъ, сварилась, Антонъ накрылъ и убралъ столъ, поставилъ передъ приборомъ почернѣвшую солонку аплике о трехъ ножкахъ и граненый графинчикъ съ круглой стеклянной пробкой и узкимъ горлышкомъ; потомъ доложилъ Лаврецкому пѣвучимъ голосомъ, что кушанье готово,—и самъ сталъ за его стуломъ, обвернувъ правый кулакъ салфеткой и распространяя какой-то крѣпкій, древній запахъ, подобный запаху кипарисоваго дерева. Лаврецкій отвѣдалъ супу и досталъ курицу; кожа ея была вся покрыта крупными пупырушками; толстая жила шла по каждой ногѣ, мясо отзывалось древесиной и щолокомъ. Пообѣдавъ, Лаврецкій сказалъ, что онъ выпилъ бы чаю, если.... «Сею минуту-съ подамъ-съ», перебилъ его старикъ, — и сдержалъ свое обѣщаніе. Сыскалась щепотка чаю, завернутая въ клочокъ красной бумажки; сыскался небольшой, но прерьяный и шумливый самоварчикъ, сыскался и сахаръ въ очень маленькихъ, словно обтаявшихъ, кускахъ. Лаврецкій напился чаю изъ большой чашки; онъ еще съ дѣтства помнилъ эту чашку: игорныя карты были изображены на ней, изъ нея пили только гости,—и онъ пилъ изъ нея, словно гость. Къ вечеру прибыла прислуга; — Лаврецкому не захотѣлось лечь въ теткиной кровати; онъ велѣлъ постлать себѣ постель въ столовой. Погасивъ свѣчку, онъ долго глядѣлъ вокругъ себя и думалъ невеселую думу; онъ испытывалъ чувство, знакомое каждому человѣку, которому приходится въ первый разъ ночевать въ давно необитаемомъ мѣстѣ; ему казалось, что обступившая его со всѣхъ сторонъ темнота не могла

Digitized by Google

привыкнуть къ новому жильцу, что самыя стѣны дома недоумѣваютъ. Наконецъ онъ вздохнулъ, натянулъ на себя одѣяло и заснулъ. Антонъ дольше всѣхъ остался на ногахъ; онъ долго шептался съ Апраксѣей, охалъ вполголоса, раза два перекрестился; они оба не ожидали, чтобы баринъ поселился у нихъ въ Васильевскомъ, когда у него по́дъ-бокомъ было такое славное имѣнье съ отлично-устроенной усадьбой; они и не подозрѣвали, что самая эта усадьба была противна Лаврецкому; она возбуждала въ немъ тягостныя воспоминанія. Нашептавшись вдоволь, Антонъ взялъ палку, поколотилъ по висячей, давно безмолвной доскѣ у амбара и тутъ же прикорнулъ на дворѣ, ничѣмъ не прикрывъ свою бѣлую голову. Майская ночь была тиха и ласкова,— и сладко спалось старику.

## XX.

На другой день Лаврецкій всталъ довольно рано, потолковалъ со старостой, побывалъ на гумнѣ, велѣлъ снять цѣпь съ дворовой собаки, которая только полаяла немного, но даже не отошла отъ своей конуры;—и, вернувшись домой, погрузился въ какое-то мирное оцѣпѣненіе, изъ котораго не выходилъ цѣлый день. «Вотъ когда я попалъ на самое дно рѣки», сказалъ онъ самому себѣ не однажды. Онъ сидѣлъ подъ окномъ, не шевелился и словно прислушивался къ теченью тихой жизни, которая его окружала, къ рѣдкимъ звукамъ деревенской глуши. Вотъ гдѣ-то за крапивой кто-то напѣваетъ тонкимъ-тонкимъ голоскомъ; комаръ словно вторитъ ему. Вотъ онъ пересталъ, а комаръ все пищитъ; сквозь дружное, назойливо-жалобное жужжанье мухъ раздается гуденье толстаго шмеля, который то-и-дѣло стучится головой о потолокъ; пѣтухъ

Digitized by Google

на улицѣ закричалъ, хрипло вытягивая послѣдню ноту, простучала телѣга, на деревнѣ скрипятъ ворота. «Что!» задребезжалъ вдругъ бабій голосъ. «Охъ, ты мой сударикъ», говоритъ Антонъ двухлѣтней дѣвочкѣ, которую нянчитъ на рукахъ. «Квасъ неси», повторяетъ тотъ же бабій голосъ,—и вдругъ находитъ тишина мертвая; ничто не стукнетъ, не шелохнется; вѣтеръ листкомъ не шевельнетъ; ласточки несутся безъ крика одна за другой по землѣ, и печально становится на душѣ отъ ихъ безмолвнаго налета. «Вотъ когда я на днѣ рѣки», думаетъ опять Лаврецкій. «И всегда, во всякое время тиха и неспѣшна здѣсь жизнь», думаетъ онъ: — «кто входитъ въ ея кругъ—покоряйся: здѣсь незачѣмъ волноваться, нечего мутить; здѣсь только тому и удача, кто прокладываетъ свою тропинку не торопясь, какъ пахарь борозду плугомъ. И какая сила кругомъ, какое здоровье въ этой бездѣйственной тиши! Вотъ тутъ подъ окномъ коренастый лопухъ лѣзетъ изъ густой травы; надъ нимъ вытягиваетъ зоря свой сочный стебель, богородицыны слёзки еще выше выкидываютъ свои розовые кудри; а тамъ дальше, въ поляхъ, лоснится рожь, и овесъ уже пошелъ въ трубочку, и ширится во всю ширину свою каждый листъ на каждомъ деревѣ, каждая травка на своемъ стеблѣ. «На женскую любовь ушли мои лучшіе года», продолжаетъ думать Лаврецкій: — «пусть же вытрезвитъ меня здѣсь скука, пусть успокоитъ меня, подготовитъ къ тому, чтобы и я умѣлъ не спѣша дѣлать дѣло». И онъ снова принимается прислушиваться къ тишинѣ, ничего не ожидая, —и въ то же время какъ-будто безпрестанно ожидая чего-то: тишина обнимаетъ его со всѣхъ сторонъ, солнце катится тихо по спокойному синему небу, и облака тихо плывутъ по немъ; кажется, онѣ знаютъ, куда и зачѣмъ онѣ плывутъ. Въ то самое время, въ другихъ мѣстахъ

Digitized by Google

на землѣ, кипѣла, торопилась, грохотала жизнь; здѣсь та же жизнь текла не слышно, какъ вода по болотнымъ травамъ; и до самаго вечера Лаврецкій не могъ оторваться отъ созерцаній этой уходящей, утекающей жизни; скорбь о прошедшемъ таяла въ его душѣ какъ весенній снѣгъ,— и странное дѣло! — никогда не было въ немъ такъ глубоко и сильно чувство родины.

## XXI.

Въ теченіи двухъ недѣль Ѳедоръ Иванычъ привелъ домикъ Глафиры Петровны въ порядокъ, разчистилъ дворъ, садъ; изъ Лавриковъ привезли ему удобную мебель, изъ города вино, книги, журналы; на конюшнѣ появились лошади; словомъ, Ѳедоръ Иванычъ обзавелся всѣмъ нужнымъ и началъ жить—не то помѣщикомъ, не то отшельникомъ. Дни его проходили однообразно; но онъ не скучалъ, хотя никого не видѣлъ; онъ прилежно и внимательно занимался хозяйствомъ, ѣздилъ верхомъ по окрестностямъ, читалъ. Впрочемъ, онъ читалъ мало: ему пріятнѣе было слушать разсказы старика Антона. Обыкновенно Лаврецкій садился съ трубкой табаку и чашкой холоднаго чаю къ окну; Антонъ становился у двери, заложивъ назадъ руки,—и начиналъ свои неторопливые разсказы о стародавнихъ временахъ, о тѣхъ баснословныхъ временахъ, когда овесъ и рожь продавались не мѣрками, а въ большихъ мѣшкахъ, по двѣ и по три копѣйки за мѣшокъ; когда во всѣ стороны, даже подъ городомъ, тянулись непроходимые лѣса, нетронутыя степи. «А теперь», жаловался старикъ, которому уже стукнуло лѣтъ за восемьдесятъ: — «такъ все вырубили да распахали, что проѣхать негдѣ». Также разсказывалъ Антонъ много о своей госпожѣ, Глафирѣ Петровнѣ: какія онѣ были разсудитель-



Digitized by Google

ныя и бережливыя; какъ нѣкоторый господинъ, молодой сосѣдъ, поддѣлывался-было къ нимъ, часто сталъ наѣзжать,—и какъ онѣ для него изволили даже надѣвать свой праздничный чепецъ съ лентами цвѣту массака́ и желтое платье изъ трю-трю-левантина; но какъ потомъ разгнѣвавшись на господина сосѣда за неприличный вопросъ: «что, молъ долженъ быть у васъ, сударыня, капиталъ?» приказали ему отъ дому отказать, и какъ онѣ тогда же приказали, чтобъ все, послѣ ихъ кончины, до самомалѣйшей тряпицы, было представлено Ѳедору Ивановичу. И точно Лаврецкій нашелъ весь теткинъ скарбъ въ цѣлости, не выключая праздничнаго чепца съ лентами цвѣта массака́ и желтаго платья изъ трю-трю-левантина. Старинныхъ бумагъ и любопытныхъ документовъ, на которые разсчитывалъ Лаврецкій, не оказалось никакихъ, кромѣ одной ветхой книжки, въ которую дѣдушка его, Петръ Андреичъ, вписывалъ—то̀: «Празднованіе въ городѣ Санктпетербургѣ замиренія, заключеннаго съ Турецкой имперіей его сіятельствомъ княземъ Александръ Александровичемъ Прозоровскимъ»; то̀: рецептъ грудного *декохта* съ примѣчаніемъ: «Сіе наставленіе дано генеральшѣ Прасковьѣ Ѳедоровнѣ Салтыковой отъ протопресвитера церкви Живоначальныя Троицы Ѳеодора Авксентьевича»; то́ политическую новость слѣдующаго рода: «О тиграхъ французахъ что-то замолкло»;—и тутъ же рядомъ: «Въ Московскихъ вѣдомостяхъ показано, что скончался господинъ премiеръ-маiоръ Михаилъ Петровичъ Колычевъ. Не Петра ли Васильевича Колычева сынъ?» Лаврецкій нашелъ также нѣсколько старыхъ календарей и сонниковъ и таинственное сочиненіе г. Амбодика; много воспоминаній возбудили въ немъ давнозабытые, но знакомые: «Символы и Эмблемы». Въ туалетномъ столикѣ Глафиры Петровны Лаврецкій нашелъ небольшой пакетъ, завязанный черной

Digitized by Google

ленточкой, запечатанный чернымъ сургучомъ и засунутый въ самую глубь ящика. Въ пакетѣ лежали лицомъ къ лицу пастелевый портретъ его отца въ молодости, съ мягкими кудрями разсыпанными на лбу, съ длинными томными глазами и полу-раскрытымъ ртомъ,—и почти стертый портретъ блѣдной женщины въ бѣломъ платьѣ, съ бѣлымъ розаномъ въ рукѣ,—его матери. Съ самой себя Глафира Петровна никогда не позволяла снять портрета. «Я, батюшка, Ѳедоръ Иванычъ», говаривалъ Лаврецкому Антонъ:—«хоша и въ господскихъ хоромахъ тогда жительства не имѣлъ, а вашего прадѣдушку, Андрея Аѳанасьевича, помню,—какъ же: мнѣ, когда они скончались, восьмнадцатый годочекъ пошелъ. Разъ я имъ въ саду встрѣлся,—такъ даже поджилки затряслись; однако, они ничего, только спросили, какъ зовутъ,—и въ свои покои за носовымъ платкомъ послали. Баринъ былъ, что́ и говорить,—и старшо́го надъ собой не зналъ. Потому была, доложу вамъ, у вашего прадѣдушки чудная така ладонка; съ Аѳонской горы имъ монахъ ту ладонку подарилъ. И сказалъ онъ ему этта монахъ-то: за твое, бояринъ, радушіе сіе тебѣ дарю; носи—и суда не бойся. Ну, да вѣдь тогда, батюшка, извѣстно, какія были времена: что́ баринъ восхотѣлъ, то и творилъ. Бывало, кто даже изъ господъ вздумаетъ имъ перечить, такъ они только посмотрятъ на него да скажутъ: мелко плаваешь; — самое это у нихъ было любимое слово. И жилъ онъ, вашъ блаженный памяти прадѣдушка, въ хоромахъ деревянныхъ малыхъ; а что́ добра послѣ себя оставилъ, серебра что́, всякихъ запасовъ, всѣ подвалы биткомъ набиты были. Хозяинъ былъ. Тотъ-то графинчикъ, что вы похвалить изволили — ихъ былъ: изъ него водку кушали. А вотъ дѣдушка вашъ, Петръ Андреичъ и палаты себѣ поставилъ каменныя, а добра не нажилъ; все у нихъ пошло *хинею*; и жили они

*

Digitized by Google

хуже папенькинаго, и удовольствій никакихъ себѣ не производили,—а денежки всѣ порѣшилъ, и помянуть его нечѣмъ, ложки серебряной отъ нихъ не осталось, — и то еще спасибо, Глафира Петровна порадѣла».

— А правда ли, перебивалъ его Лаврецкій:—ее старой колотовкой звали?

— Да вѣдь кто звалъ! возражалъ съ неудовольствіемъ Антонъ.

— А что, батюшка,—рѣшился спросить однажды старикъ,—что наша барынька, гдѣ изволитъ свое пребываніе имѣть?

— Я развелся съ женою, проговорилъ съ усиліемъ Лаврецкій:—пожалуйста, не спрашивай о ней.

— Слушаю-съ, печально возразилъ старикъ.

По прошествіи трехъ недѣль, Лаврецкій поѣхалъ верхомъ въ О..., къ Калитинымъ и провелъ у нихъ вечеръ. Леммъ былъ тамъ; онъ очень поправился Лаврецкому. Хотя, по милости отца, онъ ни на какомъ инструментѣ не игралъ, однако страстно любилъ музыку, музыку дѣльную, классическую. Паншина въ тотъ вечеръ у Калитиныхъ не было. Губернаторъ услалъ его куда-то за городъ. Лиза играла одна, и очень отчетливо; Леммъ оживился, расходился, свернулъ бумажку трубочкой и дирижировалъ. Марья Дмитріевна сперва смѣялась, глядя на него, потомъ ушла спать; по ея словамъ, Бетговенъ слишкомъ волновалъ ея нервы. Въ полночь Лаврецкій проводилъ Лемма на квартиру и просидѣлъ у него до трехъ часовъ утра. Леммъ много говорилъ; сутулина его выпрямилась, глаза расширились и заблистали; самые волосы приподнялись надъ лбомъ. Уже такъ давно никто не принималъ въ немъ участья, а Лаврецкій видимо интересовался имъ, заботливо, и внимательно распрашивалъ его. Старика это тронуло; онъ кончилъ тѣмъ, что пока-

Digitized by Google

залъ гостю свою музыку, сыгралъ и даже спѣлъ мертвеннымъ голосомъ нѣкоторые отрывки изъ своихъ сочиненій, между прочимъ цѣлую положенную имъ на музыку балладу Шиллера: Фридолинъ. Лаврецкій похвалилъ его, заставилъ кое-что повторить и, уѣзжая, пригласилъ его къ себѣ погостить на нѣсколько дней. Леммъ, проводившій его до улицы, тотчасъ согласился и крѣпко пожалъ его руку; но, оставшись одинъ на свѣжемъ и сыромъ воздухѣ, при только-что занимавшейся зарѣ, оглянулся, прищурился, съежился и, какъ виноватый, побрелъ въ свою комнатку: «Ich bin wohl nicht klug» (я не въ своемъ умѣ) пробормоталъ онъ, ложась въ свою жосткую и короткую постель. Онъ попытался сказаться больнымъ, когда, нѣсколько дней спустя, Лаврецкій заѣхалъ за нимъ въ коляскѣ; но Ѳедоръ Иванычъ вошелъ къ нему въ комнату и уговорилъ его. Сильнѣе всего подѣйствовало на Лемма то обстоятельство, что Лаврецкій собственно для него велѣлъ привести къ себѣ въ деревню фортепьяно изъ города. Они вдвоемъ отправились къ Калитинымъ и провели у нихъ вечеръ, но уже не такъ пріятно, какъ въ послѣдній разъ. Паншинъ былъ тамъ, много разсказывалъ о своей поѣздкѣ, очень забавно передразнивалъ и представлялъ видѣнныхъ имъ помѣщиковъ: Лаврецкій смѣялся, но Леммъ не выходилъ изъ своего угла, молчалъ, тихо шевелился весь, какъ паукъ, глядѣлъ угрюмо и тупо, и оживился только тогда, когда Лаврецкій сталъ прощаться. Даже сидя въ коляскѣ, старикъ продолжалъ дичиться и ежиться; но тихій, теплый воздухъ, легкій вѣтерокъ, легкія тѣни, запахъ травы, березовыхъ почекъ, мирное сіянье безлуннаго звѣзднаго неба, дружный топотъ и фырканіе лошадей, всѣ обаянія дороги, весны, ночи — спустились въ душу бѣднаго нѣмца, и онъ самъ первый заговорилъ съ Лаврецкимъ.

Digitized by Google

## XXII.

Онъ сталъ говорить о музыкѣ, о Лизѣ, потомъ опять о музыкѣ. Онъ какъ-будто медленнѣе произносилъ слова, когда говорилъ о Лизѣ. Лаврецкій навелъ рѣчь на его сочиненія и, полушутя, предложилъ ему написать для него либретто.

— Гмъ, либретто! возразилъ Леммъ: — нѣтъ, это не по мнѣ: у меня уже нѣтъ той живости, той игры воображенія, которая необходима для оперы; я уже теперь лишился силъ моихъ.... Но если-бъ я могъ еще что-нибудь сдѣлать, — я бы удовольствовался романсомъ; конечно, я желалъ бы хорошихъ словъ....

Онъ умолкъ и долго сидѣлъ неподвижно и поднявъ глаза на небо.

— Напримѣръ, проговорилъ онъ наконецъ: — что-нибудь въ такомъ родѣ: вы, звѣзды, о вы, чистыя звѣзды!...

Лаврецкій слегка обернулся къ нему лицомъ и сталъ глядѣть на него.

— Вы, звѣзды, чистыя звѣзды, повторилъ Леммъ.... Вы взираете одинаково на правыхъ и на виновныхъ.... но одни невинные сердцемъ, или что-нибудь въ этомъ родѣ.... васъ понимаютъ, то-есть, нѣтъ, — васъ любятъ. Впрочемъ, я не поэтъ, — куда мнѣ! Но что-нибудь въ этомъ родѣ, что-нибудь высокое.

Леммъ отодвинулъ шляпу на затылокъ; въ тонкомъ сумракѣ свѣтлой ночи лицо его казалось блѣднѣе и моложе.

— И вы тоже, продолжалъ онъ постепенно утихавшимъ голосомъ: — вы знаете, кто любитъ, кто умѣетъ любить, потому что вы, чистыя, вы однѣ можете утѣшить.... Нѣтъ,

Digitized by Google

это все не то! Я не поэтъ, промолвилъ онъ: — но что-нибудь въ этомъ родѣ....

— Мнѣ жаль, что и я не поэтъ, замѣтилъ Лаврецкій.

— Пустыя мечтанья! возразилъ Леммъ и углубился въ уголъ коляски. Онъ закрылъ глаза, какъ бы собираясь заснуть.

Прошло нѣсколько мгновеній.... Лаврецкій прислушался.... «Звѣзды, чистыя звѣзды, любовь», шепталъ старикъ.

— Любовь, повторилъ про себя Лаврецкій, задумался, — и тяжело стало у него на душѣ.

— Прекрасную вы написали музыку на Фридолина, Христофоръ Ѳедорычъ, промолвилъ онъ громко:—а какъ вы полагаете, этотъ Фридолинъ, послѣ того, какъ графъ привелъ его къ женѣ, вѣдь онъ тутъ-то и сдѣлался ея любовникомъ, — а?

— Это вы такъ думаете, возразилъ Леммъ: — потому что, вѣроятно, опытъ.... Онъ вдругъ умолкъ и въ смущеніи отвернулся. Лаврецкій принужденно засмѣялся, тоже отвернулся и сталъ глядѣть на дорогу.

Звѣзды уже начинали блѣднѣть и небо сѣрѣло, когда коляска подъѣхала къ крыльцу домика въ Васильевскомъ. Лаврецкій проводилъ своего гостя въ назначенную ему комнату, вернулся въ кабинетъ и сѣлъ передъ окномъ. Въ саду пѣлъ соловей свою послѣднюю, передразсвѣтную пѣснь. Лаврецкій вспомнилъ, что и у Калитиныхъ въ саду пѣлъ соловей; онъ вспомнилъ также тихое движеніе Лизиныхъ глазъ, когда, при первыхъ его звукахъ, они обратились къ темному окну. Онъ сталъ думать о ней, и сердце въ немъ утихло. «Чистая дѣвушка, проговорилъ онъ вполголоса: — чистыя звѣзды», прибавилъ онъ съ улыбкой и спокойно легъ спать.

А Леммъ долго сидѣлъ на своей кровати съ нотной тетрадкой на колѣняхъ. Казалось, небывалая, сладкая

Digitized by Google

мелодія собиралась посѣтить его: онъ уже горѣлъ и волновался, онъ чувствовалъ уже истому и сладость ея приближенія.... но онъ не дождался ея.

— Не поэтъ и не музыкантъ! прошепталъ онъ наконецъ....

И усталая голова его тяжело опустилась на подушку.

## XXIII.

На другое утро хозяинъ и гость пили чай въ саду подъ старой липой.

— Маэстро! сказалъ между прочимъ Лаврецкій: — вамъ придется скоро сочинять торжественную кантату.

— По какому случаю?

— А по случаю бракосочетанія г. Паншина съ Лизой. Замѣтили ли вы, какъ онъ вчера за ней ухаживалъ? Кажется, у нихъ уже все идетъ на ладъ.

— Этого не будетъ! воскликнулъ Леммъ.

— Почему?

— Потому что это невозможно. Впрочемъ, прибавилъ онъ, погодя немного: — на свѣтѣ все возможно. Особенно здѣсь у васъ, въ Россіи.

— Россію мы оставимъ пока въ сторонѣ; но что же дурного находите вы въ этомъ бракѣ?

— Все дурно, все. Лизавета Михайловна дѣвица справедливая, серьёзная, съ возвышенными чувствами, — а онъ.... онъ ди-лет-тантъ, однимъ словомъ.

— Да вѣдь она его любитъ?

Леммъ всталъ со скамейки.

— Нѣтъ, она его не любитъ, то-есть, она очень чиста сердцемъ и не знаетъ сама, что̀ это значитъ: любить. Мадамъ фонъ-Калитинъ ей говоритъ, что онъ хорошій молодой человѣкъ, а она слушается мадамъ фонъ-Калитинъ,

Digitized by Google

потому что она еще совсѣмъ дитя, хоть ей и девятнадцать лѣтъ: молится утромъ, молится вечеромъ, — и это очень похвально; но она его не любитъ. Она можетъ любить одно прекрасное, а онъ не прекрасенъ, то-есть, душа его не прекрасна.

Леммъ произнесъ всю эту рѣчь связно и съ жаромъ, расхаживая маленькими шагами взадъ и впередъ передъ чайнымъ столикомъ и бѣгая глазами по землѣ.

— Дражайшій маэстро! воскликнулъ вдругъ Лаврецкій: — мнѣ сдается, что вы сами влюблены въ мою кузину.

Леммъ вдругъ остановился.

— Пожалуйста, началъ онъ невѣрнымъ голосомъ:—не шутите такъ надо мною. Я не безумецъ: я въ темную могилу гляжу, не въ розовую будущность.

Лаврецкому стало жаль старика; онъ попросилъ у него прощенія. Леммъ послѣ чая сыгралъ ему свою кантату, а за обѣдомъ, вызванный самимъ Лаврецкимъ, опять разговорился о Лизѣ. Лаврецкій слушалъ его со вниманіемъ и любопытствомъ.

— Какъ вы думаете, Христоforъ Ѳедорычъ, сказалъ онъ наконецъ:—вѣдь у насъ теперь, кажется, все въ порядкѣ, садъ въ полномъ цвѣту.... Не пригласить ли ее сюда на день вмѣстѣ съ ея матерью и моей старушкой теткой,—а? Вамъ это будетъ пріятно?

Леммъ наклонилъ голову надъ тарелкой.

— Пригласите, проговорилъ онъ чуть слышно.

— А Паншина не надобно?

— Не надобно, возразилъ старикъ съ почти-дѣтской улыбкой.

Дня два спустя, Ѳедоръ Иванычъ отправился въ городъ къ Калитинымъ.

Digitized by Google

## XXIV.

Онъ засталъ всѣхъ дома, но онъ не тотчасъ объявилъ имъ о своемъ намѣреніи; онъ хотѣлъ сперва переговорить наединѣ съ Лизой. Случай помогъ ему: ихъ оставили вдвоемъ въ гостиной. Они разговорились; она успѣла уже привыкнуть къ нему, — да она и вообще никого не дичилась. Онъ слушалъ ее, глядѣлъ ей въ лицо и мысленно твердилъ слова Лемма, соглашался съ нимъ. Случается иногда, что два уже знакомыхъ, но не близкихъ другъ другу человѣка, внезапно и быстро сближаются въ теченіи нѣсколькихъ мгновеній,—и сознаніе этого сближенія тотчасъ выражается въ ихъ взглядахъ, въ ихъ дружелюбныхъ и тихихъ усмѣшкахъ, въ самыхъ ихъ движеніяхъ. Именно это случилось съ Лаврецкимъ и Лизой. «Вотъ онъ какой», подумала она, ласково глядя на него; «вотъ ты какая», подумалъ и онъ. А потому онъ не очень удивился, когда она, не безъ маленькой однако запинки, объявила ему, что давно имѣетъ на сердцѣ сказать ему что-то, но боится его разсердить.

— Не бойтесь, говорите, промолвилъ онъ и остановился передъ ней.

Лиза подняла па него свои ясные глаза.

— Вы такіе добрые, начала она и въ то же время подумала: «да, онъ точно добрый....»—вы извините меня, я бы не должна смѣть говорить объ этомъ съ вами.... но какъ могли вы.... отчего вы разстались съ вашей женой?

Лаврецкій дрогнулъ, погладѣлъ на Лизу и подсѣлъ къ ней.

— Дитя мое, заговорилъ онъ—не прикасайтесь, пожалуйста, къ этой ранѣ; руки у васъ нѣжныя, а все-таки мнѣ будетъ больно.

— Я знаю, продолжала Лиза, какъ-будто не разслу-

Digitized by Google

шавъ его:—она передъ вами виновата, я не хочу ее оправдывать; но какъ же можно разлучать то, что́ Богъ соединилъ?

— Наши убѣжденія на этотъ счетъ слишкомъ различны, Лизавета Михайловна, произнесъ Лаврецкій довольно рѣзко:—мы не поймемъ другъ друга.

Лиза поблѣднѣла; все тѣло ея слегка затрепетало, но она не замолчала.

— Вы должны простить, промолвила она тихо:—если хотите, чтобы и васъ простили.

— Простить! подхватилъ Лаврецкій. — Вы бы сперва должны были узнать за кого вы просите? Простить эту женщину, принять ее опять въ свой домъ, ее, это пустое, безсердечное существо! И кто вамъ сказалъ, что она хочетъ возвратиться ко мнѣ? Помилуйте, она совершенно довольна своимъ положеніемъ.... Да что тутъ толковать! Имя ея не должно быть произносимо вами. Вы слишкомъ чисты, вы не въ состояніи даже понять такое существо.

— Зачѣмъ оскорблять! съ усиліемъ проговорила Лиза. Дрожь ея рукъ становилась видимой.—Вы сами ее оставили, Ѳедоръ Иванычъ.

— Но я же вамъ говорю, возразилъ съ невольнымъ взрывомъ нетерпѣнья Лаврецкій: — вы не знаете, какое это созданіе!

— Такъ зачѣмъ же вы женились на ней? прошептала Лиза и потупила глаза.

Лаврецкій быстро поднялся со стула.

— Зачѣмъ я женился? Я былъ тогда молодъ и неопытенъ; я обманулся, я увлекся красивой внѣшностью. Я не зналъ женщинъ, я ничего не зналъ. Дай вамъ Богъ заключить болѣе счастливый бракъ! но повѣрьте, ни за что нельзя ручаться.

— И я могу также быть несчастной, промолвила Лиза

Digitized by Google

(голосъ ея началъ прерываться):—но тогда надо будетъ покориться; я не умѣю говорить, но если мы не будемъ покоряться....

Лаврецкій стиснулъ руки и топнулъ ногой.

— Не сердитесь, простите меня, торопливо произнесла Лиза.

Въ это мгновенье вошла Марья Дмитріевна. Лиза встала и хотѣла удалиться.

— Постойте, неожиданно крикнулъ ей вслѣдъ Лаврецкій. У меня есть до вашей матушки и до васъ великая просьба: посѣтите меня на моемъ новоселье. Вы знаете, я завелъ фортепіано, Леммъ гоститъ у меня; сирень теперь цвѣтетъ; вы подышете деревенскимъ воздухомъ и можете вернуться въ тотъ же день,—согласны вы?

Лиза взглянула на мать, а Марья Дмитріевна приняла болѣзненный видъ; но Лаврецкій не далъ ей разинуть рта и тутъ же поцѣловалъ у ней обѣ руки. Марья Дмитріевна, всегда чувствительная на ласку и уже вовсе не ожидавшая такой любезности отъ «тюленя», умилилась душою и согласилась. Пока она соображала, какой бы назначить день, Лаврецкій подошелъ къ Лизѣ и, все еще взволнованный, украдкой шепнулъ ей: «спасибо, вы добрая дѣвушка; я виноватъ».... И ея блѣдное лицо заалѣлось веселой и стыдливой улыбкой; глаза ея тоже улыбнулись, — она до того мгновенья боялась, не оскорбила ли она его.

— Владиміръ Николаичъ съ нами можетъ ѣхать? спросила Марья Дмитріевна.

— Конечно, возразилъ Лаврецкій: — но не лучше ли намъ быть въ своемъ семейномъ кружкѣ?

— Да вѣдь, кажется.... начала-было Марья Дмитріевна.... впрочемъ, какъ хотите, прибавила она.

Digitized by Google

Рѣшено было взять Леночку и Шурочку. Марѳа Тимоѳеевна отказалась отъ поѣздки.

— Тяжело мнѣ, свѣтъ, сказала она:—кости старыя ломать; и ночевать у тебя, чай, негдѣ; да мнѣ и не спится въ чужой постели. Пусть эта молодежь скачетъ.

Лаврецкому уже не удалось болѣе побывать наединѣ съ Лизой; но онъ такъ глядѣлъ на нее, что ей и хорошо становилось, и стыдно немножко, и жалко его. Прощаясь съ ней, онъ крѣпко пожалъ ей руку: она задумалась, оставшись одна.

## XXV.

Когда Лаврецкій вернулся домой, его встрѣтилъ на порогѣ гостиной человѣкъ высокаго роста и худой, въ затасканномъ синемъ сюртукѣ, съ морщинистымъ, но оживленнымъ лицомъ, съ растрепанными сѣдыми бакенбардами, длиннымъ, прямымъ носомъ и небольшими воспаленными глазками. Это былъ Михалевичъ, бывшій его товарищъ по университету. Лаврецкій сперва не узналъ его, но горячо обнялъ, какъ только тотъ назвалъ себя. Они не видѣлись съ Москвы. Посыпались восклицанія, разспросы; выступили на свѣтъ Божій давно-заглохшія воспоминанія. Торопливо выкуривая трубку за трубкой, отпивая по глотку чаю и размахивая длинными руками, Михалевичъ разсказалъ Лаврецкому свои похожденія; въ нихъ не было ничего очень веселаго, удачей въ предпріятіяхъ своихъ онъ похвастаться не могъ, — а онъ безпрестанно смѣялся сиплымъ нервическимъ хохотомъ. Мѣсяцъ тому назадъ, получилъ онъ мѣсто въ частной конторѣ богатаго откупщика, верстъ за 300 отъ города О.... и, узнавъ о возвращеніи Лаврецкаго изъ-за границы, свернулъ съ дороги, чтобы повидаться съ старымъ

Digitized by Google

пріятелемъ. Михалевичъ говорилъ такъ же порывисто, какъ и въ молодости, шумѣлъ и кипѣлъ по прежнему. Лаврецкій упомянулъ было о своихъ обстоятельствахъ, но Михалевичъ перебилъ его, поспѣшно пробормотавъ: «слышалъ, братъ, слышалъ, — кто это могъ ожидать?» — и тотчасъ перевелъ разговоръ въ область общихъ разсужденій.

— Я, братъ, промолвилъ онъ:—завтра долженъ ѣхать; сегодня, мы, ужъ ты извини меня, ляжемъ поздно. Мнѣ хочется непремѣнно узнать, что ты, какія твои мнѣнія, убѣжденья, чѣмъ ты сталъ, чему жизнь тебя научила? (Михалевичъ придерживался еще фразеологіи 30-хъ годовъ). Что касается до меня, я во многомъ измѣнился, братъ: волны жизни упали на мою грудь, — кто бишь это сказалъ? — хотя въ важномъ, существенномъ, я не измѣнился; я по-прежнему вѣрю въ добро, въ истину; но я не только вѣрю, — я вѣрую теперь, да — я вѣрую, вѣрую. Послушай, ты знаешь, я пописываю стихи; въ нихъ поэзіи нѣтъ, но есть правда. Я тебѣ прочту мою послѣднюю піесу: въ ней я выразилъ самыя задушевныя мои убѣжденія. Слушай. Михалевичъ принялся читать свое стихотвореніе; оно было довольно длинно и оканчивалось, слѣдующими стихами:

Новымъ чувствамъ всѣмъ сердцемъ отдался,
Какъ ребенокъ душою я сталъ:
И я сжегъ все, чему поклонялся,
Поклонился всему, что сжигалъ.

Произнося послѣдніе два стиха, Михалевичъ чуть не заплакалъ; легкія судороги — признакъ сильнаго чувства — пробѣжали по его широкимъ губамъ, некрасивое лицо его просвѣтлѣло, Лаврецкій слушалъ его, слушалъ.... духъ противорѣчія зашевелился въ немъ: его

Digitized by Google

раздражала всегда-готовая, постоянно-кипучая восторженность московскаго студента. Четверти часа не прошло, какъ уже загорѣлся между ними споръ, одинъ изъ тѣхъ нескончаемыхъ споровъ, на которые способны только русскіе люди. Съ оника, послѣ многолѣтней разлуки, проведенной въ двухъ различныхъ мірахъ, не понимая ясно ни чужихъ, ни даже собственныхъ мыслей, цѣпляясь за слова и возражая одними словами, заспорили они о предметахъ самыхъ отвлеченныхъ, — и спорили такъ, какъ будто дѣло шло о жизни и смерти обоихъ: голосили и вопили такъ, что всѣ люди всполошились въ домѣ, а бѣдный Лемм, который съ самаго пріѣзда Михалевича заперся у себя въ комнатѣ, почувствовалъ недоумѣнье и началъ даже чего-то смутно бояться.

— Что же ты послѣ этого? разочарованный? кричалъ Михалевичъ въ первомъ часу ночи.

— Развѣ разочарованные такіе бываютъ? возражалъ Лаврецкій: тѣ всѣ бываютъ блѣдные и больные, — а, хочешь, я тебя одной рукой подниму?

— Ну, если не *разочарованный*, то *скептикъ*, это еще хуже (выговоръ Михалевича отзывался его родиной, Малороссіей). А съ какого права можешь ты быть скептикомъ? Тебѣ въ жизни не повезло, положимъ; въ этомъ твоей вины не было: ты былъ рожденъ съ душой страстной, любящей, а тебя насильственно отводили отъ женщинъ: первая попавшаяся женщина должна была тебя обмануть.

— Она и тебя обманула, замѣтилъ угрюмо Лаврецкій.

— Положимъ, положимъ; я былъ тутъ орудіемъ судьбы, — впрочемъ, что̀ это я вру, — судьбы тутъ нѣту; старая привычка неточно выражаться. Но что-жъ это доказываетъ?

— Доказываетъ то, что меня съ дѣтства вывихнули.

Digitized by Google

— А ты себя вправь! — на то ты человѣкъ, ты мужчина; энергіи тебѣ не занимать-стать! — Но какъ бы то ни было, развѣ можно, развѣ позволительно — частный, такъ-сказать, фактъ, возводить въ общій законъ, въ непреложное правило?

— Какое тутъ правило? перебилъ Лаврецкій; я не признаю....

— Нѣтъ, это твое правило, правило, — перебивалъ его въ свою очередь Михалевичъ.

— Ты эгоистъ, вотъ что! гремѣлъ онъ часъ спустя:— ты желалъ самонаслажденья, ты желалъ счастья въ жизни, ты хотѣлъ жить только для себя....

— Что такое самонаслажденье?

— И все тебя обмануло; все рухнуло подъ твоими ногами.

— Что такое самонаслажденье, спрашиваю я тебя?

— И оно должно было рухнуть. Ибо ты искалъ опоры тамъ, гдѣ ее найти нельзя, ибо ты строилъ свой домъ на зыбкомъ пескѣ....

— Говори яснѣй, безъ сравненій, *ибо* я тебя не понимаю.

— Ибо, — пожалуй, смѣйся, — ибо нѣтъ въ тебѣ вѣры, нѣтъ теплоты сердечной; умъ, все одинъ только копѣечный умъ.... ты, просто, жалкій, отсталый вольтеріянецъ — вотъ ты кто!

— Кто, я вольтеріянецъ?

— Да, такой же, какъ твой отецъ, и самъ того не подозрѣваешь.

— Послѣ этого, воскликнулъ Лаврецкій:—я въ правѣ сказать, что ты фанатикъ!

— Увы! возразилъ съ сокрушеньемъ Михалевичъ, — я, къ несчастью, ничѣмъ не заслужилъ еще такого высокаго наименованія....

Digitized by Google

— Я теперь нашелъ, какъ тебя назвать, кричалъ тотъ же Михалевичъ въ третьемъ часу ночи:—ты не скептикъ, не разочарованный, не вольтеріянецъ, ты — байбакъ, и ты злостный байбакъ, байбакъ съ сознаньемъ, не наивный байбакъ. Наивные байбаки лежатъ-себѣ на печи и ничего не дѣлаютъ, потому что не умѣютъ ничего дѣлать; они и не думаютъ ничего, а ты мыслящій человѣкъ — и лежишь; ты могъ бы что-нибудь дѣлать — и ничего не дѣлаешь; лежишь сытымъ брюхомъ кверху и говоришь: такъ оно и слѣдуетъ, лежать-то, потому что все, что люди ни дѣлаютъ, — все вздоръ и ни къ чему не ведущая чепуха.

— Да съ чего ты взялъ, что я лежу? твердилъ Лаврецкій: — почему ты предполагаешь во мнѣ такія мысли?

— А сверхъ того вы всѣ, вся ваша братія, продолжалъ неугомонный Михалевичъ: — начитанные байбаки. Вы знаете, на какую ножку нѣмецъ хромаетъ, знаете, что́ плохо у англичанъ и у французовъ, — и вамъ ваше жалкое знаніе въ подспорье идетъ, лѣнь вашу постыдную, бездѣйствіе ваше гнусное оправдываетъ. Иной даже гордится тѣмъ, что я, молъ, вотъ умница — лежу, а тѣ, дураки, хлопочутъ. Да! — А то есть у насъ такіе господа—впрочемъ, я это говорю не на твой счетъ,—которые всю жизнь свою проводятъ въ какомъ-то млѣніи скуки, привыкаютъ къ ней, сидятъ въ ней, какъ.... какъ грибъ въ сметанѣ, подхватилъ Михалевичъ и самъ засмѣялся своему сравненію. — О, это млѣніе скуки — гибель русскихъ людей! Весь вѣкъ собирается работать, противный байбакъ....

— Да что-жъ ты бранишься? вопилъ въ свою очередь Лаврецкій. Работать.... дѣлать.... Скажи лучше, что́ дѣлать, а не бранись, Демосѳенъ полтавскій!



Digitized by Google

— Вишь чего захотѣлъ! Это я тебѣ не скажу, братъ; это всякій самъ долженъ знать, возражалъ съ ироніей Демосѳенъ. Помѣщикъ, дворянинъ — и не знаетъ, что́ дѣлать! Вѣры нѣтъ, а то бы зналъ; вѣры нѣтъ — и нѣтъ откровенія.

— Дай же, по крайней мѣрѣ, отдохнуть, чортъ; дай оглядѣться, молилъ Лаврецкій.

— Ни минуты отдыха, ни секунды! возражалъ съ повелительнымъ движеніемъ руки Михалевичъ. Ни одной секунды!—Смерть не ждетъ, и жизнь ждать не должна.

— И когда же, гдѣ же вздумали люди обайбачиться? кричалъ онъ въ четыре часа утра, но уже нѣсколько осипшимъ голосомъ: у насъ! теперь! въ Россіи! когда на каждой отдѣльной личности лежитъ долгъ, отвѣтственность великая передъ Богомъ, передъ народомъ, передъ самимъ собою! Мы спимъ, а время уходитъ; мы спимъ....

— Позволь мнѣ замѣтить тебѣ, промолвилъ Лаврецкій: — что мы вовсе не спимъ теперь, а скорѣе другимъ не даемъ спать. Мы, какъ пѣтухи, деремъ горло. Послушай-ка, это никакъ уже третьи кричатъ.

Эта выходка разсмѣшила и успокоила Михалевича. «До завтра», проговорилъ онъ съ улыбкой,—и всунулъ трубку въ кисетъ. «До завтра», повторилъ Лаврецкій. Но друзья еще болѣе часу бесѣдовали... Впрочемъ, голоса ихъ не возвышались болѣе, и рѣчи ихъ были тихія, грустныя, добрыя рѣчи.

Михалевичъ уѣхалъ на другой день, какъ ни удерживалъ его Лаврецкій. Ѳедору Иванычу не удалось убѣдить его остаться; но наговорился онъ съ нимъ досыта. Оказалось, что у Михалевича гроша за душой не было. Лаврецкій уже наканунѣ съ сожалѣніемъ замѣтилъ въ немъ всѣ признаки и привычки застарѣлой бѣдности: сапоги у него были сбиты, сзади на сюртукѣ недоставало одной

Digitized by Google

пуговицы, руки его не вѣдали перчатокъ, въ волосахъ торчалъ пухъ: пріѣхавши, онъ и не подумалъ попросить умыться, а за ужиномъ ѣлъ, какъ акула, раздирая руками мясо и съ трескомъ перегрызая кости своими крѣпкими черными зубами. Оказалось также, что служба не пошла ему въ прокъ, что всѣ надежды свои онъ возлагалъ на откупщика, который взялъ его единственно для того, чтобы имѣть у себя въ конторѣ «образованнаго человѣка». Со всѣмъ тѣмъ, Михалевичъ не унывалъ и жилъ-себѣ циникомъ, идеалистомъ, поэтомъ, искренно радѣя и сокрушаясь о судьбахъ человѣчества, о собственномъ призваніи,—и весьма мало заботясь о томъ, какъ бы не умереть съ голоду. Михалевичъ женатъ не былъ; но влюблялся безъ счету и писалъ стихотворенія на всѣхъ своихъ возлюбленныхъ; особенно пылко воспѣлъ онъ одну таинственную, чернокудрую «панну».... Ходили, правда, слухи, будто эта панна была простая жидовка, хорошо извѣстная многимъ кавалерійскимъ офицерамъ.... но какъ подумаешь—развѣ это не все равно?

Съ Леммомъ Михалевичъ не сошелся: нѣмца, съ непривычки, запугали его многошумныя рѣчи, его рѣзкія манеры.... Горемыка издали тотчасъ чуетъ другого горемыку, но подъ старость рѣдко сходится съ нимъ,—и это нисколько не удивительно: ему съ нимъ нечѣмъ дѣлиться,—даже надеждами.

Передъ отъѣздомъ Михалевичъ еще долго бесѣдовалъ съ Лаврецкимъ, пророчилъ ему гибель, если онъ не очнется, умолялъ его серьезно заняться бытомъ своихъ крестьянъ, ставилъ себя въ примѣръ, говоря, что онъ очистился въ горнилѣ бѣдъ,—и тутъ же нѣсколько разъ назвалъ себя счастливымъ человѣкомъ, сравнилъ себя съ птицей небесной, съ лиліей долины....

Digitized by Google

— Съ черной лиліей, во всякомъ случаѣ, замѣтилъ Лаврецкій.

— Э, братъ, не аристократничай, возразилъ добродушно Михалевичъ:—а лучше благодари Бога, что и въ твоихъ жилахъ течетъ честная плебейская кровь. Но я вижу, тебѣ нужно теперь какое-нибудь чистое, неземное существо, которое исторгло бы тебя изъ твоей апатіи.

— Спасибо братъ, промолвилъ Лаврецкій: — съ меня будетъ этихъ неземныхъ существъ.

— Молчи, *цынык*! воскликнулъ Михалевичъ.

— «Циникъ», поправилъ его Лаврецкій.

— Именно цынык, повторилъ, не смущаясь, Михалевичъ.

Даже сидя въ тарантасѣ, куда вынесли его плоскій, желтый, до странности легкій чемоданъ, онъ еще говорилъ; окутанный въ какой-то испанскій плащъ съ порыжѣлымъ воротникомъ и львиными лапами вмѣсто застежекъ, онъ еще развивалъ свои воззрѣнія на судьбы Россіи и водилъ смуглой рукой по воздуху, какъ-бы разсѣевая сѣмена будущаго благоденствія. Лошади тронулись наконецъ.... «Помни мои послѣднія три слова», закричалъ онъ, высунувшись всѣмъ тѣломъ изъ тарантаса и стоя на балансѣ:—«религія, прогрессъ, человѣчность!... Прощай!» Голова его, съ нахлобученной на глаза фуражкой, исчезла. Лаврецкій остался одинъ на крыльцѣ — и пристально глядѣлъ вдаль по дорогѣ, пока тарантасъ не скрылся изъ виду. «А вѣдь онъ, пожалуй, правъ», думалъ онъ, возвращаясь въ домъ:—«пожалуй, что я байбакъ». Многія изъ словъ Михалевича неотразимо вошли ему въ душу, хоть онъ и спорилъ и не соглашался съ нимъ. Будь только человѣкъ добръ,—его никто отразить не можетъ.

Digitized by Google

## XXVI.

Дня два спустя, Марья Дмитріевна, по обѣщанію прибыла со всей своей молодежью въ Васильевское. Дѣвочки побѣжали тотчасъ въ садъ, а Марья Дмитріевна томно прошлась по комнатамъ и томно все похвалила. Визитъ свой Лаврецкому она считала знакомъ великаго снисхожденья, чуть не добрымъ поступкомъ. Она привѣтливо улыбнулась, когда Антонъ и Апраксѣя, по старинной дворовой привычкѣ, подошли къ ней къ ручкѣ,—и разслабленнымъ голосомъ, въ носъ, попросила напиться чаю. Къ великой досадѣ Антона, надѣвшаго вязаныя бѣлыя перчатки, чай подалъ пріѣзжей барынѣ не онъ, а наемный камердинеръ Лаврецкаго, не понимавшій, по словамъ старика, никакихъ порядковъ. За то Антонъ за обѣдомъ взялъ свое: твердой стопою сталъ онъ за кресло Марьи Дмитріевны — и уже никому не уступилъ своего мѣста. Давно-небывалое появленіе гостей въ Васильевскомъ и встревожило, и обрадовало старика: ему было пріятно видѣть, что съ его бариномъ хорошіе господа знаются. Впрочемъ, не онъ одинъ волновался въ тотъ день: Леммъ волновался тоже. Онъ надѣлъ коротенькій табачнаго цвѣта фракъ съ острымъ хвостикомъ, туго затянулъ свой шейный платокъ и безпрестанно откашливался и сторонился съ пріятнымъ и привѣтливымъ видомъ. Лаврецкій съ удовольствіемъ замѣтилъ, что сближеніе между нимъ и Лизой продолжалось: она, какъ только вошла, дружелюбно протянула ему руку. Послѣ обѣда Леммъ досталъ изъ задняго кармана фрака, куда онъ то-и-дѣло запускалъ руку, небольшой свертокъ нотной бумаги и, сжавъ губы, молча, положилъ его на фортепіано. Это былъ романсъ, сочиненный имъ наканунѣ на старомодныя нѣмецкія слова, въ которыхъ упоминалось о звѣздахъ. Лиза тотчасъ

Digitized by Google

сѣла за фортепіано и разобрала романсъ.... Увы! музыка оказалась запутанной и непріятно-напряженной; видно было, что композиторъ силился выразить что-то страстное, глубокое, но ничего не вышло: усиліе такъ и осталось однимъ усиліемъ. Лаврецкій и Лиза оба это почувствовали,—и Леммъ это понялъ: ни слова не сказавъ, положилъ онъ свой романсъ обратно въ карманъ и, въ отвѣтъ на предложеніе Лизы сыграть его еще разъ, покачалъ только головой, значительно сказалъ: «теперь—баста!»— сгорбился, съежился, и отошелъ.

Къ вечеру пошли всѣмъ обществомъ ловить рыбу. Въ прудѣ за садомъ водилось много карасей и гольцовъ. Марью Дмитріевну посадили на кресло возлѣ берега, въ тѣни, постлали ей коверъ подъ ноги, дали лучшую удочку; Антонъ, какъ старый опытный рыболовъ, предложилъ свои услуги. Онъ усердно насаживалъ червяковъ, шлепалъ по нимъ рукою, плевалъ на нихъ и даже самъ закидывалъ удочку, граціозно наклоняясь впередъ всѣмъ корпусомъ. Марья Дмитріевна въ тотъ же день отозвалась о немъ Ѳедору Иванычу слѣдующей фразой на институтско-французскомъ языкѣ: «il n'y a plus maintenant de ces gens comme ça comme autrefois». Леммъ съ двумя дѣвочками отправился подальше, къ самой плотинѣ; Лаврецкій помѣстился возлѣ Лизы. Рыба клевала безпрестанно, выхваченные караси то-и-дѣло сверкали въ воздухѣ своими то золотыми, то серебряными боками; радостныя восклицанія дѣвочекъ не умолкали; сама Марья Дмитріевна изнѣженно взвизгнула раза два. Рѣже всѣхъ бралось у Лаврецкаго и у Лизы; вѣроятно, это происходило отъ того, что они меньше другихъ обращали вниманія на ловлю и дали поплавкамъ своимъ подплыть къ самому берегу. Красноватый высокій камышъ тихо шелестилъ вокругъ нихъ, впереди тихо сіяла неподвижная вода, и раз-

Digitized by Google

говоръ у нихъ шелъ тихій. Лиза стояла на маленькомъ плоту; Лаврецкій сидѣлъ на наклоненномъ стволѣ ракиты; на Лизѣ было бѣлое платье, перехваченное вокругъ пояса широкой, тоже бѣлой лентой; соломенная шляпа висѣла у ней на одной рукѣ,—другою она съ нѣкоторымъ усиліемъ поддерживала гнуткое удилище. Лаврецкій глядѣлъ на ея чистый, нѣсколько строгій профиль, на закинутые за уши волосы, на нѣжныя щеки, которыя загорѣли у ней, какъ у ребенка, — и думалъ: «о, какъ мило стоишь ты надъ моимъ прудомъ!» Лиза не оборачивалась къ нему, а смотрѣла на воду — и не то щурилась, не то улыбалась. Тѣнь отъ близкой липы падала на обоихъ.

— А знаете ли, началъ Лаврецкій:—я много размышлялъ о нашемъ послѣднемъ разговорѣ съ вами и пришелъ къ тому заключенію, что вы чрезвычайно добры.

— Я совсѣмъ не съ тѣмъ намѣреніемъ.... возразила было Лиза,—и застыдилась.

— Вы добры, повторилъ Лаврецкій. Я топорный человѣкъ, а чувствую, что всѣ должны васъ любить. Вотъ хоть бы Леммъ; онъ просто влюбленъ въ васъ.

Брови у Лизы—не то, чтобы нахмурились, а дрогнули; это съ ней всегда случалось, когда она слышала что-нибудь непріятное.

— Очень онъ мнѣ былъ жалокъ сегодня, подхватилъ Лаврецкій: — съ своимъ неудавшимся романсомъ. Быть молодымъ и не умѣть—это сносно; но состарѣться и не быть въ силахъ—это тяжело. И вѣдь обидно то, что не чувствуешь, когда уходятъ силы. Старику трудно переносить такіе удары!... Берегитесь, у васъ клюетъ.... Говорятъ, прибавилъ Лаврецкій, помолчавъ немного:—Владиміръ Николаичъ написалъ очень милый романсъ.

— Да, отвѣчала Лиза;—это бездѣлка, но недурная.

Digitized by Google

— А какъ по вашему, спросилъ Лаврецкій:—хорошій онъ музыкантъ?

— Мнѣ кажется, у него большія способности къ музыкѣ; но онъ до сихъ поръ не занимался ею, какъ слѣдуетъ.

— Такъ. А человѣкъ онъ хорошій?

Лиза засмѣялась и быстро взглянула на Ѳедора Иваныча.

— Какой странный вопросъ! воскликнула она, вытащила удочку и далеко закинула ее снова.

— Отчего же странный? Я спрашиваю о немъ у васъ, какъ человѣкъ, недавно сюда пріѣхавшій, какъ родственникъ.

— Какъ родственникъ?

— Да. Вѣдь я вамъ, кажется, довожусь дядей.

— У Владиміра Николаича доброе сердце, заговорила Лиза:—онъ уменъ; maman его очень любитъ.

— А вы его любите?

— Онъ хорошій человѣкъ; отчего же мнѣ его не любить?

— А! промолвилъ Лаврецкій и умолкъ. Полу-печальное, полу-насмѣшливое выраженіе промелькнуло у него на лицѣ. Упорный взглядъ его смущалъ Лизу, но она продолжала улыбаться.—«Ну и дай Богъ имъ счастья!»—пробормоталъ онъ, наконецъ, какъ будто про себя, — и отворотилъ голову.

Лиза покраснѣла.

— Вы ошибаетесь, Ѳедоръ Иванычъ, сказала она: — вы напрасно думаете.... А развѣ вамъ Владиміръ Николаичъ не нравится? спросила она вдругъ.

— Не нравится.

— Отчего же?

— Мнѣ кажется, сердца-то у него и нѣту.

Digitized by Google

Улыбка сошла съ лица Лизы.

— Вы привыкли строго судить людей, промолвила она послѣ долгаго молчанья.

— Я не думаю. Какое право имѣю я строго судить другихъ, помилуйте, когда я самъ нуждаюсь въ снисхожденіи? Или вы забыли, что надо мной одинъ лѣнивый не смѣется?... А что, прибавилъ онъ, сдержали вы свое обѣщаніе?

— Какое?

— Помолились вы за меня?

— Да, я за васъ молилась и молюсь каждый день. А вы, пожалуйста, не говорите легко объ этомъ.

Лаврецкій началъ увѣрять Лизу, что ему это и въ голову не приходило, что онъ глубоко уважаетъ всякія убѣжденія; потомъ онъ пустился толковать о религіи, о ея значеніи въ исторіи человѣчества, о значеніи христіанства....

— Христіаниномъ нужно быть, заговорила не безъ нѣкотораго усилія Лиза: — не для того, чтобы познавать небесное.... тамъ.... земное, а для того, что каждый человѣкъ долженъ умереть.

Лаврецкій съ невольнымъ удивленіемъ поднялъ глаза на Лизу и встрѣтилъ ея взглядъ.

— Какое это вы промолвили слово! сказалъ онъ.

— Это слово не мое, отвѣчала она.

— Не ваше.... Но почему вы заговорили о смерти?

— Не знаю. Я часто о ней думаю.

— Часто?

— Да.

— Этого не скажешь, глядя на васъ теперь: у васъ такое веселое, свѣтлое лицо, вы улыбаетесь....

— Да, мнѣ очень весело теперь, наивно возразила Лиза.

Digitized by Google

Лаврецкому захотѣлось взять ея обѣ руки и крѣпко стиснуть ихъ....

— Лиза, Лиза, закричала Марья Дмитріевна, поди сюда, посмотри какого карася я поймала.

— Сейчасъ, maman, отвѣчала Лиза и пошла къ ней, а Лаврецкій остался на своей ракитѣ. «Я говорю съ ней, словно я не отжившій человѣкъ», думалъ онъ. Уходя, Лиза повѣсила свою шляпу на вѣтку; съ страннымъ, почти нѣжнымъ чувствомъ посмотрѣлъ Лаврецкій на эту шляпу, на ея длинныя, немного помятыя ленты. Лиза скоро къ нему вернулась и опять стала на плотъ.

— Почему же вамъ кажется, что у Владиміра Николаича сердца нѣтъ? спросила она, нѣсколько мгновеній спустя.

— Я вамъ уже сказалъ, что я могъ ошибиться; а, впрочемъ, время все покажетъ.

Лиза задумалась. Лаврецкій заговорилъ о своемъ житьѣ-бытьѣ въ Васильевскомъ, о Михалевичѣ, объ Антонѣ; онъ чувствовалъ потребность говорить съ Лизой, сообщить ей все, что приходило ему въ душу: она такъ мило, такъ внимательно его слушала; ея рѣдкія замѣчанія и возраженія казались ему такъ просты и умны. Онъ даже сказалъ ей это.

Лиза удивилась.

— Право? промолвила она: — а я такъ думала, что у меня, какъ у моей горничной Насти, *своихъ* словъ нѣтъ. Она однажды сказала своему жениху: тебѣ должно быть скучно со мною; ты мнѣ говоришь все такое хорошее, а у меня своихъ словъ нѣтуˇ.

«И слава Богу!» подумалъ Лаврецкій.

Digitized by Google

## XXVII.

Между тѣмъ вечеръ наступалъ, и Марья Дмитріевна изъявила желаніе возвратиться домой. Дѣвочекъ съ трудомъ оторвали отъ пруда, снарядили. Лаврецкій объявилъ, что проводитъ гостей до полъ-дороги и велѣлъ осѣдлать себѣ лошадь. Усаживая Марью Дмитріевну въ карету, онъ хватился Лемма; но старика нигдѣ не могли найти. Онъ тотчасъ исчезъ, какъ только кончилось уженье. Антонъ, съ замѣчательной для его лѣтъ силой, захлопнулъ дверцы и сурово закричалъ: пошелъ, кучеръ! Карета тронулась. На заднихъ мѣстахъ помѣщались Марья Дмитріевна и Лиза; на переднихъ — дѣвочки и горничная. Вечеръ стоялъ теплый и тихій, и окна съ обѣихъ сторонъ были опущены. Лаврецкій ѣхалъ рысью возлѣ кареты со стороны Лизы, положивъ руку на дверцы,— онъ бросилъ поводья на шею плавно бѣжавшей лошади— и изрѣдка мѣняясь двумя-тремя словами съ молодой дѣвушкой. Заря исчезла; наступила ночь, а воздухъ даже потеплѣлъ. Марья Дмитріевна скоро задремала; дѣвочки и горничная заснули тоже. Быстро и ровно катилась карета; Лиза наклонилась впередъ; только-что поднявшійся мѣсяцъ свѣтилъ ей въ лицо, ночной пахучій вѣтерокъ дышалъ ей въ глаза и щеки. Ей было хорошо. Рука ея опиралась на дверцы кареты рядомъ съ рукою Лаврецкаго. И ему было хорошо: онъ несся по спокойной ночной теплыни, не спуская глазъ съ добраго молодого лица, слушая молодой, и въ шёпотѣ звенѣвшій голосъ, говорившій простыя, добрыя вещи; онъ и не замѣтилъ, какъ проѣхалъ полъ-дороги. Онъ не захотѣлъ будить Марью Дмитріевну, пожалъ слегка руку Лизы, и сказалъ: «вѣдь мы друзья теперь, не правда ли?» Она кивнула головой, онъ остановилъ лошадь. Карета покатилась дальше, ти-

Digitized by Google

хонько колыхаясь и ныряя; Лаврецкій отправился шагомъ домой. Обаянье лѣтней ночи охватило его; все вокругъ казалось такъ неожиданно странно и въ то же время такъ давно и такъ сладко знакомо; вблизи и вдали, — а далеко было видно, хотя глазъ многаго не понималъ изъ того, что̀ видѣлъ, — все покоилось; молодая разцвѣтающая жизнь сказывалась въ самомъ этомъ покоѣ. Лошадь Лаврецкаго бодро шла, мѣрно раскачиваясь направо и налѣво; большая черная тѣнь ея шла съ ней рядомъ; было что-то таинственно-пріятное въ топотѣ ея копытъ, что-то веселое и чудное въ гремящемъ крикѣ перепелокъ. Звѣзды исчезали въ какомъ-то свѣтломъ дымѣ; неполный мѣсяцъ блестѣлъ твердымъ блескомъ; свѣтъ его разливался голубымъ потокомъ по небу и падалъ пятномъ дымчатаго золота на проходившія близко тонкія тучки; свѣжесть воздуха вызывала легкую влажность на глаза, ласково охватывала всѣ члены, лилась вольною струею въ грудь. Лаврецкій наслаждался и радовался своему наслажденію. «Ну, мы еще поживемъ, думалъ онъ:—не совсѣмъ еще насъ заѣла....» Онъ не договорилъ: кто или что.... Потомъ онъ сталъ думать о Лизѣ, о томъ, что врядъ ли она любитъ Паншина; что встрѣться онъ съ ней при другихъ обстоятельствахъ, — Богъ знаетъ, что могло бы изъ этого выйти; что онъ понимаетъ Лемма, хотя у ней «своихъ» словъ нѣтъ. Да и это неправда: у ней есть свои слова.... «Не говорите объ этомъ легкомысленно,» вспомнилось Лаврецкому. Онъ долго ѣхалъ, понуривъ голову, потомъ выпрямился, медленно произнесъ:

И я сжегъ все, чему поклонялся:
Поклонился всему, что сжигалъ....

но тотчасъ же ударилъ лошадь хлыстомъ и скакалъ вплоть до дому.

Digitized by Google

Слѣзая съ коня, онъ въ послѣдній разъ оглянулся, съ невольной, благодарной улыбкой. Ночь, безмолвная, ласковая ночь, лежала на холмахъ и на долинахъ; издали, изъ ея благовонной глубины, Богъ знаетъ откуда — съ неба ли, съ земли, — тянуло тихимъ и мягкимъ теплomъ. Лаврецкій послалъ послѣдній поклонъ Лизѣ и взбѣжалъ на крыльцо..

Слѣдующій день прошелъ довольно вяло. Съ утра падалъ дождь; Леммъ глядѣлъ изподлобья и все крѣпче и крѣпче стискивалъ губы, точно онъ давалъ себѣ зарокъ никогда не открывать ихъ. Ложась спать, Лаврецкій взялъ съ собою на постель цѣлую груду французскихъ журналовъ, которые уже болѣе двухъ недѣль лежали у него на столѣ не распечатанные. Онъ принялся равнодушно рвать обложки и пробѣгать столбцы газетъ, въ которыхъ, впрочемъ, не было ничего новаго. Онъ уже хотѣлъ бросить ихъ — и вдругъ вскочилъ съ постели, какъ ужаленный. Въ фельетонѣ одной изъ газетъ, извѣстный уже намъ мосье Жюль сообщалъ своимъ читателямъ «горестную новость:» прелестная, очаровательная москвитянка, писалъ онъ, — одна изъ царицъ моды, украшеніе парижскихъ салоновъ, Madame de Lavretzki скончалась почти внезапно, — и вѣсть эта, къ сожалѣнію, слишкомъ вѣрная, только-что дошла до него, г-на Жюля. Онъ былъ, — такъ продолжалъ онъ, — можно сказать, другомъ покойницы....

Лаврецкій одѣлся, вышелъ въ садъ и до самаго утра ходилъ взадъ и впередъ все по одной аллеѣ.

## XXVIII.

На слѣдующее утро, за чаемъ, Леммъ попросилъ Лаврецкаго дать ему лошадей для того, чтобы возвратить

въ городъ. «Мнѣ пора приняться за дѣло, то-есть за уроки», замѣтилъ старикъ:—«а то я здѣсь только даромъ время теряю». Лаврецкій не сразу отвѣчалъ ему: онъ казался разсѣяннымъ. «Хорошо, сказалъ онъ наконецъ:—я съ вами самъ поѣду».—Безъ помощи слуги, кряхтя и сердясь, уложилъ Леммъ небольшой свой чемоданъ, изорвалъ и сжегъ нѣсколько листовъ нотной бумаги. Подали лошадей. Выходя изъ кабинета, Лаврецкій положилъ въ карманъ вчерашній нумеръ газеты. Во все время дороги, и Леммъ, и Лаврецкій мало говорили другъ съ другомъ: каждаго изъ нихъ занимали собственныя мысли, и каждый былъ радъ, что другой его не безпокоитъ. И разстались они довольно сухо, что́, впрочемъ, часто случается между пріятелями на Руси. Лаврецкій подвезъ старика къ его домику: тотъ вылѣзъ, досталъ свой чемоданъ и, не протягивая своему пріятелю руки (онъ держалъ чемоданъ обѣими руками передъ грудью), не глядя даже на него, сказалъ ему по-русски: прощайте-съ!—Прощайте, повторилъ Лаврецкій и велѣлъ кучеру ѣхать къ себѣ на квартиру. Онъ нанималъ на всякій случай квартиру въ городѣ О.... Написавши нѣсколько писемъ и наскоро пообѣдавъ, Лаврецкій отправился къ Калитинымъ. Онъ засталъ у нихъ въ гостиной одного Паншина, который объявилъ ему, что Марья Дмитріевна сейчасъ выйдетъ, и тотчасъ съ самой радушной любезностью вступилъ съ нимъ въ разговоръ. До того дня Паншинъ обращался съ Лаврецкимъ—не то, чтобъ свысока, а снисходительно; но Лиза, разсказывая Паншину свою вчерашнюю поѣздку, отозвалась о Лаврецкомъ, какъ о прекрасномъ и умномъ человѣкѣ; этого было довольно: слѣдовало завоевать «прекраснаго» человѣка. Паншинъ началъ съ комплиментовъ Лаврецкому, съ описанія восторга, съ которымъ, по его словамъ, все семейство Марьи Дмитріевны отзывалось о

Васильевскомъ, и потомъ, по обыкновенію своему, ловко перейдя къ самому себѣ, началъ говорить о своихъ занятіяхъ, о воззрѣніяхъ своихъ на жизнь, на свѣтъ и на службу; сказалъ слова два о будущности Россіи, о томъ, какъ слѣдуетъ губернаторовъ въ рукахъ держать; тутъ же весело подтрунилъ надъ самимъ собою и прибавилъ, что между прочимъ ему въ Петербургѣ поручили — «de populariser l'idée du cadastre». Онъ говорилъ довольно долго, съ небрежной самоувѣренностью разрѣшая всѣ затрудненія и, какъ фокусникъ шарами, играя самыми важными административными и политическими вопросами. Выраженія: «вотъ что бы я сдѣлалъ, если-бъ я былъ правительствомъ»: «вы, какъ умный человѣкъ, тотчасъ со мной согласитесь» — не сходили у него съ языка. Лаврецкій холодно слушалъ разглагольствованія Паншина: не нравился ему этотъ красивый, умный и непринужденно-изящный человѣкъ, съ своей свѣтлой улыбкой, вѣжливымъ голосомъ и пытливыми глазами. Паншинъ скоро догадался, съ свойственнымъ ему быстрымъ пониманіемъ ощущеній другого, что не доставляетъ особеннаго удовольствія своему собесѣднику, и подъ благовиднымъ предлогомъ скрылся, рѣшивъ про себя, что Лаврецкій, можетъ быть, и прекрасный человѣкъ, но не симпатичный, «aigri» и, «en somme», нѣсколько смѣшной. — Марья Дмитріевна появилась въ сопровожденіи Гедеоновскаго; потомъ пришла Марѳа Тимоѳеевна съ Лизой, за ними пришли остальные домочадцы; потомъ пріѣхала и любительница музыки, Вѣленицына, маленькая, худенькая дама, съ почти-рябическимъ, усталымъ и красивымъ личикомъ, въ шумящемъ черномъ платьѣ, съ пестрымъ вѣеромъ и толстыми золотыми браслетами; пріѣхалъ и мужъ ея, краснощекій, пухлый человѣкъ, съ большими ногами и руками, съ бѣлыми рѣсницами и неподвижной улыбкой

Digitized by Google

на толстыхъ губахъ; въ гостяхъ жена никогда съ нимъ не говорила, а дома, въ минуту нѣжности, называла его своимъ поросеночкомъ; Паншинъ вернулся: очень стало людно и шумно въ комнатахъ. Лаврецкому такое множество народа было не понутру; особенно сердила его Бѣленицына, которая то-и-дѣло глядѣла на него въ лорнетъ. Онъ бы тотчасъ ушелъ, если-бъ не Лиза: ему хотѣлось сказать ей два слова на единѣ, но онъ долго не могъ улучить удобное мгновенье и довольствовался тѣмъ, что съ тайной радостью слѣдилъ за нею взоромъ; никогда ея лицо не казалось ему благороднѣй и милѣй. Она много выигрывала отъ близости Бѣленицыной. Та безпрестанно двигалась на стулѣ, поводила своими узкими плечиками, смѣялась изнѣженнымъ смѣхомъ и то щурилась, то вдругъ широко раскрывала глаза. Лиза сидѣла смирно, глядѣла прямо и вовсе не смѣялась. Хозяйка сѣла играть въ карты съ Маѳой Тимоѳеевной, Бѣленицынымъ и Гедеоновскимъ, который игралъ очень медленно, безпрестанно ошибался, моргалъ глазами и утиралъ лицо платкомъ. Паншинъ принялъ меланхолическій видъ, выражался кратко, многозначительно и печально,—ни дать, ни взять невысказавшійся художникъ, — но, несмотря на просьбы Бѣленицыной, которая очень съ нимъ кокетничала, не соглашался спѣть свой романсъ: Лаврецкій его стѣснялъ. Ѳедоръ Иванычъ тоже говорилъ мало; особенное выраженіе его лица поразило Лизу, какъ только онъ вошелъ въ комнату: она тотчасъ почувствовала, что онъ имѣетъ сообщить ей что-то, но, сама не зная почему, боялась разспросить его. Наконецъ, переходя въ залу наливать чай, она невольно поворотила голову въ его сторону. Онъ тотчасъ пошелъ вслѣдъ за ней.

— Что съ вами? промолвила она, ставя чайникъ на самоваръ.

Digitized by Google

— А развѣ вы что́ замѣтили? проговорилъ онъ.

— Вы сегодня не такой, какимъ я васъ видѣла до сихъ поръ.

Лаврецкій наклонился надъ столомъ.

— Я хотѣлъ, началъ онъ:—передать вамъ одно извѣстіе, но теперь невозможно. — Впрочемъ, прочтите вотъ что отмѣчено карандашемъ въ этомъ фельетонѣ, прибавилъ онъ, подавая ей нумеръ взятаго съ собою журнала. — Прошу хранить это въ тайнѣ, я зайду завтра утромъ.

Лиза изумилась.... Паншинъ показался на порогѣ двери: она положила журналъ къ себѣ въ карманъ.

— Читали вы Обермана, Лизавета Михайловна? задумчиво спросилъ ее Паншинъ.

Лиза отвѣчала ему вскользь и пошла изъ залы наверхъ. Лаврецкій вернулся въ гостиную и приблизился къ игорному столу. Марѳа Тимоѳеевна, распустивъ ленты чепца и покраснѣвъ, начала ему жаловаться на своего партнера, Гедеоновскаго, который, по ея словамъ, ступить не умѣлъ.

— Видно, въ карты играть, говорила она: — не то, что́ выдумки сочинять.

Тотъ продолжалъ моргать глазами и утираться. Лиза пришла въ гостиную и сѣла въ уголъ; Лаврецкій посмотрѣлъ на нее, она на него посмотрѣла,—и обоимъ стало почти жутко. Онъ прочелъ недоумѣніе и какой-то тайный упрекъ на ея лицѣ. Поговорить съ нею, какъ бы ему хотѣлось, онъ не могъ; оставаться въ одной комнатѣ съ нею, гостемъ въ числѣ другихъ гостей—было тяжело: онъ рѣшился уйти. Прощаясь съ нею, онъ успѣлъ повторить, что придетъ завтра и прибавилъ, что надѣется на ея дружбу.



Digitized by Google

— Приходите, отвѣчала она съ тѣмъ же недоумѣніемъ на лицѣ.

Паншинъ оживился по уходѣ Лаврецкаго; онъ началъ давать совѣты Гедеоновскому; насмѣшливо любезничалъ съ Бѣленицыной и, наконецъ, спѣлъ свой романсъ. Но съ Лизой онъ говорилъ и глядѣлъ на неё по прежнему: значительно и немного печально.

А Лаврецкій опять не спалъ всю ночь. Ему не было грустно, онъ не волновался, онъ затихъ весь; но онъ не могъ спать. Онъ даже не вспоминалъ прошедшаго времени; онъ просто глядѣлъ въ свою жизнь: сердце его билось тяжело и ровно, часы летѣли, онъ и не думалъ о снѣ. Повременамъ только всплывала у него въ головѣ мысль: «да это не правда, это все вздоръ»,— и онъ останавливался, поникалъ головою и снова принимался глядѣть въ свою жизнь.

## XXIX.

Марья Дмитріевна не слишкомъ ласково приняла Лаврецкаго, когда онъ явился къ ней на слѣдующій день. «Вишь, повадился», подумала она. Онъ ей самъ по себѣ не очень нравился, да и Паншинъ, подъ вліяніемъ котораго она находилась, весьма коварно и небрежно похвалилъ его наканунѣ. Такъ какъ она не считала его гостемъ и не полагала нужнымъ занимать родственника, почти домашняго человѣка, то и получаса не прошло, какъ онъ уже шелъ съ Лизой въ саду по аллеѣ. Леночка и Шурочка бѣгали въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ по цвѣтнику.

Лиза была спокойна по обыкновенію, но болѣе обыкновеннаго блѣдна. Она достала изъ кармана и протянула Лаврецкому мелко сложенный листъ журнала.

Digitized by Google

— Это ужасно! промолвила она.

Лаврецкій ничего не отвѣчалъ.

— Да можетъ быть это еще и не правда, прибавила Лиза.

— Оттого-то я и просилъ васъ не говорить объ этомъ никому.

Лиза прошлась немного.

— Скажите, начала она:—вы не огорчены? нисколько?

— Я самъ не знаю, что́ я чувствую, отвѣчалъ Лаврецкій.

— Но вѣдь вы ее любили прежде?

— Любилъ.

— Очень?

— Очень.

— И не огорчены ея смертью?

— Она не теперь для меня умерла.

— Это грѣшно, что́ вы говорите.... Не сердитесь на меня. Вы меня называете своимъ другомъ: другъ все можетъ говорить. Мнѣ, право, даже страшно.... Вчера у васъ такое нехорошее было лицо.... Помните, недавно, какъ вы жаловались на нее? — а ея уже тогда, можетъ быть, на свѣтѣ не было. Это страшно. Точно это вамъ въ наказаніе послано.

Лаврецкій горько усмѣхнулся.

— Вы думаете?... По крайней мѣрѣ я теперь свободенъ.

Лиза слегка вздрогнула.

— Полноте, не говорите такъ. На что́ вамъ ваша свобода? Вамъ не объ этомъ теперь надо думать, а о прощеніи....

— Я давно ее простилъ, перебилъ Лаврецкій и махнулъ рукой.

— Нѣтъ, не то, возразила Лиза и покраснѣла. Вы не



Digitized by Google

такъ меня поняли. Вы должны позаботиться о томъ, чтобы васъ простили....

— Кому меня прощать?

— Кому?—Богу. Кто же можетъ насъ простить кромѣ Бога?

Лаврецкій схватилъ ее за руку.

— Ахъ, Лизавета Михайловна, повѣрьте, воскликнулъ онъ:—я и такъ довольно былъ наказанъ. Я уже все искупилъ, повѣрьте.

— Это вы не можете знать, проговорила Лиза въ полголоса. Вы забыли,—еще недавно, вотъ когда вы со мной говорили, вы не хотѣли ее прощать.

Оба молча прошлись по аллеѣ.

— А что же ваша дочь? спросила вдругъ Лиза и остановилась.

Лаврецкій встрепенулся.

— О, не безпокойтесь! Я уже послалъ письма во всѣ мѣста. Будущность моей дочери, какъ вы ее.... какъ вы говорите.... обезпечена. Не безпокойтесь.

Лиза печально улыбнулась.

— Но вы правы, продолжалъ Лаврецкій:—что мнѣ дѣлать съ моей свободой? На что мнѣ она?

— Когда вы получили этотъ журналъ? промолвила Лиза, не отвѣчая на его вопросъ.

— На другой день послѣ вашего посѣщенія.

— И неужели.... неужели вы даже не заплакали?

— Нѣтъ. Я былъ пораженъ; но откуда было взяться слезамъ? Плакать о прошедшемъ, — да вѣдь оно у меня все выжжено!... Самый проступокъ ея не разрушилъ мое счастіе, а доказалъ мнѣ только, что его вовсе никогда не бывало. О чемъ же тутъ было плакать? Впрочемъ, кто знаетъ? — я, можетъ быть, былъ бы болѣе огорченъ,

Digitized by Google

если-бъ я получилъ это извѣстіе двумя недѣлями раньше....

— Двумя недѣлями? возразила Лиза. Да что́-жъ такое случилось въ эти двѣ недѣли?

Лаврецкій ничего не отвѣчалъ, а Лиза вдругъ покраснѣла еще пуще прежняго.

— Да, да, вы угадали, подхватилъ внезапно Лаврецкій:—въ теченіе этихъ двухъ недѣль я узналъ, что́ значитъ чистая женская душа, и мое прошедшее еще больше отъ меня отодвинулось.

Лиза смутилась и тихонько пошла въ цвѣтникъ къ Леночкѣ и Шурочкѣ.

— А я доволенъ тѣмъ, что показалъ вамъ этотъ журналъ, говорилъ Лаврецкій, идя за нею слѣдомъ: — я уже привыкъ ничего не скрывать отъ васъ и надѣюсь, что и вы отплатите мнѣ такимъ же довѣріемъ.

— Вы думаете? промолвила Лиза и остановилась. Въ такомъ случаѣ я бы должна была.... да нѣтъ! Это невозможно.

— Что такое? Говорите, говорите.

— Право, мнѣ кажется, я не должна.... А, впрочемъ, прибавила Лиза и съ улыбкой оборотилась къ Лаврецкому:—что́ за откровенность въ половину?—Знаете ли? я получила сегодня письмо.

— Отъ Паншина?

— Да, отъ него.... Почему вы знаете?

— Онъ проситъ вашей руки?

— Да, произнесла Лиза и прямо и серьёзно посмотрѣла Лаврецкому въ глаза.

Лаврецкій, въ свою очередь, серьёзно посмотрѣлъ на Лизу.

— Ну, и что же вы ему отвѣчали? проговорилъ онъ наконецъ.

Digitized by Google

— Я не знаю, что отвѣчать, возразила Лиза и опустила сложенныя руки.

— Какъ? Вѣдь вы его любите?

— Да, онъ мнѣ нравится; онъ, кажется, хорошій человѣкъ.

— Вы то же самое и въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ сказали мнѣ четвертаго дня. Я желаю знать, любите ли вы его тѣмъ сильнымъ, страстнымъ чувствомъ, которое мы привыкли называть любовью?

— Какъ *вы* понимаете,—нѣтъ.

— Вы въ него не влюблены?

— Нѣтъ. Да развѣ это нужно?

— Какъ?

— Маменькѣ онъ нравится, продолжала Лиза: — онъ добрый; я ничего противъ него не имѣю.

— Однако вы колеблетесь?

— Да.... и, можетъ быть,—вы, ваши слова тому причиной. Помните, что вы третьяго дня говорили? Но это слабость....

— О, дитя мое! воскликнулъ вдругъ Лаврецкій—и голосъ его задрожалъ: — не мудрствуйте лукаво, не называйте слабостью крикъ вашего сердца, которое не хочетъ отдаться безъ любви. Не берите на себя такой страшной отвѣтственности передъ тѣмъ человѣкомъ, котораго вы не любите и которому хотите принадлежать....

— Я слушаюсь, я ничего не беру на себя, произнесла-было Лиза....

— Слушайтесь вашего сердца; оно одно вамъ скажетъ правду, перебилъ ее Лаврецкій.... Опытъ, разсудокъ—все это прахъ и суета! Не отнимайте у себя лучшаго, единственнаго счастья на землѣ.

— Вы ли это говорите, Ѳедоръ Иванычъ? Вы сами женились по любви—и были ли вы счастливы?

Digitized by Google

Лаврецкій всплеснулъ руками.

— Ахъ, не говорите обо мнѣ! Вы и понять не можете всего того, что́ молодой, неискушенный, безобразно воспитанный мальчикъ можетъ принять за любовь!... Да и, наконецъ, къ чему клеветать на себя? Я сейчасъ вамъ говорилъ, что я не зналъ счастья.... нѣтъ! я былъ счастливъ!

— Мнѣ кажется, Ѳедоръ Иванычъ, произнесла, понизивъ голосъ, Лиза (когда она не соглашалась съ своимъ собесѣдникомъ, она всегда понижала голосъ; притомъ, она чувствовала большое волненіе):—счастье на землѣ зависитъ не отъ насъ....

— Отъ насъ, отъ насъ, повѣрьте мнѣ (онъ схватилъ ее за обѣ руки; Лиза поблѣднѣла и почти съ испугомъ, но внимательно глядѣла на него):—лишь бы мы не портили сами своей жизни. Для иныхъ людей бракъ по любви можетъ быть несчастьемъ; но не для васъ, съ вашимъ спокойнымъ нравомъ, съ вашей ясной душой! Умоляю васъ, не выходите замужъ безъ любви, по чувству долга, отреченья, что́-ли.... Это то же безвѣріе, тотъ же разсчетъ,—и еще худшій. Повѣрьте мнѣ, — я имѣю право это говорить: я дорого заплатилъ за это право. И если вашъ Богъ....

Въ это мгновеніе Лаврецкій замѣтилъ, что Леночка и Шурочка стояли подлѣ Лизы и съ нѣмымъ изумленьемъ уставились на него. Онъ выпустилъ Лизины руки, торопливо проговорилъ: извините меня, пожалуйста,—и направился къ дому.

— Объ одномъ только прошу я васъ, промолвилъ онъ, возвращаясь къ Лизѣ:—не рѣшайтесь тотчасъ, подождите, подумайте о томъ, что́ я вамъ сказалъ. Если-бъ даже вы не повѣрили мнѣ, если-бъ вы рѣшились на бракъ по разсудку,—и въ такомъ случаѣ не за г-на Паншина вамъ

Digitized by Google

выходить: онъ не можетъ быть вашимъ мужемъ.... Не правда ли, вы обѣщаетесь мнѣ не спѣшить?

Лиза хотѣла отвѣтить Лаврецкому и ни слова не вымолвила — не оттого, что она рѣшилась «спѣшить»; но оттого, что сердце у ней слишкомъ сильно билось, и чувство, похожее на страхъ, захватило дыханіе.

## XXX.

Уходя отъ Калитиныхъ, Лаврецкій встрѣтился съ Паншинымъ; они холодно поклонились другъ другу. Лаврецкій пришелъ къ себѣ на квартиру и запёрся. Онъ испытывалъ ощущенія, едва-ли когда-нибудь имъ испытанныя. Давно ли находился онъ въ состояніи «мирнаго оцѣпенѣнія?» давно ли чувствовалъ себя, какъ онъ выражался, на самомъ днѣ рѣки? Что же измѣнило его положеніе? что вынесло его наружу, на поверхность? самая обыкновенная, неизбѣжная, хотя всегда неожиданная случайность: смерть? Да; но онъ не столько думалъ о смерти жены, о своей свободѣ, сколько о томъ, — какой отвѣтъ дастъ Паншину Лиза? Онъ чувствовалъ, что въ теченіе трехъ послѣднихъ дней онъ сталъ глядѣть на нее другими глазами; онъ вспомнилъ, какъ, возвращаясь домой и думая о ней въ тиши ночи, онъ говорилъ самому себѣ: «если-бы!...» Это «если-бы», отнесенное имъ къ прошедшему, къ невозможному, сбылось, хоть и не такъ, какъ онъ полагалъ, — но одной его свободы было мало. «Она послушается матери», думалъ онъ, «она выйдетъ за Паншина; но если даже она ему откажетъ, — не все ли равно для меня?» Проходя передъ зеркаломъ, онъ мелькомъ взглянулъ на свое лицо и пожалъ плечами.

День пронесся быстро въ этихъ размышленіяхъ; насталъ вечеръ. Лаврецкій отправился къ Калитинымъ. Онъ

Digitized by Google

шелъ поспѣшно, но къ дому ихъ приблизился замедленными шагами. Передъ крыльцомъ стояли дрожки Паншина. «Ну, подумалъ Лаврецкій, не буду эгоистомъ»— и вошелъ въ домъ. Въ домѣ онъ никого не встрѣтилъ, и въ гостиной было тихо; онъ отворилъ дверь и увидѣлъ Марью Дмитріевну, игравшую въ пикетъ съ Паншинымъ. Паншинъ молча ему поклонился, а хозяйка дома воскликнула: вотъ неожиданно!—и слегка нахмурила брови. Лаврецкій подсѣлъ къ ней и сталъ глядѣть ей въ карты.

— Вы развѣ умѣете въ пикетъ? спросила она его съ какою-то скрытой досадой и тутъ же объявила, что разнеслась.

Паншинъ счелъ девяносто и началъ учтиво и спокойно брать взятки, съ строгимъ и достойнымъ выраженіемъ на лицѣ. Такъ должны играть дипломаты; вѣроятно, такъ и онъ игралъ въ Петербургѣ съ какимъ-нибудь сильнымъ сановникомъ, которому желалъ внушить выгодное мнѣніе о своей солидности и зрѣлости. «Сто-одинъ, сто-два, черви, сто-три», мѣрно раздавался его голосъ, и Лаврецкій не могъ понять, чѣмъ онъ звучалъ: укоризной или самодовольствомъ.

— Можно видѣть Марѳу Тимоѳеевну? спросилъ онъ, замѣчая, что Паншинъ еще съ бо́льшимъ достоинствомъ принимался тасовать карты. Художника въ немъ уже не замѣчалось и тѣни.

— Я думаю, можно. Она у себя, наверху, отвѣчала Марья Дмитріевна:—освѣдомьтесь.

Лаврецкій отправился наверхъ. И Марѳу Тимоѳеевну онъ засталъ за картами: она играла въ дурачки съ Настасьей Карповной. Роска залаяла на него; но обѣ старушки привѣтливо его приняли, особенно Марѳа Тимоѳеевна казалась въ духѣ.

— А! Ѳедя! Милости просимъ, промолвила она:—са-

Digitized by Google

дись, мой батюшка. А мы сейчасъ доиграемъ. Хочешь варенья? Шурочка достань ему банку съ клубникой. Не хочешь? Ну, такъ сиди такъ; а курить—не кури; не могу я табачища вашего терпѣть, да и Матросъ отъ него чихаетъ.

Лаврецкій поспѣшилъ объявить, что вовсе не желаетъ курить.

— Былъ ты внизу? продолжала старушка:—кого тамъ видѣлъ? Паншинъ все тамъ торчитъ? А Лизу видѣлъ? Нѣтъ? Она сюда хотѣла придти.... Да вотъ и она; легка на поминѣ.

Лиза вошла въ комнату и, увидѣвъ Лаврецкаго, покраснѣла.

— Я къ вамъ на минутку, Марѳа Тимоѳеевна, начала-было она....

— Зачѣмъ на минутку? возразила старушка. Что это вы всѣ, молодыя дѣвки, за непосѣды за такія? Ты видишь, у меня гость: покалякай съ нимъ, займи его.

Лиза присѣла на край стула, подняла глаза на Лаврецкаго—и почувствовала, что ей нельзя было не дать ему знать, чѣмъ кончилось ея свиданіе съ Паншинымъ. Но какъ это сдѣлать? Ей и стыдно было, и неловко. Давно ли она познакомилась съ нимъ, съ этимъ человѣкомъ, который и въ церковь рѣдко ходитъ, и такъ равнодушно переноситъ кончину жены,—и вотъ уже она сообщаетъ ему свои тайны.... Правда, онъ принимаетъ въ ней участіе; она сама вѣритъ ему и чувствуетъ къ нему влеченье; но все-таки ей стыдно стало, точно чужой вошелъ въ ея дѣвическую, чистую комнату.

Марѳа Тимоѳеевна пришла на помощь.

— Вѣдь если ты его занимать не будешь, заговорила она, кто-жъ его бѣдненькаго, займетъ? Я для него слишкомъ стара, онъ для меня слишкомъ уменъ, а для Настасьи

Digitized by Google

Карповны онъ слишкомъ старъ: ей все молоденькихъ подавай.

— Чѣмъ же я могу занять Ѳедора Иваныча? промолвила Лиза.—Если онъ хочетъ, я лучше ему что-нибудь на фортепьяно сыграю, прибавила она нерѣшительно.

— И прекрасно; ты у меня умница, возразила Марѳа Тимоѳеевна.—Ступайте, мои милые, внизъ; когда кончите, приходите; а я вотъ въ дурахъ осталась, мнѣ обидно, я отыграться хочу.

Лиза встала. Лаврецкій пошелъ за ней. Спускаясь съ лѣстницы, Лиза остановилась.

— Правду говорятъ, начала она: — что сердце людское исполнено противорѣчій. Вашъ примѣръ долженъ былъ испугать меня, сдѣлать меня недовѣрчивой къ бракамъ по любви, а я....

— Вы отказали ему? перебилъ Лаврецкій.

— Нѣтъ; но и не согласилась. Я ему все сказала, все, что я чувствовала, и попросила его подождать. Довольны вы? прибавила она съ быстрой улыбкой — и, слегка трогая перила рукою, сбѣжала съ лѣстницы.

— Что мнѣ сыграть вамъ? спросила она, поднимая крышку фортепьяно.

— Что хотите, отвѣчалъ Лаврецкій и сѣлъ такъ, что могъ смотрѣть на нее.

Лиза начала играть и долго не отводила глазъ отъ своихъ пальцевъ. Она взглянула, наконецъ, на Лаврецкаго и, остановилась: такъ чудно и странно показалось ей его лицо.

— Что съ вами? спросила она.

— Ничего, возразилъ онъ: — мнѣ очень хорошо; я радъ за васъ, я радъ васъ видѣть, — продолжайте.

— Мнѣ кажется, говорила Лиза нѣсколько мгновеній спустя: — если бы онъ точно меня любилъ, онъ бы не

Digitized by Google

написалъ этого письма; онъ долженъ былъ бы чувствовать, что я не могу отвѣчать ему теперь.

— Это неважно, промолвилъ Лаврецкій: — важно то, что вы его не любите.

— Перестаньте, что̀ это за разговоръ! Мнѣ все мерещится ваша покойная жена, и вы мнѣ страшны.

— Не правда ли; Вольдемаръ, какъ мило играетъ моя Лизетъ? говорила въ то же время Марья Дмитріевна Паншину.

— Да, отвѣчалъ Паншинъ: — очень мило.

Марья Дмитріевна съ нѣжностью посмотрѣла на молодого своего партнёра; но тотъ принялъ еще болѣе важный и озабоченный видъ и объявилъ четырнадцать королей.

## XXXI.

Лаврецкій не былъ молодымъ человѣкомъ; онъ не могъ долго обманываться на счетъ чувства, внушённаго ему Лизой; онъ окончательно въ тотъ же день убѣдился въ томъ, что полюбилъ ее. Не много радости принесло ему это убѣжденіе. «Неужели, подумалъ онъ, мнѣ въ тридцать-пять лѣтъ нечего другого дѣлать, какъ опять отдать свою душу въ руки женщины? Но Лиза не чета *той*: она бы не потребовала отъ меня постыдныхъ жертвъ; она не отвлекала бы меня отъ моихъ занятій; она бы сама воодушевила меня на честный, строгій трудъ, и мы пошли бы оба впередъ, къ прекрасной цѣли. Да, кончилъ онъ свои размышленія: — все это хорошо, но худо то, что она вовсе не захочетъ пойти со мной. Не даромъ она сказала мнѣ, что я ей страшенъ. За то и Паншина она не любитъ.... Слабое утѣшеніе!»

Лаврецкій поѣхалъ въ Васильевское; но и четырехъ

Digitized by Google

дней тамъ не выжилъ, — такъ ему показалось скучно. Его томило также ожиданіе: извѣстіе, сообщенное г-мъ Жюлемъ, требовало подтвержденія, а онъ не получалъ никакихъ писемъ. Онъ вернулся въ городъ и просидѣлъ вечеръ у Калитиныхъ. Ему легко было замѣтить, что Марья Дмитріевна была противъ него возстановлена; но ему удалось нѣсколько умилостивить ее, проигравъ ей рублей пятнадцать въ пикетъ, — и онъ провелъ около получаса почти наединѣ съ Лизой, несмотря на то, что мать ей еще наканунѣ совѣтовала не быть слишкомъ фамильярной съ человѣкомъ «qui a un si grand ridicule». Онъ нашелъ въ ней перемѣну: она стала какъ-будто задумчивѣе, попеняла ему за его отсутствіе и спросила его — не пойдетъ ли онъ на другой день къ обѣднѣ? (на другой день было воскресенье).

— Ступайте, сказала она прежде, чѣмъ онъ успѣлъ отвѣтить: — мы вмѣстѣ помолимся за упокой *ея* души. — Потомъ она прибавила, что не знаетъ, какъ ей быть, — не знаетъ, имѣетъ ли она право заставлять Паншина долѣе ждать ея рѣшенія.

— Почему же? спросилъ Лаврецкій.

— Потому, сказала она: — что я уже теперь начинаю подозрѣвать, какое будетъ это рѣшеніе.

Она объявила, что голова у ней болитъ, и ушла къ себѣ наверхъ, нерѣшительно протянувъ Лаврецкому кончики пальцевъ.

На другой день Лаврецкій отправился къ обѣднѣ. Лиза уже была въ церкви, когда онъ пришелъ. Она замѣтила его, хотя не обернулась къ нему. Она усердно молилась: тихо свѣтились ея глаза, тихо склонялась и поднималась ея голова. Онъ почувствовалъ, что она молилась и за него,—и чудное умиленіе наполнило его душу. Ему было и хорошо, и немного совѣстно. Чинно-стояв-

Digitized by Google

шій народъ, родныя лица, согласное пѣніе, запахъ ладону, длинные косые лучи отъ оконъ, самая темнота стѣнъ и сводовъ — все говорило его сердцу. Давно не былъ онъ въ церкви, давно не обращался къ Богу: онъ и теперь не произнесъ никакихъ молитвенныхъ словъ,—онъ безъ словъ даже не молился,—но хотя на мгновенье, если не тѣломъ, то всѣмъ помысломъ своимъ повергнулся ницъ и приникъ смиренно къ землѣ. Вспомнилось ему, какъ въ дѣтствѣ онъ всякій разъ въ церкви до тѣхъ поръ молился, пока не ощущалъ у себя на лбу какъ бы чьего-то свѣжаго прикосновенія; это, думалъ онъ тогда, ангелъ-хранитель принимаетъ меня, кладетъ на меня печать избранія. Онъ взглянулъ на Лизу.... «Ты меня сюда привела, подумалъ онъ: — коснись же меня, коснись моей души». Она все такъ же тихо молилась; лицо ея показалось ему радостнымъ, и онъ умилился вновь, онъ попросилъ другой душѣ—покоя, своей—прощенья....

Они встрѣтились на паперти: она привѣтствовала его съ веселой и ласковой важностью. Солнце ярко освѣщало молодую траву на церковномъ дворѣ, пестрыя платья и платки женщинъ; колокола сосѣднихъ церквей гудѣли въ вышинѣ; воробьи чирикали по забораамъ. Лаврецкій стоялъ съ непокрытой головой и улыбался; легкій вѣтерокъ вздымалъ его волосы и концы лентъ Лизиной шляпы. Онъ посадилъ Лизу и бывшую съ ней Леночку въ карету, роздалъ всѣ свои деньги нищимъ и тихонько побрелъ домой.

## XXXII.

Настали трудные дни для Ѳедора Иваныча. Онъ находился въ постоянной лихорадкѣ. Каждое утро отправлялся онъ на почту, съ волненьемъ распечатывалъ письма, журналы,—и нигдѣ не находилъ ничего, что бы могло под-

Digitized by Google

твердить или опровергнуть роковой слухъ. Иногда онъ самъ себѣ становился гадокъ: «что́ это я — думалъ онъ,—жду, какъ воронъ крови, вѣрной вѣсти о смерти жены!» Къ Калитинымъ онъ ходилъ каждый день; но и тамъ ему не становилось легче: хозяйка явно дулась на него, принимала его изъ снисхожденія; Паншинъ обращался съ нимъ преувеличенно-вѣжливо; Леммъ напустилъ на себя мизантропію и едва кланялся ему, — а главное: Лиза какъ-будто его избѣгала. Когда же ей случалось оставаться съ нимъ наединѣ, въ ней, вмѣсто прежней довѣрчивости, проявлялось замѣшательство; она не знала, что́ сказать ему, и онъ самъ чувствовалъ смущеніе. Лиза въ нѣсколько дней стала не та, какою онъ ее зналъ: въ ея движеніяхъ, голосѣ, въ самомъ смѣхѣ замѣчалась тайная тревога, небывалая прежде неровность. Марья Дмитріевна, какъ истая эгоистка, ничего не подозрѣвала; но Марѳа Тимоѳеевна начинала присматривать за своей любимицей. Лаврецкій не разъ упрекнулъ себя въ томъ, что показалъ Лизѣ полученный имъ нумеръ журнала: онъ не могъ не сознаться, что въ его душевномъ состояніи было что-то возмутительное для чистаго чувства. Онъ полагалъ также, что перемѣна въ Лизѣ происходила отъ ея борьбы съ самой собою, отъ ея сомнѣній: какой отвѣтъ дать Паншину? Однажды она принесла ему книгу, романъ Вальтеръ-Скотта, который она сама у него спросила.

— Вы прочли эту книгу? проговорилъ онъ.

— Нѣтъ; мнѣ теперь не до книгъ, отвѣчала она и хотѣла уйти.

— Постойте на минуту; я съ вами такъ давно не былъ на единѣ.—Вы словно меня боитесь.

— Да.

— Отчего же, помилуйте?

— Не знаю.

Digitized by Google

Лаврецкій помолчалъ.

— Скажите, началъ онъ:—вы еще не рѣшились?

— Что вы хотите сказать? промолвила она, не поднимая глазъ.

— Вы понимаете меня....

Лиза вдругъ вспыхнула.

— Не спрашиваете меня ни о чемъ, произнесла она съ живостью:—я ничего не знаю; я сама себя не знаю.... И она тотчасъ же удалилась.

На слѣдующій день, Лаврецкій пріѣхалъ къ Калитинымъ послѣ обѣда и засталъ у нихъ всѣ приготовленія ко всенощной. Въ углу столовой на четыреугольномъ столѣ, покрытомъ чистой скатертью, уже находились прислоненные къ стѣнѣ небольшіе образа въ золотыхъ окладахъ, съ маленькими тусклыми алмазами на вѣнчикахъ. Старый слуга, въ сѣромъ фракѣ и башмакахъ, прошелъ, не спѣша и не стуча каблуками, черезъ всю комнату, поставилъ двѣ восковыя свѣчи въ тонкихъ подсвѣчникахъ передъ образами, перекрестился, поклонился и тихо вышелъ. Неосвѣщенная гостиная была пуста. Лаврецкій походилъ по столовой, спросилъ — не именинница ли кто? Ему отвѣчали шепотомъ, что нѣтъ, а что всенощную заказали по желанію Лизаветы Михайловны да Марѳы Тимоѳеевны; что хотѣли-было чудотворную икону поднять, но что она уѣхала за тридцать верстъ къ больному. Скоро прибылъ вмѣстѣ съ дьячками и священникъ, человѣкъ уже не молодой, съ большой лысиной, и громко кашлянулъ въ передней; дамы тотчасъ вереницей потянулись изъ кабинета и подошли къ нему подъ благословеніе; Лаврецкій молча имъ поклонился; и онѣ ему поклонились молча. Священникъ постоялъ немного, еще разъ откашлянулся и спросилъ въ полголоса басомъ.

— Приступать прикажете?

Digitized by Google

— Приступите, батюшка, возразила Марья Дмитріевна.

Онъ началъ облачаться; дьячекъ въ стихарѣ подобострастно попросилъ уголька; запахло ладономъ. Изъ передней вышли горничныя и лакеи, и остановились сплошной кучкой передъ дверями. Роска, никогда не сходившая съ верху, вдругъ появилась въ столовой: ее стали выгонять—она испугалась, завертѣлась и сѣла; лакей подхватилъ ее и унесъ. Всенощная началась. Лаврецкій прижался въ уголокъ; ощущенія его были странны, почти грустны; онъ самъ не могъ хорошенько разобрать, что онъ чувствовалъ. Марья Дмитріевна стояла впереди всѣхъ передъ креслами; она крестилась изнѣженно-небрежно, по барски — то оглядывалась, то вдругъ поднимала взоры кверху: она скучала. Марѳа Тимоѳеевна казалась озабоченной; Настасья Карповна клала земные поклоны и вставала съ какимъ-то скромнымъ и мягкимъ шумомъ; Лиза, какъ стала, такъ и не двигалась съ мѣста и не шевелилась; по сосредоточенному выраженію ея лица можно было догадаться, что она пристально и горячо молилась. Прикладываясь ко кресту по окончаніи всенощной, она также поцѣловала большую красную руку священника. Марья Дмитріевна пригласила его откушать чаю; онъ снялъ эпитрахиль, принялъ нѣсколько свѣтскій видъ и вмѣстѣ съ дамами перешелъ въ гостиную. Начался разговоръ, не слишкомъ оживленный. Священникъ выпилъ четыре чашки, безпрестанно отирая платкомъ свою лысину, разсказалъ между прочимъ, что купецъ Авошниковъ пожертвовалъ семьсотъ рублей на позолоту церковнаго «купола», и сообщилъ вѣрное средство противъ веснушекъ. Лаврецкій подсѣлъ-было къ Лизѣ, но она держалась строго, почти сурово и ни разу не взглянула на него. Она какъ-будто съ намѣреніемъ его не замѣчала; какая-то холодная, важная восторженность нашла на нее. Лаврец-



Digitized by Google

кому почему-то все хотѣлось улыбнуться и сказать что-нибудь забавное; но на сердцѣ у него было смущеніе, и онъ ушелъ, наконецъ, тайно недоумѣвая.... Онъ чувствовалъ: что-то было въ Лизѣ, куда онъ проникнуть не могъ.

Въ другой разъ Лаврецкій, сидя въ гостиной и слушая вкрадчивыя, но тяжелыя разглагольствованія Гедеоновскаго, внезапно, самъ не зная почему, оборотился и уловилъ глубокій, внимательный, вопросительный взглядъ въ глазахъ Лизы.... Онъ былъ устремленъ на него, этотъ загадочный взглядъ. Лаврецкій цѣлую ночь потомъ о немъ думалъ. Онъ любилъ не какъ мальчикъ, не къ лицу ему было вздыхать и томиться, да и сама Лиза не такого рода чувство возбуждала; но любовь на всякій возрастъ имѣетъ свои страданья, — и онъ испыталъ ихъ вполнѣ.

## XXXIII.

Однажды Лаврецкій, по обыкновенію своему, сидѣлъ у Калитиныхъ. Послѣ томительно-жаркаго дня наступилъ такой прекрасный вечеръ, что Марья Дмитріевна, несмотря на свое отвращеніе къ сквозному вѣтру, велѣла отворить всѣ окна и двери въ садъ и объявила, что въ карты играть не станетъ, что въ такую погоду въ карты играть грѣхъ, а должно наслаждаться природой. Изъ гостей былъ одинъ Паншинъ. Настроенный вечеромъ и не желая пѣть передъ Лаврецкимъ, но чувствуя приливъ художническихъ ощущеній, онъ пустился въ поэзію: прочелъ хорошо, но слишкомъ сознательно и съ ненужными тонкостями, нѣсколько стихотвореній Лермонтова (тогда Пушкинъ не успѣлъ еще опять войти въ моду)—и вдругъ, какъ бы устыдясь своихъ изліяній, началъ, по поводу из-

Digitized by Google

вѣстной «Думы», укорять и упрекать новѣйшее поколѣніе; при чемъ не упустилъ случая изложить, какъ бы онъ все повернулъ по своему, если-бъ власть у него была въ рукахъ. «Россія,— говорилъ онъ,— отстала отъ Европы; нужно подогнать ее. Увѣряютъ, что мы молоды — это вздоръ; да и притомъ у насъ изобрѣтательности нѣтъ: самъ Х-въ признается въ томъ, что мы даже мышеловки не выдумали. Слѣдовательно, мы по неволѣ должны заимствовать у другихъ. Мы больны, говоритъ Лермонтовъ, — я согласенъ съ нимъ; но мы больны оттого, что только на-половину сдѣлались европейцами; чѣмъ мы ушиблись, тѣмъ мы и лечиться должны («le cadastre» подумалъ Лаврецкій).— У насъ,— продолжалъ онъ,— лучшія головы — les meilleures têtes — давно въ этомъ убѣдились; всѣ народы въ сущности одинаковы; вводите только хорошія учрежденія—и дѣло съ концомъ. Пожалуй, можно приноравливаться къ существующему народному быту; это наше дѣло, дѣло людей.... (онъ чуть не сказалъ: государственныхъ) служащихъ; но, въ случаѣ нужды, не безпокойтесь: учрежденія передѣлаютъ самый этотъ бытъ». Марья Дмитріевна съ умиленіемъ поддакивала Паншину. «Вотъ какой, — думала она,— умный человѣкъ у меня бесѣдуетъ». Лиза молчала, прислонившись къ окну; Лаврецкій молчалъ тоже; Марѳа Тимоѳеевна, игравшая въ уголкѣ въ карты съ своей пріятельницей, ворчала себѣ что-то подъ носъ. Паншинъ расхаживалъ по комнатѣ и говорилъ красиво, но съ тайнымъ озлобленьемъ: казалось, онъ бранилъ не цѣлое поколѣнье, а нѣсколькихъ извѣстныхъ ему людей. Въ саду Калитиныхъ, въ большомъ кустѣ сирени, жилъ соловей; его первые вечерніе звуки раздавались въ промежуткахъ краснорѣчивой рѣчи; первыя звѣзды зажигались на розовомъ небѣ надъ неподвижными верхушками липъ. Лав-

*

Digitized by Google

рецкій поднялся и началъ возражать Паншину; завязался споръ. Лаврецкій отстаивалъ молодость и самостоятельность Россіи; отдавалъ себя, свое поколѣніе на жертву,— но заступался за новыхъ людей, за ихъ убѣжденія и желанія; Паншинъ возражалъ раздражительно и рѣзко, объявилъ, что умные люди должны все передѣлать, и занесся наконецъ до того, что забывъ свое каммеръ-юнкерское званіе и чиновничью каррьеру, назвалъ Лаврецкаго отсталымъ консерваторомъ, даже намекнулъ—правда, весьма отдаленно—на его ложное положеніе въ обществѣ. Лаврецкій не разсердился, не возвысилъ голоса (онъ вспомнилъ, что Михалевичъ тоже называлъ его отсталымъ— только вольтеріянцемъ)—и покойно разбилъ Паншина на всѣхъ пунктахъ. Онъ доказалъ ему невозможность скачковъ и надменныхъ передѣлокъ, не оправданныхъ ни знаніемъ родной земли, ни дѣйствительной вѣрой въ идеалъ, хотя бы отрицательный; привелъ въ примѣръ свое собственное воспитаніе, требовалъ прежде всего признанія народной правды и смиренія передъ нею,—того смиренія, безъ котораго и смѣлость противу лжи невозможна; не отклонился, наконецъ, отъ заслуженнаго, по его мнѣнію, упрека въ легкомысленной растратѣ времени и силъ.

— Все это прекрасно! воскликнулъ, наконецъ, раздосадованный Паншинъ:—вотъ вы вернулись въ Россію,— что же вы намѣрены дѣлать?

— Пахать землю, отвѣчалъ Лаврецкій: — и стараться, какъ можно лучше ее пахать.

— Это очень похвально, безспорно, возразилъ Паншинъ: — и мнѣ сказывали, что вы уже большіе сдѣлали успѣхи по этой части; но согласитесь, что не всякій способенъ на такого рода занятія....

— Une nature poétique, заговорила Марья Дмитріев-

Digitized by Google

на, — конечно, не можетъ пахать.... et puis, вы призваны, Владиміръ Николаичъ, дѣлать все en grand.

Этого было слишкомъ даже для Паншина: онъ замялся— и замялъ разговоръ. Онъ попытался перевести его на красоту звѣзднаго неба, на музыку Шуберта—все какъ-то не клеилось; онъ кончилъ тѣмъ, что предложилъ Марьѣ Дмитріевнѣ сыграть съ ней въ пикетъ. — «Какъ! въ такой вечеръ?» слабо возразила она; однако велѣла принести карты.

Паншинъ съ трескомъ разорвалъ новую колоду, а Лиза и Лаврецкій, словно сговорившись, оба встали и помѣстились возлѣ Маѳы Тимоѳеевны. Имъ сдѣлалось вдругъ такъ хорошо обоимъ, что они даже побоялись остаться вдвоемъ,—и въ то же время они почувствовали оба, что испытанное ими въ послѣдніе дни смущеніе изчезло и не возвратится болѣе. Старушка потрепала украдкой Лаврецкаго по щекѣ, лукаво прищурилась и нѣсколько разъ покачала головой, приговаривая шёпотомъ: «отдѣлалъ умника, спасибо». Все затихло въ комнатѣ; слышалось только слабое потрескиваніе восковыхъ свѣчей, да иногда стукъ руки по столу, да восклицаніе или счетъ очковъ,— да широкой волной вливалась въ окна, вмѣстѣ съ росистой прохладой, могучая, до дерзости звонкая, пѣснь соловья.

## XXXIV.

Лиза не вымолвила ни одного слова въ теченіе спора между Лаврецкимъ и Паншинымъ, но внимательно слѣдила за нимъ и вся была на сторонѣ Лаврецкаго. Политика ее занимала очень мало; но самонадѣянный тонъ свѣтскаго чиновника (онъ никогда еще такъ не высказывался) ее отталкивалъ; его презрѣніе къ Россіи ее оскор-

Digitized by Google

било. Лизѣ и въ голову не приходило, что она патріотка; но ей было по душѣ съ русскими людьми; русскій складъ ума ее радовалъ; она, не чинясь, по цѣлымъ часамъ бесѣдовала съ старостой материнскаго имѣнія, когда онъ пріѣзжалъ въ городъ, и бесѣдовала съ нимъ какъ съ ровней, безъ всякаго барскаго снисхожденія. Лаврецкій все это чувствовалъ: онъ бы не сталъ возражать одному Паншину; онъ говорилъ только для Лизы. Другъ другу они ничего не сказали, даже глаза ихъ рѣдко встрѣчались; но оба они поняли, что тѣсно сошлись въ этотъ вечеръ, поняли, что и любятъ и не любятъ одно и тоже. Въ одномъ только они расходились; но Лиза втайнѣ надѣялась привести его къ Богу. Они сидѣли возлѣ Маѳы Тимоѳеевны и, казалось, слѣдили за ея игрой; да они и дѣйствительно за ней слѣдили, — а между тѣмъ у каждаго изъ нихъ сердце росло въ груди, и ничего для нихъ не пропало: для нихъ пѣлъ соловей, и звѣзды горѣли, и деревья тихо шептали, убаюканныя и сномъ, и нѣгой лѣта, и тепломъ. Лаврецкій отдавался весь увлекавшей его волнѣ — и радовался; но слово не выразитъ того, что́ происходило въ чистой душѣ дѣвушки: оно было тайной для нея самой; пусть же оно останется и для всѣхъ тайной. Никто не знаетъ, никто не видѣлъ и не увидитъ никогда, какъ, призванное къ жизни и разцвѣтанію, наливается и зрѣетъ зерно въ лонѣ земли.

Пробило десять часовъ. Маѳа Тимоѳеевна отправилась къ себѣ на верхъ съ Настасьей Карповной; Лаврецкій и Лиза прошлись по комнатѣ, остановились передъ раскрытой дверью сада, взглянули въ темную даль, потомъ другъ на друга—и улыбнулись; такъ, кажется, взялись бы они за руки, наговорились бы досыта. Они вернулись къ Маріѣ Дмитріевнѣ и къ Паншину, у которыхъ пикетъ затянулся. Послѣдній «король» кончился наконецъ, и хо-

Digitized by Google

зайка встала, кряхтя и охая, съ обложеннаго подушками кресла; Паншинъ взялъ шляпу, поцѣловалъ у Марьи Дмитріевны руку, замѣтилъ, что инымъ счастливцамъ теперь ничто не мѣшаетъ спать или наслаждаться ночью, а ему придется до утра просидѣть надъ глупыми бумагами, холодно раскланялся съ Лизой (онъ не ожидалъ, что въ отвѣтъ на его предложеніе она попроситъ подождать,— и потому дулся на нее) — и удалился. Лаврецкій отправился вслѣдъ за нимъ. У воротъ они разстались; Паншинъ разбудилъ своего кучера, толкнувъ его концомъ палки въ шею, сѣлъ на дрожки и покатилъ. Лаврецкому не хотѣлось идти домой: онъ вышелъ изъ города въ поле. Ночь была тиха и свѣтла, хотя луны не было; Лаврецкій долго бродилъ по росистой травѣ: узкая тропинка попалась ему; онъ пошелъ по ней. Она привела его къ длинному забору, къ калиткѣ; онъ попытался, самъ не зная зачѣмъ, толкнуть ее: она слабо скрыпнула и отворилась, словно ждала прикосновенія его руки. Лаврецкій очутился въ саду, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по липовой аллеѣ и вдругъ остановился въ изумленіи: онъ узналъ садъ Калитиныхъ.

Онъ тотчасъ же вошелъ въ черное пятно тѣни, падавшей отъ густого орѣховаго куста и долго стоялъ неподвижно, дивясь и пожимая плечами.

«Это не даромъ», подумалъ онъ.

Все было тихо кругомъ; со стороны дома не приносилось никакого звука. Онъ осторожно пошелъ впередъ. Вотъ, на поворотѣ аллеи, весь домъ вдругъ глянулъ на него своимъ темнымъ фасомъ; въ двухъ только окнахъ на верху мерцалъ свѣтъ: у Лизы горѣла свѣча за бѣлымъ занавѣсомъ, да у Марѳы Тимоѳеевны въ спальнѣ передъ образомъ теплилась краснымъ огонькомъ лампадка, отражаясь ровнымъ сіяніемъ на золотѣ оклада; внизу дверь

Digitized by Google

на балконъ широко зѣвала, раскрытая настежь. Лаврецкій сѣлъ на деревянную скамейку, подперся рукою и сталъ глядѣть на эту дверь да на окно Лизы. Въ городѣ пробило полночь; въ домѣ маленькіе часики тонко прозвенѣли двѣнадцать; сторожъ дробно поколотилъ по доскѣ. Лаврецкій ничего не думалъ, ничего не ждалъ; ему пріятно было чувствовать себя вблизи Лизы, сидѣть въ ея саду на скамейкѣ, гдѣ и она сидѣла не однажды.... Свѣтъ исчезъ въ Лизиной комнатѣ.

«Спокойной ночи, моя милая дѣвушка», прошепталъ Лаврецкій, продолжая сидѣть неподвижно и не сводя взора съ потемнѣвшаго окна.

Вдругъ свѣтъ появился въ одномъ изъ оконъ нижняго этажа, перешелъ въ другое, въ третье.... Кто-то шелъ со свѣчкой по комнатамъ. «Неужели Лиза? Не можетъ быть».... Лаврецкій приподнялся.... Мелькнулъ знакомый обликъ, и въ гостиной появилась Лиза. Въ бѣломъ платьѣ, съ нерасплетенными косами по плечамъ, она тихонько подошла къ столу, нагнулась надъ нимъ, поставила свѣчку и чего-то поискала; потомъ, обернувшись лицомъ къ саду, она приблизилась къ раскрытой двери, и вся бѣлая, легкая, стройная, остановилась на порогѣ. Трепетъ пробѣжалъ по членамъ Лаврецкаго.

— Лиза! сорвалось едва внятно съ его губъ.

Она вздрогнула и начала всматриваться въ темноту.

— Лиза! повторилъ Лаврецкій громче и вышелъ изъ тѣни аллеи.

Лиза съ испугомъ вытянула голову и пошатнулась назадъ: она узнала его. Онъ назвалъ ее въ третій разъ и протянулъ къ ней руки. Она отдѣлилась отъ двери и вступила въ садъ.

— Вы? проговорила она.—Вы здѣсь?

Digitized by Google

— Я.... я.... выслушайте меня, прошепталъ Лаврецкій и, схвативъ ея руку, повелъ ее къ скамейкѣ.

Она шла за нимъ безъ сопротивленія; ея блѣдное лицо, неподвижные глаза, всѣ ея движенія выражали несказанное изумленіе. Лаврецкій посадилъ ее на скамейку и самъ сталъ передъ ней.

— Я не думалъ прійти сюда, началъ онъ:—меня привело.... Я.... я.... я люблю васъ, произнесъ онъ съ невольнымъ ужасомъ.

Лиза медленно взглянула на него; казалось, она только въ это мгновеніе поняла, гдѣ она и что съ нею. Она хотѣла подняться, не могла и закрыла лицо руками.

— Лиза, произнесъ Лаврецкій:—Лиза, повторилъ онъ и склонился къ ея ногамъ....

Ея плечи начали слегка вздрагивать, пальцы блѣдныхъ рукъ крѣпче прижались къ лицу.

— Что съ вами? промолвилъ Лаврецкій и услышалъ тихое рыданіе. Сердце его захолонуло.... Онъ понялъ, что значили эти слезы.—Неужели вы меня любите? прошепталъ онъ и коснулся ея колѣней.

— Встаньте, послышался ея голосъ:—встаньте, Ѳедоръ Иванычъ. Что мы это дѣлаемъ съ вами?

Онъ всталъ и сѣлъ подлѣ нея на скамейку. Она уже не плакала и внимательно глядѣла на него своими влажными глазами.

— Мнѣ страшно; что это мы дѣлаемъ? повторила она.

— Я васъ люблю, проговорилъ онъ снова:—я готовъ отдать вамъ всю жизнь мою.

Она опять вздрогнула, какъ-будто ее [illegible], и подняла взоры къ небу.

— Это все въ Божьей власти, про[illegible]

— Но вы меня любите, Лиза? М[illegible]

Она опустила глаза; онъ тихо п[illegible]

Digitized by Google

голова ея упала къ нему на плечо.... Онъ отклонилъ немного свою голову и коснулся ея блѣдныхъ губъ.

---

Полчаса спустя, Лаврецкій стоялъ уже передъ калиткой сада. Онъ нашелъ ее запертою и принужденъ былъ перепрыгнуть черезъ заборъ. Онъ вернулся въ городъ и пошелъ по заснувшимъ улицамъ. Чувство неожиданной, великой радости наполняло его душу; всѣ сомнѣнія въ немъ замерли. «Исчезни, прошедшее, темный призракъ, думалъ онъ: — она меня любитъ, она будетъ моя». Вдругъ ему почудилось, что въ воздухѣ надъ его головою разлились какіе-то дивные, торжествующіе звуки; онъ остановился: звуки загремѣли еще великолѣпнѣй; пѣвучимъ, сильнымъ потокомъ струились они,—и въ нихъ, казалось, говорило и пѣло все его счастье. Онъ оглянулся: звуки неслись изъ двухъ верхнихъ оконъ небольшого дома.

— Леммъ! вскрикнулъ Лаврецкій и побѣжалъ къ дому.—Леммъ! Леммъ! повторилъ онъ громко.

Звуки замерли, и фигура старика въ шлафрокѣ, съ раскрытой грудью и растрепанными волосами, показалась въ окнѣ.

— Ага! проговорилъ онъ съ достоинствомъ:—это вы?

— Христофоръ Ѳедоровичъ, что̀ это за чудная музыка! ради Бога, впустите меня.

Старикъ, ни слова не говоря, величественнымъ движеніемъ руки кинулъ изъ окна ключъ отъ двери на улицу. Лаврецкій проворно взбѣжалъ наверхъ, вошелъ въ комнату и хотѣлъ было броситься къ Лемму; но тотъ повелительно указалъ ему на стулъ, отрывисто сказалъ по-русски: «Садитесь и слушить»; самъ сѣлъ за фортепіано, гордо и строго взглянулъ кругомъ и заигралъ. Давно Лаврецкій не слышалъ ничего подобнаго: сладкая, стра-

Digitized by Google

стная мелодія съ перваго звука охватывала сердце; она вся сіяла, вся томилась вдохновеніемъ, счастьемъ, красотою; она росла и таяла; она касалась всего, что́ есть на землѣ дорогого, тайного, святого; она дышала безсмертной грустью и уходила умирать въ небеса. Лаврецкій выпрямился и стоялъ, похолодѣлый и блѣдный отъ восторга. Эти звуки такъ и впивались въ его душу, только-что потрясенную счастьемъ любви; они сами пылали любовью. «Повторите», прошепталъ онъ, какъ только раздался послѣдній аккордъ. Старикъ бросилъ на него орлиный взоръ, постучалъ рукой по груди и, проговоривъ, не спѣша, на родномъ своемъ языкѣ: «это я сдѣлалъ, ибо я великій музыкантъ», снова сыгралъ свою чудную композицію. Въ комнатѣ не было свѣчей; свѣтъ поднявшейся луны косо падалъ въ окна; звонко трепеталъ чуткій воздухъ; маленькая бѣдная комнатка казалась святилищемъ, и высоко, и вдохновенно поднималась въ серебристой полутьмѣ голова старика. Лаврецкій подошелъ къ нему и обнялъ его. Сперва Леммъ не отвѣчалъ на его объятіе, даже отклонилъ его локтемъ; долго, не шевелясь ни однимъ членомъ, глядѣлъ онъ все такъ же строго, почти грубо, и только раза два промычалъ: ага! Наконецъ его преобразившееся лицо успокоилось, опустилось, и онъ, въ отвѣтъ на горячія поздравленія Лаврецкаго, сперва улыбнулся немного, потомъ заплакалъ, слабо всхлипывая, какъ дитя.

— Это удивительно, сказалъ онъ: — что вы именно теперь пришли; но я знаю, все знаю.

— Вы все знаете? произнесъ съ смущеніемъ Лаврецкій.

— Вы меня слышали, возразилъ Леммъ: — развѣ вы не поняли, что я все знаю?

Digitized by Google

Лаврецкій до утра не могъ заснуть; онъ всю ночь просидѣлъ на постели. И Лиза не спала: она молилась.

## XXXV.

Читатель знаетъ, какъ выросъ и развивался Лаврецкій; скажемъ нѣсколько словъ о воспитаніи Лизы. Ей минулъ 10-й годъ, когда отецъ ея умеръ; но онъ мало занимался ею. Заваленный дѣлами, постоянно озабоченный приращеніемъ своего состоянія, желчный, рѣзкій, нетерпѣливый, онъ не скупясь давалъ деньги на учителей, гувернёровъ, на одежду и прочія нужды дѣтей; но терпѣть не могъ, какъ онъ выражался, «няньчиться съ писклятами», — да и некогда ему было няньчиться съ ними: онъ работалъ, возился съ дѣлами, спалъ мало, изрѣдка игралъ въ карты, опять работалъ; онъ самъ себя сравнивалъ съ лошадью, запряженной въ молотильную машину. «Скоренько жизнь моя проскочила», промолвилъ онъ на смертномъ одрѣ, съ горькой усмѣшкой на высохшихъ губахъ. Марья Дмитріевна въ сущности не много больше мужа занималась Лизой, хотя она и хвасталась передъ Лаврецкимъ, что одна воспитала дѣтей своихъ: она одѣвала ее, какъ куколку, при гостяхъ гладила ее по головкѣ и называла въ глаза умницей и душкой — и только: лѣнивую барыню утомляла всякая постоянная забота. При жизни отца, Лиза находилась на рукахъ гувернантки, дѣвицы Морò изъ Парижа; а послѣ его смерти поступила въ вѣдѣніе Маѳы Тимоѳеевны. Маѳу Тимоѳеевну читатель знаетъ; а дѣвица Морó была крошечное, сморщенное существо съ птичьими ухватками и птичьимъ умишкомъ. Въ молодости она вела жизнь очень разсѣянную, а подъ старость у ней остались только двѣ страсти — къ лакомству да къ кар-

Digitized by Google

тамъ. Когда она была сыта, не играла въ карты и не болтала, — лицо у ней тотчасъ принимало выраженіе почти мертвенное: сидитъ, бывало, смотритъ, дышетъ — и такъ и видно, что никакой мысли не пробѣгаетъ въ головѣ. Ее даже нельзя было назвать доброю: не бываютъ же добры птицы. Вслѣдствіе ли легкомысленно-проведенной молодости, отъ парижскаго ли воздуха, которымъ она надышалась съ дѣтства, — въ ней гнѣздилось что-то въ родѣ всеобщаго дешевенькаго скептицизма, выражавшагося обыкновенно словами: «tout ça c'est des bétises». Она говорила неправильнымъ, но чисто-парижскимъ жаргономъ, не сплетничала и не капризничала, — чего же больше можно желать отъ гувернантки? На Лизу она имѣла мало вліянія; тѣмъ сильнѣе было вліяніе на нее ея няни, Агафьи Власьевны.

Судьба этой женщины была замѣчательна. Она происходила изъ крестьянскаго семейства; 16-ти лѣтъ ее выдали за мужика; но отъ своихъ сестеръ крестьянокъ она отличалась рѣзко. Отецъ ея лѣтъ двадцать былъ старостой, нажилъ денегъ много и баловалъ ее. Красавица она была необыкновенная, первая щеголиха по всему околотку, умница, рѣчистая, смѣлая. Ея баринъ, Дмитрій Пестовъ, отецъ Марьи Дмитріевны, человѣкъ скромный и тихій, увидалъ ее однажды на молотьбѣ, поговорилъ съ ней и страстно въ нее влюбился. Она скоро овдовѣла; Пестовъ, хотя и женатый былъ человѣкъ, взялъ ее къ себѣ въ домъ, одѣлъ ее по дворовому. Агафья тотчасъ освоилась съ новымъ своимъ положеніемъ, точно она вѣкъ свой иначе не жила. Она побѣлѣла, пополнѣла; руки у ней подъ кисейными рукавами стали «крупичатыя», какъ у купчихи; самоваръ не сходилъ со стола; кромѣ шелку да бархату, она ничего носить не хотѣла, спала на пуховыхъ перинахъ. Лѣтъ пять продолжалась эта блажен-

Digitized by Google

ная жизнь, но Дмитрій Пестовъ умеръ; вдова его, барыня добрая, жалѣя память покойника, не хотѣла поступить съ своей соперницей нечестно, тѣмъ болѣе, что Агафья никогда передъ ней не забывалась; однако выдала ее за скотника и сослала съ глазъ долой. Прошло года три. Разъ какъ-то, въ жаркій лѣтній день, барыня заѣхала къ себѣ на скотный дворъ. Агафья попотчивала ее такими славными холодными сливками, такъ скромно себя держала и сама была такая опрятная, веселая, всѣмъ довольная, что барыня объявила ей прощеніе и позволила ходить въ домъ; а мѣсяцевъ черезъ шесть такъ къ ней привязалась, что произвела ее въ экономки и поручила ей все хозяйство. Агафья опять вошла въ силу, опять раздобрѣла и побѣлѣла; барыня со-всѣмъ ей ввѣрилась. Такъ прошло еще лѣтъ пять. Несчастье вторично обрушилось на Агафью. Мужъ ея, котораго она вывела въ лакеи, запилъ, сталъ пропадать изъ дому и кончилъ тѣмъ, что укралъ шесть господскихъ серебряныхъ ложекъ и запряталъ ихъ—до случая—въ женнинъ сундукъ. Это открылось. Его опять повернули въ скотники, а на Агафью наложили опалу; изъ дома ее не выгнали, но разжаловали изъ экономокъ въ швеи и велѣли ей вмѣсто чепца носить на головѣ платокъ. Къ удивленію всѣхъ, Агафья съ покорнымъ смиреніемъ приняла поразившій ее ударъ. Ей уже было тогда за тридцать лѣтъ, дѣти у ней всѣ померли, и мужъ жилъ не долго. Пришла ей пора опомниться: она опомнилась. Она стала очень молчалива и богомольна, не пропускала ни одной заутрени, ни одной обѣдни, раздарила всѣ свои хорошія платья. Пятнадцать лѣтъ провела она тихо, смиренно, степенно, ни съ кѣмъ не ссорясь, всѣмъ уступая. Нагрубитъ ли ей кто — она только поклонится и поблагодаритъ за ученіе. Барыня давно ей простила, и опалу сложила съ нея, и съ своей

Digitized by Google

головы чепецъ подарила; но она сама не захотѣла снять свой платокъ и все ходила въ темномъ платьѣ; а послѣ смерти барыни она стала еще тише и ниже. Русскій человѣкъ боится и привязывается легко; но уваженіе его заслужить трудно: дается оно не скоро и не всякому. Агафью всѣ въ домѣ очень уважали; никто и не вспоминалъ о прежнихъ грѣхахъ, словно ихъ вмѣстѣ съ старымъ бариномъ въ землю похоронили.

Сдѣлавшись мужемъ Марьи Дмитріевны, Калитинъ хотѣлъ-было поручить Агафьѣ домашнее хозяйство; но она отказалась «ради соблазна»; онъ прикрикнулъ на нее: она низко поклонилась и вышла вонъ. Умный Калитинъ понималъ людей; онъ и Агафью понялъ и не забылъ ее. Переселившись въ городъ, онъ съ ея согласія приставилъ ее въ качествѣ няни къ Лизѣ, которой только-что пошелъ пятый годъ.

Лизу сперва испугало серьёзное и строгое лицо новой няни; но она скоро привыкла къ ней и крѣпко полюбила. Она сама была серьёзный ребенокъ: черты ея напоминали рѣзкій и правильный обликъ Калитина; только глаза у ней были не отцовскіе; они свѣтились тихимъ вниманіемъ и добротой, что рѣдко въ дѣтяхъ. Она въ куклы не любила играть, смѣялась не громко и не долго, держалась чинно. Она задумывалась не часто, но почти всегда не даромъ; помолчавъ немного, она обыкновенно кончала тѣмъ, что обращалась къ кому-нибудь старшему съ вопросомъ, показывавшемъ, что голова ея работала надъ новымъ впечатлѣніемъ. Она очень скоро перестала картавить и уже на четвертомъ году говорила совершенно чисто. Отца она боялась: чувство ея къ матери было неопредѣленно, — она не боялась ея и не ласкалась къ ней; впрочемъ, она и къ Агафьѣ не ласкалась, хотя только ее одну и любила. Агафья съ ней не разставалась. Странно

Digitized by Google

было видѣть ихъ вдвоемъ. Бывало, Агафья вся въ черномъ, съ темнымъ платкомъ на головѣ, съ похудѣвшимъ, какъ воскъ прозрачнымъ, но все еще прекраснымъ и выразительнымъ лицомъ, сидитъ прямо и вяжетъ чулокъ; у ногъ ея, на маленькомъ креслецѣ, сидитъ Лиза и тоже трудится надъ какой-нибудь работой или, важно поднявши свѣтлые глазки, слушаетъ, что̀ разсказываетъ ей Агафья; а Агафья разсказываетъ ей не сказки: мѣрнымъ и ровнымъ голосомъ разсказываетъ она житіе Пречистой Дѣвы, житіе отшельниковъ, угодниковъ Божіихъ, святыхъ мученицъ; говоритъ она Лизѣ, какъ жили святые въ пустыняхъ, какъ спасались, голодъ терпѣли и нужду, — и царей не боялись, Христа исповѣдывали; какъ имъ птицы небесныя кормъ носили, и звѣри ихъ слушались; какъ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ кровь ихъ падала, цвѣты выростали.— «Желтофіоли?» спросила однажды Лиза, которая очень любила цвѣты.... Агафья говорила съ Лизой важно и смиренно, точно она сама чувствовала, что не ей бы произносить такія высокія и святыя слова. Лиза ее слушала—и образъ Вездѣсущаго, Всезнающаго Бога съ какой-то сладкой силой втѣснялся въ ея душу, наполнялъ ее чистымъ, благоговѣйнымъ страхомъ, а Христосъ становился ей чѣмъ-то близкимъ, знакомымъ, чуть не роднымъ; Агафья и молиться ее выучила. Иногда она будила Лизу рано на зарѣ, торопливо ее одѣвала и уводила тайкомъ къ заутренѣ; Лиза шла за ней на цыпочкахъ, едва дыша; холодъ и полусвѣтъ утра, свѣжесть и пустота церкви, самая таинственность этихъ неожиданныхъ отлучекъ, осторожное возвращеніе въ домъ, въ постельку, — вся эта смѣсь запрещеннаго, страннаго, святого, потрясала дѣвочку, проникла въ самую глубь ея существа. Агафья никогда никого не осуждала и Лизу не бранила за шалости. Когда она бывала чѣмъ не-

Digitized by Google

довольна, она только молчала; и Лиза понимала это молчаніе; съ быстрой прозорливостью ребенка она также хорошо понимала, когда Агафья была недовольна другими—Марьей ли Дмитріевной, самимъ ли Калитинымъ. Года три съ небольшимъ ходила Агафья за Лизой; дѣвица Моро́ ее смѣнила; но легкомысленная француженка съ своими сухими ухватками да восклицаніемъ: tout ça c'est des bétises — не могла вытѣснить изъ сердца Лизы ея любимую няню: посѣянныя сѣмена пустили слишкомъ глубокіе корни. Притомъ Агафья, хотя и перестала ходить за Лизой, осталась въ домѣ и часто видалась съ своей воспитанницей, которая ей вѣрила по-прежнему.

Агафья однако не ужилась съ Марѳой Тимоѳеевной, когда та переѣхала въ Калитинскій домъ. Строгая важность бывшей «панёвницы» не нравилась нетерпѣливой и самовольной старушкѣ. Агафья отпросилась на богомолье и не вернулась. Ходили темные слухи, будто она удалилась въ раскольничій скитъ. Но слѣдъ, оставленный ею въ душѣ Лизы, не изгладился. Она по-прежнему шла къ обѣднѣ, какъ на праздникъ, молилась съ наслажденьемъ, съ какимъ-то сдержаннымъ и стыдливымъ порывомъ, чему Марья Дмитріевна втайнѣ не мало дивилась, да и сама Марѳа Тимоѳеевна, хотя ни въ чемъ не стѣсняла Лизу, однако старалась умѣрить ея рвеніе и не позволяла ей класть лишніе земные поклоны: не дворянская, молъ, это замашка. Училась Лиза хорошо, то-есть усидчиво; особенно блестящими способностями, большимъ умомъ ее Богъ не наградилъ; безъ труда ей ничего не давалось. Она хорошо играла на фортепьяно; но одинъ Леммъ зналъ, чего ей это стоило. Читала она немного; у ней не было «своихъ словъ», но были свои мысли, и шла она своей дорогой. Не даромъ походила она на отца: онъ тоже не спрашивалъ у другихъ, что́ ему дѣлать.



Digitized by Google

Такъ росла она — покойно, неторопливо, такъ достигла девятнадцати-лѣтняго возраста. Она была очень мила, сама того не зная. Въ каждомъ ея движеньи высказывалась невольная, нѣсколько неловкая грація; голосъ ея звучалъ серебромъ нетронутой юности, малѣйшее ощущеніе удовольствія вызывало привлекательную улыбку на ея губы, придавало глубокій блескъ и какую-то тайную ласковость ея засвѣтившимся глазамъ. Вся проникнутая чувствомъ долга, боязнью оскорбить кого бы то ни было, съ сердцемъ добрымъ и кроткимъ, она любила всѣхъ и никого въ особенности; она любила одного Бога восторженно, робко, нѣжно. Лаврецкій первый нарушилъ ея тихую внутреннюю жизнь.

Такова была Лиза.

## XXXVI.

На слѣдующій день, часу въ двѣнадцатомъ, Лаврецкій отправился къ Калитинымъ. На дорогѣ онъ встрѣтилъ Паншина, который проскакалъ мимо него верхомъ, нахлобучивъ шляпу на самыя брови. У Калитиныхъ Лаврецкаго не приняли — въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ съ ними познакомился. Марья Дмитріевна «почивала»,—такъ доложилъ лакей; у «нихъ» голова болѣла. Марѳы Тимоѳеевны и Лизаветы Михайловны не было дома. Лаврецкій походилъ около сада въ смутной надеждѣ встрѣтиться съ Лизой, но не увидалъ никого. Онъ вернулся черезъ два часа и получилъ тотъ же отвѣтъ, при чемъ лакей какъ-то косо посмотрѣлъ на него. Лаврецкому показалось неприличнымъ навѣдываться въ тотъ же день въ третій разъ — и онъ рѣшился съѣздить въ Васильевское, гдѣ у него безъ того были дѣла. На дорогѣ онъ строилъ различные планы, одинъ прекраснѣе дру-

Digitized by Google

гого: но въ сельцѣ его тетки на него напала грусть; онъ вступилъ въ разговоръ съ Антономъ; у старика, какъ нарочно, все невеселыя мысли на умѣ были. Онъ разсказалъ Лаврецкому, какъ Глафира Петровна передъ смертью сама себя за руку укусила, — и, помолчавъ, сказалъ со вздохомъ: «всякъ человѣкъ, баринъ-батюшка, самъ себѣ на съѣденіе преданъ». Было уже поздно, когда Лаврецкій пустился въ обратный путь. Вчерашніе звуки охватили его, образъ Лизы возсталъ въ его душѣ во всей своей кроткой ясности; онъ умилился при мысли, что она его любитъ,—и подъѣхалъ къ своему городскому домику, успокоенный и счастливый.

Первое, что́ поразило его при входѣ въ переднюю, былъ запахъ пачули, весьма ему противный; тутъ же стояли какіе-то высокіе сундуки и баулы. Лицо выскочившаго къ нему на встрѣчу камердинера показалось ему страннымъ. Не отдавая себѣ отчета въ своихъ впечатлѣніяхъ, переступилъ онъ порогъ гостиной.... Ему на встрѣчу съ дивана поднялась дама въ черномъ шелковомъ платьѣ съ воланами и, поднеся батистовый платокъ къ блѣдному лицу, переступила нѣсколько шаговъ, склонила тщательно-разчесанную, душистую голову—и упала къ его ногамъ.... Тутъ только онъ узналъ ее; эта дама была его жена.

Дыханіе у него захватило.... Онъ прислонился къ стѣнѣ.

— Теодоръ, не прогоняйте меня! сказала она по-французски, и голосъ ея, какъ ножемъ рѣзанулъ его по сердцу.

Онъ глядѣлъ на нее безсмысленно, и однако тотчас же невольно замѣтилъ, что она и побѣлѣла, и отекла.

— Теодоръ! продолжала она, изрѣдка вскидывая [illegible] зами и осторожно ломая свои удивительно-красивые па[illegible]

Digitized by Google

съ розовыми лощеными ногтями:—Теодоръ, я передъ вами виновата, глубоко виновата, — скажу болѣе, я преступница; но вы выслушайте меня; раскаяніе меня мучитъ, я стала самой себѣ въ тягость, я не могла болѣе переносить мое положеніе; сколько разъ я думала обратиться къ вамъ, но я боялась вашего гнѣва; я рѣшилась разорвать всякую связь съ прошедшимъ.... puis, j'ai été si malade,—я была такъ больна, прибавила она и провела рукой по лбу и по щекѣ—я воспользовалась распространившимся слухомъ о моей смерти, я покинула все; не останавливаясь, день и ночь спѣшила я сюда; я долго колебалась предстать предъ васъ, моего судью—paraitre devant vous, mon juge; но я рѣшилась наконецъ, вспомнивъ вашу всегдашнюю доброту, ѣхать къ вамъ; я узнала вашъ адресъ въ Москвѣ. Повѣрьте, продолжала она, тихонько поднимаясь съ полу и садясь на самый край кресла; — я часто думала о смерти и я бы нашла въ себѣ довольно мужества, чтобы лишить себя жизни—ахъ, жизнь теперь для меня несносное бремя!—но мысль о моей дочери, о моей Адочкѣ меня останавливала; она здѣсь, она спитъ въ сосѣдней комнатѣ, бѣдный ребенокъ! Она устала — вы ее увидите: она, по крайней мѣрѣ, передъ вами не виновата, а я такъ несчастна, такъ несчастна! воскликнула г-жа Лаврецкая и залилась слезами.

Лаврецкій пришелъ, наконецъ, въ себя; онъ отдѣлился отъ стѣны и повернулся къ двери.

— Вы уходите? съ отчаяньемъ проговорила его жена:—о, это жестоко! Не сказавши мнѣ ни одного слова, ни одного даже упрека.... Это презрѣніе меня убиваетъ, это ужасно!

Лаврецкій остановился.

Digitized by Google

— Что вы хотите слышать отъ меня? произнесъ онъ беззвучнымъ голосомъ.

— Ничего, ничего, съ живостью подхватила она: — я знаю, я не въ правѣ ничего требовать; я не безумная, повѣрьте; я не надѣюсь, я не смѣю надѣяться на ваше прощеніе; я только осмѣливаюсь просить васъ, чтобы вы приказали мнѣ, что̀ мнѣ дѣлать, гдѣ мнѣ жить? Я, какъ рабыня, исполню ваше приказаніе, какое бы оно ни было.

— Мнѣ нечего вамъ приказывать, возразилъ тѣмъ же голосомъ Лаврецкій:—вы знаете — между нами все кончено.... и теперь болѣе, чѣмъ когда-нибудь. Вы можете жить, гдѣ вамъ угодно; и если вамъ мало вашей пенсіи....

— Ахъ, не говорите такихъ ужасныхъ словъ, перебила его Варвара Павловна:—пощадите меня, хотя.... хотя ради этого ангела.... И, сказавши эти слова, Варвара Павловна стремительно выбѣжала въ другую комнату и тотчасъ же вернулась съ маленькой, очень изящно одѣтой дѣвочкой на рукахъ. Крупныя русыя кудри падали ей на хорошенькое румяное личико, на большіе черные заспанные глаза; она и улыбалась, и щурилась отъ огня, и упиралась пухлой рученкой въ шею матери.

— Ada, vois, c'est ton père, проговорила Варвара Павловна, отводя отъ ея глазъ кудри и крѣпко цѣлуя ее: — prie le avec moi.

— C'est ça, papa, залепетала дѣвочка, картавя.

— Oui, mon enfant, n'est ce pas, que tu l'aimes?

Но тутъ стало не въ мочь Лаврецкому.

— Въ какой это мелодрамѣ есть совершенно такая сцена? пробормоталъ онъ и вышелъ вонъ.

Варвара Павловна постояла нѣкоторое время на мѣстѣ, слегка повела плечами, отнесла дѣвочку въ другую комнату, раздѣла и уложила ее. Потомъ она достала книж-

Digitized by Google

ку, сѣла у лампы, подождала около часу и наконецъ сама легла въ постель.

— Eh bien, madame? спросила служанка, француженка, вывезенная ею изъ Парижа, снимая съ нея корсетъ.

— Eh bien, Justine, возразила она; — онъ очень постарѣлъ, но, мнѣ кажется, онъ все такой же добрый. Подайте мнѣ перчатки на ночь, приготовьте къ завтрашнему дню сѣрое платье до верху; да не забудьте бараньихъ котлетъ для Ады.... Правда, ихъ здѣсь трудно найти; но надо постараться.

— A la guerre, comme à la guerre, возразила Жюстина и загасила свѣчку.

## XXXVII.

Болѣе двухъ часовъ скитался Лаврецкій по улицамъ города. Пришла ему на память ночь, проведенная въ окрестностяхъ Парижа. Сердце у него надрывалось и въ головѣ, пустой и словно оглушенной, кружились все однѣ и тѣ же мысли, темныя, вздорныя, злыя. «Она жива, она здѣсь», шепталъ онъ съ постоянно возраждавшимся изумленіемъ. Онъ чувствовалъ, что потерялъ Лизу. Желчь его душила; слишкомъ внезапно поразилъ его этотъ ударъ. Какъ могъ онъ такъ легко повѣрить вздорной болтовнѣ фельетона, лоскуту бумаги? «Ну, я бы не повѣрилъ, подумалъ онъ: — какая была бы разница? Я бы не зналъ, что Лиза меня любитъ; она сама бы этого не знала». Онъ не могъ отогнать отъ себя образа, голоса, взоровъ своей жены.... и онъ проклиналъ себя, проклиналъ все на свѣтѣ.

Измученный, пришелъ онъ передъ утромъ къ Лемму. Долго онъ не могъ достучаться; наконецъ, въ окнѣ показалась голова старика въ колпакѣ, кислая, сморщен-

Digitized by Google

ная, уже нисколько не похожая на ту вдохновенно-суровую голову, которая, двадцать-четыре часа тому назадъ, со всей высоты своего художническаго величія царски глянула на Лаврецкаго.

— Что вамъ надо? спросилъ Леммъ:—я не могу каждую ночь играть, я декоктъ принялъ. Но видно лицо у Лаврецкаго было очень странно: старикъ сдѣлалъ себѣ изъ руки надъ глазами козырекъ, вглядѣлся въ своего ночнаго посѣтителя и впустилъ его.

Лаврецкій вошелъ въ комнату и опустился на стулъ; старикъ остановился передъ нимъ, запахнувъ полы своего пестраго дряхлаго халата, ёжась и жуя губами.

— Моя жена пріѣхала, проговорилъ Лаврецкій, поднялъ голову и вдругъ самъ невольно разсмѣялся.

Лицо Лемма выразило изумленіе, но онъ даже не улыбнулся, только крѣпче завернулся въ халатъ.

— Вѣдь вы не знаете, продолжалъ Лаврецкій:—я воображалъ.... я прочелъ въ газетѣ, что ея уже нѣтъ на свѣтѣ.

— О-о, это вы недавно прочли? спросилъ Леммъ.

— Недавно.

— О-о, повторилъ старикъ и высоко поднялъ брови.— И она пріѣхала.

— Пріѣхала. Она теперь у меня, а я.... я несчастный человѣкъ.

И онъ опять усмѣхнулся.

— Вы несчастный человѣкъ, медленно повторилъ Леммъ.

— Христоформъ Ѳедорычъ, началъ Лаврецкій:—возьметесь вы доставить записку?

— Гмъ. Можно узнать, кому?

— Лизав....

— А,—да, да, понимаю. Хорошо. А когда нужно будетъ доставить записку?

Digitized by Google

— Завтра, какъ можно раньше.

— Гмъ. Можно послать Катринъ, мою кухарку. Нѣтъ, я самъ пойду.

— И принесете мнѣ отвѣтъ?

— И принесу отвѣтъ.

Леммъ вздохнулъ.

— Да, мой бѣдный молодой другъ; вы, точно,—несчастный молодой человѣкъ.

Лаврецкій написалъ два слова Лизѣ: онъ извѣстилъ ее о пріѣздѣ жены, просилъ ее назначить ему свиданіе,—и бросился на узенькій диванъ лицомъ къ стѣнѣ; а старикъ легъ на постель и долго ворочался, кашляя и отпивая глотками свой декоктъ.

Настало утро; оба они поднялись. Странными глазами поглядѣли они другъ на друга. Лаврецкому хотѣлось въ этотъ мигъ убить себя. Кухарка Катринъ принесла имъ скверная кофе. Пробило восемь часовъ. Леммъ надѣлъ шляпу и, сказавши, что урокъ онъ даетъ у Калитиныхъ въ десять часовъ, но что найдетъ приличный предлогъ, отправился. Лаврецкій опять бросился на диванчикъ и опять со дна его души зашевелился горестный смѣхъ. Онъ думалъ о томъ, какъ жена выгнала его изъ дому; онъ представлялъ себѣ положеніе Лизы, закрывалъ глаза и закидывалъ руки за голову. Наконецъ Леммъ вернулся и принесъ ему клочекъ бумаги, на которомъ Лиза начертила карандашомъ слѣдующія слова: «Мы сегодня не можемъ видѣться; можетъ быть—завтра вечеромъ. Прощайте». Лаврецкій сухо и разсѣянно поблагодарилъ Лемма и пошелъ къ себѣ домой.

Онъ засталъ жену за завтракомъ; Ада, вся въ букляхъ, въ бѣленькомъ платьицѣ съ голубыми ленточками, кушала баранью котлетку. Варвара Павловна тотчасъ встала, какъ только Лаврецкій вошелъ въ комнату, и съ

Digitized by Google

покорностью на лицѣ подошла къ нему. Онъ попросилъ ее послѣдовать за нимъ въ кабинетъ, заперъ за собою дверь и началъ ходить взадъ и впередъ; она сѣла, скромно положила одну руку на другую и принялась слѣдить за нимъ своими, все еще прекрасными, хотя слегка подрисованными, глазами.

Лаврецкій долго не могъ заговорить: онъ чувствовалъ, что не владѣлъ собою; онъ видѣлъ ясно, что Варвара Павловна нисколько его не боялась, а показывала видъ, что вотъ сейчасъ въ обморокъ упадетъ.

— Послушайте, сударыня, началъ онъ наконецъ, тяжело дыша и по временамъ стискивая зубы: — намъ нечего притворяться другъ передъ другомъ; я вашему раскаянію не вѣрю; да если бы оно и было искренно, сойтись снова съ вами, жить съ вами мнѣ невозможно.

Варвара Павловна сжала губы и прищурилась. «Это отвращеніе, подумала она:—кончено! я для него даже не женщина».

— Невозможно, повторилъ Лаврецкій и застегнулся до верху. — Я не знаю, зачѣмъ вамъ угодно было пожаловать сюда: вѣроятно, у васъ денегъ больше не стало.

— Увы! вы оскорбляете меня, прошептала Варвара Павловна.

— Какъ бы то ни было—вы все-таки, къ сожалѣнію, моя жена.—Не могу же я васъ прогнать.... и вотъ что я вамъ предлагаю. Вы можете сегодня же, если угодно, отправиться въ Лаврики, живите тамъ; тамъ, вы знаете, хорошій домъ; вы будете получать все нужное, сверхъ пенсіи.... Согласны вы?

Варвара Павловна поднесла вышитый платокъ къ лицу.

— Я вамъ уже сказала, промолвила она, нервически подергивая губами:—что я на все буду согласна, что́ бы

Digitized by Google

вамъ ни угодно было сдѣлать со мной; на этотъ разъ остается мнѣ спросить у васъ: позволите ли вы мнѣ по крайней мѣрѣ поблагодарить васъ за ваше великодушіе?

— Безъ благодарности, прошу васъ—этакъ лучше, поспѣшно проговорилъ Лаврецкій.—Стало быть, продолжалъ онъ, приближаясь къ двери:—я могу разсчитывать....

— Завтра же я буду въ Лаврикахъ, промолвила Варвара Павловна, почтительно поднимаясь съ мѣста. — Но Ѳедоръ Иванычъ.... (Теодоромъ она его больше не называла).

— Что вамъ угодно?

— Я знаю, я еще ничѣмъ не заслужила своего прощенія; могу ли я надѣяться по крайней мѣрѣ, что со временемъ....

— Эхъ, Варвара Павловна, перебилъ ее Лаврецкій:— вы умная женщина, да вѣдь и я не дуракъ; я знаю, что этого вамъ со всѣмъ не нужно. А я давно васъ простилъ; но между нами всегда была бездна.

— Я съумѣю покориться, возразила Варвара Павловна и склонила голову. — Я не забыла своей вины; я бы не удивилась, если бы узнала, что вы даже обрадовались извѣстію о моей смерти, — кротко прибавила она, слегка указывая рукой на лежавшій на столѣ, забытый Лаврецкимъ, нумеръ журнала.

Ѳедоръ Иванычъ дрогнулъ: фельетонъ былъ отмѣченъ карандашомъ. Варвара Павловна еще съ бо́льшимъ уничиженіемъ посмотрѣла на него. Она была очень хороша въ это мгновенье. Сѣрое парижское платье стройно охватывало ея гибкій, почти семнадцати-лѣтній станъ, ея тонкая, нѣжная шея, окруженная бѣлымъ воротничкомъ, ровно дышавшая грудь, руки безъ браслетовъ и колецъ,— вся ея фигура, отъ лоснистыхъ волосъ до кончика едва выставленной ботинки, была такъ изящна....

Digitized by Google

Лаврецкій окинулъ ее злобнымъ взглядомъ, чуть не воскликнулъ: brava! чуть не ударилъ ее кулакомъ по темени—и удалился. Часъ спустя, онъ уже отправился въ Васильевское, а два часа спустя, Варвара Павловна велѣла нанять себѣ лучшую карету въ городѣ, надѣла простую соломенную шляпу съ чернымъ вуалемъ и скромную мантилью, поручила Аду Жюстинѣ, и отправилась къ Калитинымъ: изъ разспросовъ, сдѣланныхъ ею прислугѣ, она узнала, что мужъ ея ѣздилъ къ нимъ каждый день.

## XXXVIII.

День пріѣзда жены Лаврецкаго въ городъ О.... невеселый для него день, былъ также тягостнымъ днемъ для Лизы. Не успѣла она сойти внизъ и поздороваться съ матерью, какъ уже подъ окномъ раздался конскій топотъ, и она съ тайнымъ страхомъ увидѣла Паншина, въѣзжавшаго на дворъ. «Онъ явился такъ рано для окончательнаго объясненія», — подумала она и не обманулась; повертѣвшись въ гостиной, онъ предложилъ ей пойти съ нимъ въ садъ и потребовалъ рѣшенія своей участи. Лиза собралась съ духомъ и объявила ему, что не можетъ быть его женой. Онъ выслушалъ ее до конца, стоя къ ней бокомъ и надвинувъ на лобъ шляпу; вѣжливо, но измѣненнымъ голосомъ спросилъ ее: послѣднее ли это ея слово, и не подалъ-ли онъ чѣмъ-нибудь повода къ подобной перемѣнѣ въ ея мысляхъ? потомъ прижалъ руку къ глазамъ, коротко и отрывисто вздохнулъ и отдернулъ руку отъ лица.

— Я не хотѣлъ пойти по избитой дорогѣ, проговорилъ онъ глухо: — я хотѣлъ найти себѣ подругу по влеченію сердца; но, видно, этому не должно быть. Прощай, мое Онъ глубоко поклонился Лизѣ и вернулся въ домъ.

Digitized by Google

Она надѣялась, что онъ тотчасъ же уѣдетъ; но онъ пошелъ въ кабинетъ къ Марьѣ Дмитріевнѣ и около часа просидѣлъ у ней. Уходя, онъ сказалъ Лизѣ: votre mère vous appelle; adieu à jamais.... сѣлъ на лошадь и отъ самаго крыльца поскакалъ во всю прыть. Лиза вошла къ Марьѣ Дмитріевнѣ и застала ее въ слезахъ: Паншинъ сообщилъ ей свое несчастіе.

— За что ты меня убила? За что ты меня убила? такъ начала свои жалобы огорченная вдова. — Кого тебѣ еще нужно? Чѣмъ онъ тебѣ не мужъ? Камеръ-юнкеръ! не интересанъ! Онъ въ Петербургѣ на любой фрейлинѣ могъ бы жениться. А я-то, я-то надѣялась! И давно ли ты къ нему измѣнилась? Откуда эта туча надута,—не сама собой пришла! Ужъ не тотъ ли фофанъ? Вотъ нашла совѣтчика!

— А онъ-то, мой голубчикъ, продолжала Марья Дмитріевна:—какъ онъ почтителенъ, въ самой печали какъ внимателенъ! Обѣщался не оставлять меня. Ахъ, я этого не перенесу! Ахъ, у меня голова смертельно разболѣлась! Пошли ко мнѣ Палашку. Ты убьешь меня, если не одумаешься,—слышишь? И назвавъ ее раза два неблагодарною, Марья Дмитріевна услала Лизу.

Она отправилась въ свою комнату. Но не успѣла она еще отдохнуть отъ объясненія съ Паншинымъ и съ матерью, какъ на нее опять обрушилась гроза, и съ такой стороны, откуда она меньше всего ее ожидала. Марѳа Тимоѳеевна вошла къ ней въ комнату и тотчасъ захлопнула за собою дверь. Лицо старушки было блѣдно, чепецъ сидѣлъ на боку, глаза ея блестѣли, руки, губы дрожали. Лиза изумилась: она никогда еще не видала своей умной и разсудительной тетки въ такомъ состояніи.

— Прекрасно, сударыня, начала Марѳа Тимоѳеевна

Digitized by Google

трепетнымъ и прерывистымъ шёпотомъ: — прекрасно! У кого ты это только выучилась, мать моя.... Дай мнѣ воды; я говорить не могу.

— Успокойтесь, тетушка; что̀ съ вами? говорила Лиза, подавая ей стаканъ воды. Вѣдь вы сами, кажется, не жаловали г-на Паншина.

Марѳа Тимоѳеевна отставила стаканъ.

— Пить не могу: зубы себѣ послѣдніе выбью. Какой тутъ Паншинъ? Къ чему тутъ Паншинъ? А ты лучше мнѣ скажи, кто тебя научилъ свиданія по ночамъ назначать—а? мать моя?

Лиза поблѣднѣла.

— Ты, пожалуйста, не вздумай отговариваться, продолжала Марѳа Тимоѳеевна. Шурочка сама все видѣла и мнѣ сказала. Я ей запретила болтать, а она не солжетъ.

— Я и не отговариваюсь, тетушка, чуть слышно промолвила Лиза.

— А, а! Такъ вотъ какъ, мать моя; ты свиданіе ему назначила, этому старому грѣховоднику, смиреннику этому?

— Нѣтъ.

— Какъ же такъ?

— Я сошла внизъ въ гостиную за книжкой: онъ былъ въ саду—и позвалъ меня.

— И ты пошла? Прекрасно. Да ты любишь его, что ли?

— Люблю, отвѣчала тихимъ голосомъ Лиза.

— Матушки мои! она его любитъ! Марѳа Тимоѳеевна сдернула съ себя чепецъ. — Женатаго человѣка любитъ! а? любитъ.

— Онъ мнѣ сказывалъ, начала Лиза....

— Что онъ тебѣ сказывалъ, соколикъ этакой, что-о?

— Онъ мнѣ сказывалъ, что жена его скончалась.

Марѳа Тимоѳеевна перекрестилась. — Царство ей и

Digitized by Google

бесное, прошептала она: пустая была бабенка—не тѣмъ будь помянута. Вотъ какъ: вдовый онъ, стало-быть. Да онъ, я вижу, на всѣ руки. Одну жену уморилъ, да и за другую. Каковъ тихоня? Только вотъ что скажу тебѣ, племянница: въ наши времена, какъ я молода была, дѣвкамъ за такія продѣлки больно доставалось. Ты не сердись на меня, мать моя; за правду одни дураки сердятся. Я и отказать ему велѣла сегодня. Я его люблю, но этого я ему никогда не прощу. Вишь, вдовый! Дай-ка мнѣ воды. А что ты Паншина съ носомъ отослала, за это ты у меня молодецъ; только не сиди ты по ночамъ съ этой козьей породой, съ мужчинами; не сокрушай ты меня старуху! А то вѣдь я не все ласкаться — я и кусаться умѣю.... Вдовый!

Марѳа Тимоѳеевна ушла, а Лиза сѣла въ уголокъ и заплакала. Горько ей стало на душѣ; не заслужила она такого униженья. Не веселостью сказывалась ей любовь: во второй разъ плакала она со вчерашняго вечера. Въ ея сердцѣ едва только родилось то новое, нежданное чувство, и уже какъ тяжело поплатилась она за него, какъ грубо коснулись чужія руки ея завѣтной тайны! Стыдно, и горько, и больно было ей: но ни сомнѣнья, ни страха въ ней не было,—и Лаврецкій сталъ ей еще дороже. Она колебалась, пока сама себя не понимала; но послѣ того свиданія, послѣ того поцѣлуя—она уже колебаться не могла; она знала, что любитъ, — и полюбила честно, не шутя, привязалась крѣпко, на всю жизнь — и не боялась угрозъ; она чувствовала, что насилію не расторгнуть этой связи.

## XXXIX.

Марья Дмитріевна очень встревожилась, когда ей доложили о пріѣздѣ Варвары Павловны Лаврецкой; она даже

Digitized by Google

не знала—принять ли ее: она боялась оскорбить Ѳедора Иваныча. Наконецъ, любопытство превозмогло. Что-жъ подумала она, вѣдь она тоже родная,—и усѣвшись въ креслахъ сказала лакею: проси! Прошло нѣсколько мгновеній; дверь отворилась; Варвара Павловна быстро, чуть слышными шагами приблизилась къ Марьѣ Дмитріевнѣ и, не давая ей встать съ креселъ, почти склонила передъ ней колѣни.

— Благодарствуйте, тетушка, начала она тронутымъ и тихимъ голосомъ по-русски: — благодарствуйте; я не надѣялась на такое снисхожденье съ вашей стороны; вы добры, какъ ангелъ.

Сказавши эти слова, Варвара Павловна неожиданно овладѣла одной рукой Марьи Дмитріевны и, слегка стиснувъ ее въ своихъ блѣдно-лиловыхъ перчаткахъ, подобострастно поднесла ее къ розовымъ и полнымъ губамъ. Марья Дмитріевна совсѣмъ потерялась, увидѣвъ такую красивую, прелестно-одѣтую женщину почти у ногъ своихъ; она не знала, какъ ей быть: и руку-то свою она у ней отнять хотѣла, и усадить-то ее она желала, и сказать ей что-нибудь ласковое; она кончила тѣмъ, что приподнялась и поцѣловала Варвару Павловну въ гладкій и пахучій лобъ. Варвара Павловна вся сомлѣла подъ этимъ поцѣлуемъ.

— Здравствуйте, bonjour, сказала Марья Дмитріевна:—конечно, я не воображала.... впрочемъ, я, конечно, рада васъ видѣть. Вы понимаете, милая моя, — не мнѣ быть судьею между женой и мужемъ....

— Мой мужъ во всемъ правъ, перебила ее Варвара Павловна: я одна виновата.

— Это очень похвальныя чувства, возразила Марья Дмитріевна:—очень. Давно вы пріѣхали? Видѣли вы его? Да сядьте же, пожалуйста.

Digitized by Google

— Я вчера пріѣхала, отвѣчала Варвара Павловна, смиренно садясь на стулъ; я видѣла Ѳедора Иваныча, я говорила съ нимъ.

— А! Ну, и что же онъ?

— Я боялась, что мой внезапный пріѣздъ возбудитъ его гнѣвъ, продолжала Варвара Павловна: но онъ не лишилъ меня своего присутствія.

— То-есть, онъ не.... Да, да, понимаю, промолвила Марья Дмитріевна. Онъ только съ виду немного грубъ, а сердце у него мягкое.

— Ѳедоръ Иванычъ не простилъ меня; онъ не хотѣлъ меня выслушать.... Но онъ былъ такъ добръ, что назначилъ мнѣ Лаврики мѣстомъ жительства.

— А! прекрасное имѣнье!

— Я завтра же отправляюсь туда, въ исполненіе его воли; но я почла долгомъ побывать прежде у васъ.

— Очень, очень вамъ благодарна, моя милая. Родныхъ никогда забывать не слѣдуетъ. А знаете ли, я удивляюсь, какъ вы хорошо говорите по-русски. C'est étonnant.

Варвара Павловна вздохнула.

— Я слишкомъ долго пробыла за границей, Марья Дмитріевна, я это знаю: но сердце у меня всегда было русское, и я не забывала своего отечества.

— Такъ, такъ; это лучше всего. Ѳедоръ Иванычъ васъ однако вовсе не ожидалъ.... Да; повѣрьте моей опытности: la patrie avant tout. Ахъ, покажите пожалуйста, что̀ это у васъ за прелестная мантилья?

— Вамъ она нравится? Варвара Павловна проворно спустила ее съ плечъ.—Она очень простенькая, отъ madame Baudran.

— Это сейчасъ видно. Отъ madame Baudran.... Какъ мило и съ какимъ вкусомъ! Я увѣрена, вы привезли съ

Digitized by Google

собой множество восхитительныхъ вещей. Я бы хоть посмотрѣла.

— Весь мой туалетъ къ вашимъ услугамъ, любезнѣйшая тетушка. Если позволите, я могу кое-что показать вашей камеристкѣ. Со мной служанка изъ Парижа,—удивительная швея.

— Вы очень добры, моя милая. Но, право, мнѣ совѣстно.

— Совѣстно.... повторила съ упрекомъ Варвара Павловна. Хотите вы меня осчастливить — распоряжайтесь мною какъ вашей собственностью!

Марья Дмитріевна растаяла.

— Vous êtes charmante, проговорила она.—Да что же вы не снимаете вашу шляпу, перчатки?

— Какъ? вы позволяете? спросила Варвара Павловна и слегка, какъ бы съ умиленьемъ, сложила руки.

— Разумѣется; вѣдь вы обѣдаете съ нами, я надѣюсь. Я.... я васъ познакомлю съ моей дочерью. Марья Дмитріевна немного смутилась. «Ну! куда ни шло!» подумала она.—Она сегодня что-то нездорова у меня.

— О, ma tante, какъ вы добры! воскликнула Варвара Павловна—и поднесла платокъ къ глазамъ.

Казачекъ доложилъ о приходѣ Гедеоновскаго. Старый болтунъ вошелъ, отвѣшивая поклоны и ухмыляясь. Марья Дмитріевна представила его своей гостьѣ. Онъ сперва было сконфузился; но Варвара Павловна такъ кокетливо-почтительно обошлась съ нимъ, что у него ушки разгорѣлись, и выдумки, сплетни, любезности медомъ потекли съ его устъ. Варвара Павловна слушала его, сдержанно улыбалась и сама понемногу разговорилась. Она скромно разсказывала о Царижѣ, о своихъ путешествіяхъ, о Баденѣ; раза два разсмѣшила Марью Дмитріевну и всякій разъ потомъ слегка вздыхала и какъ будто мысленно упре-



Digitized by Google

кала себя въ неумѣстной веселости; выпросила позволеніе привести Аду; снявши перчатки, показывала своими гладкими, вымытыми мыломъ à la guimauve руками,—какъ и гдѣ носятся воланы, рюши, кружева, шу; обѣщалась принести стклянку съ новыми англійскими духами: Victoria's Essence, и обрадовалась, какъ дитя, когда Марья Дмитріевна согласилась принять ее въ подарокъ; всплакнула при воспоминаніи о томъ, какое чувство она испытала, когда въ первый разъ услыхала русскіе колокола: «такъ глубоко поразили они меня въ самое сердце», промолвила она.

Въ это мгновенье вошла Лиза.

Съ утра, съ самой той минуты, когда она, вся похолодѣвъ отъ ужаса, прочла записку Лаврецкаго, Лиза готовилась ко встрѣчѣ съ его женою; она предчувствовала, что увидитъ ее. Она рѣшилась не избѣгать ея, въ наказаніе своимъ, какъ она называла ихъ, преступнымъ надеждамъ. Внезапный переломъ въ ея судьбѣ потрясъ ее до основанія; въ два какихъ-нибудь часа ея лицо похудѣло; но она и слезинки не проронила. «По дѣломъ!» говорила она самой себѣ, съ трудомъ и волненіемъ подавляя въ душѣ какіе-то горькіе, злые, ее самое пугавшіе порывы. — «Ну, надо идти!» подумала она, какъ только узнала о пріѣздѣ Лаврецкой, и она вошла.... Долго стояла она передъ дверью гостиной, прежде чѣмъ рѣшилась отворить ее; съ мыслью: «я передъ нею виновата»—переступила она порогъ и заставила себя посмотрѣть на нее, заставила себя улыбнуться. Варвара Павловна пошла ей на встрѣчу, какъ только увидала ее, и склонилась передъ ней слегка, но все-таки почтительно. — Позвольте мнѣ рекомендовать себя, заговорила она вкрадчивымъ голосомъ:—ваша maman такъ снисходительна ко мнѣ, что я надѣюсь, что и вы будете.... добры. Выраженіе лица Варвары Павловны, когда она сказала это послѣднее сло-

Digitized by Google

во, ея хитрая улыбка, холодный и въ тоже время мягкій взглядъ, движеніе ея рукъ и плечей, самое ея платье, все ея существо — возбудили такое чувство отвращенія въ Лизѣ, что она ничего не могла ей отвѣтить, и черезъ силу протянула ей руку. «Эта барышня брезгаетъ мною», подумала Варвара Павловна, крѣпко стискивая холодные пальцы Лизы и, обернувшись къ Марьѣ Дмитріевнѣ, промолвила въ полголоса: mais elle est délicieuse! Лиза слабо вспыхнула: насмѣшка, обида, послышались ей въ этомъ восклицаніи; но она рѣшилась не вѣрить своимъ впечатлѣніямъ и сѣла къ окну за пяльцы. Варвара Павловна и тутъ не оставила ее въ покоѣ: подошла къ ней, начала хвалить ея вкусъ, ея искусство.... Сильно и болѣзненно забилось сердце у Лизы: она едва переломила себя, едва усидѣла на мѣстѣ. Ей казалось, что Варвара Павловна все знаетъ и, тайно торжествуя, подтруниваетъ надъ ней. Къ счастью ея, Гедеоновскій заговорилъ съ Варварой Павловной и отвлекъ ея вниманіе. Лиза склонилась надъ пяльцами и украдкой наблюдала за нею. «Эту женщину, — думала она,—любилъ *онъ*». Но она тотчасъ же изгнала изъ головы самую мысль о Лаврецкомъ: она боялась потерять власть надъ собою, она чувствовала, что голова у ней тихо кружилась. Марья Дмитріевна заговорила о музыкѣ.

— Я слышала, моя милая, начала она: — вы удивительная виртуозка.

— Я давно не играла, возразила Варвара Павловна, немедленно садясь за фортепіано, и бойко пробѣжала пальцами по клавишамъ.—Прикажете?

— Сдѣлайте одолженіе.

Варвара Павловна мастерски сыграла блестящій и трудный этюдъ Герца. У ней было очень много силы и проворства.

Digitized by Google

— Сильфида! воскликнулъ Гедеоновскій.

— Необыкновенно! подтвердила Марья Дмитріевна.— Ну, Варвара Павловна, признаюсь, промолвила она, въ первый разъ называя ее по имени: — удивили вы меня; вамъ хоть бы концерты давать. Здѣсь у насъ есть музыкантъ, старикъ, изъ нѣмцевъ, чудакъ, очень ученый; онъ Лизѣ уроки даетъ; тотъ просто отъ васъ съ ума сойдетъ.

— Лизавета Михайловна тоже музыкантша? спросила Варвара Павловна, слегка обернувъ къ ней голову.

— Да, она играетъ недурно и любитъ музыку; но что́ это значитъ передъ вами? Но здѣсь есть еще одинъ молодой человѣкъ; вотъ съ кѣмъ вы должны познакомиться. Это — артистъ въ душѣ и сочиняетъ премило. Онъ одинъ можетъ васъ вполнѣ оцѣнить.

— Молодой человѣкъ? проговорила Варвара Павловна. — Кто онъ такой? Бѣдный какой-нибудь?

— Помилуйте, первый кавалеръ у насъ, да не только у насъ — et à Pétersbourg. Камеръ-юнкеръ, въ лучшемъ обществѣ принятъ. Вы навѣрное слыхали о немъ: Паншинъ, Владиміръ Николаичъ. Онъ здѣсь по казенному порученію.... будущій министръ, помилуйте!

— И артистъ?

— Артистъ въ душѣ, и такой любезный. Вы его увидите. Онъ все это время очень часто у меня бывалъ; я пригласила его на сегодняшній вечеръ; *надѣюсь*, что онъ пріѣдетъ, прибавила Марья Дмитріевна съ коротким вздохомъ и косвенной горькой улыбкой.

Лиза поняла значеніе этой улыбки; но ей было не до того.

— И молодой? повторила Варвара Павловна, слегка модулируя изъ тона въ тонъ.

— Двадцати-восьми лѣтъ — и самой счастливой наружности. Un jeune homme accompli, помилуйте.

Digitized by Google

— Образцовый, можно сказать, юноша, замѣтилъ Гедеоновскій.

Варвара Павловна внезапно заиграла шумный Штраусовскій вальсъ, начинавшійся такой сильной и быстрой трелью, что Гедеоновскій даже вздрогнулъ; въ самой серединѣ вальса она вдругъ перешла въ грустный мотивъ и кончила арію изъ «Лучіи»: Fra poco.... она сообразила, что веселая музыка нейдетъ къ ея положенію. Арія изъ «Лучіи», съ удареніемъ на чувствительныхъ нотахъ, очень растрогала Марью Дмитріевну.

— Какая душа, проговорила она въ полголоса Гедеоновскому.

— Сильфида! повторилъ Гедеоновскій и поднялъ глаза къ небу.

Насталъ часъ обѣда. Марѳа Тимоѳеевна сошла съ верху, когда уже супъ стоялъ на столѣ. Она очень сухо обошлась съ Варварой Павловной, отвѣчала полу-словами на ея любезности, не глядѣла на нее. Варвара Павловна сама скоро поняла, что отъ этой старухи толку не добьешся и перестала заговаривать съ нею; за то Марья Дмитріевна стала еще ласковѣе съ своей гостьей; невѣжливость тетки ее разсердила. Впрочемъ, Марѳа Тимоѳеевна не на одну Варвару Павловну не глядѣла: она и на Лизу не глядѣла, хотя глаза такъ и блестѣли у ней. Она сидѣла, какъ каменная, вся желтая, блѣдная, съ сжатыми губами — и не ѣла ничего. Лиза казалась спокойной; и точно: у ней на душѣ тише стало; странная безчувственность, безчувственность осужденнаго нашла на нее. За обѣдомъ Варвара Павловна говорила мало: она словно опять оробѣла и распространила по лицу своему выраженіе скромной меланхоліи. Одинъ Гедеоновскій оживлялъ бесѣду своими разсказами, хотя то-и-дѣло трусливо посматривалъ на Марѳу Тимоѳеевну

Digitized by Google

и перхалъ, — перхота нападала на него всякій разъ, когда онъ въ ея присутствіи собирался лгать, — но она ему не мѣшала, не перебивала его. Послѣ обѣда оказалось, что Варвара Павловна большая любительница преферанса; Марьѣ Дмитріевнѣ это до того понравилось, что она даже умилилась и подумала про себя: «какой же, однако, дуракъ долженъ быть Ѳедоръ Иванычъ: не умѣлъ такую женщину понять!»

Она сѣла играть въ карты съ нею и Гедеоновскимъ, а Марѳа Тимоѳеевна увела Лизу къ себѣ на-верхъ, сказавъ, что па ней лица нѣту, что у ней, должно быть, болитъ голова.

— Да, у ней ужасно голова болитъ, промолвила Марья Дмитріевна, обращаясь къ Варварѣ Павловнѣ и закатывая глаза. — У меня самой такіе бываютъ мигрени....

— Скажите! возразила Варвара Павловна.

Лиза вошла въ теткину комнату и въ изнеможеніи опустилась на стулъ. Марѳа Тимоѳеевна долго, молча, смотрѣла на нее, тихонько стала передъ нею на колѣни—и начала, все такъ же молча, цѣловать попеременно ея руки. Лиза подалась впередъ, покраснѣла—и заплакала, но не подняла Марѳы Тимоѳеевны, не отняла своихъ рукъ: она чувствовала, что не имѣла права отнять ихъ, не имѣла права помѣшать старушкѣ выразить свое раскаяніе, участіе, испросить у ней прощеніе за вчерашнее; и Марѳа Тимоѳеевна не могла нацѣловаться этихъ бѣдныхъ, блѣдныхъ, безсильныхъ рукъ—и безмолвныя слезы лились изъ ея глазъ и глазъ Лизы; а котъ Матросъ мурлыкалъ въ широкихъ креслахъ возлѣ клубка съ чулкомъ, продолговатое пламя лампадки чуть-чуть трогалось и шевелилось передъ иконой,—въ сосѣдней комнаткѣ за дверью стояла Настасья Карповна и тоже украдкой утирала се-

Digitized by Google

бѣ глаза свернутымъ въ клубочекъ клѣтчатымъ носовымъ платкомъ.

## XL.

А между тѣмъ внизу, въ гостиной шелъ преферансъ; Марья Дмитріевна выиграла и была въ духѣ. Человѣкъ вошелъ и доложилъ о пріѣздѣ Паншина.

Марья Дмитріевна уронила карты и завозилась на креслѣ; Варвара Павловна посмотрѣла на нее съ полуусмѣшкой, потомъ обратила взоры на дверь. Появился Паншинъ, въ черномъ фракѣ, въ высокихъ англійскихъ воротничкахъ, застегнутый до верху. «Мнѣ было тяжело повиноваться; но вы видите, я пріѣхалъ»: вотъ что выражало его неулыбавшееся, только-что выбритое лицо.

— Помилуйте, Вольдемаръ, воскликнула Марья Дмитріевна:—прежде вы безъ доклада входили!

Паншинъ отвѣтилъ Марьѣ Дмитріевнѣ однимъ только взглядомъ, вѣжливо поклонился ей, но къ ручкѣ не подошелъ. Она представила его Варварѣ Павловнѣ; онъ отступилъ на шагъ, поклонился ей такъ-же вѣжливо, но съ оттѣнкомъ изящества и уваженія, и подсѣлъ къ карточному столу. Преферансъ скоро кончился. Паншинъ освѣдомился о Лизаветѣ Михайловнѣ, узналъ, что она не совсѣмъ здорова, изъявилъ сожалѣнье; потомъ онъ заговорилъ съ Варварой Павловной, дипломатически взвѣшивая и отчеканивая каждое слово, почтительно выслушивая ея отвѣты до конца. Но важность его дипломатическаго тона не дѣйствовала на Варвару Павловну, не сообщалась ей. Напротивъ: она съ веселымъ вниманіемъ глядѣла ему въ лицо, говорила развязно, и тонкія ея ноздри слегка трепетали, какъ отъ сдержаннаго смѣха. Марья Дмитріевна начала превозносить ея талантъ; Паншинъ учтиво, на

Digitized by Google

сколько позволяли ему воротнички, наклонилъ голову, объявилъ, что «онъ былъ въ этомъ заранѣе увѣренъ»—и завелъ рѣчь чуть ли не о самомъ Меттернихѣ. Варвара Павловна прищурила свои бархатные глаза и, сказавши въ-полголоса: «да вѣдь вы тоже артистъ, un confrère»,—прибавила еще тише: «venez»! — и качнула головой въ сторону фортепьяно. Это одно брошенное слово: venez!—мгновенно, какъ бы по волшебству, измѣнило всю наружность Паншина. Озабоченная осанка его исчезла; онъ улыбнулся, оживился, разстегнулъ фракъ и, повторяя: «какой я артистъ, увы! вотъ вы, я слышалъ, артистка истинная»—направился вслѣдъ за Варварой Павловной къ фортепьяно.

— Заставьте его спѣть романсъ—какъ луна плыветъ, воскликнула Марья Дмитріевна.

— Вы поете? промолвила Варвара Павловна, озаривъ его свѣтлымъ и быстрымъ взоромъ.—Садитесь.

Паншинъ сталъ отговариваться.

— Садитесь, повторила она, настойчиво постучавъ по спинкѣ стула.

Онъ сѣлъ, кашлянулъ, оттянулъ воротнички и спѣлъ свой романсъ.

— Charmant, проговорила Варвара Павловна:—вы прекрасно поете, vous avez du style,—повторите.

Она обошла вокругъ фортепьяно и стала прямо напротивъ Паншина. Онъ повторилъ романсъ, придавая мелодраматическое дрожаніе своему голосу. Варвара Павловна пристально глядѣла на него, облокотясь на фортепьяно и держа свои бѣлыя руки въ уровень своихъ губъ. Паншинъ кончилъ.

— Charmant, charmante idée—сказала она съ покойной увѣренностью знатока.—Скажите, вы написали что-нибудь для женскаго голоса, для mezzo-soprano?

Digitized by Google

— Я почти ничего не пишу, возразилъ Паншинъ: — я вѣдь это только такъ, между дѣломъ.... а развѣ вы поете?

— Пою.

— О! спойте намъ что-нибудь, проговорила Марья Дмитріевна.

Варвара Павловна отвела рукою волосы отъ заалѣвшихся щекъ и встряхнула головой.

— Наши голоса должны идти другъ къ другу, промолвила она, обращаясь къ Паншину: — споемте дуэтъ. Знаете ли вы: Son geloso, или La ci darem, или Mira la bianca luna?

— Я пѣлъ когда-то Mira la bianca luna, отвѣчалъ Паншинъ:—да давно, забылъ.

— Ничего, мы прорепетируемъ въ полголоса. Пустите меня.

Варвара Павловна сѣла за фортепьяно. Паншинъ сталъ возлѣ нея. Они спѣли въ полголоса дуэтъ, при чемъ Варвара Павловна нѣсколько разъ его поправляла, потомъ спѣли громко, потомъ два раза повторили: Mira la bianca lu.... u.... una. Голосъ у Варвары Павловны утратилъ свѣжесть, но она владѣла имъ очень ловко. Паншинъ сперва робѣлъ и слегка фальшивилъ, потомъ вошелъ въ азартъ, и если пѣлъ не безукоризненно, то шевелилъ плечами, покачивалъ всѣмъ туловищемъ и поднималъ по временамъ руку, какъ настоящій пѣвецъ. Варвара Павловна сыграла двѣ-три Тальберговскія вещицы и кокетливо «сказала» французскую аріетку. Марья Дмитріевна уже не знала, какъ выразить свое удовольствіе; она хотѣла нѣсколько разъ послать за Лизой; Гедеоновскій также не находилъ словъ и только головой качалъ,—но вдругъ неожиданно зѣвнулъ и едва успѣлъ прикрыть ротъ рукою Зѣвокъ этотъ не ускользнулъ отъ Варвары Павловны; он

Digitized by Google

вдругъ повернулась спиной къ фортепьяно, промолвила: «assez de musique comme ça; будемъ болтать»,—и скрестила руки. «Oui, assez de musique», весело повторилъ Паншинъ и завязалъ съ ней разговоръ — бойкій, легкій, на французскомъ языкѣ. «Совершенно, какъ въ лучшемъ парижскомъ салонѣ», думала Марья Дмитріевна, слушая ихъ уклончивыя и вертлявыя рѣчи. Паншинъ чувствовалъ полное удовольствіе; глаза его сіяли, онъ улыбался; сначала онъ проводилъ рукой по лицу, хмурилъ брови и отрывисто вздыхалъ, когда ему случалось встрѣтиться взглядами съ Марьей Дмитріевной; но потомъ онъ совсѣмъ забылъ о ней и отдался весь наслажденію полусвѣтской полу-художественной болтовни. Варвара Павловна показывала себя большой философкой: на все у ней являлся готовый отвѣтъ, она ни надъ чѣмъ не колебалась, не сомнѣвалась ни въ чемъ; замѣтно было, что она много и часто бесѣдовала съ умными людьми разныхъ разборовъ. Всѣ ея мысли, чувства вращались около Парижа. Паншинъ навелъ разговоръ на литературу: оказалось, что она такъ же, какъ и онъ, читала однѣ французскія книжки: Жоржъ Сандъ приводила ее въ негодованіе, Бальзака она уважала, хотя онъ ее утомлялъ, въ Сю и Скрибѣ видѣла великихъ сердцевѣдцевъ, обожала Дюма и Феваля; въ душѣ она имъ всѣмъ предпочитала Поль-де-Кока, но, разумѣется, даже имени его не упомянула. Собственно говоря, литература ее не слишкомъ занимала. Варвара Павловна очень искусно избѣгала всего, что могло хотя отдаленно напомнить ея положеніе; о любви въ ея рѣчахъ и помину не было: напротивъ, онѣ скорѣе отзывались строгостью къ увлеченіямъ страстей, разочарованьемъ, смиреніемъ. Паншинъ возражалъ ей; она съ нимъ не соглашалась.... но странное дѣло! — въ то самое время какъ изъ устъ ея исходили слова осужденія часто су-

Digitized by Google

роваго, звукъ этихъ словъ ласкалъ и нѣжилъ, и глаза ея говорили.... что̀ именно говорили эти прелестные глаза, — трудно было сказать; но то были не строгія, не ясныя и сладкія рѣчи. Паншинъ старался понять ихъ тайный смыслъ, старался самъ говорить глазами, но онъ чувствовалъ, что у него ничего не выходило; онъ сознавалъ, что Варвара Павловна, въ качествѣ настоящей, заграничной львицы, стояла выше его, а потому онъ и не вполнѣ владѣлъ собою. У Варвары Павловны была привычка во время разговора чуть-чуть касаться рукава своего собесѣдника; эти мгновенныя прикосновенія очень волновали Владиміра Николаича. Варвара Павловна обладала умѣньемъ легко сходиться со всякимъ; двухъ часовъ не прошло, какъ уже Паншину казалось, что онъ знаетъ ее вѣкъ, а Лиза, та самая Лиза, которую онъ все-таки любилъ, которой онъ наканунѣ предлагалъ руку, — исчезала какъ бы въ туманѣ. Подали чай; разговоръ сталъ еще непринужденнѣе. Марья Дмитріевна позвонила казачка и велѣла сказать Лизѣ, чтобы она сошла внизъ, если ея головѣ стало легче. Паншинъ, услышавъ имя Лизы, пустился толковать о самопожертвованіи, о томъ, кто болѣе способенъ на жертвы—мужчина или женщина. Марья Дмитріевна тотчасъ пришла въ волненье, начала утверждать, что женщина болѣе способна, объявила, что она это въ двухъ словахъ докажетъ, запуталась и кончила какимъ-то довольно неудачнымъ сравненіемъ. Варвара Павловна взяла тетрадь нотъ, до половины закрылась ею и, нагнувшись въ сторону Паншина, покусывая бисквитъ, съ спокойной улыбочкой на губахъ и во взорѣ, вполголоса промолвила: «elle n'a pas inventé la poudre, la bonne dame». Паншинъ немножко испугался и удивился смѣлости Варвары Павловны; но онъ не понялъ, сколько презрѣнія къ нему самому таилось въ этомъ не-

Digitized by Google

ожиданномъ излiяніи, и позабывъ ласки и преданность Марьи Дмитріевны, позабывъ обѣды, которыми она его кормила, деньги, которыя она ему давала взаймы,— онъ съ той же улыбочкой и тѣмъ же голосомъ возразилъ (несчастный!): «je crois bien»—и даже не: «ję crois bien», а—j'crois ben!»

Варвара Павловна бросила на него дружелюбный взглядъ и встала. Лиза вошла; Марѳа Тимоѳеевна напрасно ее удерживала: она рѣшилась выдержать испытаніе до конца. Варвара Павловна пошла ей на встрѣчу вмѣстѣ съ Паншинымъ, на лицѣ котораго появилось прежнее дипломатическое выраженіе.

— Какъ ваше здоровье? спросилъ онъ Лизу.

— Мнѣ лучше теперь, благодарствуйте, отвѣчала она.

— А мы здѣсь немного занялись музыкой; жаль, что вы не слыхали Варвары Павловны. Она поетъ превосходно, en artiste consommée.

— Пойдите-ка сюда, ma chère, раздался голосъ Марьи Дмитріевны.

Варвара Павловна тотчасъ, съ покорностью ребенка, подошла къ ней и присѣла на небольшой табуретъ у ея ногъ. Марья Дмитріевна позвала ее для того, чтобы оставить, хотя на мгновенье, свою дочь наединѣ съ Паншинымъ: она все еще втайнѣ надѣялась, что та опомнится. Кромѣ того, ей въ голову пришла мысль, которую ей непремѣнно захотѣлось тотчасъ высказать.

— Знаете ли, шепнула она Варварѣ Павловнѣ: — я хочу попытаться помирить васъ съ вашимъ мужемъ; не отвѣчаю за успѣхъ, но попытаюсь. Онъ меня, вы знаете, очень уважаетъ.

Варвара Павловна медленно подняла глаза на Марью Дмитріевну и красиво сложила руки.

Digitized by Google

— Вы были бы моей спасительницей, ma tante, проговорила она печальнымъ голосомъ: — я не знаю, какъ благодарить васъ за всѣ ваши ласки; но я слишкомъ виновата передъ Ѳедоромъ Иванычемъ; онъ простить меня не можетъ.

— Да развѣ вы.... въ самомъ дѣлѣ.... начала-было съ любопытствомъ Марья Дмитріевна....

— Не спрашивайте меня, перебила ее Варвара Павловна и потупилась. — Я была молода, легкомысленна.... Впрочемъ, я не хочу оправдываться.

— Ну, все-таки, отчего же не попробовать? Не отчаявайтесь, возразила Марья Дмитріевна и хотѣла потрепать ее по щекѣ, но взглянула ей въ лицо — и оробѣла. «Скромна, скромна, подумала она,—а ужъ точно львица».

— Вы больны? говорилъ между тѣмъ Паншинъ Лизѣ.

— Да, я нездорова.

— Я понимаю васъ, промолвилъ онъ послѣ довольно продолжительнаго молчанія. — Да, я понимаю васъ.

— Какъ?

— Я понимаю васъ, повторилъ значительно Паншинъ, который просто не зналъ, что̀ сказать.

Лиза смутилась, а потомъ подумала: «пусть»! Паншинъ принялъ таинственный видъ и умолкъ, съ строгостью посматривая въ сторону!

— Однако уже, кажется, одиннадцать часовъ пробило, замѣтила Марья Дмитріевна.

Гости поняли намекъ и начали прощаться. Варвара Павловна должна была обѣщать, что пріѣдетъ обѣдать на слѣдующій день и привезетъ Аду; Гедеоновскій, который чуть-было не заснулъ, сидя въ углу, вызвался ее проводить до дому. Паншинъ торжественно раскланялся со всѣми, а на крыльцѣ, подсаживая Варвару Павловну въ карету, пожалъ ей руку и закричалъ въ слѣдъ: au

Digitized by Google

revoir! Гедеоновскій сѣлъ съ ней рядомъ; она всю дорогу забавлялась тѣмъ, что ставила будто не нарочно кончикъ своей ножки на его ногу; онъ конфузился, говорилъ ей комплименты; она хихикала и дѣлала ему глазки, когда свѣтъ отъ уличнаго фонаря западалъ въ карету. Сыгранный ею самою вальсъ звенѣлъ у ней въ головѣ, волновалъ ее; гдѣ бы она ни находилась, стоило ей только представить себѣ огни, бальную залу, быстрое кружень подъ звуки музыки — и душа въ ней такъ и загоралась, глаза странно меркли, улыбка блуждала на губахъ, что-то граціозно-вакхическое разливалось по всему тѣлу. Пріѣхавши домой, Варвара Павловна легко выскочила изъ кареты — только львицы умѣютъ такъ выскакивать — обернулась къ Гедеоновскому и вдругъ расхохоталась звонкимъ хохотомъ прямо ему въ носъ.

«Любезная особа, — думалъ статскій совѣтникъ, пробираясь къ себѣ на квартиру, гдѣ ожидалъ его слуга со стклянкой оподельдока: — хорошо, что я степенный человѣкъ.... только чему-жъ она смѣялась?»

Марѳа Тимоѳеевна всю ночь просидѣла у изголовья Лизы.

## XLI.

Лаврецкій провелъ полтора дня въ Васильевскомъ и почти все время пробродилъ по окрестностямъ. Онъ не могъ оставаться долго на одномъ мѣстѣ: тоска его грызла; онъ испытывалъ всѣ терзанья непрестанныхъ, стремительныхъ и безсильныхъ порывовъ. Вспомнилъ онъ чувство, охватившее его душу на другой день послѣ пріѣзда въ деревню; вспомнилъ свои тогдашнія намѣренія и сильно негодовалъ на себя. Что могло оторвать его отъ того, что онъ призналъ своимъ долгомъ, един-

Digitized by Google

ственной задачей своей будущности? Жажда счастья—опять-таки жажда счастья!—«Видно Михалевичъ правъ», думалъ онъ.—«Ты захотѣлъ вторично извѣдать счастья въ жизни, говорилъ онъ самъ себѣ,—ты позабылъ, что и то роскошь, незаслуженная милость, когда оно хоть однажды посѣтитъ человѣка. Оно не было полно, оно было ложно, скажешь ты; да предъяви же свои права на полное, истинное счастье! Оглянись, кто вокругъ тебя блаженствуетъ, кто наслаждается? Вонъ мужикъ ѣдетъ на косьбу; можетъ быть онъ доволенъ своей судьбою.... Что-жъ? захотѣлъ ли бы ты помѣняться съ нимъ? Вспомни свою мать: какъ ничтожномалы были ея требованія, и какова выпала ей доля? Ты видно только похвастался передъ Паншинымъ, когда сказалъ ему, что пріѣхалъ въ Россію затѣмъ, чтобы пахать землю; ты пріѣхалъ волочиться на старости лѣтъ за дѣвочками. Пришла вѣсть о твоей свободѣ, и ты все бросилъ, все забылъ, ты побѣжалъ, какъ мальчикъ за бабочкой».... Образъ Лизы безпрестанно представлялся ему посреди его размышленій; онъ съ усиліемъ изгонялъ его, какъ и другой неотвязный образъ, другія, невозмутимо-лукавыя, красивыя и ненавистныя черты. Старикъ Антонъ замѣтилъ, что барину не по себѣ; вздохнувши нѣсколько разъ за дверью, да нѣсколько разъ на порогѣ, онъ рѣшился подойти къ нему, посовѣтовалъ ему напиться чего-нибудь тепленькаго. Лаврецкій закричалъ на него, велѣлъ ему выйти, а потомъ извинился передъ нимъ; но Антонъ отъ этого еще больше опечалился. Лаврецкій не могъ сидѣть въ гостиной; ему такъ и чудилось, что прадѣдъ Андрей презрительно глядитъ съ полотна на хилаго своего потомка. — «Эхъ ты! мелко плаваешь!» казалось, говорили его на бокъ скрученныя губы. «Неужели же, думалъ онъ,—я не слажу съ собою,—поддамся этому.... вздору?» (Тяжело-раненые на войнѣ всегда

Digitized by Google

называютъ «вздоромъ» свои раны. Не обманывать себя человѣку—не жить ему на землѣ). «Мальчишка я, что́ ли, въ самомъ дѣлѣ? Ну, да: увидалъ вблизи, въ рукахъ почти держалъ возможность счастія на всю жизнь — оно вдругъ исчезло; да вѣдь и въ лотереѣ—повернись колесо еще немного, и бѣднякъ, пожалуй, сталъ бы богачемъ. Не бывать, такъ не бывать—и кончено. Возьмусь за дѣло, стиснувъ зубы, да и велю себѣ молчать; благо мнѣ не въ первый разъ брать себя въ руки. И для чего я бѣжалъ, зачѣмъ сижу здѣсь, забивши, какъ страусъ, голову въ кустъ? Страшно бѣдѣ въ глаза взглянуть—вздоръ!»— Антонъ! закричалъ онъ громко,—прикажи сейчасъ закладывать тарантасъ.—«Да, подумалъ онъ опять,—надо велѣть себѣ молчать, надо взять себя въ ежовыя рукавицы»....

Такими-то разсужденіями старался помочь Лаврецкій своему горю; но оно было велико и сильно; и сама, выжившая не столько изъ ума, сколько изо всякого чувства, Апраксѣя покачала головой и печально проводила его глазами, когда онъ сѣлъ въ тарантасъ, чтобы ѣхать въ городъ. Лошади скакали; онъ сидѣлъ неподвижно и прямо, и неподвижно глядѣлъ впередъ на дорогу.

## XLII.

Лиза наканунѣ написала Лаврецкому, чтобы онъ явился къ нимъ вечеромъ; но онъ сперва отправился къ себѣ на квартиру. Онъ не засталъ дома ни жены, ни дочери; отъ людей онъ узналъ, что она отправилась съ ней къ Калитинымъ. Это извѣстіе и поразило его, и взбѣсило. «Видно, Варвара Павловна рѣшилась не давать мнѣ жить», подумалъ онъ съ волненіемъ злобы на сердцѣ. Онъ началъ ходить взадъ и впередъ, безпрестанно отталкивая ногами

Digitized by Google

и руками попадавшіяся ему дѣтскія игрушки, книжки, разныя женскія принадлежности; онъ позвалъ Жюстину и велѣлъ ей убрать весь этотъ «хламъ».—Oui, monsieur, сказала она съ ужимкой и начала прибирать комнату, граціозно наклоняясь и каждымъ своимъ движеніемъ давая Лаврецкому чувствовать, что она считаетъ его за необтесаннаго медвѣдя. Съ ненавистью смотрѣлъ онъ на ея истасканное, но все еще «пикантное», насмѣшливое, парижское лицо, на ея бѣлые нарукавнички, шелковый фартукъ и легкій чепчикъ. Онъ услалъ ее наконецъ и, послѣ долгихъ колебаній (Варвара Павловна все не возвращалась), рѣшился отправиться къ Калитинымъ, — не къ Марьѣ Дмитріевнѣ (онъ бы ни за что́ не вошелъ въ ея гостиную, въ ту гостиную, гдѣ находилась его жена), но къ Маѳѣ Тимоѳеевнѣ; онъ вспомнилъ, что задняя лѣстница съ дѣвичьяго крыльца вела прямо къ ней. Лаврецкій такъ и сдѣлалъ. Случай помогъ ему: онъ на дворѣ встрѣтилъ Шурочку; она провела его къ Маѳѣ Тимоѳеевнѣ. Онъ засталъ ее, противъ ея обыкновенія, одну; она сидѣла въ уголку, простоволосая, сгорбленная, съ скрещенными на груди руками. Увидѣвъ Лаврецкаго, старушка очень всполошилась, проворно встала и начала ходить туда и сюда по комнатѣ, какъ-будто отыскивая свой чепецъ.

— А, вотъ ты, вотъ, заговорила она, избѣгая его взора и суетясь:—ну, здравствуй. Ну, что-жъ? Что же дѣлать! Гдѣ ты былъ вчера? Ну, она пріѣхала, ну, да. Ну, надо ужъ такъ.... какъ-нибудь.

Лаврецкій опустился на стулъ.

— Ну, садись, садись, продолжала старушка. Ты прямо наверхъ прошелъ? Ну, да, разумѣется. Что-жъ? ты на меня пришелъ посмотрѣть? Спасибо.



Digitized by Google

Старушка помолчала; Лаврецкій не зналъ, что́ сказать ей; но она его понимала.

— Лиза.... да, Лиза сейчасъ здѣсь была, продолжала Марѳа Тимоѳеевна, завязывая и развязывая шнурки своего ридикюля. Она не совсѣмъ здорова. Шурочка, гдѣ ты? Поди сюда, мать моя, что́ это посидѣть не можешь? И у меня голова болитъ. Должно быть отъ *эфтаго* отъ пѣнья, да отъ музыки.

— Отъ какого пѣнья тетушка?

— Да какъ же; тутъ ужъ эти они, какъ бишь они по вашему, дуэты пошли. И все по-итальянски: *чи-чи* да *ча-ча*, настоящія сороки. Начнутъ ноты выводить, просто такъ за душу и тянутъ. Паншинъ этотъ, да вотъ твоя. И какъ это все скоро уладилось: ужъ точно по родственному, безъ церемоній. А впрочемъ, и то́ сказать: собака — и та пристанища ищетъ; не пропадать же, благо люди не гонятъ.

— Все-таки, признаюсь, я этого не ожидалъ, возразилъ Лаврецкій: тутъ смѣлость нужна была большая.

— Нѣтъ, душа моя, это не смѣлость, это разсчетъ. Да Господь съ ней! Ты ее, говорятъ, въ Лаврики посылаешь, правда?

— Да, я предоставляю это имѣнье Варварѣ Павловнѣ.

— Денегъ спрашивала?

— Пока еще нѣтъ.

— Ну, это не затянется. А я тебя только теперь разглядѣла. Здоровъ ты?

— Здоровъ.

— Шурочка, воскликнула вдругъ Марѳа Тимоѳеевна:— поди-ка скажи Лизаветѣ Михайловнѣ — то-есть, нѣтъ, спроси у ней.... вѣдь она внизу?

— Внизу-съ.

Digitized by Google

— Ну, да; такъ спроси у ней: куда, молъ, она мою книжку дѣла? она ужъ знаетъ.

— Слушаю-съ.

Старушка опять засуетилась, начала раскрывать ящики въ комодѣ. Лаврецкій сидѣлъ неподвижно на своемъ стулѣ.

Вдругъ послышались легкіе шаги по лѣстницѣ— и вошла Лиза.

Лаврецкій всталъ и поклонился; Лиза остановилась у двери.

— Лиза, Лизочка, хлопотливо заговорила Марѳа Тимоѳеевна: — куда ты мою книжку, книжку куда положила?

— Какую книжку, тетенька?

— Да книжку, Боже мой! Я тебя, впрочемъ, не звала.... Ну, все равно. Что вы тамъ внизу дѣлаете? Вотъ и Ѳедоръ Иванычъ пріѣхалъ.—Что твоя голова?

— Ничего.

— Ты все говоришь: ничего. Что у васъ тамъ внизу,— опять музыка?

— Нѣтъ—въ карты играютъ.

— Да вѣдь она на всѣ руки. Шурочка, я вижу, тебѣ по саду бѣгать хочется. Ступай.

— Да нѣтъ, Марѳа Тимоѳеевна....

— Не разсуждай, пожалуйста, ступай. Настасья Карповна въ садъ пошла одна: ты съ ней побудь. Уважь старуху.—Шурочка вышла.—Да гдѣ-жъ это мой ченецъ? Куда это онъ дѣлся, право?

— Позвольте, я поищу, промолвила Лиза.

— Сиди, сиди; у меня самой ноги еще не отвалились. Должно быть, онъ у меня тамъ въ спальнѣ.

И, бросивъ изъ подлобья взоръ на Лаврецкаго, Марѳа

Digitized by Google

Тимоѳеевна удалилась. Она оставила-было дверь отворенной; но вдругъ вернулась къ ней и заперла ее.

— Лиза прислонилась къ спинкѣ кресла и тихо занесла себѣ руки на лицо; Лаврецкій остался, гдѣ былъ.

— Вотъ какъ мы должны были увидѣться, проговорилъ онъ наконецъ.

Лиза приняла руки отъ лица.

— Да, сказала она глухо:—мы скоро были наказаны.

— Наказаны, повторилъ Лаврецкій.... За что же вы-то наказаны?

Лиза подняла на него свои глаза. Ни горя, ни тревоги они не выражали: они казались меньше и тусклѣй. Лицо ея было блѣдно; слегка раскрытыя губы тоже поблѣднѣли.

Сердце въ Лаврецкомъ дрогнуло отъ жалости и любви.

— Вы мнѣ написали: все кончено,—прошепталъ онъ; —да, все кончено—прежде чѣмъ началось.

— Это все надо забыть—проговорила Лиза:— я рада, что вы пришли; я хотѣла вамъ написать, но этакъ лучше. Только надо скорѣе пользоваться этими минутами. Намъ обоимъ остается исполнить нашъ долгъ. Вы, Ѳедоръ Иванычъ, должны примириться съ вашей женой.

— Лиза!

— Я васъ прошу объ этомъ; этимъ однимъ можно загладить.... все, что было. Вы подумаете — и не откажете мнѣ.

— Лиза, ради Бога—вы требуете невозможнаго. Я готовъ сдѣлать все, что́ вы прикажете; но *теперь* примириться съ нею!... Я согласенъ на все, я все забылъ; но не могу же я заставить свое сердце.... Помилуйте, это жестоко.

— Я и не требую отъ васъ.... того, что вы говорите; не живите съ ней, если вы не можете; но примиритесь,

Digitized by Google

возразила Лиза и снова занесла руку на глаза.—Вспомните вашу дочку; сдѣлайте это для меня.

— Хорошо, проговорилъ сквозь зубы Лаврецкій:— это я сдѣлаю, положимъ; этимъ я исполню свой долгъ. Ну, а вы—въ чемъ же вашъ долгъ состоитъ?

— Про это я знаю.

Лаврецкій вдругъ встрепенулся.

— Ужъ не собираетесь ли вы выйти за Паншина? спросилъ онъ.

Лиза чуть замѣтно улыбнулась.

— О, нѣтъ! промолвила она.

— Ахъ, Лиза, Лиза! воскликнулъ Лаврецкій;—какъ бы мы могли быть счастливы!

Лиза опять взглянула на него.

— Теперь вы сами видите, Ѳедоръ Иванычъ, что счастіе зависитъ не отъ насъ, а отъ Бога.

— Да, потому что вы....

Дверь изъ сосѣдней комнаты быстро растворилась, и Марѳа Тимоѳеевна вошла съ чепцомъ въ рукѣ.

— Насилу нашла, сказала она, становясь между Лаврецкимъ и Лизой.—Сама его заложила. Вотъ что значитъ старость-то, бѣда! А, впрочемъ, и молодость не лучше. Что, ты самъ съ женой въ Лаврики поѣдешь? прибавила она, оборотясь къ Ѳедору Иванычу.

— Съ нею въ Лаврики? я? Не знаю, промолвилъ онъ, погодя немного.

— Ты внизъ не сойдешь?

— Сегодня—нѣтъ.

— Ну, хорошо, какъ знаешь; а тебѣ, Лиза, я думаю надо бы внизъ пойти. Ахъ, батюшки-свѣты, я и забыла снѣгирю корму насыпать. Да вотъ постойте, я сейчасъ....

И Марѳа Тимоѳеевна выбѣжала, не надѣвъ чепца.

Лаврецкій быстро подошелъ къ Лизѣ.

Digitized by Google

— Лиза, началъ онъ умоляющимъ голосомъ:—мы разстаемся навсегда, сердце мое разрывается,— дайте мнѣ вашу руку на прощаніе.

Лиза подняла голову. Ея усталый, почти погасшій взоръ остановился на немъ....

— Нѣтъ, промолвила она и отвела назадъ уже протянутую руку:— нѣтъ, Лаврецкій (она въ первый разъ такъ его называла) — не дамъ я вамъ моей руки. Къ чему? Отойдите, прошу васъ. Вы знаете, я васъ люблю.... да, я люблю васъ, прибавила она съ усиліемъ; но нѣтъ.... нѣтъ.

И она поднесла платокъ къ своимъ губамъ.

— Дайте мнѣ по крайней мѣрѣ этотъ платокъ.

Дверь скрыпнула.... Платокъ скользнулъ по колѣнямъ Лизы. Лаврецкій подхватилъ его, прежде чѣмъ онъ успѣлъ упасть на полъ, быстро сунулъ его въ боковой карманъ и, обернувшись, встрѣтился глазами съ Маѳой Тимоѳеевной.

— Лизочка, мнѣ кажется, тебя мать зоветъ, промолвила старушка.

Лиза тотчасъ встала и ушла.

Маѳа Тимоѳеевна опять сѣла въ свой уголокъ. Лаврецкій началъ прощаться съ нею.

— Ѳедя, сказала она вдругъ.

— Что тетушка?

— Ты честный человѣкъ?

— Какъ?

— Я спрашиваю тебя: честный ли ты человѣкъ?

— Надѣюсь, да.

— Г-мъ. А дай мнѣ честное слово, что ты честный человѣкъ.

— Извольте.—Но къ чему это?

— Ужъ я знаю, къ чему. Да и ты, мой кормилецъ,

Digitized by Google

коли подумаешь хорошенько, вѣдь ты не глупъ, самъ поймешь, къ чему я это у тебя спрашиваю. А теперь прощай, батюшка. Спасибо, что навѣстилъ; а слово сказанное помни, Ѳедя, да поцѣлуй меня. Охъ, душа моя, тяжело тебѣ, знаю: да вѣдь и всѣмъ не легко. Ужъ на что я, бывало, завидовала мухамъ: вотъ думала я, кому хорошо на свѣтѣ пожить; да услыхала разъ ночью, какъ муха у паука въ лапкахъ ноетъ, — нѣтъ, думаю, и на нихъ есть гроза. Что дѣлать, Ѳедя; а слово свое все-таки помни.—Ступай.

Лаврецкій вышелъ съ задняго крыльца и уже приближался къ воротамъ.... его нагналъ лакей.

— Марья Дмитріевна приказала просить васъ къ ней пожаловать, доложилъ онъ Лаврецкому.

— Скажи, братецъ, что я не могу теперь.... началъ было Ѳедоръ Иванычъ.

— Приказали очинно просить, продолжалъ лакей: — приказали сказать, что онѣ дома

— А развѣ гости уѣхали? спросилъ Лаврецкій.

— Точно такъ-съ, возразилъ лакей и осклабился.

Лаврецкій пожалъ плечами и отправился вслѣдъ за нимъ.

## XLIII.

Марья Дмитріевна сидѣла одна у себя въ кабинетѣ на вольтеровскомъ креслѣ и нюхала одеколонъ; стаканъ воды съ флеръ-д'оранжемъ стоялъ во[illegible] на столикѣ. Она волновалась и какъ будто тру[illegible]

Лаврецкій вошелъ.

— Вы желали меня видѣть, [illegible]лодно кланяясь.

— Да, возразила Марья Д[illegible] немного воды.—Я узнала, что вы [illegible]етушкѣ;

Digitized by Google

я приказала васъ просить къ себѣ: мнѣ нужно переговорить съ вами. Садитесь, пожалуйста.—Марья Дмитріевна перевела дыханіе.—Вы знаете, продолжала она:—ваша жена пріѣхала.

— Это мнѣ извѣстно, промолвилъ Лаврецкій.

— Ну, да, то-есть, я хотѣла сказать: она ко мнѣ пріѣхала, и я приняла ее; вотъ о чемъ я хочу теперь объясниться съ вами, Ѳедоръ Иванычъ. Я, слава Богу, заслужила, могу сказать, всеобщее уваженіе, и ничего неприличнаго ни за что на свѣтѣ не сдѣлаю. Хоть я и предвидѣла, что это будетъ вамъ непріятно, однако я не рѣшилась отказать ей, Ѳедоръ Иванычъ; она мнѣ родственница — по вамъ: войдите въ мое положеніе, какое же я имѣла право отказать ей отъ дома,—согласитесь?

— Вы напрасно волнуетесь, Марья Дмитріевна, возразилъ Лаврецкій: вы очень хорошо сдѣлали; я нисколько не сержусь. Я вовсе не намѣренъ лишать Варвару Павловну возможности видѣть своихъ знакомыхъ; сегодня я не вошелъ къ вамъ только потому, что не хотѣлъ встрѣтиться съ нею—вотъ и все.

— Ахъ, какъ мнѣ пріятно слышать это отъ васъ, Ѳедоръ Иванычъ, воскликнула Марья Дмитріевна:—впрочемъ, я всегда этого ожидала отъ вашихъ благородныхъ чувствъ. А что я волнуюсь—это не удивительно: я женщина и мать. А ваша супруга.... конечно, я не могу судить васъ съ нею — это я ей самой сказала; но она такая любезная дама, что кромѣ удовольствія ничего доставить не можетъ.

Лаврецкій усмѣхнулся и поигралъ шляпой.

— И вотъ что я хотѣла вамъ еще сказать, Ѳедоръ Иванычъ, продолжала Марья Дмитріевна, слегка подвигаясь къ нему: — если-бъ вы видѣли, какъ она скромно себя держитъ, какъ почтительна!— Право, это даже тро-

Digitized by Google

гательно. А если-бъ вы слышали, какъ она о васъ отзывается! Я, говоритъ, передъ нимъ кругомъ виновата; я, говоритъ, не умѣла цѣнить его, говоритъ; это, говоритъ, ангелъ, а не человѣкъ. Право, такъ и говоритъ: ангелъ. Раскаяніе у ней такое.... Я, ей-Богу, и не видывала такого раскаянія!

— А что, Марья Дмитріевна, промолвилъ Лаврецкій:— позвольте полюбопытствовать; говорятъ, Варвара Павловна у васъ пѣла; во время своего раскаянія она пѣла,—или какъ?...

— Ахъ, какъ вамъ не стыдно такъ говорить! Она пѣла и играла для того только, чтобы сдѣлать мнѣ угодное, потому что я настоятельно ее просила объ этомъ, почти приказывала ей. Я вижу, что ей тяжело, такъ тяжело; думаю, чѣмъ бы ее развлечь,—да и слышала-то я, что талантъ у ней такой прекрасный!—Помилуйте, Ѳедоръ Иванычъ, она совсѣмъ уничтожена, спросите хоть Сергѣя Петровича; убитая женщина, tout-à-fait, что вы это?

Лаврецкій только плечами пожалъ.

— А потомъ, что это у васъ за ангелочикъ эта Адочка, что за прелесть!—Какъ она мила, какая умненькая; по-французски какъ говоритъ; и по-русски понимаетъ—меня тетенькой назвала. И знаете ли, этакъ, чтобы дичиться, какъ всѣ почти дѣти въ ея годы дичатся,—совсѣмъ этого нѣтъ. На васъ такъ похожа, Ѳедоръ Иванычъ, что ужасъ. Глаза, брови.... ну,—вы, какъ есть—вы. Я маленькихъ такихъ дѣтей не очень люблю, признаться; но въ вашу дочку просто влюбилась.

— Марья Дмитріевна, произнесъ вдругъ Лаврецкій— позвольте васъ спросить, для чего вы это все мнѣ говорить изволите?

— Для чего?—Марья Дмитріевна опять понюхала оде-

Digitized by Google

колонъ и отпила воды.—А для того, Ѳедоръ Иванычъ, я это говорю, что.... вѣдь я вамъ родственница, я принимаю въ васъ самое близкое участіе.... я знаю, сердце у васъ добрѣйшее. Послушайте, mon cousin,—я все-таки женщина опытная и не буду говорить на вѣтеръ: простите, простите вашу жену.— Глаза Марьи Дмитріевны вдругъ наполнились слезами. — Подумайте, молодость, неопытность.... ну, можетъ быть, дурной примѣръ: не было такой матери, которая наставила бы ее на путь. Простите ее, Ѳедоръ Иванычъ, она довольно была наказана.

Слезы закапали по щекамъ Марьи Дмитріевны; она не утирала ихъ: она любила плакать. Лаврецкій сидѣлъ, какъ на угольяхъ. «Боже мой, думалъ онъ;—что же это за пытка, что за день мнѣ выдался сегодня!»

— Вы не отвѣчаете, заговорила снова Марья Дмитріевна:—какъ я должна васъ понять?—Неужели вы можете быть такъ жестоки? Нѣтъ, я этому вѣрить не хочу. Я чувствую, что мои слова васъ убѣдили. Ѳедоръ Иванычъ, Богъ васъ наградитъ за вашу доброту, а вы примите теперь изъ рукъ моихъ вашу жену....

Лаврецкій невольно поднялся со стула; Марья Дмитріевна тоже встала и, проворно зайдя за ширмы, вывела оттуда Варвару Павловну. Блѣдная, полуживая, съ опущенными глазами, она, казалось, отреклась отъ всякой собственной мысли, отъ всякой воли—отдалась вся въ руки Марьи Дмитріевны.

Лаврецкій отступилъ шагъ назадъ.

— Вы были здѣсь! воскликнулъ онъ.

— Не вините ее, поспѣшно проговорила Марья Дмитріевна;—она ни за что не хотѣла оставаться, но я приказала ей остаться, я посадила ее за ширмы. Она увѣряла меня, что это еще больше васъ разсердитъ; я и

Digitized by Google

слушать ее не стала; я лучше ея васъ знаю. Примите же изъ рукъ моихъ вашу жену; идите, Варя, не бойтесь, припадите къ вашему мужу (она дернула ее за руку)— и мое благословеніе....

— Постойте, Марья Дмитріевна, перебилъ ее Лаврецкій глухимъ, но потрясающимъ голосомъ. — Вы, вѣроятно, любите чувствительныя сцены (Лаврецкій не ошибался: Марья Дмитріевна еще съ института сохранила страсть къ нѣкоторой театральности); онѣ васъ забавляютъ; но другимъ отъ нихъ плохо приходится. Впрочемъ, я съ вами говорить не буду: въ *этой* сценѣ не вы главное дѣйствующее лицо. Что *вы* хотите отъ меня, сударыня? прибавилъ онъ, обращаясь къ женѣ. Не сдѣлалъ ли я для васъ, что̀ могъ? Не возражайте мнѣ, что не вы затѣяли это свиданіе; я вамъ не повѣрю, — и вы знаете, что я вамъ вѣрить не могу. Что же вы хотите? Вы умны,—вы ничего не дѣлаете безъ цѣли. Вы должны понять, что жить съ вами, какъ я жилъ прежде, — я не въ состояніи; не оттого, что я на васъ сержусь, а оттого, что я сталъ другимъ человѣкомъ. Я сказалъ вамъ это на второй же день вашего возвращенія, и вы сами, въ это мгновенье, въ душѣ со мной согласны. Но вы желаете возстановить себя въ общемъ мнѣніи; вамъ мало жить у меня въ домѣ, вы желаете жить со мной подъ одной кровлей—не правда ли?

— Я желаю, чтобы вы меня простили, проговорила Варвара Павловна, не поднимая глазъ.

— Она желаетъ, чтобы вы ее простили, повторила Марья Дмитріевна.

— И не для себя, для Ады, шепнула Варвара Павловна.

— Не для нея, для вашей Ады, повторила Марья Дмитріевна.

Digitized by Google

— Прекрасно. Вы этого хотите? произнесъ съ усиліемъ Лаврецкій. Извольте, я и на это согласенъ.

Варвара Павловна бросила на него быстрый взоръ, а Марья Дмитріевна воскликнула: — Ну, слава Богу! — и опять потянула Варвару Павловну за руку. Примите же теперь отъ меня....

— Постойте, говорю вамъ, перебилъ ее Лаврецкій. Я соглашаюсь жить съ вами, Варвара Павловна,— продолжалъ онъ,—то-есть я васъ привезу въ Лаврики и проживу съ вами, сколько силъ хватитъ, а потомъ уѣду—и буду наѣзжать. Вы видите, я васъ обманывать не хочу; но не требуйте больше ничего. Вы бы сами разсмѣялись, если бы я исполнилъ желаніе почтенной нашей родственницы и прижалъ бы васъ къ своему сердцу, сталъ бы увѣрять васъ, что.... что прошедшаго не было, что срубленное дерево опять зацвѣтаетъ. Но я вижу: надо покориться. Вы это слово не такъ поймете.... это все равно. Повторяю, я буду жить съ вами.... или, нѣтъ, я этого обѣщать не могу.... Я сойдусь съ вами, буду васъ снова считать моей женой....

— Дайте же ей по крайней мѣрѣ на томъ руку, промолвила Марья Дмитріевна, у которой давно высохли слезы.

— Я до сихъ поръ не обманывалъ Варвару Павловну, возразилъ Лаврецкій; — она мнѣ повѣритъ и такъ. Я ее отвезу въ Лаврики;—и помните, Варвара Павловна: уговоръ нашъ будетъ считаться нарушеннымъ, какъ только вы выѣдете оттуда. А теперь позвольте мнѣ удалиться.

Онъ поклонился обѣимъ дамамъ и торопливо вышелъ вонъ.

— Вы не берете ее съ собою, крикнула ему вслѣдъ Марья Дмитріевна.... — Оставьте его, шепнула ей Варвара Павловна и тотчасъ же обняла ее, начала ее благо-

Digitized by Google

дарить, цѣловать у ней руки, называть ее своей спасительницей.

Марья Дмитріевна снисходительно принимала ея ласки; но въ душѣ она не была довольна ни Лаврецкимъ, ни Варварой Павловной, ни всей подготовленной ею сценой. Чувствительности вышло мало; Варвара Павловна, по ея мнѣнію, должна была броситься къ ногамъ мужа.

— Какъ это вы меня не поняли? толковала она:—вѣдь я вамъ сказала: припадите.

— Этакъ лучше, милая тетушка; не безпокойтесь—все прекрасно, твердила Варвара Павловна.

— Ну, да вѣдь и онъ—холодный, какъ ледъ, замѣтила Марья Дмитріевна. Положимъ, вы не плакали, да вѣдь я передъ нимъ разливалась. Въ Лаврикахъ запереть васъ хочетъ. Что-жъ, — и ко мнѣ вамъ нельзя будетъ ѣздить? Всѣ мужчины безчувственны, сказала она въ заключеніе и значительно покачала головой.

— За то женщины умѣютъ цѣнить доброту и великодушіе, промолвила Варвара Павловна и, тихонько опустившись на колѣни передъ Марьей Дмитріевной, обняла ея полный станъ руками и прижалась къ ней лицомъ. Лицо это втихомолку улыбалось, а у Марьи Дмитріевны опять закапали слезы.

А Лаврецкій отправился къ себѣ, заперся въ комнаткѣ своего камердинера, бросился на диванъ и пролежалъ такъ до утра.

## XLIV.

На слѣдующій день было воскресенье. Колокольный звонъ къ ранней обѣднѣ не разбудилъ Лаврецкаго—онъ не смыкалъ глазъ всю ночь — но напомнилъ ему другое воскресенье, когда онъ, по желанію Лизы, ходилъ въ цер-

Digitized by Google

ковь. Онъ поспѣшно всталъ; какой-то тайный голосъ говорилъ ему, что онъ и сегодня увидитъ ее тамъ же. Онъ безъ шума вышелъ изъ дома, велѣлъ сказать Варварѣ Павловнѣ, которая еще спала, что онъ вернется къ обѣду, и большими шагами направился туда, куда звалъ его однообразно-печальный звонъ. Онъ пришелъ рано: почти никого еще не было въ церкви; дьячекъ на клиросѣ читалъ часы; изрѣдка прерываемый кашлемъ, голосъ его мѣрно гудѣлъ, то упадая, то вздуваясь. Лаврецкій помѣстился недалеко отъ входа. Богомольцы приходили по одиночкѣ, останавливались, крестились, кланялись на всѣ стороны; шаги ихъ звенѣли въ пустотѣ и тишинѣ, явственно отзываясь подъ сводами. Дряхлая старушонка въ ветхомъ капотѣ съ капюшономъ стояла на колѣняхъ подлѣ Лаврецкаго и прилежно молилась; ея беззубое, желтое, сморщенное лицо выражало напряженное умиленіе; красные глаза неотвратимо глядѣли вверхъ, на образа иконостаса: костлявая рука безпрестанно выходила изъ капота и медленно и крѣпко клала большой широкій крестъ. Мужикъ съ густой бородой и угрюмымъ лицомъ, взъерошенный и измятый, вошелъ въ церковь, разомъ сталъ на оба колѣна и тотчасъ же принялся поспѣшно креститься, закидывая назадъ и встряхивая голову послѣ каждаго поклона. Такое горькое горе сказывалось въ его лицѣ, во всѣхъ его движеніяхъ, что Лаврецкій рѣшился подойти къ нему и спросить его, что́ съ нимъ. Мужикъ пугливо и сурово отшатнулся, посмотрѣлъ на него.... «Сынъ померъ», произнесъ онъ скороговоркой,—и снова принялся класть поклоны.... «Что для нихъ можетъ замѣнить утѣшенія церкви»,—подумалъ Лаврецкій,—и самъ попытался молиться; но сердце его отяжелѣло, ожесточилось, и мысли были далеко. Онъ все ждалъ Лизы, — но Лиза не приходила. Церковь стала наполняться народомъ;

Digitized by Google

ее все не было. Обѣдня началась, дьяконъ уже прочиталъ евангеліе, зазвонили къ достойной; Лаврецкій подвинулся немного впередъ—и вдругъ увидѣлъ Лизу. Она пришла раньше его, но онъ ея не замѣтилъ; прижавшись въ промежуточекъ между стѣной и клиросомъ, она не оглядывалась, не шевелилась. Лаврецкій не свелъ съ нея глазъ до самаго конца обѣдни: онъ прощался съ нею. Народъ сталъ расходиться, а она все стояла; казалось, она ожидала ухода Лаврецкаго. Наконецъ, она перекрестилась въ послѣдній разъ и пошла, не оборачиваясь; съ ней была одна горничная. Лаврецкій вышелъ вслѣдъ за ней изъ церкви и догналъ ее на улицѣ; она шла очень скоро, наклонивъ голову и спустивъ вуаль на лицо.

— Здравствуйте, Лизавета Михайловна, сказалъ онъ громко, съ насильственной развязностью:—можно васъ проводить?

Она ничего не сказала; онъ отправился съ ней рядомъ.

— Довольны вы мной? спросилъ онъ ее, понизивъ голосъ. Вы слышали, что вчера произошло?

— Да, да, проговорила она шёпотомъ: — это хорошо.

И она пошла еще быстрѣй.

— Вы довольны?

Лиза только головой кивнула.

— Ѳедоръ Иванычъ, начала она спокойнымъ, но слабымъ голосомъ:—я хотѣла васъ просить: не ходите больше къ намъ, уѣзжайте поскорѣй: мы можемъ послѣ увидѣться,—когда-нибудь, черезъ годъ. А теперь, сдѣлайте это для меня; исполните мою просьбу, ради Бога.

— Я вамъ во всемъ готовъ повиноваться, Лизавета Михайловна; но неужели мы такъ должны разстаться: неужели вы мнѣ не скажете ни одного слова?...

— Ѳедоръ Иванычъ, вотъ вы теперь идете возлѣ

Digitized by Google

ня.... А ужъ вы такъ далеко, далеко отъ меня. И не вы одни, а....

— Договаривайте, прошу васъ! воскликнулъ Лаврецкій:—что́ вы хотите сказать?

— Вы услышите, можетъ быть.... но что́ бы ни было, забудьте.... нѣтъ, не забывайте меня, помните обо мнѣ.

— Мнѣ васъ забыть....

— Довольно, прощайте. Не идите за мной.

— Лиза, началъ-было Лаврецкій....

— Прощайте, прощайте! повторила она, еще ниже спустила вуаль и почти бѣгомъ пустилась впередъ.

Лаврецкій посмотрѣлъ ей вслѣдъ и, понуривъ голову, отправился назадъ по улицѣ. Онъ наткнулся на Лемма, который тоже шелъ, надвинувъ шляпу на носъ и глядя себѣ подъ ноги.

Они молча посмотрѣли другъ на друга.

— Ну что́ скажете? проговорилъ наконецъ Лаврецкій.

— Что́ я скажу? угрюмо возразилъ Леммъ:—ничего я не скажу. Все умерло, и мы умерли (Alles ist todt und wir sind todt). Вѣдь вамъ направо идти?

— Направо.

— А мнѣ налѣво. Прощайте.

На слѣдующее утро Ѳедоръ Иванычъ съ женою отправился въ Лаврики. Она ѣхала впереди въ каретѣ, съ Адой и съ Жюстиной; онъ сзади—въ тарантасѣ. Хорошенькая дѣвочка все время дороги не отходила отъ окна кареты; она удивлялась всему: мужикамъ, бабамъ, колодцамъ, дугамъ, колокольчикамъ и множеству грачей; Жюстина раздѣляла ея удивленіе; Варвара Павловна смѣялась ихъ замѣчаніямъ и восклицаніямъ. Она была въ духѣ; передъ отъѣздомъ изъ города О.... она имѣла объясненіе съ своимъ мужемъ.

— Я понимаю ваше положеніе, сказала она ему,—и

Digitized by Google

онъ, по выраженію ея умныхъ глазъ, могъ заключить, что она понимала его положеніе вполнѣ—но вы отдадите мнѣ хоть ту справедливость, что со мной легко живется; я не стану вамъ навязываться, стѣснять васъ; я хотѣла обезпечить будущность Ады; больше мнѣ ничего не нужно.

— Да, вы достигли всѣхъ вашихъ цѣлей, промолвилъ Ѳедоръ Иванычъ.

— Я объ одномъ только мечтаю теперь: закрыться навсегда въ глуши; я буду вѣчно поминать ваши благодѣянія....

— Фи! полноте, перебилъ онъ ее.

— И съумѣю уважать вашу независимость и вашъ покой, докончила она свою приготовленную фразу.

Лаврецкій ей низко поклонился. Варвара Павловна поняла, что мужъ въ душѣ благодарилъ ее.

На второй день къ вечеру прибыли они въ Лаврики; недѣлю спустя, Лаврецкій отправился въ Москву, оставивъ женѣ тысячъ пять на прожитокъ—а на другой день послѣ отъѣзда Лаврецкаго явился Паншинъ, котораго Варвара Павловна просила не забывать ее въ уединеніи. Она его приняла какъ нельзя лучше, и до поздней ночи высокія комнаты дома и самый садъ оглашались звуками музыки, пѣнья и веселыхъ французскихъ рѣчей. Три дня прогостилъ Паншинъ у Варвары Павловны; прощаясь съ нею и крѣпко пожимая ея прекрасныя руки, онъ обѣщался очень скоро вернуться — и сдержалъ свое обѣщаніе.

## XLV.

У Лизы была особая, небольшая комнатка во второмъ этажѣ дома ея матери, чистая, свѣтлая, съ бѣлой кро-



Digitized by Google

ваткой, съ горшками цвѣтовъ по угламъ и передъ окнами, съ маленькимъ письменнымъ столикомъ, горкою книгъ и распятіемъ на стѣнѣ. Комнатка эта прозывалась дѣтской; Лиза родилась въ ней. Вернувшись изъ церкви, гдѣ ее видѣлъ Лаврецкій, она тщательнѣе обыкновеннаго привела все у себя въ порядокъ, отовсюду смела пыль, пересмотрѣла и перевязала ленточками всѣ свои тетради и письма пріятельницъ, заперла всѣ ящики, полила цвѣты и коснулась рукою каждаго цвѣтка. Все это она дѣлала не спѣша, безъ шума, съ какой-то умиленной и тихой заботливостью на лицѣ. Она остановилась, наконецъ, посреди комнаты, медленно оглянулась и, подойдя къ столу, надъ которымъ висѣло распятіе, опустилась на колѣни, положила голову на стиснутыя руки и осталась неподвижной.

Марѳа Тимоѳеевна вошла и застала ее въ этомъ положеніи. Лиза не замѣтила ея прихода. Старушка вышла на цыпочкахъ за дверь и нѣсколько разъ громко кашлянула. Лиза проворно поднялась и отерла глаза, на которыхъ сіяли свѣтлыя, непролившіяся слезы.

— А ты, я вижу, опять прибирала свою келейку, промолвила Марѳа Тимоѳеевна и низко наклонилась къ горшку съ молодымъ розаномъ: — какъ славно пахнетъ!

Лиза задумчиво посмотрѣла на свою тетку.

— Какое вы это произнесли слово! прошептала она.

— Какое слово, какое? съ живостью подхватила старушка:—что ты хочешь сказать?—Это ужасно, заговорила она, вдругъ сбросивъ чепецъ и присѣвши на Лизиной кроваткѣ: — это сверхъ силъ моихъ! четвертый день сегодня, какъ я словно въ котлѣ киплю; я не могу больше притворяться, что ничего не замѣчаю, — не могу видѣть, какъ ты блѣднѣешь, сохнешь, плачешь, не могу, не могу.

Digitized by Google

— Да что съ вами, тетушка? промолвила Лиза: — я ничего....

— Ничего? воскликнула Марѳа Тимоѳеевна: — это ты другимъ говори, а не мнѣ! Ничего! а кто сейчасъ стоялъ на колѣняхъ? у кого рѣсницы еще мокры отъ слезъ? Ничего! Да ты посмотри на себя, что ты сдѣлала съ своимъ лицомъ, куда глаза свои дѣвала? — Ничего! развѣ я не все знаю?

— Это пройдетъ, тетушка; дайте срокъ.

— Пройдетъ, да когда? Господи Боже, мой Владыко! неужели ты такъ его полюбила? да вѣдь онъ старикъ, Лизочка. Ну, я не спорю, онъ хорошій человѣкъ, не кусается; да вѣдь что-жъ такое? всѣ мы хорошіе люди; земля не клиномъ сошлась, этого добра всегда будетъ много.

— Я вамъ говорю, все это пройдетъ, все это уже прошло.

— Слушай, Лизочка, что я тебѣ скажу, промолвила вдругъ Марѳа Тимоѳеевна, усаживая Лизу подлѣ себя на кровати и поправляя то ея волосы, то косынку. — Это тебѣ только такъ сгоряча кажется, что горю твоему пособить нельзя. Эхъ душа моя, на одну смерть лекарства нѣтъ! Ты только вотъ скажи себѣ: «не поддамся-молъ я, — ну его!» и сама потомъ, какъ диву дашься, — какъ оно скоро, хорошо проходитъ. Ты только потерпи.

— Тетушка, возразила Лиза: — оно уже прошло, все прошло!

— Прошло! какое прошло! Вотъ у тебя носикъ даже завострился, а ты говоришь: прошло. Хорошо: прошло!

— Да, прошло, тетушка, если вы только захотите мнѣ помочь, произнесла съ внезапнымъ одушевленіемъ Лиза и бросилась на шею Марѳѣ Тимоѳеевнѣ. — Милая тетушка, будьте мнѣ другомъ, помогите мнѣ; тесь, поймите меня....

Digitized by Google

— Да что́ такое, что̀ такое, мать моя? Не пугай меня, пожалуйста; я сейчасъ закричу, не гляди такъ на меня; говори скорѣе, что такое?

— Я.... я хочу.... Лиза спрятала свое лицо на груди Маѳы Тимоѳеевны....—Я хочу идти въ монастырь, проговорила она глухо.

Старушка такъ и подпрыгнула на кровати.

— Перекрестись, мать моя, Лизочка, опомнись: что́ ты это, Богъ съ тобою, пролепетала она наконецъ: — лягъ, голубушка, усни немножко; это все у тебя отъ безсонницы, душа моя.

Лиза подняла голову, щеки ея пылали.

— Нѣтъ, тетушка, промолвила она:—не говорите такъ; я рѣшилась, я молилась, я просила совѣта у Бога, все кончено, кончена моя жизнь съ вами. Такой урокъ не даромъ; да я ужъ не въ первый разъ объ этомъ думаю. Счастье ко мнѣ не шло; даже когда у меня были надежды на счастье, сердце у меня все щемило. Я все знаю, и свои грѣхи, и чужіе, и какъ папенька богатство нажилъ; я знаю все. Все это отмолить, отмолить надо. Васъ мнѣ жаль, жаль мамаши, Леночки; но дѣлать нечего; чувствую я, что мнѣ не житье здѣсь; я уже со всѣмъ простилась, всему въ домѣ поклонилась въ послѣдній разъ; отзываетъ меня что-то: тошно мнѣ, хочется мнѣ запереться на вѣкъ Не удерживайте меня, не отговаривайте, помогите мнѣ, не то я одна уйду....

Маѳа Тимоѳеевна съ ужасомъ слушала свою племянницу.

«Она больна, бредитъ, думала она: — надо послать за докторомъ, да за какимъ? Гедеоновскій намедни хвалилъ какого-то; онъ все вретъ—а, можетъ быть, на этотъ разъ и правду сказалъ». Но когда она убѣдилась, что Лиза не больна и не бредитъ, когда на всѣ ея возраженья Ли-

Digitized by Google

за постоянно отвѣчала однимъ и тѣмъ же, Марѳа Тимоѳеевна испугалась и опечалилась не на шутку.—Да вѣдь ты не знаешь, голубушка ты моя, начала она ее уговаривать: — какова жизнь-то въ монастыряхъ! Вѣдь тебя, мою родную, маслищемъ коноплянымъ зеленымъ кормить станутъ, бѣльище на тебя надѣнутъ толстое-претолстое, по холоду ходить заставятъ; вѣдь ты всего этого не перенесешь, Лизочка. Это все въ тебѣ Агашины слѣды; это она тебя съ толку сбила. Да вѣдь она начала съ того, что пожила, и въ свое удовольствіе пожила; поживи и ты. Дай мнѣ по крайней мѣрѣ умереть спокойно, а тамъ дѣлай, что хочешь. И кто-жъ это видывалъ, чтобъ изъ-за этакой изъ-за козьей бороды, прости Господи, изъ-за мужчины въ монастырь идти? Ну, коли тебѣ такъ тошно, съѣзди, помолись угоднику, молебенъ отслужи, да не надѣвай ты чернаго шлыка на свою голову, батюшка ты мой, матушка ты моя....

И Марѳа Тимоѳеевна горько заплакала.

Лиза утѣшала ее, отирала ея слезы, сама плакала, но осталась непреклонной. Съ отчаянья Марѳа Тимоѳеевна попыталась пустить въ ходъ угрозу: все сказать матери.... но и это не помогло. Только вслѣдствіе усиленныхъ просьбъ старушки, Лиза согласилась отложить исполненіе своего намѣренія на полгода; за то Марѳа Тимоѳеевна должна была дать ей слово, что сама поможетъ ей и выхлопочетъ согласіе Марьи Дмитріевны, если черезъ [illegible] сяцевъ она не измѣнитъ своего рѣшенія.

---

Съ наступившими первыми холодами [illegible] ловна, несмотря на свое обѣщаніе за[illegible] запасшись денежками, переселилась в[illegible] наняла скромную, но миленькую ква[illegible]ую

Digitized by Google

для нея Паншинымъ, который еще раньше ея покинулъ О....скую губернію. Въ послѣднее время своего пребыванія въ О..., онъ совершенно лишился расположенія Марьи Дмитріевны; онъ вдругъ пересталъ ее посѣщать и почти не выѣзжалъ изъ Лавриковъ. Варвара Павловна его поработила, именно поработила: другимъ словомъ нельзя выразить ея неограниченную, безвозвратную, безотвѣтную власть надъ нимъ.

Лаврецкій прожилъ зиму въ Москвѣ, а весною слѣдующаго года дошла до него вѣсть, что Лиза постриглась въ Б.....мъ монастырѣ, въ одномъ изъ отдаленнѣйшихъ краевъ Россіи.

## ЭПИЛОГЪ.

Прошло восемь лѣтъ. Опять настала весна.... Но скажемъ прежде нѣсколько словъ о судьбѣ Михалевича, Паншина, г-жи Лаврецкой,—и разстанемся съ ними. Михалевичъ, послѣ долгихъ странствованій, попалъ, наконецъ, на настоящее свое дѣло: онъ получилъ мѣсто старшаго надзирателя въ казенномъ заведеніи. Онъ очень доволенъ своей судьбой, и воспитанники его «обожаютъ», хотя и передразниваютъ. Паншинъ сильно подвинулся въ чинахъ и мѣтитъ уже въ директоры; ходитъ нѣсколько согнувшись: должно быть, Владимірскій крестъ, пожалованный ему на шею, оттягиваетъ его впередъ. Чиновникъ въ немъ взялъ рѣшительный перевѣсъ надъ художникомъ; его все еще моложавое лицо пожелтѣло, волосы порѣдѣли, и онъ уже не поетъ, не рисуетъ, но втайнѣ занимается литературой: написалъ комедійку, въ родѣ «пословицъ», — и такъ какъ теперь всѣ пишущіе непремѣнно «выводятъ» кого-нибудь или что-нибудь, то и онъ вывелъ въ ней кокетку и читаетъ ее исподтишка двумъ-тремъ благоволящимъ къ нему дамамъ. Въ бракъ онъ однако не вступилъ,

Digitized by Google

хотя много представлялось къ тому прекрасныхъ случаевъ: въ этомъ виновата Варвара Павловна. Что касается до нея, то она по-прежнему постоянно живетъ въ Парижѣ: Ѳедоръ Иванычъ далъ ей на себя вексель и откупился отъ нея, отъ возможности вторичнаго неожиданнаго наѣзда. Она постарѣла и потолстѣла, но все еще мила и изящна. У каждаго человѣка есть свой идеалъ; Варвара Павловна нашла свой — въ драматическихъ произведеніяхъ г-на Дюма́-сына. Она прилежно посѣщаетъ театръ, гдѣ выводятся на сцену чахоточныя и чувствительныя камеліи; быть г-жею Дошъ кажется ей верхомъ человѣческаго благополучія: она однажды объявила, что не желаетъ для своей дочери лучшей участи. Должно надѣяться, что судьба избавитъ mademoiselle Ada отъ подобнаго благополучія: изъ румянаго пухлаго ребенка она превратилась въ слабогрудую, блѣдненькую дѣвочку; нервы ея уже разстроены. Число поклонниковъ Варвары Павловны уменьшилось, но они не перевелись; нѣкоторыхъ она, вѣроятно, сохранитъ до конца своей жизни. Самымъ рьянымъ изъ нихъ въ послѣднее время былъ нѣкто Закурдало-Скубырниковъ, изъ отставныхъ гвардейскихъ усоносовъ, человѣкъ лѣтъ тридцати-восьми, необыкновенной крѣпости сложенія. Французскіе посѣтители салона г-жи Лаврецкой называютъ его «le gros taureau de l'Ukraïne»; Варвара Павловна никогда не приглашаетъ его на свои модные вечера, но онъ пользуется ея благорасположеніемъ вполнѣ.

Итакъ.... прошло восемь лѣтъ. Опять повѣяло съ неба сіяющимъ счастьемъ весны; опять улыбнулась она землѣ и людямъ; опять подъ ея лаской все зацвѣло, полюбило и запѣло. Городъ О.... мало измѣнился въ теченіи этихъ восьми лѣтъ; но домъ Марьи Дмитріевны какъ-будто помолодѣлъ: его недавно-выкрашенныя стѣны бѣлѣли привѣтно, и стекла раскрытыхъ оконъ румянились и блес-

Digitized by Google

тѣли на заходившемъ солнцѣ; изъ этихъ оконъ неслись на улицу радостные, легкіе звуки звонкихъ молодыхъ голосовъ, безпрерывнаго смѣха; весь домъ, казалось, кипѣлъ жизнью и переливался весельемъ черезъ край. Сама хозяйка дома давно сошла въ могилу: Марья Дмитріевна скончалась года два спустя послѣ постриженія Лизы; и Марѳа Тимоѳеевна не долго пережила свою племянницу; рядомъ покоятся онѣ на городскомъ кладбищѣ. Не стало и Настасьи Карповны; вѣрная старушка въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ еженедѣльно ходила молиться надъ прахомъ своей пріятельницы.... Пришла пора, и ея косточки тоже улеглись въ сырой землѣ. Но домъ Марьи Дмитріевны не поступилъ въ чужія руки, не вышелъ изъ ея рода, гнѣздо не разорилось: Леночка, превратившаяся въ стройную красивую дѣвушку, и ея женихъ — бѣлокурый гусарскій офицеръ, сынъ Марьи Дмитріевны, только-что женившійся въ Петербургѣ и вмѣстѣ съ молодой женой пріѣхавшій на весну въ О...., сестра его жены, шестнадцатилѣтняя институтка съ алыми щеками и ясными глазками, Шурочка, тоже выросшая и похорошѣвшая—вотъ какая молодежь оглашала смѣхомъ и говоромъ стѣны Калитинскаго дома. Все въ немъ измѣнилось, все стало подъ-ладъ новымъ обитателямъ. Безбородые дворовые ребята, зубоскалы и балагуры, замѣнили прежнихъ степенныхъ стариковъ; тамъ, гдѣ нѣкогда важно расхаживала зажирѣвшая Роска, двѣ лягавыя собаки бѣшено возились и прыгали по диванамъ; на конюшнѣ завелись поджарые иноходцы, лихіе коренники, рьяныя пристяжныя съ плетеными гривами, донскіе верховые кони; часы завтрака, обѣда, ужина перепутались и смѣшались; пошли, по выраженію сосѣдей, «порядки небывалые».

Въ тотъ вечеръ, о которомъ зашла у насъ рѣчь, обитатели Калитинскаго дома (старшему изъ нихъ, жениху

Digitized by Google

Леночки, было всего двадцать-четыре года) занимались немногосложной, но, судя по ихъ дружному хохотанью, весьма для нихъ забавной игрой: они бѣгали по комнатамъ и ловили другъ друга; собаки тоже бѣгали и лаяли, и висѣвшія въ клѣткахъ передъ окнами канарейки наперерывъ драли горло, усиливая всеобщій гамъ звонкой трескотней своего яростнаго щебетанья. Въ самый разгаръ этой оглушительной потѣхи къ воротамъ подъѣхалъ загрязненный тарантасъ, и человѣкъ лѣтъ сорока-пяти, въ дорожномъ платьѣ, вылѣзъ изъ него и остановился въ изумленьи. Онъ постоялъ нѣкоторое время неподвижно, окинулъ домъ внимательнымъ взоромъ, вошелъ черезъ калитку на дворъ и медленно взобрался на крыльцо. Въ передней никто его не встрѣтилъ; но дверь залы быстро распахнулась;—изъ нея, вся раскраснѣвшаяся, выскочила Шурочка—и мгновенно вслѣдъ за ней, съ звонкимъ крикомъ выбѣжала вся молодая ватага. Она внезапно остановилась и затихла, при видѣ незнакомаго; но свѣтлые глаза, устремленные на него, глядѣли такъ-же ласково, свѣжія лица не перестали смѣяться.—Сынъ Марьи Дмитріевны подошелъ къ гостю и привѣтливо спросилъ его, что ему угодно?

— Я Лаврецкій, промолвилъ гость.

Дружный крикъ раздался ему въ отвѣтъ—и не потому, чтобъ вся эта молодежь очень обрадовалась пріѣзду отдаленнаго, почти забытаго родственника, а просто потому, что она готова была шумѣть и радоваться при всякомъ удобномъ случаѣ. Лаврецкаго тотчасъ окружили: Леночка, какъ старинная знакомая, первая назвала себя, увѣрила его, что еще бы немножко — и она непремѣнно его бы узнала, и представила все остальное общество, называя каждаго, даже жениха своего, уменьшительными именами. Вся толпа двинулась черезъ столовую въ гостиную. Обои

Digitized by Google

въ обѣихъ комнатахъ были другіе, но мебель уцѣлѣла; Лаврецкій узналъ фортепьяно; даже пяльцы у окна стояли тѣ же, въ томъ же положеніи—и чуть ли не съ тѣмъ же неконченнымъ шитьемъ, какъ восемь лѣтъ тому назадъ. Его усадили на покойное кресло; всѣ чинно усѣлись вокругъ него. Вопросы, восклицанія, разсказы посыпались наперерывъ.

— А давно мы васъ не видали, наивно замѣтила Леночка—и Варвару Павловну тоже не видали.

— Еще бы! поспѣшно подхватилъ ея братъ.—Я тебя въ Петербургъ увезъ, а Ѳедоръ Иванычъ все жилъ въ деревнѣ.

— Да, вѣдь съ тѣхъ поръ и мамаша скончалась.

— И Марѳа Тимоѳеевна, промолвила Шурочка.

— И Настасья Карповна, возразила Леночка:—и мосьё Леммъ....

— Какъ? и Леммъ умеръ? спросилъ Лаврецкій.

— Да, отвѣчалъ молодой Калитинъ:—онъ уѣхалъ отсюда въ Одессу; говорятъ, кто-то его туда сманилъ; тамъ онъ и скончался.

— Вы не знаете,—музыки послѣ него не осталось?

— Не знаю; едва-ли.

Всѣ замолкли и переглянулись. Облачко печали налетѣло на всѣ молодыя лица.

— А Матроска живъ,—заговорила вдругъ Леночка.

— И Гедеоновскій живъ,—прибавилъ ея братъ.

При имени Гедеоновскаго разомъ грянулъ дружный смѣхъ.

— Да, онъ живъ и лжетъ попрежнему, продолжалъ сынъ Марьи Дмитріевны:—и вообразите, вотъ эта егоза (онъ указалъ на институтку, сестру своей жены) вчера ему перцу въ табакерку насыпала.

Digitized by Google

— Какъ онъ чихалъ! воскликнула Леночка — и снова зазвенѣлъ неудержимый смѣхъ.

— Мы о Лизѣ недавно имѣли вѣсти, промолвилъ молодой Калитинъ—и опять кругомъ все притихло:—ей хорошо, здоровье ея теперь поправляется понемногу.

— Она все въ той же обители? спросилъ не безъ усилія Лаврецкій.

— Все въ той же.

— Она къ вамъ пишетъ?

— Нѣтъ, никогда; къ намъ черезъ людей вѣсти доходятъ. Сдѣлалось внезапное, глубокое молчанье; вотъ «тихій ангелъ пролетѣлъ», подумали всѣ.

— Не хотите ли вы въ садъ? обратился Калитинъ къ Лаврецкому: онъ очень хорошъ теперь, хотя мы его и запустили немножко.

Лаврецкій вышелъ въ садъ, и первое, что́ бросилось ему въ глаза—была та самая скамейка, на которой онъ нѣкогда провелъ съ Лизой нѣсколько счастливыхъ, не повторившихся мгновеній; она почернѣла, искривилась; но онъ узналъ ее, и душу его охватило то чувство, которому нѣтъ равнаго и въ сладости, и въ горести,—чувство живой грусти объ исчезнувшей молодости, о счастьѣ, которымъ когда-то обладалъ. Вмѣстѣ съ молодежью прошелся онъ по аллеямъ: липы не много постарѣли и выросли въ послѣднія восемь лѣтъ, но тѣнь ихъ стала гуще; за то всѣ кусты поднялись, малинникъ вошелъ въ силу, орѣшникъ совсѣмъ заглохъ, и отовсюду пахло свѣжимъ дромомъ, лѣсомъ, травою, сиренью.

— Вотъ гдѣ хорошо бы играть въ четыре угла—вскрикнула вдругъ Леночка, войдя на небольшую зеленую поляну, окруженную липами:—насъ, кстати, пятеро.

— А Ѳедора Ивановича ты забыла? замѣтилъ ея братъ.... Или ты себя не считаешь?

Digitized by Google

Леночка слегка покраснѣла.

— Да развѣ Ѳедоръ Ивановичъ, въ его лѣта, можетъ.... начала она.

— Пожалуйста, играйте, поспѣшно подхватилъ Лаврецкій: — не обращайте вниманія на меня. Мнѣ самому будетъ пріятнѣе, когда я буду знать, что я васъ не стѣсняю. А занимать вамъ меня нечего; у нашего брата, старика, есть занятіе, котораго вы еще не вѣдаете и котораго никакое развлеченіе замѣнить не можетъ: воспоминанія.

Молодые люди выслушали Лаврецкаго съ привѣтливой и чуть-чуть насмѣшливой почтительностью, — точно имъ учитель урокъ прочелъ, — и вдругъ посыпали отъ него всѣ прочь, вбѣжали на поляну; четверо стало около деревьевъ, одинъ на серединѣ—и началась потѣха.

А Лаврецкій вернулся въ домъ, вошелъ въ столовую, приблизился къ фортепьяно и коснулся одной изъ клавишъ: раздался слабый, но чистый звукъ, и тайно задрожалъ у него въ сердцѣ: этой нотой начиналась та вдохновенная мелодія, которой, давно тому назадъ, въ ту же самую счастливую ночь, Леммъ, покойный Леммъ, привелъ его въ такой восторгъ. Потомъ Лаврецкій перешелъ въ гостиную и долго не выходилъ изъ нея: въ этой комнатѣ, гдѣ онъ такъ часто видалъ Лизу, живѣе возникалъ передъ нимъ ея образъ; ему казалось, что онъ чувствовалъ вокругъ себя слѣды ея присутствія; но грусть о ней была томительна и не легка: въ ней не было тишины, навѣваемой смертью. Лиза еще жила гдѣ-то, глухо, далеко; онъ думалъ о ней, какъ о живой, и не узнавалъ дѣвушки, имъ нѣкогда любимой, въ томъ смутномъ, блѣдномъ призракѣ, облаченномъ въ монашескую одежду, окруженномъ дымными волнами ладона. Лаврецкій самъ бы себя не узналъ, если-бъ могъ такъ взглянуть

Digitized by Google

на себя, какъ онъ мысленно взглянулъ на Лизу. Въ теченіе этихъ восьми лѣтъ совершился наконецъ переломъ въ его жизни, тотъ переломъ, котораго многіе не испытываютъ, но безъ котораго нельзя остаться порядочнымъ человѣкомъ до конца; онъ дѣйствительно пересталъ думать о собственномъ счастьѣ, о своекорыстныхъ цѣляхъ. Онъ утихъ, и—къ чему таить правду? — постарѣлъ не однимъ лицомъ и тѣломъ, постарѣлъ душою; сохранить до старости сердце молодымъ, какъ говорятъ иные, и трудно и почти смѣшно; тотъ уже можетъ быть доволенъ, кто не утратилъ вѣры въ добро, постоянства воли, охоты къ дѣятельности. Лаврецкій имѣлъ право быть довольнымъ: онъ сдѣлался дѣйствительно хорошимъ хозяиномъ, дѣйствительно выучился пахать землю и трудился не для одного себя; онъ, на сколько могъ, обезпечилъ и упрочилъ бытъ своихъ крестьянъ.

Лаврецкій вышелъ изъ дома въ садъ, сѣлъ на знакомой ему скамейкѣ — и на этомъ дорогомъ мѣстѣ, передъ лицомъ того дома, гдѣ онъ въ послѣдній разъ напрасно простиралъ свои руки къ завѣтному кубку, въ которомъ кипитъ и играетъ золотое вино наслажденья,— онъ, одинокій, бездомный странникъ, подъ долетавшіе до него веселые клики уже замѣнившаго его молодого поколѣнія, — оглянулся на свою жизнь. Грустно стало ему на сердцѣ, но не тяжело и не прискорбно: сожалѣть ему было о чемъ, стыдиться — нечего. «Играйте, веселитесь, ростите, молодыя силы», думалъ онъ, и не было горечи въ его думахъ: — «жизнь у васъ впереди, и вамъ легче будетъ жить: вамъ не придется, какъ намъ, отыскивать свою дорогу, бороться, падать и вставать среди мрака; мы хлопотали о томъ, какъ бы уцѣлѣть — и сколько изъ насъ не уцѣлѣло! — а вамъ надобно дѣло дѣлать, работать, — и благословеніе нашего брата ста-

Digitized by Google

рика будетъ съ вами. А мнѣ, послѣ сегодняшняго дня, послѣ этихъ ощущеній, остается отдать вамъ послѣдній поклонъ — и хотя съ печалью, но безъ зависти, безъ всякихъ темныхъ чувствъ сказать, въ виду конца, въ виду ожидающаго Бога: «Здравствуй, одинокая старость! Догорай, безполезная жизнь!»

Лаврецкій тихо всталъ и тихо удалился; его никто не замѣтилъ, никто не удерживалъ; веселые клики сильнѣе прежняго раздавались въ саду за зеленой сплошной стѣной высокихъ липъ. Онъ сѣлъ въ тарантасъ и велѣлъ кучеру ѣхать домой и не гнать лошадей.

---

«И конецъ?» спроситъ, можетъ быть, неудовлетворенный читатель. «А что же сталось потомъ съ Лаврецкимъ? Съ Лизой?» Но что сказать о людяхъ еще живыхъ, но уже сошедшихъ съ земного поприща, зачѣмъ возвращаться къ нимъ? Говорятъ, Лаврецкій посѣтилъ тотъ отдаленный монастырь, куда скрылась Лиза — увидѣлъ ее. Перебираясь съ клироса на клиросъ, она прошла близко мимо него, прошла ровной, торопливо-смиренной походкой монахини — и не взглянула на него; только рѣсницы обращеннаго къ нему глаза чуть-чуть дрогнули, только еще ниже наклонила она свое исхудалое лицо — и пальцы сжатыхъ рукъ, перевитые чотками, еще крѣпче прижались другъ къ другу. Что подумали, что почувствовали оба? Кто узнаетъ? Кто скажетъ? Есть такія мгновенія въ жизни, такія чувства.... На нихъ можно только указать — и пройти мимо.

1858 г.

КОНЕЦЪ

ТРЕТЬЯГО ТОМА.

Digitized by Google

Типографія Глазунова, Спб. Казанская, 8.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

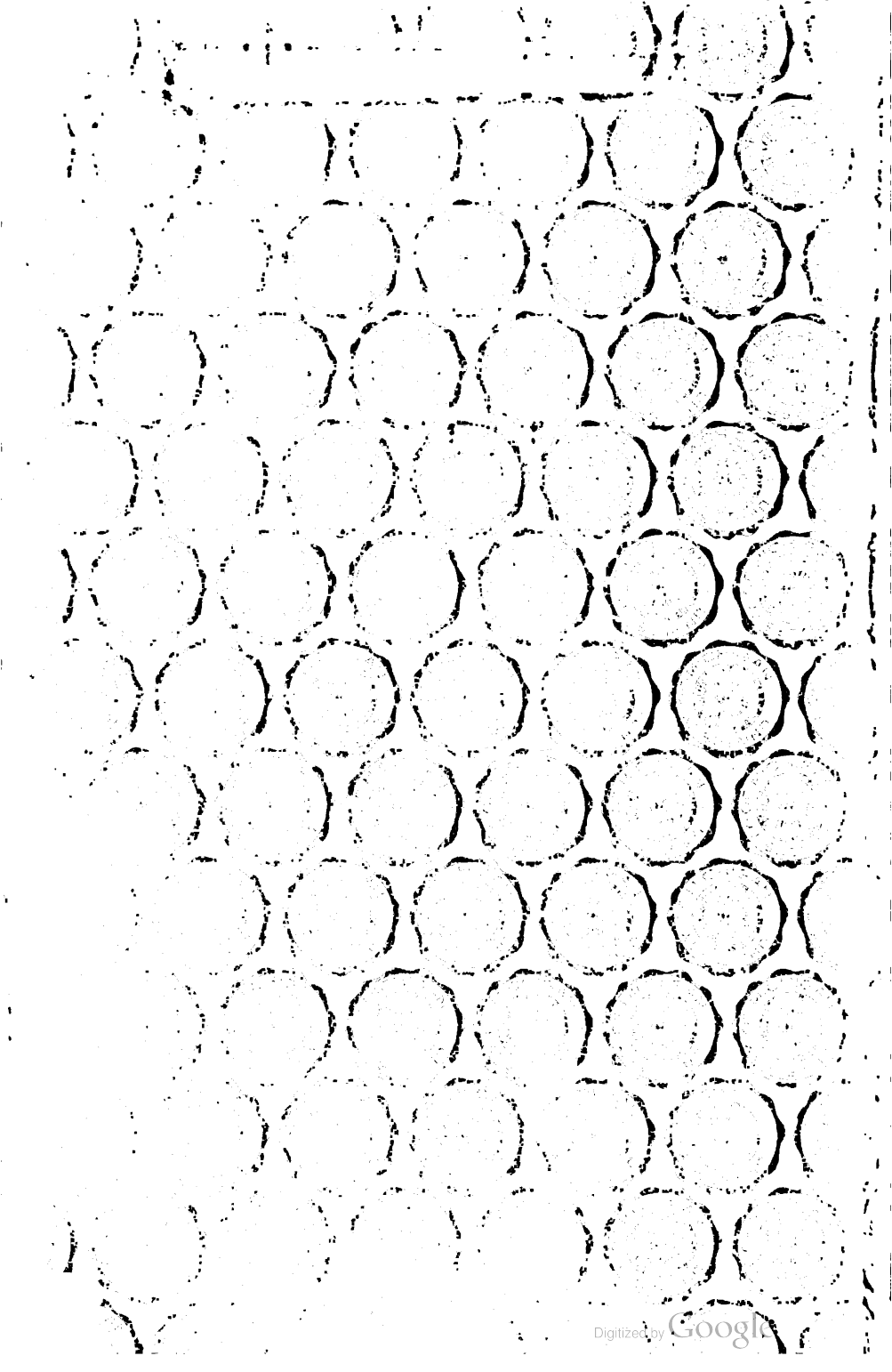
Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google


Digitized by Google

3 9015 06308 2641

NOV 20 1939

UNIV
LIBRARY

Digitized by Google